

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

**ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
IR SCIENTISTS' HERALD**

№1, 2023 (23)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
научно-аналитического журнала
«ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ»
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

Карпович Олег Геннадьевич, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, проректор по научной работе, директор Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

ЧЛЕНЫ СОВЕТА

Бажанов Евгений Петрович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Бразил Дейлтон Рибейро, доктор философии в области права (Университет UNIME, Италия), кандидат юридических наук (Университет Гама Филью (UGF), Рио-де-Жанейро, Бразилия), доктор юридических наук (Университет Итауна (UIT); юридический факультет Святого Августина (FASASETE-AFYA), Бразилия)

Винокуров Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России

Грибанич Владимир Михайлович, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Гришаева Лидия Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университет им. М.В. Ломоносова

Данельян Андрей Андреевич, доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии МИД России

Егоров Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

Закаурцева Татьяна Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра евразийских исследований Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Зверева Татьяна Вадимовна, доктор политических наук, заведующая Центром евроатлантических исследований и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Иванов Олег Петрович, доктор политических наук, профессор Дипломатической академии МИД России

Каширина Татьяна Владиславовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета (Московский ИнЯз им. Мориса Тореза).

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор Казанского федерального университета

Манойло Андрей Викторович, доктор политических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ногмова Аделина Шафиковна, кандидат политических наук, доцент, декан факультета подготовки кадров высшей квалификации

Неймарк Марк Афроимович, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России

Суглобов Александр Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ

Толмачев Петр Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Трунцевский Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Феофанов Константин Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России

Ширинянец Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Штоль Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, главный редактор научно-аналитического журнала «Обозреватель-Observer», член научного совета при Совете безопасности Российской Федерации

Шулепов Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, член научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

Шутов Анатолий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, советник ректора Дипломатической академии МИД России

EDITORIAL COUNCIL
Scientific and Analytical Journal
“IR SCIENTISTS’ HERALD”

CHAIRMAN OF THE BOARD

Oleg Karpovich, Doctor of Sciences (Law, Political Science), Professor, Vice-Rector for Research of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Director of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

MEMBERS OF THE BOARD

Alexander Shirinyants, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the Department of the History of Social and Political Studies at the Faculty of Political Science at the Lomonosov Moscow State University

Alexander Suglobov, Honored Economist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Economics), Professor

Anatoly Shutov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Advisor to the Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Andrey Danelyan, Doctor of Sciences (Law), Professor, Vice-Rector for Education, Head of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Andrey Manoylo, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of Lomonosov Moscow State University.

Adelina Nogmova, Ph.D. (Political Science), Associate Professor, Dean of the Faculty of Highly Qualified Personnel Training Candidate of Political Sciences

Deilton Ribeiro Brasil, Post Ph.D. in Law from UNIME, Italy. Ph.D. in Law by University Gama Filho (UGF), Rio de Janeiro. Law Scholar in Masters and Doctorate degrees in Fundamental Rights at University of Itaúna (UIT) and at the Faculties of Law Saint Augustine (FASASETE-AFYA), Brazil, South America

Evgeniy Bazhanov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation

Konstantin Feofanov, Doctor of Sciences (Political Science), Vice Chair of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Lidiya Grishaeva Doctor of Sciences (History), Professor of the Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow

Mark Neimark, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Nikolay Shulepov, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor, Member of the Scientific Advisory Council at the Supreme Court of the Russian Federation

Oleg Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor

Petr Tolmachev, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor of the Department of World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sergey Egorov, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Kashirina, Doctor of Sciences (History), Professor

Tatyana Zakaurtseva, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher of the Center of Eurasian Studies of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Zvereva, Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Center for Euro-Atlantic Studies and International Security of the Institute For Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Valeriy Letyaev, Doctor of Sciences (Law), Ph.D. (History), Professor of the Kazan Federal University

Vladimir Gribanich, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of the World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vladimir Shtol, Doctor of Sciences (Political Science), Editor-in-Chief of the Scientific and Analytical Journal «Observer», Member of the Scientific Council at the Security Council of the Russian Federation

Vladimir Vinokurov, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Yuri Truntsevsky, Doctor of Sciences (Law), Professor, Leading Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

ВЕСТНИК УЧЕНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

Научный периодический электронный журнал «Вестник учёных-международников» издается Советом молодых ученых Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации с 2017 г. Публикуется ежеквартально. Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, мировой экономики и международного права, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

«Вестник ученых-международников» включен в РИНЦ и перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК):

5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки),

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Изданию присвоен номер ISSN: 2687-0193

Периодичность: выходит 4 раза в год и распространяется в Российской Федерации.

Научный руководитель

О.Г. Карпович, д. полит.н., д. юр.н.

Редакционная коллегия журнала

Р.Н. Шангараев – главный редактор, к.эк.н.

О.А. Тимакова – заместитель главного редактора, к.полит.н.

И.О. Анисимов – редактор, к.юр.н., ученый секретарь

В.Б. Козюлин – научный редактор, к.полит.н.

Л.Н. Сидорова – научный редактор, к.полит.н.

Н.С. Белякова – редактор, к.полит.н.

А.А. Кашина – редактор, к.полит.н.

Д.О. Мартынова – редактор, к.полит.н.

Е.Е. Гуляева – редактор, к.юр.н, редактор журнала *Скопус* (Бразилия)

Н.А. Фаустова – редактор, к.филол.н.

А.С. Исхаков – младший редактор.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ЭЛ № ФС 77 – 77083 от 20.11.2019 (прежущее название: «Вестник молодых учёных-международников», ЭЛ № ФС 77-69319 от 06.04.2017 г.).

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Редакция журнала не несёт ответственности за высказанные авторами публикаций точки зрения на происходящие в России и в мире политические процессы, события, явления.

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

IR SCIENTISTS' HERALD

The scientific periodical electronic journal IR SCIENTISTS' HERALD is published quarterly. The magazine is designed for professional researchers, analysts, practitioners in the field of international relations, world economy, international law, and a wide range of readers interested in Russian and foreign policy.

IR SCIENTISTS' HERALD is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main results of dissertations for the degree of Ph.D., for the degree of Doctor of Science should be published:

5.1.5. International legal sciences

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relationships, global and regional studies

ISSN: 2687-0193

Periodicity: published 4 times a year (quarterly) and distributed in the Russian Federation.

Scientific adviser

Professor O.G. Karpovich, Doctor of Sciences (Political Science), Doctor of Sciences (Law)

Editorial Board of the Journal

R.N. Shangaraev – Editor in Chief, Ph.D. (Economics)

O.A. Timakova – Deputy Editor in Chief, Ph.D. (Political Science)

I.O. Anisimov – Editor, Ph.D. (Law), Executive Secretary

V.B. Kozulin – Scientific Editor, Ph.D. (Political Science)

L.N. Sidorova – Scientific Editor, Ph.D. (Political Science)

N.S. Belyakova – Editor, Ph.D. (Political Science)

A.A. Kashina – Editor, Ph.D. (Political Science)

D.O. Martynova – Editor, Ph.D. (Political Science)

E.E. Gulyaeva – Editor, Ph.D. (Law), Scopus (Brasil)

N.A. Faustova – Editor, Ph.D. (Philological Science)

A.S. Iskhakov – junior editor.

The publication is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor), registration number of **ELN[№]FS 77 – 77083, November 20, 2019** (Old name: IR Young Scientists' Herald EL No. FS 77-69319, April 6, 2017).

Copyrights to the published materials belong to the editorial staff of the magazine and the authors of the articles. The editorial position does not necessarily coincide with the opinion of the authors. Reprinting of materials without permission of the editorial board is prohibited. Reference while using materials is obligatory. The editorial board of the journal is not responsible for the opinions expressed by the authors of the publications on the political processes, events and phenomena occurring in Russia and in the world.

E-mail address: vestnik-smu-da@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Яковенко А.В., Зимненко Б.Л., Комендантов С.В., Ярышев С.Н., Хайдарова Н.Д.* О соотношении механизмов разрешения споров в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) и региональных торговых соглашений **13**
- Яковенко А.В., Ярышев С.Н.* Международно-правовые проблемы реализации стратегии США в Азиатско-Тихоокеанском регионе **32**
- Галушко Д.В., Яковенко А.В., Ярышев С.Н.* О роли «мягкого права» в международно-правовом регулировании сферы здравоохранения **40**
- Акчурин Т.Ф.* Свобода совести как маркер демократии в современном обществе (в контексте правоприменения и правореализации) **53**
- Календарь О.К.* Международно-правовые аспекты делимитации морских пространств между Индонезией и Малайзией **65**

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Крылов Н.М.* Современное концептуальное построение системы публичной дипломатии России как фактор обеспечения информационной безопасности **74**
- Хайдаров А.А.* Штрихи к причинам и последствиям падения правительства А. Гани в Афганистане **84**
- Синчук Ю.В., Синчук И.Ю.* Политика Германии и Франции в Европейском союзе **105**
- Козюлин В.Б.* Влияние цифровых технологий на современное общество и международные отношения **120**
- Тимакова О.А.* Евроинтеграция Западных Балкан: проблемы адаптации и перспективы **137**
- Сидорова Л.Н.* Выходцы из стран Центральной Азии в Северной Европе: вопросы адаптации и интеграции **153**
- Бочков Д.А.* Роль китайско-индийских отношений в форматировании регионального порядка в Индо-Тихоокеанском регионе **173**
- Карнаухова Е.А.* Двуликий Янус: о двойных стандартах в американской политике в области ядерного нераспространения **189**
- Касымбекова У.Ж.* Афганский фактор в Центрально-Азиатском регионе **209**
- Ивочкина А.С.* Угрозы безопасности в Центральной Азии, исходящие от Афганистана **219**
- Зиннуров И.Х., Фаустова Н.А.* Российско-азербайджанское взаимодействие: итоги и перспективы **231**

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Золотухин В.В.** Экономические связи североевропейских стран – членов ЕАСТ с Россией на фоне COVID-19: результаты посткризисного восстановления **248**

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

- Исмагилова Р.Н.** Национальный вопрос и национальная политика в Эфиопии: история и современность **260**
- Агуреев С.А., Болтаевский А.А., Шангараев Р.Н.** К истории развития мультирасовой общины Суринама: традиции и новации, становление политической модели **292**
- Ногмова А.Ш., Воробьев С.С.** Влияние национальных интересов на состояние сотрудничества России и Армении: исторический и современный аспекты **302**

ЛАБОРАТОРИЯ АНАЛИТИКИ ИАМП ДА МИД РОССИИ

- Андрюхин В.Ю.** Единая цифровая валюта: возможности и риски **318**
- Бугаев Ф.Н.** Цифровая валюта Центробанка как инструмент обеспечения финансового суверенитета **328**
- Гребенкина Е.В.** Единая цифровая валюта: возможности и риски **338**
- Куликовский А.В.** Перспективы цифровой валюты ЕАЭС **345**
- Малик О.В.** Разработка цифровых валют как вызов национальным экономикам **351**

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

- Козлова Д.А.** Проблема войны и мира в творчестве Э. Юнгера **362**
- Герасимова Ю.И.** БРИКС в контексте информационного сотрудничества **379**

РЕЦЕНЗИИ

- Феофанов К.А.** Рецензия на монографию доктора юридических наук, профессора П.П. Серкова «Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики)» **385**
- Орловский Г.П.** Вклад князя А.И. Чернышева в победу над Наполеоном **388**

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ **393**

CONTENT

INTERNATIONAL LAW

<i>Alexander V. Yakovenko, Bogdan L. Zimnenko, Sergey V. Komendantov, Sergey N. Yaryshev, Nurgul D. Khaidarova</i> On the relationship between dispute settlement mechanisms within the framework of the World Trade Organization (WTO) and regional trade agreements	13
<i>Alexander V. Yakovenko, Sergey N. Yaryshev</i> International Legal Problems of the Implementation of the US Strategy in the Asian-Pacific Region	32
<i>Dmitry V. Galushko, Alexander V. Yakovenko, Sergey N. Yaryshev</i> On the Role of "Soft Law" In The International Legal Regulation of the Sphere of Health Care	40
<i>Timur F. Akchurin</i> Freedom of Conscience as an indicator of democracy in modern society (in the context of law enforcement)	53
<i>Olga K. Kalendar</i> International Law Aspects of Indonesia – Malaysia Maritime Boundaries Delimitation	65

INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Nikita M. Krylov</i> Modern conceptual construction of the Russian public diplomacy system as a factor of ensuring information security	74
<i>Abdusamat A. Khaydarov</i> Strokes to the Causes and Consequences of the Fall of the Government of A. Ghani in Afghanistan	84
<i>Yuri V. Sinchuk, Igor Y. Sinchuk</i> Policy of Germany and France within the European Union	105
<i>Vadim B. Kozyulin</i> Impact of Digital Technologies on Modern Society and International Relations	120
<i>Olga A. Timakova</i> Western Balkans Eurointegration: Adaptation Problems and Prospects	137
<i>Lidiia N. Sidorova</i> Immigrants from Central Asian countries in Northern Europe: the Issue of Adaptation and Integration	153
<i>Danil A. Bochkov</i> The role of Sino-Indian relations in the formatting of the regional order in the Indo-Pacific region	173
<i>Elena A. Karnaukhova</i> Two - faced Janus: about Double Standards in American Nuclear Nonproliferation Policy	289
<i>Ulara Z. Kasymbekova</i> The Afghanistan Factor in the Central Asian Region	209
<i>Anna S. Ivochkina</i> Security Threats in Central Asia, outcoming from Afghanistan	219

Irek Kh. Zinnurov, Nina A. Faustova Russian-Azerbaijani cooperation: results and prospects 231

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Vasily V. Zolotukhin Economic Relations of Nordic EFTA Member States with Russia amid COVID-19: results of post-crisis recovery 248

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

AND FOREIGN POLICY

Roza N. Ismagilova National Question and National Policy in Ethiopia: History and Modernity 260

Stanislav A. Agureev, Andrey A. Boltaevskiy, Ruslan N. Shangaraev On the History of the Development of the Multi-racial Community of Suriname: Traditions and Innovations, the Formation of a Political Model 292

Adelina Sh. Nogmova, Sergey S. Vorobyov Influence of national interests on the state of cooperation between Russia and Armenia: historical and modern aspects 302

ICIS ANALYTICS LABORATORY

OF DIPLOMATIC ACADEMY OF MFA OF RUSSIA

Vladislav Y. Andriukhin Single Digital Currency: risks and opportunities 318

Fedor N. Bugaev The Central Bank's Digital Currency as a Tool to Ensure Financial Sovereignty 328

Elena Grebenkina Launching Digital Currencies: National Experience 338

Alexey V. Kulikovskiy Prospects of the EAEU Digital Currency 345

Olga V. Malik Development of Digital Currencies as a Challenge to National Economies 351

YOUNG SCIENTISTS' TRIBUNE

Darya A. Kozlova The problem of war and peace in the works of E. Junger 362

Yulia I. Gerasimova BRICS in the Context of the Information Cooperation 379

REVIEWS

Konstantin A. Feofanov Review of the monograph of Doctor of Law, Professor P. P. Serkov "Legal relationship (Theory and practice of modern legal policy)" 385

Grigoriy P. Orlovskiy The contribution of Prince Alexander I. Chernyshev to the victory over Napoleon 388

NOTICE TO THE AUTHORS 393

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Яковенко Александр Владимирович,
д.ю.н., профессор, профессор кафедры международного права,
Ректор Дипломатической академии МИД России,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Зимненко Богдан Леонидович,
д.ю.н., профессор, заместитель начальника Управления систематизации
законодательства и анализа судебной практики, начальник отдела
международного права Верховного Суда Российской Федерации,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Комендантов Сергей Васильевич,
к.ю.н., доцент, заместитель заведующего кафедрой международного
права Дипломатической академии МИД России, член Российской
ассоциации международного права, государственный советник Российской
Федерации III класса,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Ярышев Сергей Николаевич,
д.ю.н., доцент, профессор кафедры международного права Дипломатической
академии МИД России,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Хайдарова Нургуль Дулатовна,
руководитель Центра исследования конкурентной среды Института
экономических исследований
(Республика Казахстан), магистр международного права Дипломатической
академии МИД России,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Alexander V. Yakovenko,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of International Law,
Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Bogdan L. Zimnenko,
Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Department of Systematization of
Legislation and Analysis of Judicial Practice - Head of the Department of
International Law of the Supreme Court of the Russian Federation,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Sergey V. Komendantov,
Ph.D in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of International
Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Member of the Russian Association of International Law, State Adviser
Of the Russian Federation of the III class,
kafedra.mp@dipacademy.ru
Sergey N. Yaryshev,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, kafedra.mp@dipacademy.ru

Nurgul D. Khaidarova,

Head of the Center for the Study of the Competitive Environment of the Institute of Economic Research (Republic of Kazakhstan), Master of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, kafedra.mp@dipacademy.ru

О СООТНОШЕНИИ МЕХАНИЗМОВ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В РАМКАХ ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ (ВТО) И РЕГИОНАЛЬНЫХ ТОРГОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN DISPUTE SETTLEMENT MECHANISMS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE WORLD TRADE ORGANIZATION (WTO) AND REGIONAL TRADE AGREEMENTS

Аннотация: участники региональных торговых соглашений довольно часто прибегают к помощи Органа по разрешению споров ВТО для разрешения спорных ситуаций между собой, также и после рассмотрения дела на региональной площадке, предусмотренной заключенным между ними преференциальным соглашением. Право ВТО не рассматривает региональные торговые соглашения как автономную систему международного торгового права и руководствуется своими нормами и правилами, которые определяют меры, принятые в рамках региональных торговых соглашений, в качестве мер отдельных своих членов, подлежащих анализу с точки зрения их соответствия нормам ВТО, в том числе и статье XXIV ГАТТ (или статье V ГАТС). В понимании статей XXIV ГАТТ и V ГАТС региональные торговые соглашения являются своего рода разрешенными ВТО мерами по отклонению от принципа режима наибольшего благоприятствования, которые может применить член ВТО при определенных в указанных статьях условиях.

Ключевые слова: право ВТО, региональные торговые соглашения, Орган по разрешению споров ВТО, преференциальный режим.

Abstract: participants in regional trade agreements quite often resort to the assistance of the WTO Dispute Settlement Body to resolve disputes among themselves, including after considering the case on the regional platform provided for by the preferential agreement concluded between them. WTO law does not consider regional trade agreements as an autonomous system of international trade law and is guided by its own rules and regulations that define measures taken within the framework of regional trade agreements as measures of individual members subject to analysis from the point of view of their compliance with WTO rules, including article XXIV of the GATT (or Article V of the GATS). In the understanding of Articles XXIV of the GATT and V of the GATS, regional trade agreements are a kind of measures authorized by the WTO to deviate from the principle of most-favored-nation treatment, which, under the conditions specified in these articles, a WTO member can apply.

Keywords: WTO law, regional trade agreements, WTO Dispute Settlement Body, preferential treatment.

Начиная исследование, важно проанализировать разрешенное нормами и правилами ГАТТ/ВТО исключение из режима наибольшего благоприятствования (РНБ), позволяющее создавать преференциальные торговые соглашения. Статья 1 «Режим наибольшего благоприятствования» ГАТТ устанавливает необходимость применять равные условия доступа для товаров каждого члена ВТО. Пункт 1 данной статьи гласит: «В отношении таможенных пошлин и сборов всякого рода <...> любое преимущество, благоприятствование, привилегия или иммунитет, предоставляемые любой договаривающейся стороной любому товару, происходящему из или предназначенному для любой другой страны, должны немедленно и безусловно предоставляться аналогичному товару, происходящему из или предназначенному для территорий всех других договаривающихся сторон» [1]. Другим положением, предусматривающим соблюдение принципа недискриминации, служит статья III ГАТТ, которая обязывает государства –

члены ВТО не дискриминировать на внутреннем рынке импортные товары в сравнении с аналогичными товарами, производимыми в своей стране.

Вместе с тем, в соответствии с пунктом 4 статьи XXIV ГАТТ, договаривающиеся стороны признают желательным расширение торговли путем установления более тесных связей между отдельными странами-участницами в рамках отдельных соглашений. Однако оговаривается, что такие соглашения ни в коем случае не должны создавать барьеры между договаривающимися сторонами ГАТТ и участницами соответствующих соглашений [1]. Пункт 5 статьи XXIV ГАТТ уточняет, что, создавая зону свободной торговли, участники соответствующей ЗСТ не могут повысить пошлины и другие меры регулирования торговли для третьих сторон, участниц ГАТТ (ВТО), а участники таможенного союза не могут установить пошлины и иные меры торгового регулирования «в целом более высокими или более ограничительными, чем общее значение пошлин или мер регулирования торговли, применявшихся в составляющих его территориях до образования такого союза». Изменение пошлины в разрез обязательствам по «связыванию» тарифа для отдельной договаривающейся страны – участницы РТС возможно через процедуру пересмотра тарифных обязательств, предусмотренную статьей XXVIII ГАТТ (п. 6 ст. XXIV ГАТТ) [1]. Согласно пункту 7 указанной статьи при создании интеграционного объединения необходимо обеспечить обязательство по транспарентности, уведомить о создании ЗСТ или таможенного союза других членов ВТО и быть готовыми предоставить разъяснения при поступлении соответствующих запросов. Статья также предусматривает критерии для соответствия учреждаемого формата интеграции зоне свободной торговли или таможенному союзу (пункт 8). В Генеральном соглашении по торговле услугами (ГАТС) также присутствуют положения об обеспечении режима наибольшего благоприятствования (за исключением обозначенных при подписании присоединения к ВТО изъятий), а также о возможности отступить от обязательства РНБ в отношении более «близких» экономических партнеров. Речь идет о статьях II и V ГАТС [2].

Обзором соглашений о зонах свободной торговли или таможенных союзах занимается Комитет ВТО по региональным торговым соглашениям, подотчетный Генеральному совету ВТО.

В свою очередь, соглашение о свободной торговле или учредительный акт таможенного союза, которые принято называть региональными торговыми соглашениями, предусматривают положение о соответствии создаваемого определенным соглашением интеграционного объединения статье XXIV ГАТТ. Если речь идет о формировании интеграции не только в сфере торговли товарами, но и в сфере торговли услугами и инвестиционном сотрудничестве, то подтверждается соответствие нового формирования статье V ГАТС. Таким образом, авторы соответствующих региональных соглашений пытаются закрепить связь создаваемого ими регулирования с правом ВТО, а через него – с международным торговым, экономическим и публичным правом. Закрепление положения о соответствии регионального регулирования некоему более универсальному правовому режиму предполагает в некотором смысле подчиненность первого последнему. Вместе с тем наличие иерархической связи между ВТО и региональными торговыми соглашениями далеко не однозначно, что делает нетривиальным решение спорных ситуаций, связанных с нарушением обязательств, принятых субъектом международного права в ВТО и в рамках регионального торгового соглашения.

Региональные торговые соглашения исходят из права ВТО в связи с объективно неоценимой ролью, которую внесла ВТО в формирование современного торгового права. В то же время каждое соглашение создает уникальный правовой режим между его участниками, состоящий не только из репликации, отсылок или инкорпорации норм или соглашений ВТО, но и так называемых норм «ВТО плюс», а также вполне самостоятельных положений, выходящих за рамки вопросов, урегулированных ВТО. Количество РТС продолжает расти: на 2021 год в мире действует 341 региональное торговое соглашение [3]. С увеличением количества самих соглашений растет и роль, которую РТС в целом играет в международной экономике и торговле. Многие

современные соглашения, как, например, Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для Транстихоокеанского партнерства, Соглашение между США, Канадой и Мексикой, заменившее НАФТА, регулируют вопросы, выходящие далеко за рамки права ВТО (в том числе соблюдение стандартов МОН, антикоррупционные обязательства, детализированные экологические положения). Обозначенное свидетельствует в пользу признания РТС как автономных систем международного торгового и экономического права. В самих РТС зачастую присутствуют положения о соотношении соглашения с иными международными договорами, в которых вопросу соотношения конкретного РТС и соглашений ВТО уделяется особое внимание. Вместе с тем соглашения ВТО являются не единственными договорами, которые подпадают под сферу ведения соответствующих норм. Обычно предусматриваются дополнение «и иные международные договоры, участниками которых являются члены РТС». Кроме того, авторы региональных торговых соглашений исходят из равноправности международных соглашений, в том числе соглашений ВТО, и разрабатываемых ими договоров, предлагая решать вопрос возможного противоречия между соглашениями (РТС и, например, ВТО) путем консультаций в соответствии с общими принципами международного права [4].

Помимо этого, современные региональные торговые соглашения предусматривают положения о выборе площадки для рассмотрения споров, предписывающих обязательство его участникам выбрать только одну площадку для рассмотрения спора, исключая вторую инстанцию для подачи иска по тому же вопросу. Так, в Соглашении США, Канады и Мексики от 30 ноября 2018 г. (вступило в силу 1 июля 2020 г.), преобразовавшем Северо-Американскую зону свободной торговли – НАФТА, – статья о выборе площадки звучит достаточно однозначно. Пункт 1 статьи 31.3 упомянутого Соглашения предусматривает право выбрать площадку для рассмотрения вопроса при возникновении спорной ситуации в рамках Соглашения и других

международных договоров, включая ВТО. Пункт 2 соответствующей статьи оговаривает исключение возможности использования иных площадок, кроме выбранной, как только направлен запрос на формирование третейской группы или трибунала в соответствии с условиями конкретного международного договора [5].

Вместе с тем формулировки положений, определяющих условия применения положений о выборе площадки для спора, разнятся, и не все из них предусматривают четкое обязательство судиться по вопросу лишь единожды. К примеру, в Соглашении о свободной торговле между ЕС и Республикой Сингапур от 19 октября 2018 г. (вступило в силу 21 ноября 2019 г.) обязательство о необходимости выбора одной площадки и исключения рассмотрения спора в рамках другой инстанции прописано далеко не однозначно.

В Соглашении между ЕС и Сингапуром статья 14.21 о выборе площадки для спора имеет наименование «Связь с обязательствами ВТО». Первый пункт статьи 14.21 оговаривает, что обращение к положениям о разрешении споров должно применяться без ущерба для любых действий в рамках ВТО, включая процедуру рассмотрения споров. В соответствии с пунктом 2 той же статьи сторона, инициировавшая рассмотрение спора по конкретной мере, в рамках ЗСТ или в рамках ВТО, не может инициировать процедуру разрешения спора по той же мере в рамках другой площадки до тех пор, пока первая процедура не завершена.

Кроме того, ни одна из сторон не должна инициировать рассмотрение спора в рамках обеих площадок (ЗСТ и ВТО), если только на рассмотрение арбитров не выносятся существенно разные обязательства и/или если выбранная изначально площадка не смогла вынести решение по иску по процедурным или юридическим основаниям, но не по причине отказа участников спора сотрудничать в рамках рассмотрения вопроса [6]. Такая конструкция подчеркивает невозможность в рамках ЗСТ ограничить право судиться в ОРС ВТО, в том числе и при наличии параллельного

разбирательства в рамках начатой арбитражной процедуры, предусмотренной двусторонним преференциальным соглашением. Второй пункт статьи делает попытку избежать повторного обращения в суд, причем как стороной-истцом, так и стороной-ответчиком по первому спору, исключительно полагаясь на добрую волю сторон, так как формулировка «если не оспариваются существенно иные обязательства» не вносит ясности. Вероятнее всего, положение о выборе площадки по спору, предусмотренное в Соглашении ЕС и Сингапура, исходит из реалий практического рассмотрения вопросов, затрагивающих конфликт юрисдикций в ОРС ВТО. Дело в том, что Договоренность о разрешении споров ВТО никак не раскрывает вопрос конфликта юрисдикций ЗСТ и ВТО. Более того, в соответствии со статьей 6 указанной Договоренности при соответствующем обращении члена ВТО третейская группа обязана быть создана, если только стороны на основе консенсуса не договорятся об ином, а статья 23 Договоренности трактуется экспертами как закрепление за ОРС ВТО исключительной юрисдикции в части вопросов соблюдения соглашений ВТО [7]. Следовательно, при строгом прочтении статьи 23 можно сделать вывод о сомнительности юрисдикции арбитража в рамках РТС как минимум в отношении вопросов соблюдения положений, инкорпорирующих или реплицирующих нормы ВТО.

В докладе Третейской группы по делу «Турция – Текстиль», в котором рассматривалась статья XXIV ГАТТ, фактически сделан вывод об отсутствии у таможенного союза или ЗСТ (в данном случае таможенного союза ЕС и Турции) правосубъектности с точки зрения права ВТО. В данном деле Турция просила отменить разбирательство в связи с тем, что Индия, выступавшая истцом, выдвинула обвинения исключительно в отношении Турции, а не Турции и ЕС. Турция настаивала на привлечении ЕС, исходя из того, что квоты на отдельные виды текстильных изделий, правомерность которых поставила под вопрос Индия, вводились в связи с гармонизацией регулирования между участниками таможенного союза ЕС и Турции, а сам таможенный союз ранее нотифицировался в ВТО в соответствии с обязательствами по пункту 7 статьи

XXIV ГАТТ, соответственно, был «признан» Организацией. Третейская группа отметила, что таможенный союз Турции и ЕС не является членом ВТО и не может выступать ответчиком в рамках процедуры по разрешению споров ВТО [8]. При этом любой член ВТО имеет право подать иск, если считает, что его выгоды от взаимных обязательств, принятых в Организации, ничтожны из-за любых действий другого члена. Такой другой член обязан выступить ответчиком и обосновать свои действия. В свою очередь, рассматривая вопрос о подсудности меры, связанной с формированием ЗСТ или таможенного союза, Третейская группа сослалась на пункт 12 Договоренности о толковании статьи XXIV ГАТТ, который гласит, что положения статей XXII и XXIII ГАТТ 1994, с учетом положений Договоренности о разрешении споров, могут быть использованы в отношении любых вопросов, возникающих в связи с применением положений статьи XXIV, касающихся таможенных союзов, зон свободной торговли или временных соглашений, ведущих к образованию таможенного союза или зоны свободной торговли [9]. С учетом изложенного было дано заключение, что ничто в праве ВТО, а именно в Договоренности о правилах и процедурах разрешения споров, статье XXIV ГАТТ и Договоренности о толковании статьи XXIV ГАТТ, не запрещает Органу по разрешению споров рассматривать соответствие праву ВТО любых мер, возникающих в связи с созданием ЗСТ или таможенного союза, равно как и не отменяет права любого члена ВТО оспаривать такую меру [8]. В данном конкретном случае Третейская группа установила, что мера по ограничению отдельных видов текстильной продукции имела национальный характер и вводилась турецким правительством самостоятельно. Вместе с тем Третейская группа заключила, что, даже если бы мера была введена общим решением органа таможенного союза Турции – ЕС, Турция в любом случае «могла бы быть обоснованно признанной ответственной за меры, принятые Таможенным союзом Турции – ЕС» [8]. Подкреплением данной позиции послужила приведенная в Докладе Третейской группы ссылка на комментарий Комиссии по международному праву, посвященный делу Международного суда ООН, о

том, что, в случае «если государства действуют через общий орган, каждое государство несет ответственность за неправомерный акт, принятый таким общим органом» [8]. При рассмотрении Третейской группой дела ЕС против Российской Федерации в отношении применения таможенных пошлин на импорт отдельных товаров Третейская группа указала, что пошлины непосредственно введены в действие Евразийской экономической комиссией, то есть «не были приняты Россией, а были приняты Евразийским Экономическим Союзом (ЕАЭС), международной организацией, членом которой является Россия». В то же время было признано очевидным, что Россия несет ответственности за акт применения пошлин [8].

Как отмечает профессор Д.С. Боклан, «ОРС ВТО рассматривает нормы права ЕАЭС в качестве мер, принятых Россией, а не в качестве норм международного права» [10]. Что касается конфликта юрисдикций, то в практике ОРС ВТО отклонялись ходатайства о прекращении разбирательства в связи с рассмотрением дела по тому же вопросу в рамках регионального соглашения. Первым кейсом, где был поднят вопрос о неправомерности рассмотрения спора в ВТО в связи с наличием аналогичного спора в рамках процедур по разрешению споров, предусмотренных РТС, стало дело Бразилии против Аргентины в отношении антидемпинговых мер на мясо птицы [11]. В этом деле Аргентина пыталась прекратить разбирательство, инициированное Бразилией, ссылаясь на то, что дело уже было рассмотрено в суде МЕРКОСУР в соответствии с Протоколом о разрешении споров, предусмотренным договорной базой таможенного союза МЕРКОСУР. Следовательно, по мнению Аргентины, Бразилия проявила неуважение к принципу доброй воли, принципу международного права в связи с неготовностью согласиться с решением арбитража МЕРКОСУР и повторной попыткой рассмотреть тот же спор по существу в иной инстанции. В своем обращении к Третейской группе Аргентина просила учесть положения статьи 31.3 (с) Венской конвенции о праве международных договоров о необходимости учета для целей добросовестного толкования всех соглашений, действующих между

сторонами, особенно других торговых соглашений, регулирующих те же вопросы. Бразилия обосновывала свои действия тем, что в действующей на момент разбирательства правовой базе МЕРКОСУР, в частности в Протоколе о разрешении споров, заключенном в г. Бразилиа, не было четкого положения о необходимости выбора площадки для спора и исключения иных площадок после инфицирования процедуры по одной из инстанций (положение о необходимости исключения второй площадки было заложено в Протоколе о разрешении споров, заключенном в г. Оливос, но этот Протокол на момент начала разбирательства в ОРС ВТО в силу не вступил). Более того, Бразилия выступила против ограничения ее права на использование процедуры разрешения споров ВТО. Третейская группа отказала в ходатайстве Аргентине, представив следующую аргументацию: 1) Бразилия могла нарушить принцип международного права о добросовестном исполнении договоров, только если бы нарушила конкретную норму ВТО и такое нарушение было значительным. 2) Ходатайство Аргентины отказать Бразилии в разбирательстве в связи с противоречивым поведением также было отклонено в связи с недействительностью Протокола, заключенного в г. Оливос. 3) Третейская группа обратила внимание на то, что Аргентина в запросе отказа от рассмотрения дела в ОРС ВТО по сути предложила применить как право ВТО решение суда МЕРКОСУР, что недопустимо для ОРС ВТО [11]. В деле США против Мексики в связи с налоговыми мерами в отношении импорта безалкогольных напитков ответчик также настаивал на необходимости прекращения дела в ОРС ВТО ввиду целесообразности его рассмотрения на площадке разрешения споров, предусмотренной НАФТА. Ключевые аргументы Мексики были следующие: 1) НАФТА создана в соответствии с нормами ВТО, в том числе и площадка по разрешению споров, предусмотренная главой 20 данного Соглашения (следовательно, ВТО признает процедуру разрешения споров НАФТА). 2) Налоговый режим, действующий в отношении безалкогольных напитков, содержащих кукурузный сироп с высоким содержанием фруктозы, введен в связи с отказом

США от рассмотрения вопроса о несоблюдении обязательств по доступу на американский рынок мексиканского сахара в рамках процедуры разрешения споров НАФТА. По мнению Мексики, США отказом от рассмотрения спора нарушили свои обязательства по региональному договору. 3) Свои действия Мексика обосновала статьей XX (d) ГАТТ как меру для обеспечения соответствия мексиканским законам или правилам и уважения США принятых международных обязательств. США же, со своей стороны, настаивали на нарушении Мексикой национального режима (статьи III ГАТТ), а также на отсутствии полномочий у Третейской группы ВТО рассматривать ходатайство Мексики о необходимости разбирать спор в другом суде и единственной компетенции Панели арбитров определять соответствие применяемых Мексикой мер нормам ВТО. Третейская группа и Апелляционный орган ВТО подтвердили, что спор должен быть рассмотрен, если одна из сторон оспаривает действия другого члена с точки зрения соблюдения им обязательств, принятых в ВТО. При этом обе инстанции признали отсутствие компетенции ОРС ВТО высказывать свою позицию в отношении дела, разбираемого на площадке РТС, и однозначно заявили о том, что в ДРС отсутствуют нормы для разрешения ОРС ВТО дел по вопросам, выходящим за пределы сферы ВТО. Апелляционный орган также сделал вывод, что отказ Третейской группы от рассмотрения дела, инициированного США, был бы равен отказу члену ВТО в его праве быть заслушанным согласно процедуре, предусмотренной Договоренностью по разрешению споров ВТО [11].

Между тем отношение ВТО к РТС исключительно как к разрешенному исключению из РНБ, отходу от установленных правил достаточно опасно. Нельзя не замечать, что мир идет по пути роста регионализма, а процесс глобализации испытывает серьезный кризис. Подтверждением тому служит и невозможность ВТО завершить Доха-раунд, кризис системы разрешения торговых споров ВТО, частое использование государствами санкций в отношении друг друга. Нарушение международных правил ВТО со стороны

крупных игроков на мировом рынке, неудачи ВТО неизбежно приводят к формированию торгово-экономических блоков. Крупные из них, по собственной воле или нет, навязывают менее влиятельным странам, как внутри мегаблоков, так и за их пределами, выгодную развитым экономикам торговую политику.

Весьма сложным феноменом сотрудничества являются сегодня экономические отношения Евросоюза и США – государств, принадлежащих разным крупнейшим интеграционным группировкам мира (ЕС и НАФТА). США и ЕС предстают значимыми участниками международной торговли и субъектами мировой политики. В начале XXI века взаимозависимость и разнообразие экономических связей между США и ЕС привели к тому, что их экономический рост стал определяться степенью прочности двусторонних отношений [12]. Приоритеты экономического сотрудничества США и ЕС в конце XX – начале XXI века определены в заключенных сторонами двусторонних соглашениях. Основным документом является «Декларация отношений США и ЕС» 1990 г. Согласно Декларации двустороннее сотрудничество в области экономики должно стремиться к осуществлению поэтапной либерализации торговли на взаимной основе в рамках действующих правил ВТО. В 2005 году США и ЕС утвердили «Трансатлантическую экономическую инициативу», направленную на последующее углубление и расширение кооперационных связей, формирование механизмов межгосударственного управления финансовыми рынками и устранение имеющихся торговых барьеров [13].

Данные партнеры взаимно заинтересованы в последующем усилении интеграционных процессов на рынках товаров, услуг и капиталов, что нуждается в развитии и гармонизации их внутреннего законодательства. В 2007 году был учрежден Трансатлантический экономический совет, который заложил надежную основу на пути к объединению трансатлантического пространства. В 2008–2012 гг. стороны приняли ряд комплексных мер, направленных на углубление интеграции. Завершилась так называемая

«банановая война», которая на протяжении многих лет являлась тарифным спором двух членов Всемирной торговой организации. В это время закончилась и «стальная война»: ЕС отменил действовавшие ранее ограничения на импорт отдельных видов стальной продукции американской компании АК Steel Corporation. Были подписаны важные соглашения в области защиты прав интеллектуальной собственности, общих принципов зарубежного инвестирования для обеспечения последующей гармонизации инвестиций США и ЕС и поэтапного устранения барьеров на пути развития торговли и в целом двустороннего экономического сотрудничества [14].

Вместе с тем многочисленные споры между США и ЕС в рамках ВТО остаются замороженными и неурегулированными. Возможно, последнее, как подтверждение статуса ЕС и США в отношении друг друга прежде всего как конкурентов, а не партнеров, не позволяет сделать реальный шаг в сторону завершения переговоров по соглашению о Трансатлантическом сотрудничестве в сфере торговли и инвестиции (ТТИР), о практической готовности которого заявлялось еще в 2015 году. Деятельность европейских и американских корпораций постоянно пересекается, однако обостряется и конкуренция между ними за доступ к ведущим мировым рынкам сбыта товаров и услуг. Такой статус-кво стал причиной многочисленных проблем во взаимоотношениях торгово-экономических партнеров [15]. В то же время продолжают предприниматься попытки углубления связей.

В июне 2015 года сайт WikiLeaks опубликовал 17 документов, которые относятся к торговым переговорам между США, Евросоюзом и 23 членами ВТО. Целью такого соглашения, по мнению правозащитников, является оказание давления на группу стран БРИКС. Размещенные материалы относятся к закрытым переговорам по Соглашению о торговле услугами (TiSA), которые начались в 2013 году. В переговорах под руководством США и ЕС принимают участие следующие государства – члены ВТО: страны ЕС, США, Мексика, Турция, Австралия, Израиль и Пакистан. По сведениям WikiLeaks, национальные экономики данных государств в настоящее время

составляют две трети мирового ВВП. При этом сферу услуг охватывают на 80% экономики США и стран ЕС. По официальным данным Европейской комиссии, участники соглашения, способствующего либерализации торговли услугами, объединяют 70% мировой торговли услугами.

Современные переговоры опираются на представленные предложения участников. TiSA ориентировано на открытие рынков и последующее развитие действующих правил в области финансов, электронной коммерции и транспорта. При этом отмечается, что большинство государств, включая страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР), не принимают участия в переговорах по TiSA. Целью данного соглашения является повышение давления на государства БРИКС и формирование противовеса данному объединению. Публикация секретных материалов составила крупнейшую утечку информации о TiSA. В сущности, государства, которые его подписали, практически передают свой экономический суверенитет под контроль TiSA. Положения документа направлены на регулирование всех видов коммерческих и некоммерческих услуг. Социальная сфера, обслуживание, энергетика и водоснабжение, транспорт, страхование, банковский сектор, газотранспортная система и телекоммуникации полностью подпадают под его действие. По мнению директора правозащитной негосударственной организации Global Justice Now Н. Дирдена, эта утечка информации усиливает справедливые опасения относительно той угрозы, которую представляет собой TiSA для важнейших социальных услуг.

Президент России В.В. Путин в ходе своего выступления на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 г. подверг серьезной критике возрастающий экономический эгоизм ведущих западных стран, которые «начали создавать закрытые эксклюзивные экономические объединения». Он решительно осудил их намерение тайного ведения соответствующих переговоров, ущемляющих интересы других государств и их граждан. В.В. Путин выразил общую обеспокоенность тем, что такой формат международного экономического сотрудничества позволит переписать

действующие правила торговли в угоду узкого круга влиятельных государств в обход норм и принципов деятельности ВТО. По его мнению, это может обернуться полной разбалансировкой торговой системы и дроблением единого экономического пространства в мире [16]. Современное сотрудничество в рамках ВТО США и ЕС способствует постепенной поляризации данной международной организации и избирательного взаимодействия с остальными странами, входящими в ее состав. Однако в контексте настоящего исследования стоит отметить, что это в настоящее время идет на пользу единоличным интересам рассматриваемых партнеров и способствует постепенному установлению ими собственных правил глобальной торговли для всего мира [17].

Таким образом, активно развивающиеся региональные торговые соглашения все больше заявляют о своей автономности, предусматривая равноправность регионального соглашения и иных международных договоров, участниками которых являются договаривающиеся стороны отдельного РТС, в том числе и соглашений ВТО. Возможный конфликт между обязательствами договаривающиеся стороны РТС предлагают решать посредством консультаций. В случае же необходимости разрешения спора судебным путем стороны РТС, как правило, стремятся избежать ситуации с конфликтом юрисдикций, предусматривая в самих соглашениях положения о выборе одной площадки для спора и исключении права на обращение во вторую инстанцию по одному и тому же вопросу. Однако, несмотря на императивный характер таких положений, они остаются достаточно мягкими по своей сути. Жесткие санкции в случае несоблюдения положений статьи о выборе площадки для споров не предусматриваются и не могут быть предусмотрены. Исходя из императивных принципов международного права, участники РТС уважают суверенную волю своих партнеров и могут лишь рассчитывать на добросовестное исполнение обязательств.

Более того, на практике стороны РТС довольно часто прибегают к помощи ОРС ВТО для разрешения спорных ситуаций между собой, в том

числе и после рассмотрения дела на региональной площадке, предусмотренной заключенным между ними преференциальным соглашением. ОРС ВТО, в свою очередь, отклоняет ходатайства о прекращении разбирательства в связи с рассмотрением дела по тому же вопросу в рамках регионального соглашения.

Право ВТО не определяет РСТ как автономную систему торгового права и руководствуется своими нормами и правилами, которые рассматривают меры, принятые в рамках РТС, в качестве мер отдельных своих членов, подлежащих анализу с точки зрения их соответствия нормам ВТО, в том числе и статье XXIV ГАТТ (или статье V ГАТС). В понимании статей XXIV ГАТТ и V ГАТС региональные торговые соглашения являются своего рода разрешенными ВТО мерами по отклонению от принципа режима наибольшего благоприятствования, которые при определенных в указанных статьях условиях может применить государство – член ВТО, но не более. В части рассмотрения споров, затрагивающих вопросы соблюдения обязательств, предусмотренных соглашениями ВТО, ОРС ВТО еще раз подчеркнул свою исключительность и установил границу между практиками разбирательств в рамках ВТО и региональных торговых соглашений.

Список источников и литературы

1. Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1947 г. // Консорциум Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/19019813> (дата обращения: 12.03.2023).
2. Генеральное соглашение по торговле услугами // Консорциум Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902340076> (дата обращения: 12.03.2023).
3. Данные официального сайта ВТО. URL: <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (дата обращения: 12.03.2023).

4. Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС, его государствами-членами, и Республикой Сингапур, с другой стороны от 1 октября 2019 г. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Сингапур/ЕАЕУ-Singapore%20FTA_Main%20Agreement.pdf (дата обращения: 12.03.2023).

5. Соглашение между США, Канадой и Мексикой от 30 ноября 2018 г. (вступило в силу 1 июля 2020 г.). Раздел 31. Разрешение споров. URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/files/agreements/FTA/USMCA/Text/31%20Dispute%20Settlement.pdf> (дата обращения: 12.03.2023).

6. Соглашение о свободной торговле между ЕС и Республикой Сингапур от 19 октября 2018 г. (вступило в силу 21 ноября 2019 г.). Раздел 14. Разрешение споров. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22019A1114\(01\)&from=EN#page=106](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22019A1114(01)&from=EN#page=106) (дата обращения: 12.03.2023).

7. Договоренность ВТО о правилах и процедурах разрешения споров. URL: http://www.ind.kurganobl.ru/assets/files/WTO/rules_procedures.pdf (дата обращения: 12.03.2023).

8. Panel Report, Turkey Textiles (1999).

9. Договоренность о толковании статьи XXIV ГАТТ // База Гарант. URL: <http://base.garant.ru/4059983/> (дата обращения: 12.03.2023).

10. Боклан Д.С. Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: соотношение правовых режимов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 230.

11. Armand de Mestral С.М. Dispute Settlement under the WTO and RTAs: An Uneasy Relationship // Journal of International Economic Law 16 (4). P. 777-825.

12. Akhtar, S. I. Proposed Transatlantic Trade and Investment Partnership: In Brief / S. I. Akhtar, V. C. Jones // Congressional research Service. URL: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/R43158.pdf> (дата обращения: 12.03.2023).

13. Давыдов А.Ю. США и страны ЕС: торговля и инвестиции // Современная Европа. 2019. № 1. С. 31.
14. Захаров В.А. Правовые аспекты Трансатлантического партнерства // Россия и современный мир. 2019. № 8. С. 20.
15. Гавриков Д.Н. Европейский союз как территория противоречий // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 8. С. 68.
16. Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке // Официальный сайт Президента России, 28.09.2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 12.03.2023).
15. Давыдов А.Ю. Расширение НАТО и ЕС: последствия для России // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2015. № 11. С.

Яковенко Александр Владимирович,
д.ю.н., профессор, профессор кафедры международного права,
Ректор Дипломатической академии МИД России,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Ярышев Сергей Николаевич,
д.ю.н., доцент, профессор кафедры международного права
Дипломатической академии МИД России,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Alexander V. Yakovenko,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of International Law,
Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
kafedra.mp@dipacademy.ru

Sergey N. Yaryshev,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of International
Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
kafedra.mp@dipacademy.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ США В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ INTERNATIONAL LEGAL PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF THE US STRATEGY IN THE ASIAN-PACIFIC REGION

Аннотация: будучи крупнейшим торговым партнером для большинства региональных экономик, Китай использует в качестве локомотива для роста своей экономической мощи мегапрограмму «Один пояс, один путь», призванную обеспечить тотальный контроль Пекина над авиалиниями, морскими и сухопутными транспортными маршрутами и в конечном счете полностью вытеснить Соединенные Штаты из Азии.

Ключевые слова: Россия, Китай, США, АТР, региональная безопасность.

Abstract: as the largest trading partner for most regional economies, China is using the Belt and Road mega-programme, designed to ensure Beijing's total control over airlines, sea and land transport routes, and ultimately completely oust the United States from Asia as a locomotive for the growth of its economic power.

Keywords: Russia, China, USA, Asia-Pacific, regional security.

В подготовленном в ноябре 2022 года отчете экспертов Брукингского института (Brookings Institution) «Американская стратегия для Индо-Тихоокеанского региона в эпоху конкуренции Соединенных Штатов и Китая» (*An American Strategy for the Indo-Pacific in an age of US-China competition*) высказываются рекомендации по сохранению там безоговорочного стратегического превосходства США [1]. Предлагаем провести научный анализ данного экспертного доклада.

В документе указывается на то, что политические и стратегические преимущества Соединенных Штатов в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) определяются складывающимся имиджем государства как гаранта региональной безопасности и сохранения основанного на правилах миропорядка на фоне усиления агрессивности авторитарных режимов, а также нарастания нетрадиционных вызовов. Главную угрозу интересам и безопасности США в Азии, по мнению американских аналитиков, представляет рост влияния КНР как равного геополитического соперника, при этом наибольшая опасность для мира и стабильности заключается в планах Пекина по поглощению Тайваня, повышении военной активности в Южно-Китайском (ЮКМ) и Восточно-Китайском (ВКМ) морях, втягивании стран региона в долговые ловушки и беспрецедентных территориальных претензиях к соседям [3; 4].

Укреплению позиций Китая в АТР объективно способствует стремление многих стран региона сохранить нейтралитет в его противостоянии с США. В наибольшей степени подобные настроения присущи членам АСЕАН, выступающим, как полагают политологи, за своеобразное «разделение труда» между сверхдержавами и отдающим Пекину приоритет в обеспечении их экономического развития, а Вашингтону – в поддержании мира и стабильности в Юго-Восточной Азии (ЮВА).

Надежной базой для отстаивания интересов США в АТР перед лицом растущего влияния Китая остается дальнейшее развитие системы военно-политических блоков с акцентом на укреплении и расширении существующих

группировок, прежде всего Четырехстороннего диалога по вопросам безопасности (*QUAD*). К числу наиболее перспективных кандидатов на подключение к его деятельности эксперты относят, в частности, Индонезию, Сингапур и Вьетнам, в политике которых даже при наличии тесных экономических связей с КНР отчетливо проявляются антикитайские тенденции. Также указанной цели служит форсирование усилий по активизации и дальнейшей институционализации трехстороннего сотрудничества США с Японией и Южной Кореей.

Признавая существующие трудности в процессе взаимного сближения Соединенных Штатов со своими союзниками в Азии, аналитики предлагают в качестве одного из способов их преодоления гармонизацию подходов финансового планирования, включая выработку общих механизмов и согласование графиков принятия военных бюджетов. Укреплению экономических позиций Вашингтона в регионе способствовала бы, по их мнению, активизация взаимодействия в рамках Индо-Тихоокеанской экономической структуры (*Indo-Pacific Economic Framework*) с прицелом на повышение устойчивости логистических цепочек.

Они уверены, что углубление Вашингтоном политических контактов с Тайванем послужило бы сохранению длительного мира в АТР. Вместе с тем США могут пресечь агрессивные устремления Китая в ЮКМ и ВКМ, продемонстрировав решимость отстаивать свободу мореплавания в спорных районах акватории, которые Пекин в нарушение морского права в одностороннем порядке пытается включить в китайские территориальные воды.

Эксперты считают необходимым убедить союзников США, прежде всего Южную Корею, в безоговорочной приверженности Вашингтона идее сдерживания КНДР при сохранении возможности возобновления переговоров о денуклеаризации Корейского полуострова в случае создания для этого Пхеньяном благоприятных условий. В то же время Соединенные Штаты должны пойти на развертывание в регионе дополнительных контингентов

ВВС и ВМС и расширение учебно-тренировочной деятельности совместно с вооруженными силами Южной Кореи.

Для более успешного продвижения интересов Вашингтона в АТР и укрепления его позиций в противостоянии с Китаем эксперты Брукингского института рекомендуют следующее:

- активизировать пропагандистские усилия по разъяснению общественности и представителям ведущих СМИ стран региона всех выгод от развития военно-политического и экономического сотрудничества с Соединенными Штатами;

- наращивать меры по убеждению государств Азии в устойчивости и неизменности американского курса на расширение присутствия в регионе;

- активировать работу в диалоге с Японией, Австралией и Южной Кореей по вопросам противодействия Китаю, в частности путем доведения до союзников подчеркнуто позитивных оценок их вклада в указанный процесс;

- расширить контакты с оборонными ведомствами Австралии, Индии и Японии в целях более тесной координации военного планирования и институционализации механизмов сотрудничества в рамках QUAD;

- активизировать связи в оборонной сфере с Индонезией, Малайзией, Таиландом и Вьетнамом для того, чтобы сдерживать рост политического и экономического влияния КНР в этих странах;

- инициировать пилотный проект по разработке единых пятилетних планов сотрудничества в области безопасности с военно-воздушными силами Австралии и Японии с перспективой привлечения к этому процессу ВВС Индонезии, Малайзии, Филиппин и Вьетнама;

- поощрять участников территориального спора с Китаем в ЮКМ, особенно Индонезию, к активизации военной деятельности в этом регионе как путем проведения самостоятельных операций, так и за счет участия в многосторонних военных учениях с применением ВВС и ВМС;

– интенсифицировать контакты с властями Таиланда по вопросам сохранения у ВВС США приоритетного доступа к аэропорту Утапао как одному из крупнейших аэродромов в ЮВА;

– расширить обмены с участием высших должностных лиц министерств обороны США и Вьетнама в качестве средства стимулирования процесса сближения двух стран по линии силовых ведомств;

– увеличить помощь Индии в наращивании потенциала сдерживания как необходимого условия ее подготовки к возможному возникновению новых кризисов в отношениях с Китаем;

– активизировать взаимодействие с АСЕАН с упором на безоговорочном призывании ее центральной роли в обеспечении безопасности ЮВА, включая координацию действий по усилению нажима на военный режим Мьянмы в целях возврата этой страны на путь демократического развития;

– параллельно с расширением помощи Тайваню сохранять условия для продолжения диалога по тайваньской проблеме с Китаем во избежание критического обострения обстановки в зоне Тайваньского пролива.

В свою очередь, аналитики американского Совета по международным отношениям (Council on Foreign Relations), признавая необходимость сохранения в АТР лидерства Соединенных Штатов, тем не менее предостерегают власти страны от излишне радикальных мер, которые могли бы дестабилизировать обстановку в Азии. По их мнению, такие действия, как наращивание американцами ядерного арсенала и планы по продаже Австралии подводных лодок, лишь принудят Китай к активизации собственных военных приготовлений. При этом они считают, что угрозу региональной безопасности несут и шаги США по восстановлению превосходства в сфере экономики, поскольку подразумевают разрушение успешной восточноазиатской модели развития, которая стала возможной благодаря тому, что лидеры стран региона поставили цели прогресса выше идей национализма и реваншизма, отодвинув на задний план не урегулированные до сих пор территориальные споры и

создав целый ряд региональных организаций, способствующих обеспечению прочных торговых отношений [2].

Эксперты признают, что сегодня США уже не играют главной роли в экономике АТР и что им приходится идти на крайние меры для того, чтобы потеснить Китай, в том числе уговаривая своих азиатских партнеров изгнать со своих рынков китайскую телекоммуникационную корпорацию Huawei или призывая Японию, Южную Корею и Тайвань присоединиться к постоянно ожесточающимся американским ограничениям в сфере торговли, инвестиций и интеллектуальной собственности с тем, чтобы оторвать Пекин от рынка передовых компьютерных технологий. Между тем такие усилия оказываются пока безуспешными, поскольку КНР по степени встраивания в экономическую и финансовую системы региона на данный момент заметно превосходит Соединенные Штаты. Американцы же продолжают требовать от стран Азии, чтобы они поступали вопреки своим долгосрочным интересам и отказались от принципа взаимосвязанности как гарантии мира и стабильности в регионе.

В складывающейся ситуации, по мнению аналитиков, для восстановления лидерства в АТР Вашингтону следует действовать более прагматично, группируя вокруг себя государства, заинтересованные в укреплении стабильности, и учитывая интересы малых стран, обеспокоенных неизбежностью выбора между конфликтующими великими державами, с предоставлением им права сохранять политический плюрализм в духе Движения неприсоединения, что в период холодной войны позволяло им дистанцироваться как от США, так и от СССР.

Политологи признают необходимость осознания американцами того факта, что лидеры Азии не разделяют их «паранойи» в отношении КНР, хотя и понимают возможные риски сотрудничества с этой страной, порождающей коррупцию, nepotизм, клептократию и угрозу долговых ловушек, и обеспокоены желанием США подорвать экономическую мощь Китая, что способно вызвать эффект домино для всего региона [5].

Очевидно, что попытки США сплотить азиатские государства вокруг себя для нанесения урона Китаю лишь ослабят позиции Вашингтона и дестабилизируют обстановку, сделав политику Пекина за рубежом более агрессивной, усилив элементы национализма и шовинизма внутри КНР, а также приведут к росту милитаризма в Соединенных Штатах [5]. Подобный заколдованный круг еще больше сплотит страны Азии в стремлении к неприсоединению как гарантии избежать вовлечения в конфликт великих держав.

Подводя итог, стоит отметить, что эксперты рекомендуют Вашингтону оказывать всестороннюю поддержку государствам Азии, включая улучшение условий для торговли с ними, решение проблемы внешнего долга, для чего предлагают расширить им доступ на международный рынок, предложить компенсацию пострадавшим от деятельности Соединенных Штатов странам, например Маршалловым островам, ставшим полигоном для ядерных испытаний США, а также Камбодже и Филиппинами, чей долг образовался в основном по вине прежних проамериканских коррумпированных режимов. Подобные шаги, как полагают аналитики, смогли бы убедить азиатские народы в том, что Вашингтон не рассматривает страны континента как «абстрактную арену геополитического противоборства» и ставит задачи укрепления мира в АТР выше собственных великодержавных амбиций.

Необходимо подчеркнуть, что с учетом принятой новой Концепции внешней политики 2023 года, где говорится о «развороте на Восток» в качестве одного из направлений многовекторной российской внешнеполитической деятельности, важная стабилизирующая роль в АТР принадлежит, разумеется, принципиальной позиции России, зафиксированной в Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, от 21 марта 2022 г. [6; 7]. Нашим долгосрочным интересам отвечает снижение региональной конфликтности адекватно российскому видению повестки дня для АТР с

учетом возросшей актуальности задачи продвижения к полицентричному мироустройству.

Список литературы

1. Bush R., Madan T. An American strategy for the Indo-Pacific in an age of US – China competition // Brookings Institution. 30.11.2022. – <https://www.brookings.edu>.
2. Jackson V. The Problem with Primacy // Foreign Affairs. 10.11.2023. – <https://www.foreignaffairs.com>.
3. Карпович О.Г. Об ответственности за преднамеренное и фиктивное банкротство // Юрист. 2002. № 5. С. 41-45.
4. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Влияние США и внешних факторов на экономическое развитие Китая // Вопросы региональной экономики. 2022. № 2 (51). С. 241-246.
5. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Основные приоритеты стратегии национальной обороны США – 2022 // Обозреватель. 2021. № 11 (382). С. 26-39.
6. Карпович О.Г., Травкина Н.М. Кризис политических элит в США: тенденции и перспективы // Международная жизнь. 2022. № 9. С. 60-71.
7. Карпович О.Г., Смагина Л.А. Россия в интеграционных процессах Азиатско-Тихоокеанского Региона: новые вызовы и угрозы // Международное публичное и частное право. 2021. № 6. С. 15-20.

Галушко Дмитрий Вячеславович,

к.ю.н, доцент,

доцент кафедры международного права

Дипломатической академии МИД Российской Федерации,

galushkodv@gmail.com

Яковенко Александр Владимирович,

д.ю.н., профессор, профессор кафедры международного права,

Ректор Дипломатической академии МИД России,

kafedra.mp@dipacademy.ru

Ярышев Сергей Николаевич,

д.ю.н., доцент, профессор кафедры международного права

Дипломатической академии МИД России,

kafedra.mp@dipacademy.ru

Dmitry V. Galushko,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Chair of International Law

Diplomatic Academy

of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,

galushkodv@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9301-9565>

Alexander V. Yakovenko,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of International Law,

Rector of the Diplomatic Academy

of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,

kafedra.mp@dipacademy.ru

Sergey N. Yaryshev,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of

International Law of the Diplomatic Academy

of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,

kafedra.mp@dipacademy.ru

**О РОЛИ «МЯГКОГО ПРАВА» В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ
РЕГУЛИРОВАНИИ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
ON THE ROLE OF “SOFT LAW” IN THE INTERNATIONAL
LEGAL REGULATION OF THE SPHERE OF HEALTH CARE**

Аннотация: в статье анализируются существенные характеристики «мягкого права», его разграничение от «твёрдого права». Подчеркивается, что оно получило развитие именно в сфере международного публичного права, в то время, когда возможностей традиционных источников международного права оказалось недостаточно для адекватной регламентации объектов

правового регулирования, прежде всего, в сфере здравоохранения и деятельности Всемирной организации здравоохранения. Анализ правотворческой деятельности свидетельствует, что основная масса правил, принятых в рамках ВОЗ, носит рекомендательный характер, являясь актами «мягкого права». В целом, авторами отмечается возрастающая роль «мягкого права» в регулировании сферы здравоохранения.

Ключевые слова: «мягкое право», здравоохранение, Всемирная организация здравоохранения, пандемия COVID-19, международное правотворчество.

Abstract: the paper analyzes the essential characteristics of “soft law”, its distinction from “hard law”. It is emphasized that it was developed precisely in the field of international public law, at a time when the capabilities of traditional sources of international law were not enough to adequately regulate the objects of legal regulation, primarily in the field of healthcare and the activities of the World Health Organization. An analysis of law-making activity shows that the bulk of the rules adopted within the framework of the WHO are advisory in nature, being acts of “soft law”. In general, the authors note the growing role of “soft law” in the regulation of the healthcare sector.

Keywords: “soft law”, healthcare, World Health Organization, COVID-19 pandemic, international lawmaking.

Кризис, вызванный пандемией COVID-19, повлиял на все составляющие международной системы, в том числе и на международное право, вновь вызвав вопросы о его центральной роли в сфере охраны здоровья и сдерживании распространения инфекционных заболеваний, ставя перед ним все новые задачи. Именно международное право должно выступать основным регулятором международных отношений для предотвращения подобных кризисных ситуаций и наиболее эффективного урегулирования. Однако современная система международного права, учитывая его определенную статичность и сложные механизмы правотворчества, все чаще демонстрирует

несостоятельность быстро и эффективно удовлетворять потребности международного сообщества. Возникают вопросы о том, могут ли новые нормативные документы способствовать расширению международного сотрудничества, коллективным действиям и совместной ответственности за новые глобальные угрозы здоровью людей. Современные международно-правовые нормы, касающиеся вопросов охраны здоровья отражают «анализ и практику международного права, которое формирует нормы, процессы и институты для создания условий, позволяющих людям во всем мире достичь максимально возможного уровня физического и психического здоровья» [14, p. 55].

В этой ситуации как публичные, так и частные акторы международной системы пытаются найти все более действенные инструменты. Именно к таким механизмам можно отнести так называемое «мягкое право». Данный термин вошел в научный оборот еще в 70-е годы прошлого столетия, спровоцировав серьезные дискуссии в научной среде как по поводу самого факта его существования, так и по поводу его определения, содержания и функций. Источники международного права в области здравоохранения можно условно разделить на «твердое право» (например, международные договоры, которые заключаются государствами) и «мягкое право» (например, кодексы практики, согласованные государствами и пр.).

Хотя «твердое право» является обязательным, а «мягкое» – нет, на самом деле различия между ними носят более комплексный характер. Весь массив международно-правовых норм не является бинарным, а основан среди прочего на градации их нормативности – от обязательной к необязательной [11, p. 21]. Тем самым международно-правовые нормы в области здравоохранения варьируются от обязательных (например, тех, которые закрепляют права человека в области здравоохранения, значительно кодифицированные в международном праве) до авторитетных, но не имеющих обязательной силы нормативных документов, таких как резолюции, декларации, руководящие принципы, протоколы и рекомендации. Применение как «твердого», так и

«мягкого права» может основываться на политических рекомендациях, которые вообще не обязательно должны иметь какое-либо нормативное содержание.

Сложность состоит в том, что общее понятие «мягкое право» охватывает широкий спектр инструментов разного характера и функций, усложняющих его определение с помощью единой формулы [16, р. 172–173]. В доктрине указывается, что «международное "мягкое право" представляет собой совокупность международных юридически необязательных (рекомендательных) норм, содержащих "образцы", "стандарты" поведения, воплощенных в решениях международных организаций и их органов, межправительственных конференций» [8, с. 10].

«Анализ доктрины и практики показывает, что этот термин используется для обозначения двух разных явлений. В одном случае речь идет об особом виде международно-правовых норм, в другом – о неправовых международных нормах. В первом случае имеются в виду такие нормы, которые в отличие от "твёрдого права" не порождают четкие права и обязанности, а дают лишь общую установку, которой тем не менее субъекты обязаны следовать. Ко второму виду норм "мягкого права" относятся содержащиеся в неправовых актах, в резолюциях международных органов и организаций, в совместных заявлениях, коммюнике. Особую разновидность этого вида норм "мягкого права" составляют договоры, ожидающие вступления в силу» [3, с. 144–145].

Тем самым «мягкое право» можно рассматривать как право в его позитивистском понимании, так и как неправо. Однако с такой позицией согласны не все, считая «мягкое право» именно неправом. По мнению М.Ю. Велижаниной, «мягкое право – это совокупность юридически необязательных международных норм, создаваемых государствами, международными организациями, которые не противоречат основным принципам и нормам международного права и направлены на урегулирование международных отношений. Эти нормы не содержат международно-правовых обязательств и закрепляются в рекомендательных актах международных

организаций, многосторонних, двусторонних и односторонних политических актах государств» [1, с. 10], а основным эпитетом, характеризующим термин «мягкое право», в литературе указывается «неопределенность» [10, р. 441].

В целом феномен «мягкого права» получил развитие именно в сфере международного публичного права, в то время, когда возможностей традиционных источников международного права оказалось недостаточно для адекватной регламентации объектов правового регулирования, в том числе в сфере здравоохранения (глобальных кризисов, ситуаций), которые, в свою очередь, находятся в процессе непрерывной эволюции, радикального усложнения и интенсификации взаимоотношений. В последующем данный термин быстро распространился на другие сферы, став «модным» словом в профессиональном словаре ученых, юристов, социологов права и т.д. Среди причин распространенности обращения к «мягкоправовым» механизмам указываются: более низкие «переговорные» издержки, отсутствие угрозы потери суверенитета, более эффективное преодоление противоречий, гибкость, простота и быстрота разработки, участие большего количества государств [22]. Кроме того, дополнительным преимуществом «мягкого права» является тот факт, что в соглашениях «мягкого права» могут принимать участие стороны, не обладающие международной правосубъектностью, включая международные неправительственные организации, юридические лица различных государств и т.п.

Возникновение феномена «мягкого права» произошло, в частности, в связи с развитием двух главных тенденций в процессах глобализации права: увеличением субъектов правотворчества и разгосударствлением правовых режимов. Как следствие, количество норм международного права постоянно увеличивается, их правовой режим приобретает смешанные и видоизмененные формы. Отсылка исключительно к нормам международных договоров или иных традиционных источников служит примером самоограничения и отторжения современного развития международного права. Поэтому различных классификаций международно-правовых

источников, например по территории их действия, по субъектам их принявшим, в контексте международного обеспечения охраны здоровья людей явно недостаточно. При этом ученые, подчеркивающие эффективность и необходимость применения «мягкого права» для урегулирования различных международных отношений, в том числе и в сфере здравоохранения, исследуют его, привлекая теории и инструменты не только правовой науки, но и смежных дисциплин. В этом процессе были разработаны критерии различения «мягкого» и «твердого права», следующие дальше их классической правовой дифференциации по признаку наличия обязательной юридической силы. К таким критериям, в частности, относятся критерий точности формулировок предписаний, определяющих права и обязанности участников, а также критерий возможности делегирования властных полномочий третьей стороне по оценке соответствия поведения государства определенным предписаниям [15, р. 130]. Изучая мотивы государств, объясняющих предоставление ими преимущества именно «мягким» механизмам, исследователи обращаются к теориям координационных игр, избеганию убытков, делегированию [16, р. 171], которые связаны с такой категорией институциональной теории управления, как трансакционные расходы [6, с. 95–96].

Большая конкретизация регулирования здравоохранения содержится как раз в нормах «мягкого права», за счет которых происходит как значительное расширение сферы регулирования отношений, так и конкретизация отдельных норм «твердого права». По общетеоретическому подходу к «мягким» нормам международного права можно отнести резолюции, рекомендации и другие документы международных органов и организаций. Как справедливо отмечают некоторые исследователи, феномен «мягкого права» призван характеризовать необязательные нормы, которые тем не менее соблюдаются и имеют собственно юридическую природу, а не моральную или политическую [17, р. 500]. При этом подчеркивается, что

нормы «мягкого права» более эффективны и действенны в процессе установления правовых стандартов или норм [17, p. 502].

Концепция «мягкого права» является по сути междисциплинарной и изучается на стыке международного права, теории международных отношений, политологии и социологии. С одной стороны, это лучше объясняет причины его появления и применения, делая его более распространенным для урегулирования отношений в сфере охраны здоровья посредством использования так называемой «мягкой силы», с другой – усложняет его анализ в контексте правовых исследований [15, p. 125]. В целом, отмечая дальнейшее развитие международно-правового регулирования, с точки зрения нормативистского подхода нормы «мягкого права» вообще не создают никаких общеобязательных норм. Однако нормы «мягкого права» порождают определенные правовые последствия, которые могут найти свое проявление как в регулирующем влиянии развития национального законодательства, так и дальнейшей трансформации в нормы «твердого права». Акты «мягкого права», как правило, создаются организациями, имеющими значительный авторитет в мире. В сфере здравоохранения таким авторитетным актором, несомненно, является Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ).

В доктрине указывается, что «по своей юридической природе нормотворческая деятельность международных организаций является делегированным исполнением части правотворческих полномочий государств-членов. В отношении ВОЗ она включает в себя разработку, утверждение и содействие принятию конвенций, соглашений и регламентов по вопросам международного здравоохранения, заключение международных договоров, принятие рекомендаций государствами, содействие становлению международных обычаев, то есть использование традиционных для международных межправительственных организаций способов реализации нормотворческих полномочий» [2, с. 27].

Необходимо согласиться с тем, что в доктрине международного права особо отмечается ограниченный характер правотворческой деятельности международных организаций. Подчеркивается, что правотворческая деятельность международных организаций всегда носит специальную направленность и должна полностью согласовываться с целями такой организации, а конкретные формы и степень их участия в нормотворческом процессе в конечном счете зависят от выполняемых функций [см.: 9].

Поскольку в соответствии с Уставом (Конституцией) ВОЗ основной ее задачей является «достижение всеми народами возможно наивысшей степени здоровья» [7], что на практике нередко сводится к борьбе с наиболее опасными болезнями, государства-участники предоставили Организации особые полномочия принимать юридические акты. Нормотворческая функция ВОЗ закреплена в ст. 2 Устава и уточняется в статьях, посвященных полномочиям конкретных органов. В частности, ст. 19 предусматривает, что Ассамблея имеет право принимать конвенции и соглашения по любому вопросу, входящему в компетенцию Организации. При этом, как справедливо отмечается в доктрине, положения, содержащиеся в ст. 21–22 Устава, к моменту своего принятия, без сомнения, можно было считать достаточно радикальным решением в международном праве [18, p. 327].

Правотворческая функция является одной из основных функций ВОЗ, которая закреплена в ее учредительном договоре. Так, п. к ст. 2 Устава среди функций Организации выделяется право «предлагать принятие конвенций, соглашений и правил, делать рекомендации по вопросам международного здравоохранения и выполнять те обязанности, которые в этой связи могут быть возложены на Организацию и которые соответствуют ее целям» [12, p. 1088].

Среди других положений Устава ВОЗ, имеющих отношение к нормотворческой функции, можно выделить п. s ст. 2, согласно которому Организация должна «устанавливать и по мере надобности пересматривать международную номенклатуру болезней, причин смерти и практики

общественного здравоохранения» [7]. С юридической точки зрения деятельность по ведению медицинской номенклатуры можно рассматривать как специфическое проявление правотворческой деятельности.

Особенной сферой деятельности ВОЗ, которая носит правотворческий характер, является создание стандартов в различных отраслях медицины. Устав ВОЗ предусматривает целый ряд функций Организации по созданию стандартов в сфере здравоохранения. В частности, таковы обязанности:

- способствовать улучшению стандартов обучения и подготовки в области здравоохранения, медицины и связанных с ними профессий;
- предоставлять информацию, советы и помощь в сфере здравоохранения;
- стандартизировать, где это необходимо, диагностические процедуры;
- развивать, устанавливать и способствовать распространению международных стандартов для пищевых, биологических, фармацевтических и аналогичных продуктов.

Таким образом, Устав наделяет ВОЗ значительными полномочиями по разработке глобальных международных норм и правил в области здравоохранения [19, р. 797]. Тем не менее за всю свою историю ВОЗ разработала только два международных договора – Рамочную конвенцию по борьбе против табака [5] и Международные медико-санитарные правила [4]. Анализ правотворческой деятельности свидетельствует, что основная масса правил, принятых в рамках ВОЗ, носит рекомендательный характер, являясь актами «мягкого права». Данный факт можно объяснить целым рядом причин, многие из которых вытекают из сущностных характеристик «мягкого права».

Так, концепция «мягкого права» отрицает государствоцентрическую вертикаль и иерархическую модель правотворчества, предполагая множественность и сложность «мягко-правовых» режимов [20, р. 500]. А приверженцы «мягкой гармонизации» и «мягкого управления» часто ссылаются на набор привлекательных преимуществ: гибкость, приспособленность, способность решать проблемы, принятие разнообразия и т.д.

В то же время развитие «мягко-правового» инструментария зачастую связывают с распространенными трудностями при заключении международных договоров и появлением различных форм обязанностей, которые берут на себя акторы для урегулирования транснациональных проблем, прежде всего в сфере здравоохранения, количество которых постоянно растет. Так, в доктрине отмечается, что высокий уровень формальности, длительный процесс переговоров и обязательная природа сделали международные договоры не самым быстрым и метким решением неизбежного или противоречивого глобального кризиса [22, р. 2479].

Считается, что в дальнейшем «международные акторы будут создавать и пытаться придерживаться ряда международных обязательств, часть которых будет иметь правовую форму, другие будут содержаться в необязательных документах. В конце концов, международно-правовая система представляет, пожалуй, сложную и динамичную паутину взаимоотношений между твердым и мягким регулированием, национальным и международным, а также различными институтами, деятельность которых направлена на укрепление верховенства права. В этой системе мягкое право играет все более важную и разнообразную роль» [14, р. 744]. Так, одним из первых шагов международного сообщества по фактической борьбе с пандемией COVID-19 было издание Всемирной организацией здравоохранения протоколов и рекомендаций по противодействию коронавирусу. Данные акты «мягкого права», юридически необязательные по своей природе, послужили оперативным инструментом для преодоления глобального кризиса, вектором для дальнейшей деятельности суверенных государств и, как следствие, легли в основу соответствующих источников «твердого права» их национальных систем.

В заключение следует отметить, что роль «мягкого права» в урегулировании международных отношений и кризисов постоянно растет. Правотворческая деятельность ВОЗ в сфере здравоохранения и ее борьба с пандемией COVID-19 служат тому яркими примерами, подтверждая

множественные преимущества, которые побуждают субъектов международного права все чаще обращаться именно к «мягко-правовым» средствам регулирования. В этом контексте «мягкое право» действительно может рассматриваться как альтернатива собственно правовому регулированию международных отношений, которое сейчас переживает кризис. Кажется более оправданным урегулирование отношений хотя бы с помощью инструментария «мягкого права», чем напрасная попытка заставить государства подписать юридически обязательный международный договор.

Кроме практического результата получения определенной модели деятельности по охране здоровья населения, нормы «мягкого права» играют также определенную функцию в процессе международного правотворчества. Их создание может составлять первый этап международного правотворческого процесса, а именно нормообразования, когда формируется определенный стандарт поведения, который в последующем (на следующем этапе правотворчества) может стать юридически обязательным, а также при отсутствии громоздких процедур национально-правовой имплементации могут служить ориентиром для развития законодательства отдельных государств.

Список источников и литературы

1. Велижанина М.Ю. «Мягкое право»: его сущность и роль в регулировании международных отношений: автореф. дисс. к.ю.н. - Москва, 2016.
2. Коробенкова М.А. Некоторые аспекты нормотворческой деятельности Всемирной Организации Здравоохранения // Социальное и пенсионное право. - 2010. - № 2. - С. 27-30.
3. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. – М.: Волтерс Клувер, 2005.

4. Международные медико-санитарные правила, 2005. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/246188/9789244580493-rus.pdf> (дата обращения: 10.04.2023 г.).
5. Рамочная конвенция по борьбе против табака, 2003. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/tobacco.pdf (дата обращения: 10.04.2023 г.).
6. Садыкова Р.Б. Международно-правовые доктрины экономического анализа: дисс. на соиск. уч. ст. к.ю.н. - М.: 2020.
7. Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения, 1946. URL: <https://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf> (дата обращения: 10.04.2023 г.).
8. Халафян Р.М. Нормы международного «мягкого права» в правовой системе Российской Федерации: автореф. дисс. к.ю.н. - Казань, 2016.
9. Чернявский А.Г. Международное право : Учебник / А. Г. Чернявский, Н. А. Синяева, Д. И. Самодуров. - М.: Редакционно-издательское объединение "Новая юстиция", 2020.
10. Abbott K., Snidal D. Hard and Soft Law in International Governance // International Organization. - 2000. - № 54 (3). - P. 421-456.
11. Chinkin C. Normative Development in the International Legal System // D. Shelton (ed.) Commitment and Compliance: The Role of Non-Binding Norms in the International Legal System. - Oxford: Oxford University Press, 2000). - P. 21-42.
12. Fidler D. P. The Future of the World Health Organization: What Role for International Law? // Vanderbilt Journal of Transnational Law. - 1998. - Vol. 31. - P. 1079–1126.
13. Galbraith J., Zaring D. Soft Law as Foreign Relations Law // Cornell Law Review. - 2014. - Vol. 99, № 4. - P. 735-794.
14. Gostin L.O., Taylor A.L. Global Health Law: A Definition and Grand Challenges // Public Health Ethics. - 2008. - Vol. 1, no. 1. - P. 53-63, at 55.

15. Guzman A.T., Meyer T. Soft law // E. Kontorovich, F. Parisi (eds.) *Economic Analysis of International Law*. - Edward Elgar Publishing, 2016. - P. 123-154.
16. Guzman A.T., Meyer, T. International Soft Law // *Journal of Legal Analysis*. - 2010. - Vol. 2, No 1. - P. 171-225.
17. Hillgenberg H. A fresh look at soft law // *European Journal of International Law*. - 1999. - Vol. 10, Iss. 3. - P. 499-515.
18. Ip E. The constitutional economics of the World Health Organization // *Health Economics, Policy and Law*. - 2021. - № 16(3). - P. 325-339.
19. Meier B.M., Taylor A., Eccleston-Turner M., Habibi R., Sekalala S., Gostin L.O. The World Health Organization in Global Health Law // *Journal of Law, Medicine & Ethics*. - 2020. - Vol. 48, no. 4. - P. 796-799.
20. Robilant di A. Genealogies of Soft Law // *The American Journal of Comparative Law*. - 2006. - Vol. 54, № 3. - P. 499-554.
21. Schwarcz S. L. Soft Law as Governing Law // *Minnesota Law Review*. - 2020. - Vol. 104. - P. 2471-2514.
22. Trubek D.M., Cottrell P., Nance M. “Soft Law”, “Hard Law”, and European Integration: Toward a Theory of Hybridity. URL: <https://ideas.repec.org/p/erp/jeanmo/p0242.html> (дата обращения: 10.04.2023 г.).

Акчурин Тимур Фагмиевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права
Дипломатической Академии МИД России,
доцент кафедры публичного права
Всероссийской академии внешней торговли МЭР РФ,
niryhka@mail.ru

Timur F. Akchurin,
Ph. D in Law, Associate Professor of International Law Department,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Associate Professor of Public Law Department
at the Russian Foreign Trade Academy,
niryhka@mail.ru

**СВОБОДА СОВЕСТИ КАК МАРКЕР ДЕМОКРАТИИ В
СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ
(В КОНТЕКСТЕ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПРАВОРЕАЛИЗАЦИИ)
FREEDOM OF CONSCIOUS AS AN INDICATOR OF DEMOCRACY IN
MODERN SOCIETY (IN THE CONTEXT OF LAW ENFORCEMENT)**

Аннотация: в статье рассматриваются важные вопросы, связанные с реализацией и правоприменением свободы совести в Российской Федерации. Представлен сравнительный анализ различных решений Конституционного Суда РФ, связанных со свободой совести. Выделены важные моменты в сущности свободы совести в контексте сравнения нормативизма и естественно-правового подхода. В статье содержится мнение о том, в каком соотношении находится свобода совести и демократия в целом.

Ключевые слова: свобода совести, религия, демократия, качество демократии, Конституционный Суд РФ, решения Конституционного Суда РФ, правореализация.

Abstract: the article considers the important issues relating to the exercise of the freedom of conscience and its enforcement in the Russian Federation. It analyzes the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation relating to the

freedom of conscience. The author brings out important matters relating to the essence of the freedom of conscience and compares normativism and natural law theory approaches to this notion. The article also provides an opinion on the correlation between freedom of conscience and democracy more generally.

Keywords: Freedom of conscience, democracy, quality of democracy, the Constitutional Court of the Russian Federation, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

С точки зрения нормативизма, теории, которая в целом лежит в основе современного подхода к праву в России, любая свобода человека состоит из комплекса субъективных прав. Наиболее наглядно это просматривается в вопросах регулирования свободы совести. Мы опираемся в данном случае как на Конституцию РФ, так и на ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Так, в Конституции РФ свобода совести закреплена следующим образом: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» [5]. В ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» отмечается: «В Российской Федерации гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, совершать богослужения, другие религиозные обряды и церемонии, осуществлять обучение религии и религиозное воспитание, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними, в том числе создавая религиозные объединения» [10]. То есть свобода совести законодателем воспринимается исключительно как совокупность субъективных прав, а не как абсолютная и неотъемлемая абсолютная личная свобода человека. Несомненно, перечень прав, входящих в свободу совести в ФЗ расширен, в отличие от Конституции,

где он лишь упомянут. Однако сам смысл свободы как сущности в этом случае нивелируется. В этой связи вызывает сомнение позиция В.С. Нерсесянца о том, что «термин "право" используется для обозначения правомочия субъекта на конкретно определенное действие и поведение. Но в понятийно-правовом смысле эти термины равнозначны. Право – это форма свободы, а свобода – возможна лишь в форме права» [14]. Данный подход полностью противоречит подходу законодателя и правоприменителя.

Право на свободу совести обязательно включает в себя право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними, право иметь или не иметь религиозные и иные убеждения, право действовать в соответствии со своей религией или убеждениями, индивидуально и коллективно, право свободно выбирать и менять, иметь и распространять свою религию или убеждения, право индивидуально или коллективно отправлять религиозные убеждения, право получать религиозное образование и др. [11]. Данная позиция в целом совпадает со статьей 6 Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений 1981 года [3].

Также необходимо отметить такой любопытный факт, как само название вышеупомянутой 3 статьи федерального закона N 125-ФЗ «Право на свободу совести и свободу вероисповедания», что в целом тоже поясняет позицию законодателя по отношению к свободе совести [11]. То есть законодатель оставляет за собой право на полное регулирование свободы совести через субъективные права, которые входят с точки зрения государства в общее понятие свободы совести. То есть можно сделать вывод о том, что законодатель подразумевает, что любая личная свобода может быть урегулирована государством через предоставление определенных, разрешенных и допустимых им прав.

В данном случае огромное значение имеет суть государства, насколько этатичность и политическая целесообразность преобладает при принятии

нормативно-правовых актов и судебных решений. Так, в Особом мнении судьи КС РФ Н.В. Витрука к Постановлению КС РФ от 20 декабря 1995 года №17-П закреплена следующая позиция: «...Конституционное право гражданина не безгранично: его содержание и пределы осуществления зависят от соотношения с другими конституционными правами и свободами гражданина, его конституционными обязанностями. Более того, права и свободы человека и гражданина, согласно части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности и здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В целях рационального сочетания, гармонии интересов общества, государства и личности законодатель наряду с определением содержания конституционного права устанавливает порядок его реализации. Цель процессуального порядка реализации права состоит в обеспечении (гарантировании) пользования конкретными благами и ценностями, лежащими в основе содержания права. Процессуальный порядок реализации права может выступать и в качестве известного средства его ограничения для определенной категории граждан. Ограничение прав и свобод гражданина может быть осуществлено посредством исключения той или иной возможности (правомочия) из содержания права (свободы), а также путем установления специального порядка его реализации» [8]. Данная цитата достаточно точно определяет не только позицию отдельного судьи Конституционного Суда РФ, но и в целом позицию современного российского государства.

В дальнейшем эта правовая позиция нашла подтверждение в иных решениях КС РФ, например: «Статья 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации допускает возможность ограничения федеральным законом прав человека и гражданина как средство защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [9]. «Согласно

статье 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Этим требованием определяются границы использования гражданами своих прав, на что указано и в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, устанавливающей возможность ограничения прав и свобод законодателем в том числе для защиты прав и законных интересов других лиц» [6]. Или «...право частной собственности не является абсолютным и не принадлежит к таким правам, которые в соответствии со статьей 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации не подлежат ограничению ни при каких условиях. Следовательно, по смыслу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, оно может быть ограничено федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Это соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права, в частности Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года, согласно которой каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности (часть первая статьи 29); при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе (часть вторая статьи 29). Аналогичное положение о допустимости ограничения прав человека и гражданина предусмотрено также Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 года (статья 4)» [7]. Есть и другие решения Конституционного Суда РФ, которые также стоят на позиции современного позитивизма и этатизма.

Что мы имеем в виду, когда обсуждаем данную проблему? С точки зрения теории естественного права свобода не может быть ограничена, тогда как любые субъективные права, в силу определенных причин и решений государства, могут подвергаться ограничению или запретам. То есть с точки зрения смысла термина свобода – понятие абсолютное, которое принадлежит человеку от рождения, в то время как субъективное право предоставляется людям государством и именно в тех рамках, которые само государство установило для данного права. Стоит согласиться с мнением профессора И.Н. Яблокова: «Свобода совести означает возможность личности (объективную и субъективную) самостоятельно совершать мировоззренческий выбор в пользу религиозного или нерелигиозного мировоззрений в разных их видах, формировать мотивы соответствующего действия и определять сами действия, проявлять толерантность к иным образам мысли, взглядам, убеждениям и готовность к консенсусу» [15]. Данная позиция в целом более соответствует естественно-правовому подходу, а не позитивистскому. Однако в Комментарий к ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» ни один из уважаемых авторов таких моментов не отмечает [13]. Также можно упомянуть точку зрения профессора Эбзеева, бывшего члена Конституционного Суда РФ, на которую ссылается в своей статье Н. Лернер. Профессор считает, что государство обязано пассивно воздерживаться от вмешательства в границы свободы личности, индивида во всех случаях правомерной реализации своих прав и свобод, но также обязано активно содействовать индивидам в практическом осуществлении принадлежащих им прав и свобод [16].

Таким образом, мы можем констатировать позицию государства как четко стоящую на нормативистской основе и закрепляющую решающую роль его самого при вынесении решений, которые могут повлиять на права и свободы человека, в частности при рассмотрении вопроса, касающегося свободы совести.

В связи с вышеперечисленными аргументами возникает ряд вопросов, относящихся к оценке демократичности политического режима в политико-правовой науке, которая в последние годы привлекает все больше внимания и пересматривается с различных точек зрения. И здесь можно поставить вопрос о качестве демократии или точнее: «Что такое качество демократии?» на основе какого-либо одного права или свободы, в частности свободы совести.

Поэтому можно выделить по меньшей мере три основных направления: 1) необходимо заглянуть «за фасад» устоявшихся институтов для решения вопросов об их содержании и фактической работе; 2) проводить исследования так называемого демократического аудита; 3) ряд банков данных, таких как Polity IV, Freedom House, Economist's Intelligence Unit, Всемирный банк и Bertelsmann Index, представляют показатели, связанные с оценкой демократической деятельности, а также качеством демократии [12].

Как определить качество демократии при реализации прав человека и, в частности, свободы совести? Существует три подхода к понятию качества. 1. Качество определяется установленными процедурными аспектами, связанными с конкретным продуктом. «Качественный» продукт является результатом точного, управляемого процесса, осуществляемого в соответствии с четкими, повторяющимися методами и сроками. Акцент делается на **процедуре**. 2. Качество содержится в структурных характеристиках продукта, будь то проект, материалы, функционирование товаров или иные его данные. Акцент делается на **содержании**. 3. Качество продукта или услуги косвенно определяется уровнем удовлетворенности клиентов, их повторными запросами на получение того же продукта или услуги, независимо от способа изготовления, фактического содержания или того, как потребитель приобретает товар или услугу. Согласно этому определению качество определяется **результатом** [12].

Процедура реализации свободы совести, хотя и имеет отношение к содержанию, в основном касается правил ее реализации. Первое процедурное качество – это верховенство правового закона. Второе и третье процедурные

качества относятся к двум формам ответственности (избирательной и межинституциональной). Четвертая и пятая сферы являются классическими сферами участия и конкуренции, которые, однако, имеют особый теоретический статус. Шестая сфера касается реагирования или соответствия системы требованиям граждан и гражданского общества в целом. Седьмая и восьмая сферы имеют содержательный характер. К ним относится полное уважение прав, которые расширяются посредством получения свобод, а также постепенная реализация политического, социального и экономического равенства. При осуществлении данных принципов и подходов к реализации свободы совести в нашей стране возникает ряд серьезных вопросов к применению правовых норм прежде всего самим государством, которое всегда готово сослаться на правоприменительные решения высших судебных органов, прежде всего Конституционного Суда РФ. Поэтому говорить о том, что свобода совести в нашей стране реализуется в полной мере, не совсем правильно, так как существует ряд теоретических и практических подходов государства, которые обосновывают этатические принципы правоприменения в этой сфере.

Термин «религия», означающий «устанавливать крепкую связь», в контексте прав человека подразумевает поддержку права на вероисповедание нерелигиозного характера. В 1993 году Комитет по правам человека, независимый орган, состоящий из 18 экспертов, отобранных через процедуру ООН, предельно широко определил понятие «религия» (или «убеждения») как «теистические, нетеистические и атеистические убеждения, а также как право не исповедовать никакую религию или убеждения» [4]. Статья 18, по мнению экспертов, «не допускает установления каких-либо ограничений свободы мысли и совести или свободы иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору» [4].

Современное значение религии и схожих форм убеждения дарят надежду и умиротворение миллиардам людей, они содержат в себе огромный

потенциал для достижения мира и согласия. Однако они также являлись источником разногласий и конфликтов.

Борьба за свободу вероисповедания длится уже много веков, результатом чего стали бесчисленные и трагические конфликты. Двадцатый век явился свидетелем кодификации общих ценностей, относящихся к свободе вероисповедания, хотя острота столкновений не ослабла. ООН в 18 статье Всеобщей Декларации прав человека зафиксировала: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения» [1]. Однако все попытки разработать реализуемый международно-правовой инструмент в отношении права на свободу религии и убеждений до сих пор безуспешны.

Генеральная Ассамблея в 1981 году единогласно приняла Декларацию о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений. Хотя Декларация 1981 года не имеет обязательной процедуры, обязывающей страны соблюдать ее положения, она все же остается самым важным современным документом, кодифицирующим право на свободу религии и убеждений.

Декларация ООН о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 года содержит 8 статей, три из которых (1, 5, 6) определяют конкретные права. Остальные статьи играют вспомогательную роль, излагая меры по способствованию терпимости или предотвращению дискриминации. В совокупности эти восемь статей представляют некую систему, всеобщую концепцию в продвижении терпимости и предотвращении дискриминации, основанной на вероисповедании. Хотя права человека являются индивидуальными, Декларация ООН от 1981 года также устанавливает определенные права, присущие государствам, религиозным учреждениям, родителям, законным опекунам, детям и группам лиц. Однако и в этом документе определяются субъективные права человека, которые государство всегда может тем или

иным способом сначала закрепить в своей правовой системе, а потом поставить определенные границы при их реализации [3].

То есть, рассматривая реализацию свободы совести как некий пример для оценки качества демократии в нашем государстве, мы можем констатировать определенные проблемы, существующие при осуществлении данной свободы. Каждый человек вправе придерживаться любых убеждений и выбирать свою систему ценностей, кроме тех случаев, которые четко указаны в законе [5]. При этом важно осознавать, что свобода совести не какая-то особенная позиция в правовом статусе человека в государстве, она находится в ряду себе подобных, если государство ограничивает (нарушает, не учитывает) какие-либо права человека, то само собой нарушаются и иные права, связанные со свободой совести.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета (федеральный выпуск). - 05.04.1995, 10.12.1998;
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят и открыт для подписания, ратификации и присоединения Резолюцией 2200А /XXI/ на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеей ООН 16.12.1966, вступил в силу 23.03.1976, подписан СССР 18.03.1968, ратифицирован Президиумом Верховного Совета СССР 18.09.1973, вступил в силу для СССР 23.03.1976) //Ведомости Верховного Совета СССР. -1976. - №17. - Ст.291;
3. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, Принята резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи от 25 ноября 1981 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/relintol.shtml
4. Замечание общего порядка 22. Статья 18 (Сорок восьмая сессия, 1993 год). // Организация Объединенных Наций. Международные договоры по

правам человека. Том 1. Подборка замечаний общего порядка и общих рекомендаций, принятых договорными органами по правам человека. - HRI/GEN/1/Rev.9 (Vol. I) 27 May 2008. С 262-265

5. Конституция Российской Федерации (принятая всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6 – ФКЗ, от 30.12.2008 №7 – ФКЗ, от 05.02.2014 №2 – ФКЗ, от 01.07.2020 №11 – ФКЗ) // СЗ РФ от 01.07.2020 №31, ст.4398

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.01.1996 N 1-П "По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 560 Гражданского кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А.Б. Наумова" / <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16011996-n/>

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.1996 N 20-П "По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года "О федеральных органах налоговой полиции" // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12790/

8. Особое мнение судьи КС РФ Н.В.Витрука к Постановлению КС РФ от 20 декабря 1995 года №17-П <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-20121995-n/>

9. Определение Конституционного Суда РФ от 12.07.2006 N 378-О "По жалобе гражданина Владимирцева Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав частями шестой и восьмой статьи 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации" / <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-12072006-n-378-o-po/>

10. Федеральный закон от 26.09.1997 N 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021) "О свободе совести и о религиозных объединениях" (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2021) // СЗ РФ от 29 сентября 1997 г. N 39 ст. 4465

11. Акчурин Т.Ф. «Право на свободу совести: международно-правовой аспект» // Российское право онлайн 3/2018 С. 19 – 29
12. Морлино, Л., Карли, Л.-Г. Как оценивать демократию. Какие существуют варианты? [Текст] : докл. к XV Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 1–4 апр. 2014 г. / пер. с англ. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 4-5
13. Научно-практический комментарий к ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (постатейный) / авт. колл.: Шахов М.О., ин. Ксения (Чернега О.А.), Ряховский В.В., Вагина Т.В., Себенцов А.Е. и др.; под общ. ред. Маранова Р.В. – М.: Славянский правовой центр, 2011 комментарий к статье 3 – С. 45-80
14. Нерсисянц В.С. Общая теория права. М., 2002. С. 335
15. Яблоков И. Н. Особенности решения проблемы выбора в религии // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения: Материалы Всероссийской научной конференции 27-28 октября 2015 года, Иф РАН (Москва). В 3-х т. Т.2 /Под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. М.С. Киселевой. - М.: Научная мысль, 2015. - С. 9-12.
16. Lerner N. Natre and Minimum Standars of Freedom of Religion or Belief // Facilitating Freedom of Religion or Belief a deskbook / BUY International Center Law and Religion Stadies, Provo, Utan, USA, 2004. P. 63-65

Календарь Ольга Константиновна,
аспирант,
Институт стран Азии и Африки,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
okalendar@iaas.msu.ru

Olga K. Kalendar,
Postgraduate Student,
The Institute of Asian and African Studies
of Lomonosov Moscow State University,
okalendar@iaas.msu.ru

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЛИМИТАЦИИ
МОРСКИХ ПРОСТРАНСТВ МЕЖДУ ИНДОНЕЗИЕЙ И МАЛАЙЗИЕЙ**

**INTERNATIONAL LAW ASPECTS OF INDONESIA – MALAYSIA
MARITIME BOUNDARIES DELIMITATION**

Аннотация: представленная статья посвящена территориальной проблеме в индонезийско-малайзийских отношениях, в частности спору о делимитации межгосударственной границы в море Сулавеси. Описываются характерные особенности истории трансформации рассматриваемой проблемы, раскрываются ее правовые и технические аспекты, выделяются ключевые факторы, которые могут оказать непосредственное влияние на итог переговоров. Предпринята попытка раскрыть возможные пути развития и варианты решения затянувшегося спора.

Ключевые слова: Индонезия, Малайзия, международное право, делимитация границ, морские границы, континентальный шельф, море Сулавеси.

Abstract: the article is devoted to the territorial problem in Indonesia – Malaysia bilateral relations, particularly to the dispute concerning the delimitation of interstate boundaries in the Sulawesi Sea. The characteristic features of the historical development of the problem under consideration are described, its legal and technical aspects are revealed, the key factors that can have a direct impact on the outcome of negotiations are highlighted. The author attempts to reveal the possible ways of the long-standing dispute development and solutions.

Keywords: Indonesia, Malaysia, international law, boundary delimitation, maritime boundaries, continental shelf, the Sulawesi Sea.

Межгосударственные отношения Индонезии и Малайзии нередко рассматриваются как краеугольный камень развития Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). С учетом центрального значения сотрудничества Индонезии и Малайзии для региональной безопасности и стабильности, представляется важным изучить особенности становления одной из наиболее острых проблем, осложняющих двусторонние связи соседних стран, – делимитации моря Сулавеси и установления окончательной индонезийско-малайзийской границы. В этой связи особую значимость для раскрытия вопроса представляют аспекты международно-правового, а также технического характера.

Серьезным препятствием на пути к разрешению территориального спора служит проблема разграничения района Амбалат, расположенного в море Сулавеси, известного своими богатыми месторождениями нефти и газа и представляющего значительную ценность для обоих государств. Сохраняющаяся неопределенность оказывает негативное воздействие на вопрос национальной безопасности, что уже привело к возникновению ряда инцидентов в пограничных водах, ставит под удар экономические интересы индонезийских, малайзийских, а также международных нефтегазовых корпораций и, что не менее важно, является источником напряженности в двусторонних отношениях.

В конце 1960-х годов, вскоре после обретения независимости, Индонезия и Малайзия начали переговоры по установлению точной линии межгосударственной границы, обозначенной еще в колониальную эпоху. Данный вопрос имел важное значение, поскольку государства разделяют обширные территории континентальных шельфов в Малаккском проливе, Южно-Китайском море и море Сулавеси, а также потому, что Конвенция ООН о континентальном шельфе от 1958 г., которую обе страны подписали и

ратифицировали, наделила прибрежные государства суверенными правами на их континентальные шельфы в целях разведки и разработки природных ресурсов. Документ предоставил переговорным группам только приблизительные ориентиры по определению границ континентального шельфа. Оговаривалось, «если один и тот же континентальный шельф примыкает к территориям двух соседних государств, его граница определяется соглашением между ними» [4, pp. 2–3].

Несмотря на наличие разногласий, переговоры по установлению границ в Малаккском проливе и Южно-Китайском море успешно завершились в короткие сроки подписанием соответствующих соглашений. Тем не менее обсуждение разграничения моря Сулавеси вскоре зашло в тупик из-за спора относительно принадлежности островов Сипадан и Лигитан, расположенных около северо-восточного побережья острова Калимантан.

Хотя Конвенция 1958 г. дала возможность Индонезии и Малайзии не учитывать Сипадан и Лигитан при определении линии межгосударственной границы, ни одна из сторон не была готова умалить важность статуса островов, поскольку владение ими усиливало позицию государства в переговорах по делимитации. На карту была поставлена не только национальная гордость, но и исключительное право на добычу природных ресурсов, в том числе право на запасы, которые могут быть обнаружены в будущем.

По итогам затянувшихся переговоров дело было передано на рассмотрение в Международный суд ООН, который 17 декабря 2002 года постановил, что суверенитет над спорными островами принадлежит Малайзии, исходя из принципа эффективной оккупации [3, pp. 685–686].

При всей стратегической важности района Амбалат переговорный процесс продвигается весьма медленно и без видимых результатов, что вызывает определенные опасения не только индонезийских и малайзийских властей, но и регионального сообщества в целом. Одним из наиболее вероятных способов разрешения конфликта может стать выработка

взаимоприемлемого решения посредством сотрудничества и двустороннего диалога. В то же время при выборе подхода к определению итоговой линии межгосударственной границы стороны, очевидно, будут опираться на принципы и нормы международного права.

Важной вехой в деле регулирования и поддержания международного правопорядка в мировом океане стало вступление в силу Конвенции ООН по морскому праву в 1982 году. Поскольку документ был ратифицирован Индонезией [9] и Малайзией [6, р. 9], его положения могут служить законодательной основой для разработки проекта соответствующего соглашения о делимитации.

Морскими зонами, делимитация которых предусмотрена Конвенцией, являются территориальное море, прилежащая зона, исключительная экономическая зона (ИЭЗ) и континентальный шельф [7]. Каждая из обозначенных зон имеет свой правовой статус, определяемый Конвенцией, наряду с особыми правовыми нормами, применимыми к установлению их внешней границы, в том числе в случае их расположения между государствами с противолежащими или смежными побережьями. Кроме того, при рассмотрении проблемы делимитации морских пространств между Индонезией и Малайзией необходимо учитывать и другие положения, которые могут оказать влияние на исход спора, включая статьи, посвященные определению расположения нормальных исходных линий [7, р. 23] и условию проведения архипелажных исходных линий [7, р. 40]. Соответственно, для разрешения противоречий Индонезии и Малайзии необходимо согласовать точные границы между их континентальными шельфами и ИЭЗ в спорном районе или, возможно, обозначить отдельные границы для двух типов юрисдикции.

В ходе переговорного процесса участниками конфликта может быть принят во внимание ряд географических, исторических, политических, экономических и иных факторов, независимо от их юридической значимости, что не всегда возможно в рамках судебного разбирательства. Не менее важно

отметить, что для урегулирования противоречий государства могут избрать любую процедуру и прибегнуть к такому количеству аргументов, который считают необходимым для обоснования своей позиции и выработки обоюдовыгодного соглашения. В случае неудачной попытки разрешения ситуации мирным путем посредством двусторонних переговоров государства – участники Конвенции обладают правом вынести вопрос на рассмотрение третейского суда, например Международного суда ООН, Международного трибунала по морскому праву или специально образованного арбитража [7, pp. 129–131].

Важно отметить, что приоритетным подходом к делимитации территориального моря между государствами с противолежащими или смежными побережьями является метод срединной или равноудаленной линии. Тем не менее данное условие может не применяться в случае необходимости принять во внимание «исторически сложившиеся правовые основания или иные особые обстоятельства» [7, p. 26].

Между тем Конвенцией не налагаются какие-либо определенные требования относительно разграничения ИЭЗ и континентального шельфа между государствами с противолежащими или смежными побережьями: в данном случае делимитация должна быть осуществлена по принципу консенсуса, «путем соглашения на основе международного права в целях достижения справедливого решения» [7, p. 52, 56]. С другой стороны, согласно установившемуся прецедентному праву, к одному из преобладающих подходов, применимых в аналогичных случаях, относится метод модифицированной (упрощенной) срединной линии. Кроме того, морская граница может быть построена как продолжение линии сухопутной границы заинтересованных государств или может быть определена с учетом протяженности их береговой линии. Впрочем, по взаимному согласию сторон граница может быть установлена вдоль любой географической параллели или меридиана [5, pp. 29–56].

Несомненным преимуществом метода срединной линии, а также метода модифицированной срединной линии являются достоверность и надежность результатов, поскольку итоговая граница формируется в соответствии с точными геометрическими принципами. Тем не менее данное утверждение может считаться справедливым при условии предварительного согласования исходных линий, от которых измеряется ширина территориального моря государств. Нельзя не отметить, что данный метод не лишен недостатков и не всегда может гарантировать справедливость и безусловную объективность, поэтому, несмотря на его определенное достоинство, участники спора порой избирают иной подход к делимитации, отвечающий их запросам и требованиям.

Примечательно, что, в соответствии с Конвенцией 1982 г., если «в течение разумного срока» урегулировать спор не удалось, до подписания окончательного соглашения о делимитации континентального шельфа или ИЭЗ стороны должны заключить временный договор практического характера на переходный период. Такая договоренность не должна наносить ущерба или препятствовать текущей работе по разрешению конфликтной ситуации.

Хотя Индонезия и Малайзия претендуют на один и тот же участок в море Сулавеси и наряду с этим ведут деятельность близ данного района, временное соглашение о морской границе между двумя государствами не подписано. В Конвенции не уточняется продолжительность упомянутого «разумного срока», и, соответственно, он определяется по усмотрению сторон. Вполне вероятно, по мнению как индонезийских, так и малайзийских властей, необходимость в подобных договоренностях пока отсутствует. Между тем прочих дополнительных двусторонних соглашений по вопросу делимитации границы в море Сулавеси, которые могут быть приняты во внимание при выработке окончательного решения по делу района Амбалат, также не заключено.

В то же время на сегодняшний день не определены статус островов Сипадан и Лигитан и объем прав, которыми они могут обладать в отношении

морских пространств вокруг них. Немаловажно, что прецедентная практика в области наделения островов морскими пространствами довольно неоднозначна.

Согласно малайзийским географическим и специальным картам, острова Сипадан и Лигитан являются полноценными элементами исходных линий, потому в результате граница в море Сулавеси может быть отодвинута в пользу Малайзии, а территория, на которую она претендует, расширена [8, р. 193]. Тем не менее, так как Малайзия не является государством-архипелагом, столь отдаленные и небольшие острова не могут быть включены в пределы прямых архипелажных исходных линий и едва ли сыграют решающую роль при делимитации морских пространств в спорном районе. Впрочем, данный вопрос остается открытым, как и не определено место иных политических и географических факторов.

Несмотря на несомненную значимость и остроту проблемы делимитации района Амбалат, Индонезии и Малайзии пока не удалось прийти к согласию. В своих публичных выступлениях и интервью представители обеих сторон регулярно подчеркивают важность территориального вопроса в индонезийско-малайзийских отношениях и упоминают о необходимости интенсификации работы по выработке компромиссного решения, что позволяет надеяться на расширение двустороннего диалога, ориентированного на результат, и скорое разрешение спора на взаимовыгодных условиях.

Во многом подписание итогового соглашения сдерживает неукоснительное следование государствами принципу «ничего не согласовано, пока все не согласовано», предусматривающему, что вопрос считается урегулированным, когда стороны достигли согласия по всем спорным вопросам. Любые промежуточные договоренности не могут считаться окончательными, поэтому участники переговоров вольны отказаться от принятого ранее решения [1, р. 405]. В этой связи все данные о результатах многолетних обсуждений представляют собой сведения

конфиденциального характера, и текущий статус переговоров в действительности неизвестен.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что Индонезия и Малайзия обладают некоторой свободой действий в рамках работы по разграничению моря Сулавеси и могут избрать к применению любые подходы, методы и критерии по своему усмотрению, которые сочтут справедливыми и эффективными. Хотя существующая государственная и судебная практика дает основания предполагать, что стороны могут предпочесть метод модифицированной срединной линии, не исключено, что итоговое решение будет иным. К примеру, может быть заключен договор о сотрудничестве по совместной разработке и освоении природных ресурсов в спорном районе с учетом того, что страны уже имеют опыт в данной области [2].

Вместе с тем с определенной долей вероятности можно предположить, что в случае, если все попытки добиться компромиссного решения не увенчаются успехом, дело может быть вновь передано на рассмотрение в третейский суд. Однако подобное развитие событий представляется нежелательным для Индонезии и Малайзии, поскольку делает невозможным заключение взаимовыгодного соглашения, что несколько противоречит традиционной политической культуре обеих стран, основанной на стремлении к консенсусу.

Литература

1. *Arsana I. M. A. Challenges and Opportunities in the Delimitation of Indonesia's Maritime Boundaries: a Legal and Technical Approach.* Wollongong: UOW, 2014.
2. *Australia – Indonesia: Treaty on the Zone of Cooperation in an Area between the Indonesian Province of East Timor and Northern Australia // International Legal Materials.* Vol. 29, No. 3, 1990.
3. *Case Concerning Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia), judgment of 17 December 2002.* URL: <https://www.icj->

[cij.org/public/files/case-related/102/102-20021217-JUD-01-00-EN.pdf](https://www.icj.org/public/files/case-related/102/102-20021217-JUD-01-00-EN.pdf) (дата обращения: 27.12.2022).

4. Convention on the Continental Shelf, 1958. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/8_1_1958_continental_shelf.pdf (дата обращения: 27.12.2022).

5. Handbook on the Delimitation of Maritime Boundaries. New York: United Nations, 2000.

6. *Ramil J.* A New Maritime Legal Regime for Malaysia Within the Context of Ocean Governance. Kuala Lumpur: MIMA, 1998.

7. The United Nations Convention on the Law of the Sea. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e.pdf (дата обращения: 27.12.2022).

8. *Torla A., Yusof S., Kamal M. H. M.* The Dispute between Malaysia and Indonesia over the ND6 and ND7 Sea Blocks: A Malaysian Perspective // Journal of East Asia and International Law. Vol. 8, No. 1, 2015.

9. Undang-undang 17 Tahun 1985 tentang Pengesahan United Nations Convention on The Law of The Sea (Konvensi Perserikatan Bangsa-Bangsa tentang Hukum Laut). URL: https://pih.kemlu.go.id/files/UU_NO_17_TH_1985.pdf (дата обращения: 27.12.2022).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Крылов Никита Михайлович,
аспирант,
Дипломатическая академия МИД России,
krylov_nm@gov.ru
Nikita M. Krylov,
postgraduate student,
Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation,
krylov_nm@gov.ru

СОВРЕМЕННОЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОСТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ MODERN CONCEPTUAL CONSTRUCTION OF THE RUSSIAN PUBLIC DIPLOMACY SYSTEM AS A FACTOR OF ENSURING INFORMATION SECURITY

Аннотация: на современном этапе развития международных отношений важнейшую роль играет обеспечение национальной информационной безопасности. В статье анализируется аспект становления и современного развития системы публичной дипломатии, концепта «мягкой силы» как важнейших инструментов информационной борьбы России. Целью исследования является рассмотрение новых подходов в реализации государственной национальной политики Российской Федерации в вопросах обеспечения информационной безопасности.

Ключевые слова: «мягкая сила», информационная безопасность, публичная дипломатия, национальная безопасность, геополитика, международные отношения.

Abstract: at the present stage of development of international relations a concept of ensuring national information security plays an important role. The aspect of the formation and modern development of the system of public diplomacy, the concept of “soft power” as the most important tool of Russia's information warfare is analyzed in article. The purpose of the study is to consider new approaches to the

implementation of the state national policy of the Russian Federation in matters of ensuring information security.

Keywords: “soft power”, information security, public diplomacy, national security, geopolitics, international relations.

В быстро меняющемся глобальном пространстве международных отношений традиционная дипломатия активно дополняется концептом «публичной дипломатии», которая представляет собой структурированную и последовательную информационно-пропагандистскую деятельность в международном пространстве с участием общественных объединений и масс в международных процессах. Именно поэтому публичная дипломатия – «ресурс», посредством которого реализуется «мягкая сила» любого государства [3, с. 233].

В своей диссертационной работе А.В. Долинский пишет: «Проблема восприятия России за рубежом существует, наверное, столь же долго, сколько сама российская государственность. Вся российская история наполнена жестами, призванными продемонстрировать мировой общественности, что нашу страну воспринимают неправильно» [1]. При этом сам исследователь отмечает, что на протяжении длительного времени существует негативная для российского государства ситуация, при которой за рубежом Россия воспринимается не таким образом, каким хотелось бы ее гражданам.

Постепенное изменение данной ситуации началось после того, как Российская Федерация, выйдя из тяжелейшего периода 1990-х годов, начала актуализировать вопросы публичной дипломатии. Из-за происходивших внутри страны на тот момент событий (экономический упадок, война в Чеченской Республике и т.п.) Россия не могла себе позволить выйти на более серьезный международный уровень, ограничиваясь лишь ближним зарубежьем, которое представляло собой бывшие советские республики [4, с.112].

В момент становления и развития публичной дипломатии министр иностранных дел России С.В. Лавров подчеркивал важность развития институтов гражданского общества и актуализацию их влияния на международную повестку. Стоит отметить, что дипломатический стиль зависит от нескольких факторов [5, с. 331]: внешнеполитических целей государства, внутривнутриполитической ситуации и конъюнктурных соображений.

Рассматривая вопрос формирования благоприятного «информационного фона» и положительного имиджа государства, необходимо осознавать наличие комплекса инструментальных мер по исследованию зарубежной аудитории, оценке и интерпретации получаемых данных, а также налаживание прямых и косвенных контактов с различными институтами гражданского общества и категориями элит внутри страны.

Реализация концепции публичной дипломатии, как любого иного стратегического плана, невозможна без формирования единой законодательной базы. Роль публичной дипломатии была обозначена в Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 г. Именно там появляются наиболее приоритетные задачи реализации публичной дипломатии, среди которых выделяются рекомендация осуществлять практическое использование «мягкой силы» как инструмента публичной дипломатии, необходимость формирования имиджа России в соответствии с ее уровнем социально-культурного, экономического и политического развития, продвижение положительного имиджа России и создание новых инструментов воздействия на международное восприятие, распространение культурных достижений народов России, укрепление позиций русского языка в глобальном пространстве, формирование устойчивой институциональной системы поддержки диаспор за рубежом, актуализация вопросов правового совершенствования системы публичной дипломатии.

В 2008 году Президент Российской Федерации Д.А. Медведев подписал указ, в рамках которого было осуществлено преобразование Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при

Министерстве иностранных дел Российской Федерации в Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств (позднее – Россотрудничество). Данный реорганизационный шаг позволил институционализировать подход в реализации государственной национальной политики в области публичной дипломатии и повысить статус данных мероприятий во внешнеполитической деятельности государства [6].

Деятельность данного Агентства велась по трем ключевым направлениям, обозначенным в концепте государственной национальной политики Российской Федерации: развитие системы образования и науки, публичная дипломатия, поддержка соотечественников за рубежом.

На протяжении длительного времени важнейшей деятельностью Россотрудничества являлось поддержание и развитие русского языка в Приднестровье, ДНР и ЛНР, Абхазии и Южной Осетии, русскоязычных территориях Украины. Продвижение русского языка рассматривалось как флагман развития идей Русского мира, так как формировалось устойчивое духовно-нравственное, религиозное и ценностно ориентированное единство с Россией. Таким образом, Агентство стало наиболее масштабной организацией, являющейся инструментом реализации публичной дипломатии России.

Несмотря на присутствие Россотрудничества в более чем 70 странах, мы полагаем, что наиболее важным является то, какие механизмы используются для поддержания и реализации публичной дипломатии как инструмента формирования положительного имиджа страны. По нашему мнению, для формирования системы эффективной деятельности механизма публичной дипломатии существует необходимость создания и осуществления индивидуальных подходов при реализации государственной национальной политики в отношении других государств, общностей, так как каждый обладает собственным менталитетом, восприятием информации, включая собственные геополитические и региональные интересы.

Важный элемент актуализации развития системы публичной дипломатии в контексте использования «мягкой силы» – система

образовательных программ, которые являются локомотивом реализации концепта «мягкой силы» любого государства, имеющего собственные стратегические национальные интересы.

С момента появления в отечественном академическом политологическом дискурсе понятия «мягкой силы» как инструмента реализации публичной дипломатии, повысилось внимание к системе образования как важнейшему инструменту осуществления внешней политики страны. Так, по мнению А.В. Долинского «...размытость целевых ориентиров снижает эффективность использования ресурсов, и политический результат конкретных проектов, даже качественно организованных, остается неоптимальным» [1].

Рассматривая инструмент продвижения образовательных инициатив России, стоит обратить внимание на Фонд «Русский мир» [7]. Характеризуя данную организацию, А.В. Долинский пишет, что «эта структура в чем-то проста для исследования, потому что является довольно традиционным средством публичной дипломатии с точки зрения своей изначальной концептуальной основы» [1].

Наиважнейшая задача Фонда – популяризация русского языка, который является «национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры», а также поддержка образовательных программ по его изучению в России и за рубежом. Анализируя основополагающие цели и задачи Фонда, можно сделать вывод о том, что данная структура схожа по своей деятельности с такими зарубежными организациями, как Альянс Франсез, Британский совет, Институт Конфуция и др. Как подчеркивает А.В. Долинский, новаторским отличием «стала, собственно, идея существования некоего Русского мира – транснационального сообщества людей, объединенных неравнодушием к России» [1].

Помимо иных существующих традиционных организаций, оказывающих поддержку реализации концепта публичной дипломатии, следует отметить значимый вклад Фонда поддержки публичной дипломатии

им. А.М. Горчакова, который был учрежден Министерством иностранных дел Российской Федерации как механизм поддержки публичной дипломатии и содействия участию российских неправительственных структур в международном сотрудничестве, вовлечение институций гражданского общества во внешнеполитические процессы. В рамках своей деятельности Фонд им. Горчакова оказывает содействие и поощряет исследования, связанные с внешнеполитическими проблемами России, способствует формированию устойчивого положительного имиджа России за рубежом, защищает государственные и общественные интересы России.

Анализ общемировой информационной ситуации заставляет осознавать значимость донесения государственной точки зрения до наиболее широкой международной общественности. Актуализация вопросов национальных интересов и безопасности посредством средств массовой информации является важным элементом построения имиджа государства. В современных условиях ведения информационной войны против России средства массовой информации остаются источником альтернативной точки зрения для жителей других стран, мировой общественности.

Телеканал Russia Today – действенный инструмент продвижения позиции России по наиболее острым и актуальным вопросам международной и региональной повестки [2]. Интерес к позиции России настолько преобладает в глобальном информационном пространстве, что еще в 2012 году телеканал, по версии Общенациональной системы рейтингов телевизионных каналов BARB, занял третье место по популярности, обогнав арабский телеканал Al Jazeera, американский Fox News и европейский Euronews.

Детализируя проблемы противодействия в информационной борьбе, которая развязана против Российской Федерации, следует отметить, что на сегодняшний момент не существует профессионалов в области массовых коммуникаций, так как отечественные высшие учебные заведения не готовят специалистов такого профиля в том направлении, которое необходимо государству для реализации государственной национальной политики,

противодействия информационной войне. Именно поэтому многие эксперты склонны полагать, что Российская Федерация проигрывает информационную борьбу в противостоянии с Украиной.

Наличие структурных, управленческих и законодательных ошибок в реализации стратегии национальной политики в области публичной дипломатии связано с несколькими фундаментальными факторами, которые должны быть исправлены для недопущения более чудовищных последствий государственного масштаба. Среди таких факторов можно выделить отсутствие единого органа, отвечающего за системное управление публичной дипломатией.

Функции реализации публичной дипломатии находятся под управлением Министерства иностранных дел Российской Федерации, Министерства регионального развития, Общественной палаты России, различных фондов, международных отечественных телеканалов, однако отсутствует единая правовая база механизма координации и контроля, что способствует снижению степени эффективности проводимых внешнеполитических и информационно-просветительских действий в отношении зарубежной аудитории.

Управление отечественной системой публичной дипломатии происходит на уровне высших должностных лиц, тогда как распоряжения отдаются пресс-службами первых лиц. Данный метод реализации публичной дипломатии имеет ряд существенных недостатков, таких как отсутствие возможности на повседневной основе руководить процессом публичной дипломатии. Организационная деятельность носит строгий вертикальный характер, что формирует сложности горизонтальной кооперации и инициативности «снизу». Имеющаяся структура не отвечает требованиям современной координации из-за высокой степени бюрократизма.

Кроме того, нет должного качества обучения специалистов высшей категории в области массовых коммуникаций. На государственном уровне отсутствует механизм подготовки высококвалифицированных кадров для

нужд средств массовой информации. Российские каналы за рубежом вынуждены самостоятельно разрабатывать стандарты и осуществлять обучение сотрудников в связи с необходимостью предъявления высоких требований к ним, а также активного развития самой системы информационно-технического пространства.

Нехватка квалифицированных кадров сказывается на качестве предоставляемого контента для международной аудитории, тогда как зарубежные телеканалы имеют возможность получать правительственное и неправительственное финансирование, что позволяет формировать богатую систему специалистов широкого профиля для нужд средств массовой информации.

Обращает на себя внимание и отсутствие инициативности в реализации публичной дипломатии. Она представляет собой комплекс принимаемых мер для проведения государственной национальной политики с целью формирования устойчивого положительного имиджа государства, достижения необходимых результатов в вопросах общественного мнения. В отечественной практике сложилась тенденция к формированию лишь в узком направлении информационно-просветительской повестки, без системности самой работы. Продолжение деятельности на имеющихся фундаментальных основах приводит к отсутствию готовности к адаптации в изменяющейся информационно-технической среде, что сказывается негативным образом на достижении результатов государственной национальной политики России.

Несмотря на имеющиеся недостатки системы публичной дипломатии, Российская Федерация, ее институты продолжают активно учиться вести необходимую информационно-просветительскую деятельность. Налаживание системы координаций, формирование необходимой повестки и желание оказать воздействие на правильное восприятие иностранными гражданами позиции России способствуют открытию инновационных подходов в решении проблем, имеющих в деле реализации концепта «публичной дипломатии».

Подводя итоги анализа отечественной системы публичной дипломатии, необходимо отметить, что проблемы, существующие в данном сегменте государственной национальной политики России, необходимо заблаговременно решать в связи с отсутствием возможностей повторять исторические ошибки прошлого, которые стали одной из причин трагических процессов начала 1990-х гг.

События на территории Украины 2022–2023 гг. показывают, что следует усилить информационно-просветительскую деятельность, актуализировать вопросы, связанные с государственной стратегией национальной политики в отношении зарубежных государств, в частности изучить зарубежный опыт оказания информационно-просветительского воздействия на широкую международную аудиторию.

Список источников и литературы

1. *Долинский А.В.* Современные механизмы сотрудничества в рамках публичной дипломатии. Дисс. на соиск. степени к.полит.н. М., 2011. Режим доступа: https://mgimo.ru/files2/y04_2011/186135/autoref_dolinskiy.doc (дата обращения: 31.01.2023).
2. *Иванов И.* Внешняя политика России в эпоху глобализации / Игорь Иванов. - М.: Олма-пресс, 2018 - 416 с.
3. *Мухин О.В.* Информационные войны в современной российской прессе / Диссертация на соискание научной степени кандидата филологических наук. ФГБОУ ВГ «ВГУ», Воронеж, 2019 – 148 с.
4. *Рассел Дж.* Внешняя политика России в период президентства Владимира Путина / Джесси Рассел. - М.: VSD, 2016. - 808 с.
5. *Скальковский К.А.* Внешняя политика России и положение иностранных держав / К.А. Скальковский. - М.: Книга по Требованию, 2018. 825 с.
6. Указ Президента Российской Федерации «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества» №

1315 от 6 сентября 2008 [Электронный ресурс]
<http://www.kremlin.ru/acts/bank/28020> (дата обращения: 31.01.2023).

7. Указ Президента Российской Федерации от 21 июня 2007 года № 796 «О создании фонда «Русский мир» [Электронная версия]
<https://web.archive.org/web/20080213223018/http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=40139&PSC=1&PT=1&Page=1> (дата обращения: 31.01.2023).

Хайдаров Абдусамат Ахатович,
доктор политических наук, профессор
Дипломатической академии при Университете
мировой экономики и дипломатии, Узбекистан,
akhat54@gmail.com

Abdusamat A. Khaydarov,
Doctor of Political Sciences, Professor
of the Diplomatic Academy at the University of
World Economy and Diplomacy, Uzbekistan,
akhat54@gmail.com

**ШТРИХИ К ПРИЧИНАМ И ПОСЛЕДСТВИЯМ ПАДЕНИЯ
ПРАВИТЕЛЬСТВА А. ГАНИ В АФГАНИСТАНЕ
STROKES TO THE CAUSES AND CONSEQUENCES OF THE FALL OF
THE GOVERNMENT OF A. GHANI IN AFGHANISTAN**

Аннотация: приход «Талибана» к власти в Афганистане в августе 2021 года создал новую геополитическую ситуацию в стране и вокруг нее. Перемены, происходящие в Афганистане после окончания более чем сорокалетней войны, заставляют по-новому взглянуть на роль традиционных ценностей афганского народа на политические процессы в Афганистане. Целью данного исследования является рассмотрение причин, приведших к быстрому падению правительства А. Гани и не нашедших достаточного освещения в научных исследованиях. Работа строится на изучении фактического исторического материала, хроники событий последнего десятилетия и личных наблюдений автора в ходе работы в Афганистане в указанный период. Используются аналитические материалы, опубликованные на страницах зарубежных массмедиа. Методологической основой выступает сравнительно-исторический метод, исследование базируется на принципах историзма, достоверности и научной объективности. Автор приходит к выводу, что в основе сложившейся ситуации в Афганистане лежат упущения и недооценка его прежним правительством и странами Запада роли культурного кода афганцев. Отмечается, что нахождение компромисса международного сообщества с временным правительством Афганистана, по

всей видимости, не будет простым и потребует существенных усилий обеих сторон и времени.

Ключевые слова: Афганистан, «Талибан», пуштуны, культурный код, ислам, мусульманское духовенство, оппозиция.

Abstract: the Taliban's rise to power in Afghanistan in August 2021 created a new geopolitical situation in and around the country. The changes taking place in Afghanistan after the end of more than forty years of war make us to take a fresh look at the role and influence of the cultural values of the Afghan people on the political processes in Afghanistan. The purpose of this study is to examine the reasons that led to the rapid fall of the A.Gani government, but have not found sufficient coverage in scientific researches. The work is based on the study of factual historical material, chronicles of the events of the last decade and personal observations of the author during his work in Afghanistan at the mentioned period; analytical materials published on the pages of foreign mass media were used. The methodological basis is the comparative historical method; the research is based on the principles of historicism, reliability and scientific objectivity. The author comes to the conclusion that the basis of the current situation is the omissions and underestimation by the former government and Western countries of the role of cultural code of Afghans. It is noted that finding a compromise between the international community and the interim Government of Afghanistan, apparently, will not be easy and will require considerable efforts on both sides and time.

Keywords: Afghanistan, Taliban, Pashtuns, cultural code, Islam, Muslim clergy, opposition.

Что не учел Запад?

Для большинства западных экспертов, в том числе военных, столь быстрое падение правительства А. Гани все еще остается непонятым до конца событием, коренным образом изменившим геополитику Афганистана. За полтора года, прошедших со времени падения республиканского режима, на страницах средств массовой информации многих стран мира появился ряд публикаций на эту тему с изложением различных причин быстрого падения

республиканского правительства в августе 2021 года. Несмотря на обилие материалов на эту тему, как представляется, все еще остаются важные, неосвещенные стороны этого драматичного события в истории Афганистана, которые кроются в особенностях развития самого афганского общества и афганского государства. В этой связи хотелось бы вкратце остановиться на отдельных, но наиболее значимых причинах падения республиканского режима, уже изложенных в печати, и дополнить эту картину недостающими деталями, которые могут позволить лучше понять и нынешнюю ситуацию в Афганистане, и ее возможное развитие в ближайшей перспективе.

Исходя из этого, хотелось бы в первую очередь обратиться к западным источникам с изложением их видения, так как именно коалиция западных стран последние двадцать лет до падения Кабула предпринимала усилия по модернизации афганского общества и построению демократического государства, расположенного на стратегически важном стыке регионов Западной, Центральной, Южной Азии и Китая.

Так, генералы в отставке Фрэнк Маккензи и Джозеф Вотел, два бывших командующих Центральным командованием США, в интервью «Голосу Америки» заявили, что решение вывести все американские войска из Афганистана в конечном итоге привело к падению Кабула [18]. Схожая оценка содержится в докладе специального генерального инспектора по восстановлению Афганистана от мая 2022 года [16].

Аналитик Американского института предпринимательства Кори Шейк, также ссылаясь на бывшего командующего Центральным командованием специальных операций США Майкла Нагаты, к основным причинам относит стремление создавать вооруженные силы по образу и подобию США, что часто не соответствовало политическим и социальным обстоятельствам, в которых действовали эти силы. Кроме этого, Кори Шейк говорит о совершенно иных политических и социальных условиях, в которых проходило обучение афганских солдат, а также отмечает, что если целью США было повышение мощи государства, то руководители обучаемых сил ставили перед

своими вооруженными силами иные цели, которые впоследствии порождали коррупцию. В качестве причин он также выделяет краткосрочность многих учебных программ США, которые затрудняли установление долгосрочного влияния [32].

Похожей точки зрения придерживается Джон Манза, бывший помощник генерального секретаря НАТО по операциям в 2018–2022 годах. Во-первых, по его словам, Альянс сражался в стратегически неуместном месте не с тем врагом. Во-вторых, хотя союзники руководствовались благими намерениями, они расширили масштаб и сферы миссии далеко за пределы стратегического уровня интересов. В-третьих, НАТО стремилось создать силы безопасности, которые плохо соответствовали афганской культуре и технологическому потенциалу [25].

Бывший высокопоставленный сотрудник службы национальной безопасности Исламской Республики Афганистан Абдул Вахид Ахмад, а ныне сотрудник Института по предотвращению геноцида и массовых злодеяний при Государственном университете Нью-Йорка, и американский аналитик и специалист по обработке данных Габриэлла Ллойд, продолжая расширять ряд причин, приведших к падению республиканского правительства, излагают свое видение причин. Ссылаясь на никогда ранее не публиковавшийся внутренний документ, разработанный Межведомственным комитетом по оценке угроз национальной безопасности и политике, они выделяют некомпетентность и коррумпированность афганского государства, активное противодействие России, Ирана и Китая миссии Запада в стране, а также односторонние переговоры между США и «Талибаном», которые усилили движение и подорвали Кабул [15].

Более жесткой точки зрения придерживается российский эксперт, глава Центра изучения Афганистана Андрей Серенко, который еще более года назад полагал, что резкое изменение положения дел на фронте в начале августа связано с достижением закулисных договоренностей между правительством

США и главным спонсором «Талибана» – Пакистаном [1]. Сегодня его точка зрения только укрепилась.

Имеются оценки и представителей «Талибана». В частности, Сухайл Шахин, представитель движения, базировавшийся ранее в Дохе, отмечал, что у них были прямые переговоры с прежними афганскими силами безопасности, которые велись также при посредничестве старейшин племен и религиозных ученых, и эта работа проводилась по всему Афганистану, а не в какой-то конкретной провинции или конкретном географическом месте [23].

Все приведенные оценки выглядят логичными и достоверными, но отражают в основном отдельные аспекты той ситуации, которая складывалась в стране на протяжении последних нескольких лет. Однако для полноты всей картины, как представляется, необходимо вернуться к более ранним событиям истории Афганистана и попытаться определить социальную базу движения и ее основные элементы, сыгравшие ключевую роль в многолетнем противостоянии.

Ситуация, созданная «Талибаном» после установления контроля в стране, вполне ясно говорит о том, что основной опорой нынешнего временного правительства является значительная часть мусульманского духовенства, а также вождей пуштунских племен. Мусульманское духовенство на протяжении всей истории афганского государства всегда играло и продолжает играть исключительно важную роль в общественно-политической жизни общества, оказывая самое непосредственное влияние на формирование самосознания и поведение миллионов верующих в стране.

Не меньшим влиянием обладали и вожди племен, особенно в «зоне расселения пуштунских племен», или как ее еще называют в «пуштунском поясе племен», в восточных, юго-восточных и южных провинциях, граничащих с Пакистаном. Оба сословия всегда стремились поддерживать свой статус независимости от центральных властей, но уверенно контролировали политическую ориентацию соплеменников в местах своего постоянного проживания. В отмеченном поясе пуштунских племен до сих

пор сохраняется довольно высокий уровень трайбализма, что объективно способствует поддержанию политики «Талибана». Более того, первое поколение руководителей «Талибана» и большинство нынешних руководителей движения являются выходцами из этой полосы, тесно связанных кровными узами с вождями и маликами племен.

В «зоне племен», граничащей с Пакистаном, за прошедшие сорок с лишним лет накоплено огромное количество оружия. Именно в этой полосе проходили наиболее ожесточенные бои отрядов моджахедов с войсками ДРА и советскими подразделениями в 1979–1989 гг. Последних однозначно рассматривали как иноземных захватчиков. Главным приобретением того периода моджахедов, из недр которого вырос «Талибан», стал опыт противодействия модернизации по советскому образцу и боевых действий против советских войск, который оказался востребованным и использовался «Талибаном» уже против модернизации по западным лекалам, навязанной с вторжением войск США и НАТО в Афганистан в 2001 году.

Кроме того, более чем 40-летний период войн, повлекший многочисленные разрушения и массовую миграцию в соседние страны, привнес существенные изменения в мировосприятие и поведение афганских пуштунов. Однако следует отметить, что истоки противостояния любому иностранному влиянию коренятся в исторической памяти афганского народа, особенно в его борьбе с колониальной Англией в XIX – начале XX века за свободу и самостоятельное развитие, которая служила своеобразной путеводной нитью и примером подражания для исламистских повстанческих движений 1980-х и 2000-х гг. Нынешнее поколение афганцев хорошо знает имена полевых командиров и лидеров радикальных группировок, действующих в Афганистане, и плохо помнит имена своих поэтов и просветителей. Их место заняло духовенство, ставшее влиятельным элементом социальной базы «Талибана», состоящей в основном из сельского населения.

К этому времени США вышли победителями в холодной войне с Советским Союзом. В мире установилась однополярная система мирового порядка, в которой США оказались единоличной доминирующей силой, как казалось, пришедшей на долгое время, что мешало объективной оценке складывающейся ситуации в Афганистане и вокруг него. После известных событий 11 сентября 2001 года Афганистан оказался в фокусе внимания США, которые вскоре начали боевые операции в этой стране и стали предпринимать усилия по созданию нового демократического государства.

Один из первых сигналов, положивших начало модернизации Афганистана, прозвучал в выступлении Дж. Буша в Военном институте Вирджинии [27]. Буш, окрыленный военным успехом войск коалиции, заявил, что: «Мир будет достигнут путем оказания помощи Афганистану в создании собственного стабильного правительства. Мир будет достигнут путем оказания помощи Афганистану в подготовке и развитии его собственной национальной армии...» [27]. Однако реальность оказалась намного сложнее, и достижение реального мира превратилось в весьма относительное понятие. Уже к концу 2005 – началу 2006 года талибы смогли перегруппироваться и начать боевые действия в большинстве провинций Афганистана.

Избранник Боннской конференции, первый президент нового Афганистана Х. Карзай оказался одним из первых, кто начал понимать всю сложность ситуации. К концу второго президентского срока взгляды Х. Карзая на будущее Афганистана и его отношение к «Талибану» претерпели трансформацию в сторону поиска компромисса с движением [24]. В феврале 2009 года Х. Карзай заявил, что возглавляемая США военная кампания против боевиков «Талибана» и «Аль-Каиды» привела к жертвам среди гражданского населения, арестам и обыскам в домах, что подрывает доверие афганцев [14]. По прошествии двух лет он называл талибов братьями, а за несколько недель до того, как последние войска США и НАТО покинули Афганистан, Хамид Карзай заявил: «Я думаю, что мы должны защищать свою собственную страну и заботиться о своей собственной жизни. <...> Их присутствие (дало нам) то,

что мы имеем сейчас. <...> Мы не хотим продолжать эти страдания и унижения, с которыми мы сталкиваемся. Для Афганистана будет лучше, если они уйдут» [19]. Как видно, приход к власти в Афганистане избранника Боннской конференции в качестве президента страны и двадцатилетние усилия по построению демократического государства с индоктринацией западных ценностей в конечном счете не принесли ожидаемых результатов и обернулись большой неудачей. Это, в свою очередь, привело к переоценке пребывания войск международной коалиции в Афганистане. Президент Байден незадолго до окончательного вывода войск США отметил: «Мы отправились в Афганистан не для того, чтобы строить государство. И только афганский народ имеет право и несет ответственность за то, чтобы решать свое будущее и как он хочет управлять своей страной» [30].

Что касается вопроса подготовки США 300-тысячной республиканской армии, которая должна была защищать республиканскую власть и ее новые ценности, то следует отметить, что молодые афганские новобранцы, набравшиеся в тренировочные центры под патронажем иностранных военных советников, до прохождения военной подготовки уже обладали вполне устоявшимся мировоззрением, сформированным под влиянием трех основных традиционных источников индоктринации, к которым относятся семья, школа и ислам.

Переформатировать их уже со сложившимся сознанием и мировосприятием в военных учебных центрах было практически невозможно, что и было эффективно использовано в информационной работе «Галибана» среди населения и в вооруженных силах республики. В совокупности эти моменты и обусловили низкий моральный дух вооруженных сил, многочисленные случаи дезертирства и инсайдерские атаки на иностранных военных советников, обернувшиеся в конечном итоге развалом армии. Х. Карзаю и А. Гани даже при колоссальной двадцатилетней помощи Запада не удалось создать армию, которая стала бы гарантом демократии, как это было успешно сделано К. Ататюрком в Турции сто лет назад.

Правительство национального единства при Х. Карзае и А. Гани, сформированное из представителей различных политических сил, этносов и конфессий, не имело сколько-нибудь единой и внятной объединяющей политико-идеологической платформы для стабилизации ситуации в стране. В правительстве, которое в народных массах называли «Национальным правительством лишенного единства» (National government of disunity), со дня его формирования и до последнего дня существования сохранялся разлом по этническому признаку. Сам президент А. Гани в столь критически важный период истории Афганистана не смог стать общенациональной, объединяющей фигурой всех политических сил, представлявших основные этносы страны.

В целом история последних сорока с лишним лет развития Афганистана показала, что попытки СССР и Запада по модернизации афганского общества не увенчались успехом. Одним из результатов этих попыток стало нарушение прежнего этнополитического баланса, при котором пуштуны с момента основания афганского государства занимали доминирующее положение в обществе и политической системе государства. После вывода иностранных войск из Афганистана и прихода к власти «Талибана» в августе 2021 года создание прежнего этнополитического баланса стало одной из основных задач руководства «Талибана». Восстановление доминирующего положения пуштунов в политической системе государства, а не только личные амбиции лежали и в основе силовых попыток Г. Хекматияра сместить президента Б. Раббани, этнического таджика, после его прихода к власти в стране в 1992 году.

Нахождение «Талибана» у власти в Афганистане в 1996–2001 гг. также можно рассматривать не только как попытку создания исламского эмирата и установления порядка, но и как политику по восстановлению доминирующего положения пуштунов. Вместе с тем в ходе бурного развития внутриполитических процессов, начиная с конца 1970-х гг., существенно вырос и уровень самосознания национальных меньшинств, которые смогли

создать политические партии для отстаивания своих интересов. Однако эти партии были выдвинуты из страны и в 1996 году, после первого захвата «Талибаном» власти в Афганистане, и после второго прихода к власти «Талибана» в августе 2021 года, ставшего причиной сворачивания всех усилий Запада по модернизации страны.

Вышеизложенные штрихи к падению правительства А. Гани и сложившаяся ситуация в самом афганском обществе к лету 2021 года говорят о том, что трудноразрешимой задачей и главным непреодолимым препятствием усилий Запада по модернизации афганского общества оказался культурный код доминирующего этноса – пуштунов, – являющийся отражением их культурной ментальности и складывавшийся на протяжении многих столетий из прошлого опыта его развития. Основными элементами этого культурного кода служат кодекс чести пуштунов, Пуштунвали, и ислам, существующие в неразрывной связи в сознании афганцев, которое сохраняет систему образов и ценностей, определяющих их идентичность, мышление и духовно-нравственные установки. Эти два ключевых элемента культурного кода пуштунов стали духовными скрепами пуштунского этноса и нашли свое отражение в его усилиях по отстаиванию традиционных ценностей афганского общества и борьбе с западными нововведениями. Именно эти стороны политики «Талибана» обеспечили талибам лояльное отношение и определенную поддержку широких масс афганского общества, особенно в сельской местности.

Именно культурный код во многом определял и определяет сознание, стереотипы поведения, жизненные позиции и мировоззренческие установки пуштунов Афганистана. Поэтому вторжение войск западной коалиции в Афганистан и попытки модернизации традиционного афганского общества были однозначно восприняты как угроза исламу, размывание исторической памяти, разрушение их многовековых традиций и ценностей и способствовали росту вооруженного повстанческого сопротивления. В этих обстоятельствах ислам стал объединяющим фактором повстанческого движения, в котором

участвовали не только пуштуны, но и представители других этносов. В современных политических реалиях Афганистана ислам в интерпретации руководства движения «Талибан» по сути является идеологией нынешнего временного правительства «Талибана».

Большая часть афганского традиционного общества, проживающая в сельской местности, включая сегменты национальных меньшинств, в котором господствовало и продолжает господствовать крестьянское сознание, оказалась не готова к принятию новых ценностей модернизации, которые старался привить коллективный Запад, но была готова отстаивать свой традиционный уклад жизни. В основном та урбанизированная часть общества, которая приняла ценности модернизации, оказалась в сложной ситуации с приходом к власти «Талибана» и была вынуждена эмигрировать или адаптироваться к новым политическим реалиям в стране.

Приверженцами новых ценностей в основном были городская молодежь и люди среднего возраста, которые из-за активизации боевых действий в Афганистане в конце 2005 – начале 2006 г. и неспособности правительства обеспечить базовые потребности населения в безопасности, продовольствии, медицинской помощи и образовании, начали эмигрировать за рубеж. Этот исход не прекращался вплоть до падения Кабула и установления власти «Талибана» в стране. По состоянию на конец 2021 года УВКБ ООН признало 2,7 миллиона афганских беженцев, что делает их третьей по численности группой беженцев в мире после сирийцев и венесуэльцев [28]. При этом пик эмиграции пришелся на 2013–2016 гг. [29]. Следующий пик беженцев попал на весенние и летние месяцы 2021 года.

Другими словами, республиканское правительство за годы своего существования, несмотря на созданные государственные органы управления, вооруженные силы и институты гражданского общества, а также поддержку коалиции западных стран, не смогло обеспечить рост и сохранение критической массы проправительственной части населения, которое могло бы удержать ситуацию в своих руках и продолжить дальнейшее развитие страны.

Сложности текущей ситуации в стране

С приходом к власти в Афганистане в августе 2021 года «Талибан» смог достичь ряда своих целей: полного вывода всех иностранных войск, освобождения своих бойцов и сторонников из афганских тюрем, отмены прежней конституции, а также провозглашения исламского эмирата, несмотря на заявление расширенной «тройки» в мае 2021 году о том, что международное сообщество в их лице не поддержит восстановление исламского эмирата [3]. Наряду с этим «Талибан» восстановил доминирующее положение пуштунов в афганском социуме. Таким образом, на границах стран Центральной Азии появилось второе теократическое государство.

По мнению зарубежных аналитиков, по прошествии 1,5 лет с момента смены власти ситуация в стране остается крайне сложной. Перестали функционировать практически все политические партии, за исключением ИПА Г. Хекматъяра, которая проводит редкие встречи своих активистов. Временное правительство «Талибана» сталкивается с трудностями управления страной. Ощущается нехватка квалифицированных кадров. Однако для нормализации деятельности аппарата управления «Талибана» стали привлекаться сотрудники с профессиональным опытом работы, введены некоторые послабления в отношении работы женщин в медицинских учреждениях. По заявлениям временного правительства Афганистана, предпринимаются усилия для обеспечения безопасности по периметру границ страны. Тем не менее невыполненным остается ряд ранее данных «Талибаном» обещаний, включая права женщин, разрыв связей с террористическими организациями, создание инклюзивного широкопредставительного правительства.

Наряду с этим «Талибан» в марте 2022 года провел реорганизацию представительных органов управления на субрегиональном уровне. Были распущены все представительные органы, в том числе провинциальные советы, шуры улемов. Фактические власти начали учреждать новые провинциальные шуры (советы) улемов в составе знатоков ислама и

старейшин племен [35]. Этим новым советам было поручено применять законы шариата и выстраивать доверие между властями и населением.

Источники в Афганистане также свидетельствуют, что талибы прибегают к методам принуждения в случаях, когда требуют от местных общин исполнения своих предписаний. Движение «Талибан» продолжало полагаться на жесткий подход к вопросам правосудия и разрешения споров [21]. В целом вполне очевидно, что «Талибан» стремится использовать духовенство и принуждение в качестве основных инструментов для поддержания стабильности в стране. Однако следует отметить, что не все местные общины и вожди племен, испытывающие дискомфорт от ограничения их прав и привыкшие к более независимым и свободным рамкам жизни, с симпатией относятся к политике местных представителей власти «Талибана» на местах, но пока предпочитают уклоняться от конфронтации с ними.

Сегодня «Талибан» предпринимает усилия по достижению своих оставшихся целей, которые сфокусированы на признании международным сообществом легитимности правительства, исключении движения из списка террористических организаций ООН и возобновлении странами Запада помощи в целях развития, размораживания государственных активов страны, введенных международным сообществом уже после его прихода к власти в августе 2021 года. Отдельного рассмотрения требует и ситуация в самом движении «Талибан». По сообщениям различных источников, в движении наблюдается скрытая борьба между тремя основными фракциями, стремящимися обеспечить себе главенствующую роль в сложившейся системе власти. Умеренную фракцию возглавляет мулла Бародар. Лидером наиболее радикальной фракции является С. Хаккани. Мулла Якуб, сын муллы Омара, первого руководителя «Талибана», является лидером третьей фракции, которая воздерживается как от умеренных, так и от крайне радикальных позиций. Нынешний лидер «Талибана» Хайбатулла Ахундзада, как это видно по его редким заявлениям, стремится предотвратить возможный раскол в

движении. Возможно, от исхода этой борьбы будет зависеть и степень готовности «Талибана» к нахождению компромисса с мировым сообществом по ключевым вопросам внутривнутриполитической жизни страны.

Наряду с этим на уровне полевых формирований «Талибана» также наблюдаются стычки и вооруженные столкновения военных формирований талибов-пуштунов с талибами-узбеками и др., которые говорят о появившихся расхождениях в рядах вооруженных сил «Талибана» [13]. Основные расхождения возникают из-за ущемления прав непуштунских групп, воевавших на стороне «Талибана». Как представляется, талибы, в рядах которых были и представители других этносов Афганистана, в ходе боевых действий с республиканским правительством после установления контроля на всей территории Афганистана не торопятся делить завоеванную власть со вчерашними союзниками или другими политическими силами.

Более того, одно из главных требований международного сообщества о формировании инклюзивного правительства пока воспринимается как отказ от долгожданной победы, грозящий утратой повторно восстановленного, доминирующего положения пуштунов в афганском социуме. Эйфория победы пока еще крепко владеет умами «Талибана». В результате компромисс по этому и другим ключевым вопросам с международным сообществом, скорее всего, не может быть достигнут в короткие сроки. Подтверждением этого является и точка зрения спецпредставителя президента России Замира Кабулова, который признал, что талибы «продолжают учиться управлять страной» и испытывают «комплекс победителей», который не позволяет им идти на уступки, в частности создать инклюзивное правительство (хотя Россия настаивает на том, что это необходимо) [4].

Есть ли выход?

Нынешняя ситуация в Афганистане характеризуется глубоким социально-экономическим и гуманитарным кризисом, поставившим большую часть населения страны на грань выживания. Отказ западных стран от поддержки для экономического развития и замораживание банковских счетов

только усугубляют ситуацию и вызывают у населения негативное отношение к Западу, который увязывает предоставление помощи с выполнением обещаний «Талибаном» по выполнению ряда требований международного сообщества, включая права женщин. Но, по оценкам западных аналитиков, стратегия Запада по предоставлению помощи на определенных условиях, а именно требования к «Талибану» смягчить действия в отношении прав женщин и других вопросов в обмен на финансирование, явно провалилась [22].

В целом международное сообщество, у которого пока нет единой разработанной постконфликтной стратегии в отношении Афганистана, находится в сложном положении. В стране сложилась новая политическая реальность, требующая внимания мирового сообщества для разрешения возникших проблем. Лучшим вариантом, как пишет Грэм Смит, один из аналитиков International Crisis Group (ICG), было бы работать с государством, контролируемым талибами, чтобы сохранить его основные функции: здравоохранение, образование, центральный банк, электроснабжение и социальные программы [32]. С этим тезисом трудно не согласиться.

В этой непростой ситуации страны Центрально-Азиатского региона, за исключением Таджикистана, выступают за налаживание и поддержание контактов с новыми афганскими властями и оказывают гуманитарную помощь населению страны. Наиболее активной стороной в создавшейся ситуации является Узбекистан, который с конца 2016 года предпринимает усилия по поиску возможных приемлемых путей разрешения афганского конфликта. Достижение мира в Афганистане стало одной из главных целей внешней политики Ташкента на этом направлении, в котором экономическая дипломатия играет важную роль.

Сегодня Узбекистан рассматривает перспективы стабильного и устойчивого развития в Центральной Азии в неразрывной связи с достижением мира в соседнем Афганистане и его восстановлением. В этой связи афганский вектор внешней политики Ташкента сфокусирован на

вовлечении Афганистана в межрегиональные связи, прежде всего в процессы экономического сотрудничества Центральной и Южной Азии. При этом Афганистан признается связующим мостом между Центральной и Южной Азией. На это нацелены и инициативы президента Республики Узбекистан, предусматривающие реализацию проектов трансафганской железной дороги «Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар» и линий электропередач «Сурхан – Пули-Хумри», которые могут содействовать подъему экономики и стать сигналом для вывода страны из тупика на путь сотрудничества с международным сообществом.

Как представляется, попытки неприятия новой политической реальности в Афганистане и игнорирования «Талибана» могут привести только к временному замораживанию конфликта и углублению гуманитарного кризиса. Поэтому актуальным звучит призыв Ташкента не допустить международной изоляции Афганистана, которая неизбежно приведет к дальнейшему ухудшению гуманитарной ситуации [38]. Ввиду этого поиск взаимоприемлемых путей разрешения имеющихся противоречий будет оставаться главной задачей мирового сообщества.

В нынешней ситуации талибы пока остаются единственной силой, добившейся прекращения войны и контролирующей практически всю территорию страны. Дальнейшее развитие ситуации в стране во многом будет зависеть от разрешения внутренних противоречий в самом движении «Талибан», его реальной внутренней политики и способности сохранять стабильность прежде всего в зоне племен и крупных городах, уменьшения политических расхождений с внутренней и внешней афганской оппозицией и готовности к компромиссам с международным сообществом. Отказ от такого пути будет означать «сползание» к гражданской войне и новому витку вооруженного противостояния. Многое будет зависеть и от международного сообщества, его умения использовать контакты с нынешним временным правительством талибов для удержания от нового витка гражданской войны и от создания условий в целях нахождения взаимоприемлемых решений.

Вместе с тем поиск компромиссов на начальном этапе, скорее всего, будет носить ограниченные рамки и потребует креативного подхода с обеих сторон. Восстановление доверия будет нелегким и потребует времени.

Список источников и литературы

1. Директор ЦИАП рассказал об истинной причине поражения афганской армии. URL: <https://lenta.ru/news/2022/08/16/fear/> (дата обращения: 12.03.2023).
2. Дустум и Нур учредили «Высший совет национального сопротивления Афганистана» URL: <https://asiaplustj.info/news/tajikistan/politics/20211025/dustum-i-nur-uchredili-visshii-sovet-natsionalnogo-soprotivleniya-afganistana> (дата обращения: 12.03.2023).
3. *Кабулов З.*: «Сила талибов в слабости нынешнего афганского режима». 24.05.2021. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1621829220>
4. *Кабулов З.*, спецпредставитель президента по Афганистану: талибы не сократили производство наркотиков за год правления // Коммерсантъ. 28.07.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5482070> (дата обращения: 12.03.2023).
5. *Малашенко А.* Афганистан не даёт забыть о себе на фоне Украины. Независимая газета. 29.08.2022. https://www.ng.ru/vision/2022-08-29/2_8525_afganistan.html
6. *Мирзиёев Ш.М.* «Важно не допустить превращение Афганистана в «страну-изгоя». 18.09.2021. <https://www.xabar.uz/ru/siyosat/afgonistondagi-vaziyatdan-juda>
7. Талибы перечислили основные направления своей политики. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/08/2021/611bd9a59a794750247c7fba>
8. Чего хочет лидер Движения национального сопротивления Афганистана Ахмад Масуд? Будут ли талибы вести переговоры? URL: https://www.youtube.com/watch?v=ThsEUN_hxb4&t=2s

9. Эксклюзив: Что Абдурашид Достум говорит о Талибан и будущем Афганистана? // Новости Би-би-си на узбекском языке. 16.08.2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=i8Nz6lHr1w8> (дата обращения:12.03.2023).
10. Afghan 'Fighting Season' Ushers in New Anti-Taliban Groups. April 27, 2022. URL: <https://www.voanews.com/a/afghan-fighting-season-ushers-in-new-anti-taliban-groups/6542148.html> (дата обращения:12.03.2023).
11. Afghan 'Fighting Season' Ushers in New Anti-Taliban Groups. April 27, 2022. URL: <https://www.voanews.com/a/afghan-fighting-season-ushers-in-new-anti-taliban-groups/6542148.html> (дата обращения:12.03.2023).
12. Afghanistan before and after 20 years of war (2001–2021). URL: <https://watson.brown.edu/costsofwar/files/cow/imce/papers/Afghanistan%20before%20and%20after%2020%20years%20of%20war.pdf> (дата обращения:12.03.2023).
13. Afghanistan's Security Challenges under the Taliban. International Crisis Group. Asia Report N°326, 12 August 2022. P 26.
14. Afghanistan's Karzai hits out at U.S. critics. Reuters. February 16, 2009. URL: <https://www.reuters.com/article/us-afghan-usa-karzai-sb-idustre51e1w920090216> (дата обращения:12.03.2023).
15. *Ahmad A. W., Lloyd G.* Lessons from Afghanistan for western state-building in a multipolar world. URL: https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2022/06/Lessons_From_Afghanistan.pdf
16. Collapse of the Afghan National Defense and Security Forces: An Assessment of the Factors That Led to Its Demise. URL: <https://www.sigar.mil/pdf/evaluations/SIGAR-22-22-IP.pdf> (дата обращения: 11.03.2023).
17. *Crawford N. C., Lutz C.* Human Cost of Post-9/11 Wars: Direct War Deaths in Major War Zones, Afghanistan & Pakistan (Oct. 2001 – Aug. 2021); Iraq (March 2003 – Aug. 2021); Syria (Sept. 2014 – May 2021); Yemen (Oct. 2002-Aug. 2021) and Other Post-9/11 War Zones. September 1, 2021. URL: <https://wat->

son.brown.edu/costsofwar/files/cow/imce/pa-

pers/2021/Costs%20of%20War_Direct%20War%20Deaths_9.1.21.pdf (дата обращения: 11.03.2023)

18. Former CENTCOM Commanders Say the US Not Safer Following Troop Withdrawal from Afghanistan. VOA Exclusive. August 23, 2022. URL: <https://www.voanews.com/a/voa-exclusive-us-not-safer-following-troop-withdrawal-from-afghanistan-former-centcom-commanders-say/6712729.html> (дата обращения: 12.03.2023).

19. Former president Karzai says: US failed in Afghanistan. 21 Jun 2021. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/6/21/former-president-says-us-failed-in-afghanistan> (дата обращения: 12.03.2023).

20. *Gallagher A.* Event Extra: Afghanistan's Media Landscape Amid Taliban Rule. United States Institute of Peace. Tuesday, February 7, 2023 <https://www.usip.org/publications/2023/01/event-extra-afghanistans-media-landscape-amid-taliban-rule#:~:text=BY%3A-,Adam%20Gallagher,-PUBLICATION%20TYPE%3A> (дата обращения: 12.03.2023).

21. *Hakimi H., Price G.* Afghanistan: One year of Taliban rule. Chatham house. Expert comment. 15 August 2022. <https://www.chathamhouse.org/2022/08/afghanistan-one-year-taliban-rule>

22. *Hakimi H., Price G.* Afghanistan: One year of Taliban rule. Chatham house. Expert comment. 15 August 2022. <https://www.chathamhouse.org/2022/08/afghanistan-one-year-taliban-rule> (дата обращения: 11.03.2023)

23. How the Taliban engineered 'political collapse' of Afghanistan. Reuters, August 17, 2021. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/how-taliban-engineered-political-collapse-afghanistan-2021-08-17/> (дата обращения: 11.03.2023).

24. *Khaydarov A.A.* (2020). Muslim Clergy vs. Authority in Contemporary Afghanistan: View from Uzbekistan. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (4), 747—762. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-4-747-762

25. Manza J. I wrote NATO's lessons from Afghanistan. Now I wonder: What have we learned? URL: https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/i-wrote-natos-lessons-from-afghanistan-now-i-wonder-what-have-we-learned/?mkt_tok=NjU5LVdaWC0wNzUAAAGGLd-vFJRXcw_V1L8vZqTvEqAgyEKT-mELSIfyneFEKUDgZdRAy4TQE089RKL7y8NbqYbUFg0h9-8h0EMtpdjXkS9_3gwxсO7z71mxLvJjsAnA (дата обращения: 11.03.2023).

26. Mills P. Afghanistan in review: Taliban and opposition groups prepare for a new spring fighting season in Afghanistan. Mar 9, 2022 - Press ISW URL: <https://www.understandingwar.org/backgrounder/afghanistan-review-taliban-and-opposition-groups-prepare-new-spring-fighting-season> (дата обращения: 12.03.2023).

27. President Bush Speaks at VMI, Addresses Middle East Conflict. Aired April 17, 2002. URL: <http://edition.cnn.com/TRANSCRIPTS/0204/17/se.02.html> (дата обращения: 12.03.2023)

28. Refugee Data Finder. UNHCR. URL: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics/> (дата обращения: 11.03.2023).

29. Refugee population by country or territory of asylum – Afghanistan. The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.REFG?locations=AF>

30. Remarks by President Biden on the Drawdown of U.S. Forces in Afghanistan JULY 08, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/07/08/remarks-by-president-biden-on-the-drawdown-of-u-s-forces-in-afghanistan/> (дата обращения: 11.03.2023)

31. Schake K. America has historically struggled to train foreign militaries. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2021/08/us-afghanistan-taliban-training/619774/> (дата обращения: 11.03.2023).

32. Smith G. Stop Starving Afghanistan. Why the West Should Release Its Economic Chokehold. Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/afghanistan/2021-12-29/stopstarving-afghanistan> (дата обращения: 11.03.2023)

33. Taliban says they ‘forgive’ the soldiers who fought against them. Evening Standard. 17 August 2021. URL: <https://www.standard.co.uk/news/world/taliban-claims-forgive-soldiers-who-fought-against-them-b951096.html> (дата обращения: 11.03.2023).

34. Taliban spokesman Zabihullah Mujahid says group won’t allow territory ‘to be used against anybody or any country’ – updates as they happened. 17 Aug 2021.

35. The situation in Afghanistan and its implications for international peace and security: report of the Secretary-General. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3977808?ln=en> (дата обращения: 11.03.2023)

36. The situation in Afghanistan and its implications for international peace and security: report of the Secretary-General. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3977808?ln=en> (дата обращения: 11.03.2023).

37. *Tian N.* 20 years of US military aid to Afghanistan. URL: <https://www.sipri.org/commentary/topical-backgrounder/2021/20-years-us-military-aid-afghanistan> (дата обращения: 11.03.2023).

38. To the Participants of the International Conference «Afghanistan: Security and Economic Development». URL: <https://president.uz/en/lists/view/5377> (дата обращения: 11.03.2023).

Синчук Юрий Владимирович,

доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории международных отношений
Московского государственного лингвистического университета,

sinchukjv@mail.ru

Yuri V. Sinchuk,

Doctor of Political Sciences, Professor,
Head of the Department of Theory and History of International Relations,
Moscow State Linguistic University,

sinchukjv@mail.ru

Синчук Игорь Юрьевич,

кандидат политических наук,
доцент кафедры политических процессов и технологий
Университета мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского,

1907s88@gmail.com

Igor Y. Sinchuk,

candidate of Political Sciences,
associate Professor of the Department of Political Processes and Technologies
University of World Civilizations V.V. Zhirinovsky,

1907s88@gmail.com

ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ POLICY OF GERMANY AND FRANCE WITHIN THE EUROPEAN UNION

Аннотация: Германия и Франция на современном этапе выступают как ключевые акторы международных отношений, которых, бесспорно, можно назвать одними из лидирующих государств современного миропорядка, чье влияние в мировой политике пробуждает интерес с точки зрения прогнозирования их статуса и возможной оценки «геополитического равновесия». Германия и Франция в современном мире участвуют в выработке главнейших международных решений, определяют судьбу всего мирового сообщества.

Ключевые слова: Германия, Франция, Евросоюз, политика, международные отношения, ООН.

Abstract: the relevance of this article is due to the fact that Germany and France at the present stage act as key figures in IR, it can undoubtedly be called one

of the leading states of the modern world order. And its influence in world politics, in turn, awakens a general interest in this actor in the international arena in order to predict its own status on the world stage and a possible assessment of the "geopolitical equilibrium". For more than a century, Germany and France have occupied one of the leading places in world politics and economics. France can rightfully be considered one of those States that participate in the development of the most important international decisions that determine the fate of the entire world community.

Key words: Germany, France, European Union, politics, international relationships, United Nations.

Важнейшей частью процессов западноевропейской интеграции за прошедшие десятилетия является франко-германское сотрудничество. С начала европейского интеграционного движения тандем Франции и Германии лежал в основе Евросоюза. Принятие определенных решений на самом высоком уровне долгие годы обеспечивало взаимодействие данных государств. Идея продолжения и углубления интеграционного процесса всегда отстаивалась правительствами Франции и Германии. Созданный за долгие годы механизм взаимодействия этих двух стран практически никогда не давал сбоев. Но в свете последних событий отношения между Францией и Германией все больше ухудшаются из-за внешнеполитических разногласий. Утрачиваются прежние позиции, изменился баланс сил в Европейском союзе, нарушив и без того непрочное единство между 27 государствами-членами.

«Союз с Францией больше не считается ключевым во внешней политике для Германии, которая все больше склоняется к поддержке антироссийских стремлений восточноевропейских стран», – заявил обозреватель Le Figaro Пьер Авриль. Сосредоточенность Германии на внутренних экономических проблемах также не нравится Франции. Разногласия Парижа и Берлина связаны с расхождением взглядов на развитие Евросоюза. Франция выступает за развитие «жесткой основы», в которую будут входить государства,

приверженные усилению интеграции, Германия же поддержала идею расширения Евросоюза на восток.

В последнее время Германия постепенно теряет лидерство в регионе и уже не может стать гарантом европейской безопасности, уступая это место Франции.

Стремление США переместить центр геополитической тяжести на Восточную Европу вызывает опасение у Франции и Германии лишиться доминирующего положения в ЕС.

Активное участие США в политике восточноевропейских государств, в поддержке Украины, определение НАТО как защитника Европы пошатнули лидерство Франции и Германии в Евросоюзе и оттеснили на второй план. Об этом свидетельствует активная поддержка стран Центральной и Восточной Европы, стран Прибалтики, считающих Вашингтон лучшим гарантом их безопасности после окончания холодной войны и во всем поддерживающих Соединенные Штаты.

Со смещением геополитического центра тяжести Европы на восток и усилением влияния США на континенте не готовы мириться западноевропейцы, которые в настоящее время поддерживают политику стратегической автономии Европы, идею обороны и безопасности, возможности создания армии ЕС. Теперь перед руководством Франции и Германии стоит вопрос, как вернуть себе авторитет и инициативу при возросшей роли Соединенных Штатов.

Обострение отношений между Парижем и Берлином затрагивает целый ряд сфер – от энергетики до обороны. Большая часть современных проблем между Францией и Германией объясняется текущими обстоятельствами. Трансформации, происходящие в мире, изменяют Евросоюз.

Франция и Германия в современном многополярном мире

Одним из приоритетов внешней политики Франции президент Э. Макрон рассматривал курс на укрепление взаимодействия с Германией, но с позиции повышения роли Франции в сфере экономики. По его инициативе в

июне 2018 года в Мезеберге были уточнены основные экономические параметры двусторонней кооперации, а в январе 2019 года был подписан новый договор с ФРГ о сотрудничестве и интеграции. В начале февраля 2019 года тандем подвергся испытанию на прочность, которое он благополучно преодолел.

Основная причина продолжающейся разбалансировки международной системы отношений заключается в нежелании западного «меньшинства» принять многополярные реалии и отказаться от своих гегемонистских устремлений. Расклад сил на глобальной арене продолжает меняться не в его пользу. Поэтому коллективный Запад во главе с США упорно пытается удержать свое доминирующее положение. Понятно, что за пять веков к этому быстро привыкли, трудно расстаться с этими привычками.

Раскол политической элиты Франции в 2017 году на два основных противоборствующих лагеря – сторонников евроатлантического курса, в соответствии с которым предполагалось, что Франция продолжит путь интеграции с Евросоюзом и укрепит свое сотрудничество в рамках Североатлантического альянса, и сторонников второго курса, поддерживающих идею возрождения «голлистской Франции», а именно усиление суверенитета Пятой Республики в международных отношениях и постепенное ослабление зависимости от Европейского союза и НАТО.

Поддержка евроатлантического курса выражалась в предвыборных обещаниях Э. Макрона сохранить «державный» статус Пятой Республики на международной арене, прежде всего в рамках ЕС [9, с. 34-39]. Франция должна была стать новым центром силы и мощи на Европейском континенте, для чего необходимо было преодолеть внутренние кризисы, подрывающие страну изнутри.

С другой стороны, в Э. Макроне прослеживались некоторые черты знаменитого Шарля де Голля, который в 1966 году приостановил членство страны в военной составляющей НАТО. Так и Э. Макрон в своей предвыборной речи заявлял, что, хотя деятельность Североатлантического

альянса и вносит вклад в укрепление Европы, пора ЕС построить собственную систему безопасности, не зависящую от США. В одном из интервью новоизбранный президент провозгласил: «Франция должна вновь стать великой державой. Это необходимость» [11].

Правительство ФРГ в разные годы было инициативным лидером как расширения, так и углубления европейской интеграции. По мнению канцлера Германии Олафа Шольца, Европейскому союзу нужно принять в свои ряды новых членов, включив в объединение страны Западных Балкан – Сербию, Черногорию, Албанию, Боснию и Герцеговину, Северную Македонию, а также Украину и Молдавию. При этом в перспективе в ЕС может войти Грузия, а также частично признанное Косово.

Истоки европейской политики Германии, особая роль Берлина в международных отношениях отмечаются на этапе быстрого роста ЕС в 1990-е – начале 2000-х гг. Но начавшаяся в конце 2000-х гг. полоса кризисного развития Евросоюза в значительной степени изменила основные положения европейской политики Германии, привела к появлению евроскептического дискурса.

Выход Великобритании из Европейского союза (2020 год) значительно изменил баланс сил в пользу франко-германского тандема. Брексит имеет прямое отношение к военно-политическому положению Французской Республики, которая получила больше возможностей в политической и военной сферах, несмотря на экономическое лидерство Германии в ЕС. В Евросоюзе до Брексита были две ядерные державы, на данный момент Франция – ядерная монополия в ЕС (ядерное оружие – признак суверенности страны).

В отличие от политики Великобритании, направленной на объединение ЕС с США, подчеркивающей особые отношения с Соединенными Штатами в сферах обороны и разведывательной деятельности, стремящейся к осуществлению оборонной политики ЕС, не противоречащей НАТО, президент Франции Эммануэль Макрон заявил о необходимости большей

военно-политической самостоятельности от США и НАТО: Европа должна быть более независимой от США, в том числе в рамках НАТО.

В свою очередь, Германия выступает за укрепление сотрудничества между Евросоюзом и США и призывает страны ЕС не вступать в конфликт с Соединенными Штатами Америки из-за субсидий. В связи с ослаблением Евросоюза в военно-политическом отношении после выхода из него Великобритании сократились военные возможности ЕС. В то же время проамериканская и пронатовская Восточная Европа (страны Прибалтики, Восточной Европы) обращается к США с просьбой о расширении военного присутствия в регионе, наращивании оборонного производства для реализации оборонных контрактов.

Таким образом, рушатся планы Франции создать суверенную и самостоятельную Европу, превратить Европейский союз в отдельную сверхдержаву, возникают опасения в заразительности примера Брексита для других государств ЕС.

Поскольку выход Великобритании из Евросоюза возлагал на Германию лавры экономического лидера, то Франция, по мнению Э. Макрона, должна была сосредоточиться на укреплении сферы обороны и безопасности.

Важным шагом, который сделал Э. Макрон в европейском направлении, стало то, что лидер вдохнул новую жизнь в Елисейский договор, подписанный еще в прошлом веке между Францией и ФРГ. Обновление данного документа в 2019 году означало укрепление взаимодействия двух сильнейших европейских государств на континенте в военной сфере [5, с. 12–15]. Стратегическое сотрудничество Франции и Германии поднялось на абсолютно новую ступень в последние годы, закрепив их особую роль в Евросоюзе: обе страны обязались усиливать общую безопасность, получая доступ к большинству военно-гражданских объектов, располагающихся на территории обоих государств.

Вместе с тем, что касается политико-стратегической составляющей ЕС, Э. Макрон выступает с европейской интервенционной инициативой, суть

которой сводится к проведению совместных военных действий, контролируемых сразу ООН, НАТО и, конечно, ЕС. В инициативу французского лидера заложена идея общеевропейского характера, не налагающая тяжким бременем новых обязанностей на члены-государства ЕС, но лишь дополняющая договоренности, заключенные ранее в НАТО и PESCO (Постоянное структурированное сотрудничество, созданное в 2017 году), о кооперации стран в соответствии со Стратегией внешней политики и безопасности Евросоюза.

Выступив с данной инициативой, Э. Макрон преследовал достаточно конкретные цели [10], а именно вовлечь своих европейских союзников в военные операции, проводимые Францией, например в регионе Сахель, к югу от Сахары, а также ускорить темпы развития Общей политики безопасности и обороны ЕС в свете недовольства французского лидера результатами работы PESCO.

Однако идеи реформирования Европейского союза, сложившиеся в новую стратегию ЕС и предложенные Э. Макроном в его первый срок правления, были реализованы лишь частично. Было создано Европейское агентство по защите границ и берегов, контингент которого составил 5000 человек, но это не решило острую проблему миграции на континенте. Также был запущен Европейский оборонный фонд, который во многом дублирует функции НАТО, создать же Совет безопасности ЕС так и не удалось.

Тем не менее европейское направление является приоритетом внешней политики Пятой республики, которая с 1 января 2022 года стала председателем в Совете Евросоюза. Франция планирует и дальше осуществлять реформы по углублению интеграции в рамках ЕС, в частности рассматривается введение таких мер, как установление порога заработной платы во всех европейских государствах, внедрение углеводородного налога, что способствовало бы скорейшему становлению европейских экономик на зеленый путь, а также планируется более строгое регулирование действий транснациональных цифровых компаний на территории Евросоюза. Особую роль на себя пытался

взять французский лидер в украинском кризисе, став связующим звеном между Западной и Восточной Европой.

В последние годы Франция претендует на звание лидера в военно-политической сфере [4, с. 6–10], конкурируя за это звание со своим соседом – Германией. Перед последней у Пятой республики есть существенное преимущество – ядерный потенциал, который с выходом Великобритании из ЕС стал продвигаться французским руководством в качестве альтернативы американскому ядерному щиту. Республика выступает в качестве гаранта координированной ядерной политики в рамках ЕС, настаивая на том, что Европе давно пора проводить свою самостоятельную политику в военной и ядерной сферах. Вместе с тем французское руководство не отказывается от сотрудничества с НАТО и непосредственно с Соединенными Штатами. Однако приоритетной задачей на данном этапе является укрепление интеграционной политики на континенте с преобладающей ролью Пятой республики.

Анализируя особенности внешней политики Германии в условиях преодоления кризисных последствий пандемии коронавируса и сентябрьских выборов в бундестаг (2021 год), стоит отметить, что преобладающее значение во внешней политике ФРГ уделяется европейскому и трансатлантическому направлениям, отношениям с основными системообразующими международными организациями.

На международной арене ФРГ представляет федеральный канцлер. С 8 декабря 2021 года кресло федерального канцлера занимает О. Шольц, сменивший на этом посту А. Меркель. Именно он определяет основные направления внешней и внутренней политики. Однако канцлер отнюдь не обладает единоличной властью: задавая вектор развития, он должен считаться с членами правящей коалиции. С декабря 2021 года у власти в ФРГ находится так называемая коалиция «Светофор», в которую впервые в истории вошли не две, а сразу три партии – социал-демократическая партия Германии, «Союз 90/Зеленые» и Свободная партия Германии.

Приоритетными направлениями во внешней политике ФРГ по-прежнему являются развитие и укрепление европейского и трансатлантического сотрудничества, а также упрочнение отношений с основными системообразующими международными организациями.

Европейский союз объективно занимает ведущее место во внешнеполитическом курсе Германии. ФРГ заинтересована в укреплении безопасности хозяйственно-политического пространства Евросоюза, повышении его устойчивости, конкурентоспособности, дальнейшем развитии рыночных механизмов и расширении единого внутреннего рынка, который для Германии становится основным на современном этапе для сбыта товаров и услуг. Для достижения поставленных целей Германия инициировала совместно с Францией следующие проекты: Европейский зеленый курс (2019 г.), Цифровая повестка (2020 г.) и Стратегия промышленной политики ЕС (2020 г.).

Германия, как и ранее, опирается в своем внешнеполитическом курсе на тандем с Францией, который обновил свои правовые основы 22 января 2019 года в Ахене (соглашение вступило в силу ровно через год). Соглашение рассматривается Берлином и Парижем в качестве важнейшего двигателя франко-германской политической и экономической интеграции.

Сотрудничество двух европейских лидеров по-прежнему во многом определяет политические и экономические процессы в Европе и оказывает влияние на формирование механизмов ЕС по выходу из кризиса, вызванного пандемией коронавируса. В тандеме Германия–Франция экономическим лидером является Германия. В силу этого окончательное совместное решение по различным вопросам внешней политики и сотрудничества двух стран остается за ней. Франция в этом тандеме играет роль военно-политического лидера. Противоречия в военной области сотрудничества проходят по линии экспорта вооружения в третьи страны: Германия выступает противником такого экспорта, Франция, наоборот, заинтересована в обратном.

Военная кооперация двух стран особенно заметна в участии Германии и Франции в проекте PESCO. Германия выступает за оборонный характер этого проекта с учетом интересов всех стран – участниц ЕС.

Из действующих 46 проектов PESCO Германия в середине лета 2021 года возглавила шесть направлений: координирование медицинского обеспечения войск (European Medical Command); идентификацию возможностей ЕС в предотвращении и урегулировании кризисов (EUFOR Crisis Response Operation Core); формирование европейской сети логистического обеспечения войск (NetLogHubs); развитие сотрудничества по эксплуатации и использованию беспилотных летательных аппаратов (Eurodrohne); координацию географических, метеорологических и океанографических исследований (GeoMETOC, Geo-Meteorological and Oceanographic); создание центра по координации обмена информацией в сферах кибернетической и информационной безопасности (CIDCC, Cyber and Information Domain Coordination Centre).

Как председатель Совета ЕС с 1 июля по 31 декабря 2020 года ФРГ смогла достичь ряда успехов в продвижении PESCO, реализация которой существенно отставала от первоначального графика.

Возвращаясь к тандему Германия–Франция, стоит отметить, что пандемия коронавируса 2020–2021 гг. стала мотивирующим фактором для руководства Германии и Франции для объединения усилий по выходу из пост-пандемического кризиса, например майская (2020 год) инициатива двух стран-партнеров по созданию фонда восстановления и поддержки позиции южных стран в вопросе получения помощи. Германии удалось добиться компромисса с группой северных стран, согласовать параметры нового фонда Next Generation EU и утвердить финансовый план на семь лет. Германия и Франция выступили основными спонсорами вопроса интеграции антикризисной программы в Европейский зеленый курс – энергетический и цифровой переход на пути к созданию климатически нейтральных экономик стран – членов ЕС.

В то же время для Германии особо важную роль играют взаимоотношения с США. Будучи одним из основных инициаторов PESCO, Германия по-прежнему рассматривает участие в НАТО и отношения с Соединенными Штатами в качестве важнейшего приоритета в обеспечении своей и европейской безопасности. Однако, несмотря на существенное улучшение в восстановлении конструктивных отношений с новой американской администрацией в лице президента Байдена, между сторонами сохраняется ряд спорных вопросов, в том числе в сфере оборонных расходов и экономики.

Особое место во внешней политике Германии занимают Китай и Россия. Ценностные постулаты побуждают Берлин все больше усиливать критику обоих государств, в том числе по причине существенно выросших, с его точки зрения, угроз по отношению к ФРГ и другим странам коллективного Запада.

По инициативе Германии, как лидера Евросоюза, в октябре 2020 года были введены новые санкции Евросоюза против России, к которым были добавлены очередные ограничительные меры ЕС и США в марте 2021 года.

Германия стала рассматривать Россию как агрессивное государство, угрожающее территориальной целостности соседей, совершающее кибератаки, вмешивающееся во внутренние дела других международных субъектов и нарушающее демократические ценности и права человека на своей территории. Специальная военная операция РФ на Украине наложила глубокий отпечаток на жизнь в Германии. По предположениям посла ФРГ в США Эмили Хабер для WP, конфликт на Украине перенес Германию в новую эпоху. Эффект от антироссийских санкций для Германии, как самого мощного двигателя европейской экономики, будет только усиливаться.

Возникшие противоречия, конкуренция между Францией и Германией за европейское лидерство, так или иначе, находятся в институциональных рамках ЕС и НАТО, и их позиции со временем будут определены. Франция и ФРГ сталкиваются с необходимостью искать новые условия и возможности внутри ЕС.

Российско-германские и российско-французские отношения

С момента объединения ГДР и ФРГ (1990 год) и до настоящего времени ФРГ являлась одним из основных партнеров России на мировой арене. Г. Коль, Г. Шредер и А. Меркель традиционно выступали «защитниками» России в ЕС. Во многих внешнеполитических вопросах страны занимали единую позицию. Например, Москва и Берлин осудили операцию США в Ираке в 2003 году, ФРГ, поддержав Россию, выступила резко против принятия Грузии в состав НАТО в 2008 году, негативно воспринимала ФРГ и развертывание американских ПРО в Восточной Европе, считая, что они направлены против России.

Первым глубоким потрясением для российско-германских отношений был 2014 год. Присоединение Крыма к России стало началом взаимного отдаления. Затем последовали новые противоречия – полярные позиции относительно гражданской войны в Сирии. При этом, несмотря на все сложности политического характера, показатели экономических отношений между Россией и ФРГ хотя и испытывали на себе после 2014 года последствия санкций и контрсанкций, продолжали оставаться высокими. Согласно данным ФТС РФ товарооборот между Россией и ФРГ в 2021 году составил 56,9 млрд долл. Таким образом, ФРГ стала крупнейшим торговым контрагентом России в сравнении с остальными странами ЕС [3].

Тем не менее кризис в отношениях назревал. Ряд ключевых постов в новом правительстве ФРГ заняли политики, скептически настроенные по отношению к Москве, начался обмен претензиями, постепенно сокращались двусторонние контакты и закрывались площадки для диалога. Показательна в этом плане заморозка в 2021 году деятельности Петербургского форума, а также прекращение вещания российского канала Russia Today в ФРГ и присвоение в России немецкому информационному portalу Deutsche Welle статуса иностранного агента.

Копившаяся годами напряженность окончательно выплеснулась наружу после начала специальной операции России на Украине. О. Шольц осудил

действия российских властей и обвинил Москву в «нарушении международного права» [12]. Как уже отмечалось, в качестве ответа на реакцию России О. Шольц объявил о приостановке сертификации СП-2, был поднят вопрос о сокращении поставок в ФРГ российских энергоресурсов. Кроме того, Берлин поддержал все санкционные меры ЕС, которые, несомненно, приведут как к значительному сокращению показателей товарооборота, так и еще больше осложнят двусторонние политические отношения. Так, по мнению экспертов, под вопросом может оказаться межведомственное взаимодействие по линии Берлин–Москва [1].

Российско-французские отношения развивались последовательно. Франция долгое время была одним из лидеров по иностранным инвестициям в Россию. Но в последнее время отношения между Россией и Францией подверглись глубокому реформатированию. Франция, как и Германия, выступила за пересмотр основных принципов европейской политики в отношении России на фоне СВО РФ на Украине.

Таким образом, дальнейшее развитие российско-германских и российско-французских отношений будет зависеть от хода конфликта на Украине. Конечно, едва ли можно говорить о полном прекращении контактов, как политических, так и экономических, между двумя странами, но и улучшения или хотя бы нормализации ситуации в ближайшее время ждать не приходится. ЕС не остановится на уже введенных мерах и продолжит облагать Москву тяжелыми санкциями как минимум до окончания острой фазы конфликта. Сокращение контактов негативно сказывается на обеих странах: цена на газ в ЕС продолжает обновлять исторические максимумы, в России же продолжается инфляция, размеры и последствия которой на данный момент невозможно предсказать. Сложившаяся экономическая ситуация приведет, помимо всего прочего, к уходу из России значительной части мелких и средних немецких предприятий, что также будет болезненно не только с экономической, но и с политической точки зрения, поскольку именно представители немецкого бизнеса, заинтересованные в российском рынке,

оказывали большое влияние на правительства Франции и ФРГ, добиваясь поддержания благоприятных двусторонних отношений. В настоящий момент можно, однако, констатировать, что основное воздействие на российско-французские и российско-германские отношения будет оказывать именно фактор безопасности на Востоке Европы, а все экономические и иные выгоды, которые приносит сотрудничество между двумя странами, окажутся в его тени.

Список источников и литературы

1. Белов В. Отношения России и Германии в тени событий вокруг Украины. [Электронный ресурс] // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/otnosheniya-germanii-i-rossii-v-teni-sobytyi-vokrug-ukrainy/> (дата обращения: 12.03.2022).

2. Госдеп: США и ФРГ превратили «Северный поток – 2» в «грудю металла» [Электронный ресурс] // ПРАЙМ. URL: <https://1prime.ru/energy/20220223/836149817.html> (дата обращения: 13.03.2022).

3. Итоги внешней торговли с основными странами за январь – декабрь 2022 // Федеральная таможенная служба РФ: URL: <https://customs.gov.ru/folder/511> (дата обращения: 10.03.2022).

4. Рубинский Ю. И. Национальный суверенитет в политической культуре Франции / Ю. И. Рубинский // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. №1. С. 6–10.

5. Синдеев А. А. Общая политика безопасности и обороны: франко-германское взаимодействие / А. А. Синдеев // Общество, политика, экономика, право. 2019. № 3. С. 12–15.

6. США начали ополчаться на ФРГ как на «ненадежного» партнера из-за Украины [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/01/2022/61f495f59a7947b769b1ba44> (дата обращения: 10.03.2022).

7. Телевизионное обращение Федерального канцлера Олафа Шольца по случаю нападения на Украину, 24.02.2022 [Электронный ресурс] URL: <https://germania.diplo.de/ru-ru/aktuelles/-/2513930> (дата обращения: 13.03.2022).

8. Das geschah in der Nacht [Электронный ресурс] // FAZ. URL: <https://www.faz.net/aktuell/ukraine-konflikt/ukraine-berichte-ueber-tote-und-verletzte-bei-luftangriffen-17862961.html> (дата обращения: 10.03.2022).

9. Dumoulin A., Gros-Verheyde N. La politique européen de sécurité et de défense commune. / Paris; Bruxelles: Editions du Villard, 2017. 490 p.

10. Initiative pour l'Europe – Discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie, démocratique, publié le 26 Septembre 2017. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/09/26/initiative-pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-democratique> (дата обращения: 07.03.2022).

11. Macron – International: rompre avec le «néoconservatisme» // Le Point. 30.08.2017. URL: https://www.lepoint.fr/politique/macron-international-rompre-avec-le-neoconservatisme-30-08-2017-2153386_20.php (дата обращения: 07.03.2022).

12. Putin wird nicht gewinnen. [Электронный ресурс] // Der Tagesspiegel. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/kanzler-scholz-zeigt-sich-ueberzeugt-putin-wird-nicht-gewinnen/28099868.html> (дата обращения: 12.03.2022).

Козюлин Вадим Борисович,
кандидат политических наук, заведующий Центром глобальных исследований и международных отношений Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России,
профессор Академии военных наук,
v.kozyulin@dipacademy.ru

Vadim B. Kozyulin,
Ph.D. (Political Science), Head of the Center for Global Studies & International Relations of the Institute of Contemporary International Studies of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Professor of the Academy of Military Sciences,
v.kozyulin@dipacademy.ru

**ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА СОВРЕМЕННОЕ
ОБЩЕСТВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON MODERN SOCIETY
AND INTERNATIONAL RELATIONS**

Аннотация: цифровые технологии влияют на среду обитания человека, саму человеческую природу и систему общественных отношений. Распространение новых технологий ведет к постепенному изменению роли государства и в итоге сказывается на международной безопасности, создавая новые угрозы.

Некоторые изменения продиктованы исключительно техническими факторами, но другие являются результатом использования новых цифровых возможностей в идеологическом и геополитическом противостоянии.

Возникающие риски для России особенно велики в условиях санкционного давления и информационного противоборства, поскольку на ожидаемые от появления новых цифровых технологий негативные эффекты будет накладываться стремление коллективного Запада повлиять на культурный код россиян и использовать открытость России к западным цифровым технологиям для доминирования в российском информационном пространстве.

Значительное число стран мира испытывает подобные проблемы на национальном и международном уровнях, поэтому у России найдется круг государств-единомышленников, с которыми возможно скоординированно противостоять связанным с цифровыми технологиями угрозам на международной арене.

Ключевые слова: цифровые технологии, искусственный интеллект, метавселенные, «Интернет вещей», цифровые двойники, виртуальная реальность, дополненная реальность, цифровая мобильность.

Abstract: digital technologies change the human environment, human nature itself and the system of social relations. The spread of new technologies leads to a gradual change in the role of the state and, as a result, affects international security, creating new threats.

Some changes are dictated by purely technical factors, but others are the result of the use of new digital opportunities in the ideological and geopolitical confrontation.

The emerging risks for Russia are especially great in the context of sanctions pressure and information confrontation, since the negative effects expected from the emergence of new digital technologies will be superimposed by the desire of the "collective West" to influence the cultural code of Russians and use Russia's openness to Western digital technologies to dominate the Russian information space.

A significant number of countries in the world are experiencing similar problems at the national and international level, so Russia has a circle of like-minded states to cooperate in countering digital threats in the international arena.

Keywords: digital technologies, artificial intelligence, metaverses, Internet of Things, digital avatars, virtual reality, augmented reality, digital mobility.

Введение

Об угрозах научно-технического прогресса развитию человечества предупреждал Стивен Хокинг: «Прогресс может нас погубить с большей вероятностью. Мы не должны его останавливать,

но мы обязаны признать опасность развития науки и более тщательно ее контролировать» [4].

Случается, что самым своим появлением цифровые технологии открывают опасные возможности, вовсе не предусмотренные создателями. Так, возникновение метавселенных (речь о них пойдет ниже) оказалось сопряжено с массовыми проявлениями сексуального насилия над аватарами [10].

Другая проблема связана с тем, что самообучающиеся программы на основе нейронных сетей не всегда предсказуемы, их действия порой не поддаются человеческой логике, а результаты работы бывают парадоксальны. Известны случаи, когда в общении с разработчиками программы переходили на непонятный язык, который сами программы и создавали. При этом нейронные сети зачастую не в состоянии объяснить свою логику на человеческом языке. Программисты признают, что такого рода действия бывает сложно понять и почти невозможно исправить.

Реальную опасность представляет использование нейронных сетей для оценки человеческого общества и особенно для влияния на него.

Между тем пример американской программы COMPASS (Collection & Monitoring via Planning for Active Situational Scenarios) показывает, что современные цифровые технологии уже способны проникать в сеть международных отношений и влиять на их развитие [9]. COMPASS разработана для аналитической поддержки принятия военных решений с учетом геополитических интересов противника. В рамках этого проекта искусственный интеллект (ИИ) исследует серую зону, которую разработчики характеризуют как «ограниченный конфликт, находящийся между "нормальной" конкуренцией между государствами и тем, что традиционно считается войной». Перед программой COMPASS поставлена задача вскрыть «намерения участников серой зоны, включая цели, задачи и желаемые стратегии», на втором этапе оценить «кампанию противника, включая действующих лиц, взаимосвязи, сроки и зависимости тактики противника», и

на третьем – рекомендовать «пробные действия» и отслеживать в режиме реального времени реакцию противника.

Учитывая, что человеческое существование почти целиком состоит из конфликтов (семейных, корпоративных, территориальных), искусственный интеллект сможет собрать богатый урожай данных, количество которых будет зависеть лишь от заданной глубины поиска.

Другую угрозу, связанную с цифровыми технологиями, представляет сам человек – разработчик. Человек, которому доверяют огнестрельное оружие в армии, проходит специальное психологическое тестирование. Особенно подробно исследуют психологический портрет операторов ядерного оружия. IT-специалисты подобного тестирования не проходят. Между тем нередко эти люди, рисуя новые виртуальные миры, испытывают «комплекс Создателя», могущество которого не признавало ограничений. В свете ожиданий появления искусственного суперинтеллекта, который, по прогнозу Ника Бострома, постарается уничтожить естественный интеллект, психическое здоровье IT-разработчиков заслуживает внимания [6]. Специалисты IT-сферы не всегда осознают последствия своих действий и, как правило, не имеют профильного образования в области международной безопасности.

Новые цифровые технологии

Ускоряющийся научно-технический прогресс регулярно приносит человечеству цифровые новинки, а вместе с ними и новые угрозы, из которых лишь часть возможно предвидеть. Вероятно, технологии будущего будут настолько всепроникающими и всеохватывающими, что сделают для государств неэффективным или даже невозможным только технический контроль. В дополнение к средствам обеспечения кибербезопасности понадобится регулирование информационно-психологической (психофизической) составляющей.

Метавселенные

Тенденцией 2021 года стало массовое строительство метавселенных. Корпорация Facebook поменяла название на Meta, обозначив новый глобальный тренд – создание экосистем, альтернативных цифровых миров, где виртуальность тесно переплетается с реальностью.

Помимо развлечений и социальных сетей, метавселенные предлагают пользователям и рабочие места, и платежные инструменты. В этих мирах функционирует финансовая криптовалютная система. В вузах метавселенных возможно получать образование любого уровня и реальные дипломы. Недвижимость в виртуальных городах уже продается за миллионы долларов: аукционный дом Sotheby's создал в Decentraland цифровую копию своей штаб-квартиры, а правительство Барбадоса приобрело участок для размещения цифрового посольства. В виртуальном мире могут появиться виртуальные партии с виртуальной политической деятельностью и виртуальными протестными акциями.

По прогнозу аналитиков Citibank, к 2030 году рынок метавселенных достигнет 13 трлн долларов, а количество пользователей к тому моменту увеличится до 5 млрд [2].

Вслед за Цукербергом свои метавселенные создают другие цифровые гиганты – NVIDIA, Sony, Microsoft. Для создания метавселенной в январе 2022 года Microsoft приобрела Activision Blizzard за рекордные 69 млрд долларов. Это сигнал начала жесткой конкурентной схватки за виртуального пользователя.

Российские крупнейшие высокотехнологичные корпорации – Сбербанк, Яндекс, МТС и ряд других – включились в гонку за лидером, они тоже создают собственные метавселенные. «Сбер» развивает экосистему цифровых продуктов, но полноценную параллельную реальность строить пока не готов.

Россия не имеет права остаться в стороне от «раздела» виртуального мира, чтобы не стать виртуальной колонией американских цифровых ТНК, что суждено многим странам.

Цифровые платежи

Цифровые валюты получили широкое распространение в мире, и у правительств нет единого мнения о том, следует ли их запретить, ограничить или узаконить. Очевидно, что анонимное использование криптовалют создает сферу для финансирования криминальной и террористической деятельности. Немаловажно, что даже легальные расчеты в цифровых валютах выпадают из-под контроля государства.

Правовой режим криптовалют значительно различается в разных странах: в ряде государств операции с ними официально запрещены, другие признают их в качестве расчетной денежной единицы. В 2016 году Европейский парламент направил в Европейскую комиссию предложение о создании целевой группы по мониторингу виртуальных валют для борьбы с отмыванием денег и терроризмом. «Большая семерка» также считает, что криптовалюты могут «создать проблемы для стран в области регулирования и надзора» [8].

Без международного сотрудничества у властей отдельного государства мало возможностей обеспечить прозрачность оборота цифровых валют. Это создает предпосылки для формирования международного режима по регулированию оборота криптовалют.

VR и AR

Технологии виртуальной реальности (Virtual Reality – VR) и дополненной реальности (Augmented Reality – AR) являются необходимыми инструментами для погружения в виртуальное пространство. Современные образцы громоздки и дороги, что ограничивает их распространение. Однако данные технологии быстро совершенствуются, и в ближайшие годы можно ожидать массового распространения эргономичных и легких девайсов, что будет означать важную ступень в переходе человека к трансгуманизму. Смена смартфонов на очки дополненной реальности, вероятно, приведет к сокращению живого общения и переместит человечество в мир виртуальных впечатлений и эмоций. В мир, в котором нет ни временных, ни государственных границ.

Цифровые двойники

Технология цифровых двойников подразумевает информационную связь физического продукта в реальном пространстве с его цифровой копией в виртуальном пространстве. Это может быть отдельный агрегат, автомобиль, фабрика или целый город. Цифровой двойник насыщенного датчиками реального объекта позволяет улучшить технические характеристики продукта, оптимизировать производительность, обеспечить качественный онлайн-мониторинг.

Эффективность индустрии цифровых двойников доказана многими примерами. Компания P&S Intelligence делает прогноз: рынок цифровых двойников вырастет с \$3,2 млрд в 2020 году до \$184,5 млрд к 2030 году.

Соединенные Штаты развивают это направление на государственном уровне. В США уже внедрена национальная программа цифровых двойников, которая предполагает создание компьютерных копий крупных американских городов для улучшения инфраструктуры и расширения спектра цифровых услуг. По прогнозам ABI Research, к 2025 году около 500 городов в мире будут использовать реплики городской инфраструктуры.

При этом пользователи цифровых двойников попадают в тройную зависимость – от производителей программных систем оцифровки, поставщиков аппаратных решений и решений для кибербезопасности. Проблему для России представляет тот факт, что ведущими разработчиками этих систем в мире являются американские корпорации: Microsoft, IBM, SAP, Oracle, Qualcomm, Intel, General Electric, Palo Alto.

Космический интернет

Илон Маск разворачивает на орбите сеть спутников Starlink для глобальной раздачи интернета. Этот канал коммуникаций будет недостижим для контроля государственных властей. Вероятно, российский Госкомнадзор будет бессильен не только регулировать, но даже наблюдать за этим цифровым каналом.

«Интернет вещей»

С развитием сетей связи 5G мир наполнится предметами «Интернета вещей» (Internet-of-Things – IoT), которые будут взаимодействовать друг с другом или с внешней средой. Предметы производства, транспорта, быта будут нести на себе средства идентификации, измерения и передачи данных.

IoT-технологии найдут широкое применение в маркетинге, торговле, а также в политической сфере – профайлинге населения и воздействии на общественное мнение. В отчете Национального разведывательного совета США (National Intelligence Council) 2008 года «Интернет вещей» называется одной из шести подрывных технологий, которые могут повысить риски в сфере национальной информационной безопасности.

Немаловажно и то, что технологии IoT будут игнорировать государственные границы. Непросто заставить владельцев «вещей» хранить информацию, которой они обмениваются, на национальной территории.

Соединенные Штаты серьезно настроены получить монополию на рынке 5G и IoT. Китайские конкуренты Huawei и ZTE были «удалены с поля» под надуманным предлогом нарушения санкций в отношении Ирана.

Новые технологии рождаются неожиданно, и их появление бывает непросто предсказать. Также сложно предвидеть последствия их вхождения в нашу жизнь. Например, возникшая недавно технология токенов NFT становится самостоятельной отраслью, которая, по данным аналитической компании Chainalysis, уже оценивается в 44,2 млрд долларов. Незатейливые NFT-токены позволили художникам проводить аукционы, а потребителям цифрового инструментария становиться бенефициарами. NFT служит примером того, как быстро на базе цифровых технологий могут образовываться новые рынки, не подконтрольные правительствам.

Человек под воздействием цифровых перемен

Современное общество начинает не без опасений сознавать, что информационные и вычислительные процессы сегодня воздействуют на формирование личности и современной культуры, а искусственный

интеллект, цифровая среда и интеллектуальная робототехника становятся неотъемлемой частью человеческого существования.

Ученые отмечают влияние избытка информации на людей, о котором еще в V веке до н.э. в диалоге «Гефт» говорил Платон: «Они будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых».

Сегодня для описания этой проблемы все чаще применяют термин «синдром информационной усталости». Основным симптомом этого недомогания — неспособность сконцентрироваться, причиной которой, якобы, является перегрузка краткосрочной памяти человека. Это ведет к деградации человека цифровой эпохи, прежде всего в духовно-нравственном отношении.

Технологии влияют на человеческую природу: предпочтение отдается коротким сообщениям, а не длинным текстам; утрачиваются навыки живого общения. Происходит трансформация этики и морали. Это естественный процесс, но не все его проявления можно признать приемлемыми. Мы можем отметить: нетребовательность к грамматическим ошибкам; вседозволенность в режиме «инкогнито»; распространение ненормативной лексики, новояза и сленга; готовность некритически воспринимать дезинформацию и фейки; лояльное отношение к публикации частных материалов; нигилизм; сдвиги в критериях благородства, чести и честности.

Переопределение личной идентичности

Помимо перемен в морали, этике и культуре, цифровые технологии несут человеческому обществу проблему атомизации. Уже сегодня быстрое появление цифровых новинок ведет к тому, что люди бывают не в состоянии просто понять их назначение и связанный с ними лексикон (например, *poscode-инструменты*, *Pay-to-Socialize*, *кикшеринг*).

Эта проблема, очевидно, знакома людям старшего поколения, поздно познакомившимся с интернетом и смартфоном. Но и для молодого поколения

растет количество непонятных цифровых новаций, которые могут остаться неизвестными навсегда. Цифровая среда разделяет пользователей на профессиональные и социальные интерактивные объединения (геймеры, домохозяйки, инвесторы, пенсионеры).

Через лайки и комменты пользователи цифровых технологий становятся участниками информационного процесса. Цифровая интерактивность и онлайн-взаимодействие открывают возможности для формирования новых трансграничных сообществ между людьми, которые ранее идентифицировали себя по месту жительства, национальности, языку или конкретной культуре. То есть цифровые технологии влияют на изменение личной идентичности и создают новые источники ценностей.

На почве цифровой этики возрастает мультикультура, которая замещает молодому поколению национальные традиции и идеалы примерно так, как на российском рынке продукцию «Союзмультфильма» заменили произведения Диснея. Разнообразные национальные культуры вытесняет мультикультура (как правило, на основе американских представлений). Этот процесс происходит параллельно с распространением английского языка, доминирование которого в мире становится тотальным.

Кроме тенденции к сведению культурного многообразия в глобальную мультикультуру, происходит вытеснение человека из сферы культуры за счет применения технологий с использованием искусственного интеллекта.

Государство под прессом цифровых перемен

Эти перемены в личности сказываются и на уровне государства. Возможно, наблюдаемые в поведении человечества когнитивные нарушения, поверхностное восприятие, «клиповое мышление» лежат в основе другой заметной проблемы – недостатка на международной арене твердых, принципиальных лидеров.

Цифровая мобильность

Пандемия коронавируса открыла глаза на то, насколько цифровая экономика благоприятна для удаленного режима работы. По всему миру офисные работники начали перевозить компьютеры в свои загородные дома.

С началом спецоперации на Украине в России случился другой переток кадров, на этот раз – за рубеж. Основной контингент уехавших составили специалисты в области IT-технологий.

Однако развитие цифровых технологий создает и более значимые трансформации: люди могут перестать быть гражданами своей страны, даже физически находясь в ней.

Председатель Банка России Эльвира Набиуллина с опасением смотрит на перспективы появления метавселенных. ЦБ видит риски в утрате контроля над персональными данными, а затем и над жизнью отдельного индивидуума [3].

Метавселенные, цифровые двойники, цифровые валюты формируют мир без границ, а точнее создают виртуальные миры, в которых существуют другие границы. Власть в этих границах принадлежит транснациональным корпорациям.

Как предупреждали в своем докладе эксперты клуба «Валдай»: «На смену прежним платформам, построенным на территориальной основе, придут "новые платформы", основанные на альянсах корпоративных экосистем. Корпоративные платформы способны с течением времени трансформироваться в универсальные экономические системы, предоставляющие перечень услуг, которые ранее концентрировались на национальном/государственном уровне» [1].

В мире получает распространение концепция трансгуманизма, нацеленная на создание состоящего из людей-киборгов кибернетического постчеловечества. Сторонники этого почти политического движения готовы отказаться от культурных «предрассудков» ради скорейшего внедрения технологий и формирования общества, основанного на новых принципах.

В 2017 году в США была зарегистрирована некоммерческая религиозная организация под названием «Путь будущего». Ее миссия: «Развивать и продвигать осознание Божества, основанное на искусственном интеллекте, и через понимание Божества и поклонение Ему вносить вклад в улучшение общества» [7]. Некоторые эксперты по искусственному интеллекту отмечают, что ИИ будет понимать, как устроен мир, на более высоком уровне, чем индивидуумы. Многим людям будет удобнее обращаться к ИИ с вопросами, за ответами на которые сегодня они идут в храм. Всезнающий ИИ уже имеет определенные корреляции с тем, как «работает» религия, и он может показаться достойным поклонения.

Подводя итог, можно отметить тренды в изменениях человеческой природы под влиянием цифровых технологий, которые могут сказаться на международных отношениях: массовое некритическое отношение к информации, тенденцию к подмене национальных культур мультикультурой, развитие «цифровой мобильности», переопределение личной идентичности, готовность части общества придать отношению к искусственному интеллекту форму религиозного культа.

Безусловно, каждое общество самостоятельно устанавливает нормы и правила поведения в Сети и вне ее, но скоординированные международные усилия будут также необходимы.

Международное измерение цифровых трансформаций

Цифровые технологии даже без злонамеренного человеческого умысла способны размывать государственные границы, формировать цифровое «государство в государстве», подменять моральные ориентиры и ценностные установки у потребителей цифровых услуг. В руках оператора цифровых сетей этот инструмент превращается в мощное идеологическое оружие.

Сегодня у человека остаются присущие только ему преимущества: творческое начало, абстрактное мышление, интуиция, чувства и эмоции. Но уже можно представить, что в будущем алгоритмы искусственного интеллекта будут справляться с анализом международной проблематики лучше человека и научатся формировать повестку и нарративы.

Рефлексы людей в цифровой среде становятся мерилom общественных настроений, инструментом влияния на политику: «лайки» превращаются в неофициальный референдум, возникает онлайн-голосование, онлайн-петиции и новое явление – твиттер-дипломатия.

Контроль цифровых сетей открывает доступ к умам, сердцам и кошелькам обширной аудитории.

Меняется международный стиль общения, порой он переходит в режим комментариев и ультиматумов. Мы видим, как изменяется дипломатический язык. Трендом в международных отношениях становится стиль «Highly likely», когда утверждения не требуют доказательств.

В ряде политизированных СМИ намеренно создается виртуальная действительность, позволяющая манипулировать общественным сознанием. Этому явлению дано название – «эпоха постправды» (post-truth). В 2016 году слово 'post-truth' было объявлено Оксфордским словарем английского языка словом года. Политика постправды становится преобладающей в США и в других государствах, где публичный дискурс формируется на комбинации 24-часового новостного цикла, ангажированных СМИ и всепроникающих социальных сетей.

Сегодня трудно предвидеть, насколько устойчивой будет post-truth тенденция и насколько глубоко виртуальная реальность проникнет в сферу международных отношений.

Очевидно, идеологическое влияние США будет сохраняться и, возможно, возрастать, так как регулирование ведущих мировых IT-гигантов осуществляется через американское законодательство и ФРС.

Развитие экосистем, похоже, становится приоритетным направлением цифрового развития на ближайшие годы. Крупнейшие метавселенные станут пристанищем индивидуальных пользователей и коммерческих брендов со всего мира, чем обеспечат их привязку к «виртуальной территории».

В цифровом мире ТНК могут быстро вычислять перспективные проекты в своей отрасли и скупать их на ранней стадии развития для создания многопрофильных конгломератов, лидеров в своей отрасли. Цифровая экономика позволяет крупным предприятиям становиться крупнее за счет приобретения более мелких конкурентов. Так происходит слияние строительных компаний, архитектурных бюро и компаний, создающих профильные программные продукты. Наблюдается сращивание автомобильной промышленности и цифровых гигантов, поскольку автомобиль превращается в источник данных о его хозяине, его интересах, контактах, маршрутах и даже здоровье.

Интернационализируется рынок труда и образования. Границы государств перестают быть преградой для работы или обучения за рубежом. Цифровизация открывает широкие возможности для совместной разработки продуктов и услуг, принадлежность которых не всегда очевидна.

Одной из наиболее перспективных тенденций в современной экономике становится цифровизация активов, когда любые права, ценные бумаги, произведения искусства, даже деньги переходят в новый формат. Как результат передачу таких прав становится сложно не только запретить, но даже отследить.

Различие в цифровых потенциалах государств приведет к тому, что отстающие страны окажутся привязанными к лидерам техническими стандартами. Возникшая форма сателлитной зависимости будет крепче, чем, например, современная связь между экспортером и импортером вооружений, так как технологии Индустрии 4.0 будет практически невозможно заместить другим аналогом. Цифровые технологии будут влиять на формирование технологических и политических альянсов.

В значительной мере население стран-сателлитов начнет ориентироваться на лидеров в отношении образования и трудоустройства, и возможностей для этого будет становиться все больше.

Несогласные с этой тенденцией государства будут стремиться противостоять размыванию границ, пытаться «оседлать» цифровизацию за счет «суверенизации интернета», обеспечения «цифрового суверенитета» и т.д., что может осуществляться через международное отраслевое регулирование, контроль СМИ или строительство защитных барьеров в Сети. Возникнет борьба двух тенденций – глобализации и государственного изоляционизма.

Санкции со стороны недружественных государств и неготовность дружественных стран к содействию из-за угроз вторичных санкций ставят Россию в сложное положение. На текущий момент Россия вынуждена осуществлять цифровизацию экономики и развивать отечественные цифровые технологии, находясь в колоссальной зависимости от западного программного обеспечения и оборудования.

Но абстрагируясь от проблем текущего момента, российское общество подвержено угрозам, связанным с цифровизацией, в той же мере, как и большая часть мирового сообщества.

По мере появления новых цифровых технологий информационные и информационно-психологические угрозы будут становиться все очевиднее. У России будет находиться все больше сторонников среди нейтральных и колеблющихся государств в ее противодействии подобным угрозам.

Заключение

Соединенные Штаты готовят нелояльным государствам будущее, которое обрисовал основатель и президент Давосского форума Клаус Шваб: «Для стран, которые поддерживают свои внутренние нормы и правила, чтобы дать преимущество внутренним производителям, и при этом блокируют доступ для иностранных конкурентов и снижают суммы роялти, выплачиваемые внутренними компаниями за использование зарубежных

технологий, существует большой риск оказаться в изоляции от глобальных норм, который подвергнет свою страну риску отстать от новой цифровой экономики» [5]. Подобная позиция не близка даже Евросоюзу, и он вводит антимонопольное регулирование, защищая свое цифровое пространство от американских корпораций.

Россия, как великая держава с заметным весом в ряде цифровых технологий, имеет международный авторитет и большое число союзников и сторонников, которые регулярно поддерживают российские внешнеполитические инициативы на международных форумах.

В нынешней ситуации Россия может сконцентрировать усилия на продвижении инициатив, отвечающих интересам тех стран, которым цифровое будущее сулит лишь новую форму зависимости от США, а именно грозит технологической зависимостью, вытеснением национальных СМИ западными IT-гигантами, потерей национального культурного кода, утратой подготовленных специалистов в сфере новых технологий, иными словами может привести к «цифровой колонизации».

Россия может возглавить движение за освобождение от западных «цифровых оков», которое можно назвать движением против западного «цифрового неокOLONиализма».

Список источников и литературы

1. *Барабанов О., Бордачѳв Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И.* Утопия многообразного мира: как продолжается история. Ежегодный доклад клуба «Валдай», 13 октября 2020 г. // <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/utopiya-mnogoobraznogo-mira-2020/> (дата обращения: 09.02.2023).
2. *Меркулов В.* Сквозь метавселенную // Финансист, №1 (25) 2022.
3. *Набиуллина* заявила об угрозе метавселенных для человека // РИА-Новости, 07 декабря 2021 г. <https://ria.ru/20211207/metavseleennyie-1762543894.html> (дата обращения: 09.02.2023).

4. Стивен Хокинг: научно-технический прогресс может уничтожить жизнь на Земле // Habr.com, 20 января 2016 г. <https://habr.com/ru/post/389373/> (дата обращения: 09.02.2023).
5. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., Эксмо, 2016. ISBN 978-5-699-90556-0
6. Google отстранила от работы инженера, нашедшего сознание у ИИ // РБК, 12 июня 2022 г. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/62a533a09a79477ec60a8870?fromtg=1> (дата обращения: 09.02.2023).
7. Guedim Z. Levandowski's 'Way of the Future' Religion to Worship the AI Singularity // Edgy.app 06 October, 2017. <https://edgy.app/way-of-the-future-religion-prepares-for-singularity-with-divine-ai> (дата обращения: 09.02.2023).
8. Guidance for a Risk-Based Approach: Prepaid Cards, Mobile Payments and Internet-based Payment Services. Guidance for a risk-based approach 47. Paris: Financial Action Task Force (FATF), June 2013 // <http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/Guidance-RBA-NPPS.pdf> (дата обращения: 09.02.2023).
9. Military Tests DARPA-Made Geopolitical Event Analysis Tools, Nichols Martin, March 23, 2020. <https://executivegov.com/2020/03/military-tests-darpa-made-geopolitical-event-analysis-tools/> (дата обращения: 09.02.2023).
10. Soon W. A researcher's avatar was sexually assaulted on a metaverse platform owned by Meta, making her the latest victim of sexual abuse on Meta's platforms, watchdog says // Business Insider, May 30, 2022. <https://www.yahoo.com/finance/news/female-researchers-avatar-sexually-assaulted-054939325.html> (дата обращения: 09.02.2023).

Тимакова Ольга Александровна,
кандидат политических наук, доцент кафедры политологии
и политической философии, Дипломатическая академия Министерства
и иностранных дел Российской Федерации,
o.timakova@dipacademy.ru

Olga A. Timakova,
Ph.D. (Political Science), Associate Professor of the Department of Political
Theory and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation,
o.timakova@dipacademy.ru

**ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ ЗАПАДНЫХ БАЛКАН:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ АДАПТАЦИИ
WESTERN BALKANS EUROINTEGRATION:
ADAPTATION PROBLEMS AND PROSPECTS**

Аннотация: Евросоюз объявил о возможности присоединения государств Западных Балкан в среднесрочной перспективе. Балканы стратегически важны для ЕС, а политика расширения является главным внешнеполитическим инструментом Союза. Одновременно Западные Балканы рассматриваются в Брюсселе и многих государствах - членах ЕС как маргинализированный и неустойчивый регион. Перспектива вступления в Европейский союз для государств Балканского полуострова используется Союзом для расширения реализации собственных стратегических интересов в регионе. В условиях геополитических трансформаций отсутствие обязательств со стороны ЕС в сочетании с необходимостью новых инвестиций в связи с последствиями COVID-19 усилит влияние внешних акторов на регион Западных Балкан.

Ключевые слова: Европейский союз, Западные Балканы, политика расширения, членство, Сербия, Северная Македония, Франция, интеграция.

Abstract: the European Union announced the possibility of joining the states of the Western Balkans in the medium term. The Balkans are strategically important for the EU, and the enlargement policy is the main foreign policy instrument of the Union. At the same time, the Western Balkans are viewed in Brussels and many EU

member states as a marginalized and unstable region. The prospect of joining the European Union for the states of the Balkan Peninsula is used by the Union to expand the implementation of its own strategic interests in the region. In the context of geopolitical transformations, the lack of commitment from the EU, combined with the need for new investments due to the consequences of COVID-19, will increase the influence of external actors on the Western Balkans.

Keywords: European Union, Western Balkans, enlargement policy, membership, Serbia, North Macedonia, France, integration.

Введение

Европейский союз предоставил статус стран-кандидатов Молдове и Украине в 2022 году. Европейский совет однако не установил сроки интеграционных процедур для этих стран. Президент Франции Э. Макрон даже заявил, что переговоры о вступлении для существующих кандидатов займут много времени, а в случае Украины даже «несколько десятилетий». Политика расширения Евросоюза находится в кризисе, происходящем из системных проблем евроинститутов и общего скептицизма стран-членов.

Среди вероятных векторов перспективного расширения реальным и неизбежным остается балканский. Хотя региональная стабильность, геополитические и геоэкономические интересы с очевидностью толкают Брюссель в сторону Балкан, расширение в этом направлении, считают эксперты, «сулит Евросоюзу, пожалуй, не меньше политических и экономических проблем, нежели присоединение стран ЦВЕ» [3].

Методология расширения

Стратегия, методология и институциональные рамки расширения несколько раз менялись. Условия расширения со временем становились все более детальными и техническими, что не способствовало быстрому продвижению кандидатов на пути к их цели [5]. Наиболее заметные изменения процедуры произошли в период с начала 1990-х по 2004 год, когда за короткий промежуток времени количество стран – членов ЕС увеличилось более чем

вдвое. Как пишет Н. Кавешников, еще до формального вступления стран Центральной и Восточной Европы в Евросоюз стало очевидно, что данное расширение породит ряд специфических, не имевших аналогов в предшествующей истории ЕС, проблем. В частности, именно в целях преодоления вновь возникающего институционального дисбаланса была задумана и реализована в Ниццком договоре 2002 г. реформа системы принятия решений ЕС [1].

Институты Европейского союза играют разную роль в политике расширения. Европейская комиссия (ЕК) контролирует процесс, рекомендует меры или дает заключения о продвижении кандидатов и в значительной степени определяет содержание методологии расширения.

Еврокомиссия в настоящее время состоит из более пяти десятков департаментов и исполнительных агентств. Директорат, ответственный за расширение, реформировался неоднократно. Последний раз в период работы Ж.К. Юнкера (2015–2019 гг.), когда были объединены Генеральное управление по расширению и Директорат политики соседства. Новый департамент – Генеральный директорат по вопросам соседства и переговорам о расширении – стал основным институциональным органом, управляющим всеми процедурами процесса вступления новых стран. Директорат координирует коммуникацию между Европейской комиссией и делегациями стран-кандидатов, а также непосредственно с институтами политической власти на национальных уровнях.

В странах-кандидатах институциональная структура органов, ответственных за интеграцию с ЕС, может варьироваться и модифицироваться в соответствии с требованиями Евросоюза. Национальные офисы в основном организованы на правительственном уровне, в составе одного из министерств или в качестве отдельного министерства по интеграции с ЕС. Кроме того, в обязательном порядке организуется специальная комиссия или другой орган на парламентском уровне.

Комиссия хотя и является основным актором, ответственным за процедуру принятия новых членов, не играет доминирующую роль. Именно Европейский совет и позиции индивидуальных стран – членов ЕС определяют возможность и условия принятия государств в состав ЕС. Европейский совет консенсусно принимает решения по каждому, даже незначительному, шагу процесса вступления. Он решает, следует ли предоставить государству статус кандидата, запустить и завершить переговоры о присоединении, определить рамки переговоров, открыть блоки переговоров с установлением или без установления начальных и заключительных контрольных показателей и т.д.

Первым нормативным условием вступления является официальное обязательство страны-заявителя соблюдать основные принципы ЕС, определенные Копенгагенскими критериями [4]: наличие функционирующих демократических институтов власти, верховенство закона, уважение прав личности; наличие основ рыночной экономики, способной сохранить конкурентоспособность в ситуации присоединения к ЕС; готовность инкорпорировать правовой режим ЕС – *Aquis Communautaire* – во всей его целостности в национальное право.

Помимо вышеперечисленных, неформально называют еще два критерия членства в ЕС [3]. Согласно первому из них на вступление в ЕС может претендовать страна, присоединение которой не нанесет ущерба функционированию институциональной системы Европейского союза. Как пишет А. Тэвдой-Бурмули, наиболее предметно данное условие может быть проиллюстрировано на примере процедуры голосования квалифицированным большинством голосов в Совете ЕС. В рамках данной процедуры каждое государство – член ЕС располагает пакетом голосов, величина которого относительно соответствует количеству населения этой страны. Следовательно, вступление в ЕС многонаселенного государства (Турции, Украины) существенно изменит баланс сил в процессе принятия решений и может потребовать реформы институционального дизайна ЕС [3].

Согласно второму критерию хотя бы часть территории страны-кандидата должна находиться в Европе. Выделяются четыре региона перспективного расширения ЕС:

- 1) страны ЕАСТ;
- 2) страны Балканского полуострова;
- 3) Турция;
- 4) Европейские страны постсоветского пространства.

Формальная процедура переговоров не может быть начата до момента, когда страна-кандидат не соответствует всем критериям членства. Поэтому процесс адаптации страны-кандидата начинается задолго до того, как проводятся официальные переговоры. Следует подчеркнуть асимметричность отношений между ЕС и страной-кандидатом: условия, налагаемые основополагающими договорами Европейского союза, не подлежат обсуждению. Стратегия подготовки включает в себя несколько механизмов. Заявления о приверженности принципам и нормам ЕС недостаточно. От страны-кандидата требуется официальное соглашение о сотрудничестве с Европейским союзом. Предлагаются различные формы таких соглашений: Соглашения о партнерстве, Соглашения об ассоциации, Соглашения о стабилизации и ассоциации. Только после подписания одного из них страна-кандидат получает доступ к инструментам стратегии подготовки к вступлению, софинансированию со стороны международных финансовых учреждений и участию в европейских программах, агентствах и комитетах.

Официальная процедура вступления на данный момент может быть представлена следующим образом:

1. Официальный запуск переговорного процесса о вступлении;
2. Открытие переговоров по каждой из 35 глав *Acquis Communautaire*, сгруппированных в шесть тематических блоков в соответствии с новой методологией расширения, принятой в феврале 2020 года;
3. Предварительное завершение переговоров по каждой главе;
4. Завершение переговоров о вступлении;

5. Разработка и подписание договора о вступлении;
6. Ратификация договора о вступлении государством-кандидатом и каждой из стран-членов и вступление в ЕС.

Переговоры проходят в несколько этапов, в первую очередь так называемую фазу проверки – «процедуру оценки», которая касается углубленного анализа соответствия, в частности, национального законодательства законам ЕС. Такая гармонизация представляет особую сложность для каждой из стран-кандидатов. Нормы ЕС постоянно меняются, создаются новые главы *Acquis*. Последняя была добавлена в 2011 году под названием «Другое». Исследователи политики расширения Союза указывают, что сами государства-члены не всегда следуют основной нормативной базе ЕС [22].

Для каждой страны-кандидата ежегодно Европейская комиссия составляет мониторинговый отчет, анализирующий политические, экономические, социальные и культурные процессы в стране. В заключение формулируется вывод – положительный или отрицательный – о соответствии страны основным критериям. После того как Европейская комиссия предоставляет положительное заключение, вопрос о начале процедуры вступления передается в Европейский совет.

Когда Совет примет единую позицию, могут начаться переговоры по каждой области законодательства на уровне министров. Второе предварительное условие, состоящее в том, что кандидаты должны получить активное согласие институтов ЕС, следует рассмотреть более внимательно с точки зрения его соотношения с третьим, касающимся активного согласия правительств стран – членов ЕС. Именно Европейский совет принимает окончательное решение о членстве страны-заявителя. В условиях расширяющегося наднационального компонента в управлении Европейским союзом можно зафиксировать расхождения между официальными позициями конкретной страны – члена ЕС и ее представителей в институтах ЕС [21].

Негласно названный «консенсус по расширению» в основе своей заключает три принципа [16]. Во-первых, страны Союза стремятся к географической консолидации в том смысле, что избегают новых политических обязательств перед европейскими странами, не получившими статус кандидата. Это послание может быть адресовано прежде всего таким государствам «Восточного партнерства», как Грузия. Во-вторых, подчеркивается строгая необходимость выполнения Копенгагенских критериев без каких-либо уступок, как было сделано для стран Прибалтики. В-третьих, предлагается необходимость безоговорочной общественной поддержки процесса расширения.

И, наконец, после успешного прохождения всех этих этапов договор должен быть ратифицирован каждой страной-членом. Политика расширения испытывает воздействие не только интересов политических и экономических элит отдельных стран – членов ЕС, но и так называемой «формирующейся европейской публичной сферы» [22]. Законодательства некоторых стран – членов ЕС могут потребовать проведения референдума до ратификации, что даст возможность популистским партиям начать кампании против расширения. Согласно статистическим данным Евробарометра общественное мнение подвержено влиянию значительного количества внешних условий, в том числе реагирует на политические решения, принимаемые в Брюсселе, и колеблется в своем отношении к расширению ЕС. Опыт референдумов, проведенных в странах Европы в XXI веке, демонстрирует негативные перспективы для любого из последующих референдумов, хотя последние опросы Евробарометра и свидетельствуют о благоприятном отношении европейской общественности к вопросу расширения [23]. Но, например, еще в 2021 году ситуация была противоположной: лишь незначительное большинство тех, кто высказал свое мнение, поддерживает разрешение на присоединение большего числа стран [11].

Европейская повестка в странах-кандидатах

Европейский союз стремится увеличить политико-экономическое влияние на страны-кандидаты. С экономической точки зрения ЕС уже является ведущим торговым партнером для всех стран региона, а инвестиции Союза составляют более 60% прямых иностранных инвестиций в регионе [12].

ЕС продвигает новые форматы политической интеграции. С 2014 года был запущен Берлинский процесс – ограниченная межправительственная инициатива, запустившая дополнительный формат диалога между европейскими институтами и национальными правительствами стран-кандидатов и организациями гражданского общества. Берлинский процесс, отличающийся от обычных саммитов в рамках политики расширения, проводившихся Европейской комиссией и другими институтами ЕС по формату, логике и функционированию, по-видимому, был инициирован как дополнительный инструмент сохранения влияния стран ЕС на государства-кандидаты в условиях моратория на расширение [17].

Союз использует потенциал крупных аналитических центров для обоснования безальтернативности европейского вектора будущего развития стран-кандидатов. Весной 2018 года, за несколько месяцев до пятого саммита Берлинского процесса в Лондоне, The Economist Intelligence Unit опубликовал отчет о перспективах Западных Балкан при вступлении в ЕС [26]. Предлагалось два сценария развития стран полуострова. Позитивный сценарий концентрировался на членстве государств в ЕС. Противоположный ему был сформулирован как негативный и связан с тем, что странам не удалось присоединиться к Союзу и их развитие ставилось под сомнение.

В совместных декларациях делается акцент на финансовой помощи, которую оказывает Европейский союз. «ЕС очень быстро мобилизовал пакет на сумму более 3,3 млрд евро в пользу Западных Балкан <...> в борьбе с COVID-19 и для постпандемического восстановления», а «поддержка и сотрудничество ЕС [в борьбе с кризисом COVID] выходят далеко за рамки того, что любой другой партнер предоставил региону» [27].

Хотя верно то, что другие государства не предоставили более существенную помощь. Средства, выделенные Евросоюзом, в сравнительном отношении не настолько значительны. Половину из предоставленных 3,3 млрд евро составила помощь в виде «льготных кредитов» от Европейского банка реконструкции и развития [15]. Это означает, что «реальная помощь» в виде грантов, согласованных на саммите в Загребе, всем шести государствам Западных Балкан, кандидатам или потенциальным кандидатам на членство в ЕС в совокупности насчитывает около 1,6 млрд евро. Это почти в четыре раза меньше, чем помощь Хорватии – единственному члену ЕС на Западных Балканах – в 6 млрд евро в течение следующих трех лет из пакета экстренной помощи ЕС для государств-членов в общем размере 750 млрд евро [20].

Вопреки усилиям ЕС общественное мнение во многих государствах Западных Балкан не всегда положительно. Согласно опросу конца 2021 года только граждане Черногории относятся к ЕС более позитивно, чем к другим внешним акторам (включая США). Во всех западнобалканских странах, кроме Албании, ЕС рассматривается как более крупный распространитель дезинформации, чем Россия. Граждане Сербии наиболее скептически относятся к ЕС. Они считают, что Китай оказывает большую финансовую помощь, чем Евросоюз, и менее 20% из них считают влияние ЕС положительным, в противовес 60% положительных отзывов о России и 55% – о Китае [24].

Это может свидетельствовать о системных проблемах политики расширения ЕС. В целом весь процесс европеизации Балканского полуострова в последнее десятилетие может быть суммирован как «поверхностный и дифференцированный» [9]. Проблемы в продвижении «европейской идеи» среди государств-кандидатов постепенно начали усугубляться уже с 2008 года.

Системный кризис ЕС, включающий экономический, финансовый, долговой, миграционный и интеграционный, способствовал получению политического веса партий, скептически настроенных на европейский вектор

политики. В связи с чем политика европеизации и ее влияние на реформы в государствах Западных Балкан, стремящихся вступить в ЕС, хотя по-прежнему остаются на вершине повестки дня, но подвергаются все большему давлению со стороны оппозиции. Линейная, четкая трансформация стран в процессе присоединения, как она была концептуализирована во время расширения в 2004 году, больше не реализуется в условиях новой методологии расширения, а кризис в отношениях некоторых государств – членов ЕС и евроинститутов по поводу общего законодательства подрывает основополагающую роль концепции европеизации в процессе евроинтеграции.

Финансовый и последовавший экономический кризисы привели к более критичному восприятию ЕС как нормативной силы в регионе. После серьезных проблем, с которыми столкнулись страны Южной Европы – Греция, Испания и Португалия, – и тех ограничений, которые на них наложил Брюссель, модель развития Евросоюза как стимул для интеграции стран Западных Балкан была поставлена под сомнение, так же как и возможность позитивного влияния Евросоюза на государственное управление. В исследовании развития коррупции сделан вывод, что Брюссель мало способствует устранению структурных причин коррупции в государствах-кандидатах и, наоборот, усугубляет проблему за счет расширения списка требований и правил в ЕС [18].

Кроме того, такие страны, как Россия и Китай, активизируют политику на Балканском полуострове, что порождает дискуссии о концепции интеграции с ЕС и европеизации как единственном варианте будущего развития региона. Брюссель в данном случае прямо заявляет, что страны-кандидаты не должны пытаться проводить параллельную политику сближения и с ЕС, и с Россией, и с Китаем [14].

Отсутствие реалистичной перспективы членства в Евросоюзе в среднесрочной перспективе и неспособность ЕС выполнить свои обещания уменьшили стимулы для проведения реформ по образцу Евросоюза.

Собственные национальные интересы государств Балканского полуострова и непоследовательная политика ЕС в вопросе расширения, формулирование новых требований от государств-членов способствовали росту недоверия среди политических элит. В интервью с политическими деятелями стран-кандидатов было заявлено, что *Acquis Communautaire* используется для реализации национальных интересов определенных стран – членов ЕС по отношению к странам-кандидатам [22].

Экспертное сообщество Западных Балкан неоднократно пыталось вербализовать разочарование стран-кандидатов от затянувшегося процесса вступления, указывая, что стимулы в поддержку реформ и модернизации могут работать только в том случае, если процесс расширения остается заслуживающим доверия и доступным для кандидатов в члены ЕС. То есть если они останутся убежденными в том, что действующие государства-члены приветствуют их в качестве будущих членов, то скорость их вступления будет зависеть исключительно от прогресса в принятии общего законодательства. В противном случае мотивация к проведению трудных реформ, зачастую вызывающих конфликт элит, будет ослабевать, а весь процесс присоединения будет сорван [8].

Аналитики региона прямо говорят, что страны воспринимают затянувшийся процесс интеграции в ЕС как предупреждающий сигнал [7]. Примером для стран-кандидатов в осознании обоснованности их озабоченности служит кейс Северной Македонии. Начало переговоров о членстве ожидалось почти два десятилетия. В течение многих лет их задержка была вызвана требованием Греции изменить название Македонии. Хотя решение о смене названия было встречено общественными протестами [25], правительство страны все-таки пошло на такой шаг. В 2018 году конфликт между двумя государствами был окончательно разрешен в Преспанском соглашении, были внесены изменения в конституцию страны, но открытия переговорного процесса так и не произошло. Сначала Франция заблокировала весь процесс расширения, потребовав разработки новой методологии

расширения. Затем Болгария подняла вопрос о македонской национальной идентичности и языке, что потребует еще одного изменения конституции в Северной Македонии, если та пойдет на уступки [8].

В условиях системного кризиса ЕС страны-члены все чаще прибегают к сдержанной риторике. Они обосновывают это тем, что элиты государств-кандидатов реализуют т.н. политику «отвода глаз» – создают видимость реформ и процесса европеизации, но не реализуют их [6]. Декларации о намерениях и публичные заявления не выполняются, законы ЕС, хотя и вводятся в национальные системы права, не соблюдаются.

Ограничение ожиданий стран-кандидатов в перспективах членства, в свою очередь, сказывается на геополитическом статусе Евросоюза в регионе, увеличивая мотивы балканских стран развивать многовекторную политику [19]. В то время как Салоникская декларация была подписана как лидерами ЕС, так и лидерами Западных Балкан, Софийская декларация 2018 г. была подписана только государствами – членами ЕС, которые отметили, что они разработали документ «в консультации» со своими западнобалканскими партнерами [13]. В Декларации Софийского саммита уже отсутствовали термины «интеграция» и «расширение». Загребская декларация, принятая на саммите ЕС и Западных Балкан, организованном посредством видеоконференцсвязи в мае 2020 года, продолжала линию, намеченную в Софии, и не применяла термины «расширение», «членство» и «присоединение». Президент Франции Э. Макрон обосновывает такую позицию тем, что следует направить энергию на углубление интеграции внутри ЕС, а не на дальнейшее расширение [2].

Заключение

Ограничение ожиданий стран-кандидатов в перспективах членства отражается на геополитическом статусе Евросоюза в регионе, увеличивая мотивы балканских стран развивать отношения с Россией и Китаем. Расширение однако остается самым мощным внешнеполитическим инструментом Европы для сохранения контроля над региональными

политическими процессами на своей периферии, подавления национализма и снижения влияния внешних акторов. Но Западные Балканы рассматриваются в Брюсселе и во многих государствах – членах ЕС как маргинализированный и неустойчивый регион. Перспектива вступления в ЕС для самих государств Балканского полуострова используется Союзом для расширения реализации собственных стратегических интересов в регионе. Отсутствие конкретной перспективы стать членами ЕС в сочетании с необходимостью устранять последствия кризисов последних лет усиливает многовекторность во внешней политике балканских стран.

Список источников и литературы

1. *Кавешников Н.* Влияние расширения ЕС на процесс институциональной реформы // Расширение Европейского союза и Россия. М., 2006. С.43–102.
2. *Тимакова О.А.* Дорожная карта укрепления безопасности и обороны Европы: перспективы реализации «Стратегического компаса» ЕС // Проблемы постсоветского пространства. 2022. №9(2). С. 151-167.
3. *Тэвдой-Бурмули А.И.* «Велосипедист на болоте»: уроки и перспективы расширения ЕС в XXI веке // Вестник МГИМО-Университета. 2013. №4(31). С. 106-112.
4. Accession criteria // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/glossary/accession-criteria-copenhagen-criteria.html> (дата обращения: 06.04.2023).
5. *Anastasakis O.* The EU's political conditionality in the Western Balkans: towards a more pragmatic approach // Southeast European and Black Sea Studies. 2008. № 8(4). PP. 365-377. Doi: 10.1080/14683850802556384 (дата обращения: 06.04.2023).
6. *Blockmans S.* The Prize is More Peace: The EU Should Consolidate its Enlargement Process // CEPS Commentary, Centre for European Policy Studies.

08.11.2012. URL: <https://www.ceps.eu/ceps-publications/prize-more-peace-eu-should-consolidate-its-enlargement-process/> (дата обращения: 06.04.2023).

7. *Dabrowski M.* Can the EU overcome its enlargement impasse? // Bruegel blog. 27.02.2020. URL: <https://www.bruegel.org/comment/can-eu-overcome-its-enlargement-impasse> (дата обращения: 06.04.2023).

8. *Dabrowski M.* Towards a new eastern enlargement of the EU and beyond // *Intereconomics*, 2022, 57(4), 209-212.

9. *Elbasani A.* European Integration and Transformation in the Western Balkans. Europeanization or Business as Usual? London and New York: Routledge. 2013.

10. EU response to Russia's invasion of Ukraine // European Council. 2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/eu-response-ukraine-invasion/> (дата обращения: 06.04.2023).

11. EU Standard Eurobarometer 95. Spring 2021 // European Union. September 2021. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2532> (дата обращения: 06.04.2023).

12. EU-Western Balkans relations // European Commission. 16.03.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-and-western-balkans-towards-common-future_en (дата обращения: 06.04.2023).

13. EU-Western Balkans Summit 2018 // European Commission. 17.05.2018. URL: https://www.consilium.europa.eu/media/34776/sofia-declaration_en.pdf (дата обращения: 06.04.2023).

14. EUFOR Reserve Activation 2022 // EUFOR. 24.02.2022. URL: <https://www.euforbih.org/index.php/latest-news/2951-eufor-reserve-activation-2022> (дата обращения: 06.04.2023).

15. Infographic - COVID-19: €3.3 billion EU package for the Western Balkans // European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/economic-support-to-western-balkans/> (дата обращения: 06.04.2023).

16. *Lippert B.* The EU after Brexit: Renewed Debate about Enlargement and Deepening // SWP Comment. №12. February 2021. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2021C12/> (дата обращения: 06.04.2023).
17. *Marciacq F.* The EU and the Western Balkans After the Berlin Process. Sarajevo: Soe Dialog Südostereuropa. 2017.
18. *Mungiu-Pippidi A.* The Good, the Bad and the Ugly: Controlling Corruption in the European Union // Advanced Policy Paper for Discussion in the European Parliament. 09.04.2013. URL: <https://www.againstcorruption.eu/publications/the-good-the-bad-and-the-ugly-controlling-corruption-in-the-european-union/> (дата обращения: 06.04.2023).
19. *Panagiotou R.* The Western Balkans between Russia and the European Union: perceptions, reality, and impact on enlargement // Journal of Contemporary European Studies, Special Issue: EU enlargement to the Western Balkans: The geopolitical turn or another postponement? 2020. №29 (2). PP. 219-233. DOI: 10.1080/14782804.2020.1798218
20. Recovery plan for Europe // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/recovery-plan-europe_en#figures (дата обращения: 06.04.2023).
21. *Rumford C.* Cosmopolitan Spaces. Europe, Globalization, Theory. London and New York: Routledge, 2008.
22. *Sekulic T.* The European Union and the Paradox of Enlargement. The Complex Accession of the Western Balkans. Cham: Palgrave Macmillan. 2020.
23. Standard Eurobarometer 97. Summer 2022. Public opinion in the European Union // European Union. September 2022. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2693> (дата обращения: 06.04.2023).
24. *Tzifakis N., Delević M., Kmezić M., Nechev Z.* Geopolitically irrelevant in its 'inner courtyard'? The EU amidst third actors in the Western Balkans // Balkans in Europe Policy Advisory Group. 03.12.2021. URL:

http://balkanfund.org/pubs/uploads/Geopolitically_irrelevant_in_its.pdf (дата обращения: 06.04.2023).

25. *Veliu L.* What's in a Name: The Republic of (North) Macedonia // DCU Institute for International Conflict Resolution and Reconstruction. 02.11.2018. URL: <https://iicrr.ie/whats-name-republic-north-macedonia/> (дата обращения: 06.04.2023).

26. Western Balkans to 2025: a brighter future or permanent marginalisation? // Economist Intelligence Unit. 2018. URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=WesternBalkans (дата обращения: 06.04.2023).

27. Zagreb Declaration, 6 May 2020 // European Council. 06.05.2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/43776/zagreb-declaration-en-06052020.pdf> (дата обращения: 06.04.2023).

Сидорова Лидия Николаевна,
доцент кафедры политологии и политической философии
Дипломатической академии МИД России,
lid.nik.sidorova@gmail.com

Lidiia N. Sidorova,
Ph.D. (Political Science)
Department of Political Science and Political Philosophy
Diplomatic Academy of
the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
lid.nik.sidorova@gmail.com

**ВЫХОДЦЫ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СЕВЕРНОЙ
ЕВРОПЕ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ
IMMIGRANTS FROM CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN NORTHERN
EUROPE: THE ISSUE OF ADAPTATION AND INTEGRATION**

Аннотация: статья посвящена одному из наиболее важных аспектов глобального процесса миграции – проблеме адаптации и интеграции в принимающее общество всех групп вновь прибывших на продолжительное время иностранцев (ищущих убежища, беженцев, вынужденных переселенцев, трудовых мигрантов). Вопрос рассмотрен в рамках нестандартного кейса. В качестве стран исхода выбраны пять центральноазиатских республик (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), в качестве государств приема – пятерка государств Северной Европы (Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция). Нестандартность кейса связана с тем, что для обеих групп стран указанный поток, характеризуемый как традиционный и устойчивый (первые волны таких мигрантов отмечены еще в середине XX века), не входит в топы по числу переселенцев, он не испытал ощутимого влияния последствий миграционного кризиса. Поэтому с исследовательской точки зрения его изучение дает значимый результат как в отношении возможностей диверсификации миграционных потоков, так и в плане отслеживания внутривнутриполитических изменений как в странах исхода, так и в государствах приема.

Ключевые слова: мигранты, беженцы, просители убежища, Центральная Азия, Северная Европа, община переселенцев, диаспора.

Abstract: the article is devoted to one of the most important aspects of the global migration process – the problem of adaptation and integration into the host society of all groups of foreigners newly arrived for a long time (asylum seekers, refugees, internally displaced persons, labor migrants). The issue is considered in the framework of a non-standard case. Five Central Asian republics (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan) were selected as exodus countries; five Nordic countries (Denmark, Iceland, Norway, Finland, Sweden) were selected as receiving states. The unconventionality of the case is due to the fact that for both groups of countries, this flow, characterized as traditional and stable (the first waves of such migrants were noted in the middle of the twentieth century), is not among the tops in terms of the number of migrants, it has not experienced a tangible impact of the consequences of the migration crisis. Therefore, from a research point of view, its study gives a significant result both in terms of the possibilities of diversifying migration flows, and in terms of tracking domestic political changes both in the countries of origin and in the receiving states.

Keywords: migrants, refugees, asylum seekers, Central Asia, Northern Europe, community of displaced persons, diaspora.

Миграционный поток из Центральной Азии в Северную Европу: базовые характеристики

Статистически определить численность переселенцев из государств Центральной Азии (Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана) в страны Северной Европы (Данию, Исландию, Норвегию, Финляндию, Швецию) не представляется возможным. И в той, и в другой группах стран в отчетах органов миграции и численность переселяющихся, и конкретная страна как цель перемещения попадают в когорту «иные» (как вариант: non-european или to European countries). Исключение составляют лишь данные УВКБ ООН о числе просителей убежища в Швеции (Таблица 1)

и публикуемые Евростатом данные о числе получивших гражданство в Швеции, Дании и Финляндии (Таблица 2).

Таблица 1. Число прошений от граждан пяти центральноазиатских республик о предоставлении убежища в Швеции в 2015–2017 гг. (составлена на основе данных Управления верховного комиссара ООН по делам беженцев) [4]

	2015	2016	2017
Казахстан	545	478	420
Кыргызстан	356	338	314
Таджикистан	145	-	-
Туркменистан	747	27	-
Узбекистан	1 463	1 291	1 071

Следует пояснить, во-первых, почему в отчете УВКБ ООН из всех североевропейских стран фигурирует только Швеция. Дело в том, что на севере Европы основной прессинг миграционного потока испытывает именно она. Наряду с Германией, Францией, Италией, Великобританией и Бельгией, Швеция входит в шестерку европейских стран, на долю которых приходится 80% прошений о предоставлении убежища.

Показательно при этом, что в топе предпочтений места предоставления убежища (при выборе между Францией, Германией, Австрией, Швецией и Чехией) у самой массовой группы в таблице – выходцев из Узбекистана – с большим отрывом лидирует именно Швеция. Драматично на этом фоне выглядит поток заявлений от граждан Туркменистана: в 2015 году 747 просителей убежища в Швеции вывели королевство в лидеры предпочтений, но уже в следующем году и число прошений сокращается практически в два десятка раз, и Швеция остается третьей по счету числа заявлений, поступивших от туркмен (после Германии и Франции). А в 2017 году ни один туркмен не запрашивал убежище в Швеции.

Граждане Казахстана в качестве страны, предоставляющей убежище, традиционно выбирают Францию. Швеция, судя по количеству казахских заявлений, стабильно занимает второе место. Вероятнее всего, число просителей убежища формируется на основании как минимум трех факторов:

политической ситуации в стране исхода, соотношения числа поданных прошений к числу удовлетворенных, а также «инерции потока», характерной для всех типов миграционных перемещений.

С этих позиций довольно легко объяснить, почему Норвегия, такая привлекательная ранее для просителей убежища, не попала в статистику УВКБ ООН. Это связано с проводимой норвежским правительством с 2009 года политикой по ужесточению процедуры приема таких заявлений, а также с неуклонным ростом количества отказов. Так, из 115 выходцев из Узбекистана, просивших убежище в Норвегии в 2011 году, ходатайства только 16 человек были удовлетворены; из 137 жителей Узбекистана, обратившихся в первой половине 2012 года, убежище в Норвегии получили лишь 10 человек [7], т.е. только каждый тринадцатый. Таким образом, постепенно поток просьб о защите перенаправляется в сторону более лояльных к заявителям стран.

Таблица 2. Предоставление гражданства Швеции (Ш), Дании (Д) и Финляндии (Ф) выходцам из государств Центральной Азии (составлено по данным Евростата) [3]

	2002	2010	2015	2016	2017
Казахстан	-	-	-	-	-
Кыргызстан	-	-	-	-	66 (Ш)
Таджикистан	7 (Ш)	-	9 (Ш)	14 (Ш)	9 (Ш), 9 (Д)
Туркменистан	14 (Ш)	24 (Ш)	-	-	2 (Ф)
Узбекистан	10 (Ш)	164 (Ш)	222 (Ш)	154 (Ш)	148 (Ш)

Евростат начал предоставлять онлайн-статистику по гражданству, полученному бывшими гражданами республик Центральной Азии с 2002 года. Из Таблицы 2 видно, что самой многочисленной группой лиц, получивших гражданство, вновь, как в случае с запросами убежища, являются выходцы из Узбекистана, которые, как показано в Таблице 1, связывают свою судьбу со Швецией.

Таблица 3. Число лиц, получивших гражданство Швеции в 2018–2019 гг. (составлено по данным Миграционной службы Швеции) [3]

	2018	2019
Казахстан	92	78
Кыргызстан	80	56
Таджикистан	21	13
Туркменистан	-	-
Узбекистан	119	72

Миграционная служба Швеции свидетельствует о получении гражданства 119 и 72 выходцами из Узбекистана в 2018 году и в 2019 году соответственно. В целом эти показатели совпадают с данными Евростата. Но впервые за многие годы по количеству выписанных гражданств в 2019 году Казахстан обошел Узбекистан на 6 единиц (Таблица 3). Таким образом, ежегодно только в Швеции официально и окончательно (через получение гражданства) оседает порядка 200–300 выходцев из Средней Азии.

Таблица 4. Сопоставление числа трудовых мигрантов и беженцев за период миграционного кризиса (составлено по данным портала Международной организации по миграции) [21]

Рост 2015–2017 (чел.)	Мигранты	Беженцы
Швеция	100 000	71 400
Финляндия	28 700	8 000
Дания	60 900	8 300
Норвегия	52 500	8 800
Исландия	2 800	142

Как видно из Таблицы 4, на севере Европы основная масса вынужденных переселенцев направляется именно в Швецию. В пиковый период миграционного кризиса 10-миллионная страна принимала по 5–6 тысяч мигрантов еженедельно. Для сравнения: из общего числа прибывавших в Швецию в 2008 году беженцев было 13 %, в 2016 году – 47%. По соотношению одобренных прошений к численности местного населения – 8 на каждую тысячу местных жителей [2] – Швеция оказывается на первом месте в Евросоюзе.

Число прошений об убежище со стороны жителей Центральной Азии (см. Таблицу 1) за тот же период оставалось стабильным, что позволяет сделать вывод об отсутствии корреляции между миграционным кризисом и потоком беженцев и мигрантов из Центральной Азии в Северную Европу.

По неофициальным данным, приведенным на официальном сайте Комитета по межнациональным отношениям и дружественным связям с зарубежными странами при кабинете министров Республики Узбекистан, в Финляндии проживают около 500 выходцев из Средней Азии: 294 казаха, 130 узбеков, 33 киргиза, 20 туркмен и 19 таджиков [15].

Таким образом, численность выходцев из Центральной Азии в странах Северной Европы, по самым приблизительным оценкам, составляет не более 13–15 тыс. чел. В это число включены как представители этносов (казахи, киргизы, таджики, узбеки, туркмены), так и этнически разнородные выходцы из современных центральноазиатских государств (казахстанцы, кыргызстанцы и т.д.). Показательно, что представители центральноазиатских этносов до сих пор определяют себя таковыми, но мигрировали на север Европы совсем не из Центральной Азии. Так, основатели диаспоры казахов приехали в Швецию из Турции, а «датские» казахи прибыли туда из Афганистана. Основная часть сосредоточена в Швеции как государстве, активно принимающем и трудовых мигрантов, и вынужденных переселенцев (порядка 7–7,5 тыс. чел.). Самая большая среди центральноазиатов подгруппа шведских мигрантов представлена выходцами из Узбекистана (около 4 тыс. чел.). Примечательно, что посольство в Швеции есть только у Казахстана.

Политика адаптации и интеграции переселенцев в Северной Европе: общие принципы

Согласно Индексу Международной организации по миграции (MIREX, Migrant Integration Policy Index), в котором используется 167 показателей степени интегрированности мигрантов, среди 38 европейских стран Швеция (вместе с Португалией) занимает первое место, Финляндия и Норвегия – третье и седьмое соответственно; в Дании этот показатель также выше среднеевропейского [20].

В результате кризиса 2015–2017 гг., даже несмотря на некоторое ужесточение законодательства по приему (в Швеции приостановлена программа воссоединения семей, постоянные разрешения на проживание

беженцев заменены временными, в Дании ужесточены материальные условия пребывания), ситуация не изменилась. Система не только приема, но и интеграции как вновь прибывших трудовых мигрантов, так и беженцев, просителей убежища, несопровождаемых несовершеннолетних не просто работает, но и гибко изменяется исходя из новых вводных. Координация усилий по мониторингу и изменению системы приема вновь прибывших осуществляется в рамках специальной программы Совета министров северных стран – Nordic co-operation on integration of refugees and immigrants [22].

Из беженцев, прибывших в 2015–2016 гг., более половины имели только начальное образование, определяемое как девять лет обучения или меньше. Дания, Норвегия и Швеция приняли программы полной интеграции беженцев, при этом экономические выгоды зависят от их участия (языковое образование в специальных школах, а также обучение и стажировка, профессиональная подготовка и помощь бюро по трудоустройству в поиске работы).

В интервью каналу «Евроныюз» в январе 2016 года премьер-министр Швеции Стефан Лёвен сообщил, что в пиковые месяцы кризиса в Швеции открывалось по 100 школьных классов еженедельно для обучения вновь прибывших детей, при этом большая часть из них – несовершеннолетние без сопровождения [17]. Поскольку методика определения возраста не выработана, власти северных стран записывают возраст со слов вновь прибывших. Так появился термин «бородатые дети».

В Швеции программа интеграции вновь прибывших осуществляется Государственным агентством по трудоустройству. В Дании и Норвегии муниципалитеты несут ответственность за прием и адаптацию беженцев и вынужденных переселенцев, но центральные правительственные учреждения разработали общие руководящие принципы, например количество часов языкового образования, на которое имеют право участники. Правительство Дании более подробно регулирует деятельность муниципалитетов, определяя, сколько именно беженцев они должны принимать каждый год и какой тип развития рабочей силы они должны обеспечить.

Под напором Датской народной партии (крайний евроскептицизм и исламофобия в программе Dansk Folkeparti (DF) соседствуют с борьбой за интересы пенсионеров и общей социальной ориентированностью политики) в Дании было значительно ужесточено миграционное законодательство. При этом большинство мер носит точечный, но весьма эффективный характер. Так, в январе 2015 года парламент Дании одобрил закон, обязывающий мигранта, претендующего на статус беженца, сдавать имущество и ценности, стоимость которых превышает 10 тыс. датских крон (порядка 1 450 долларов), в счет покрытия расходов по его приему и начальной адаптации.

Однако власти североевропейских государств воспринимают наплыв беженцев не как проблему, а как возможность: из тренда можно извлечь выгоду, если правильно им распорядиться. Опасения властей связаны с отсутствием общеевропейской солидарности и готовности всех членов ЕС к выработке стратегии выхода из подобных ситуаций.

Иллюстрацией того, насколько прагматично северяне относятся к потоку нелегалов, может служить фраза, принадлежащая депутату давно находящейся в оппозиции шведской Христианско-демократической партии (Kristdemokraterna, KD) Андреасу Карлсону: «Наша страна богатеет от одаренности и импульса каждого отдельного человека. Значимость этого потенциала огромна. Иммиграция, если ей правильно управлять, будет способствовать росту благосостояния... Здесь просматриваются два аспекта для конфликтов – различия в образе жизни и ценностях. Демократия и этика труда – хорошая база общественного здания» [18].

Особую потребность в рабочих руках (часто низкоквалифицированных, но хорошо оплачиваемых) испытывает Норвегия. Речь прежде всего идет о северных районах страны и небольших населенных пунктах. Датские власти сдержаннее в оценках, но все же признают необходимость притока рабочей силы для развития экономики страны. Таким образом, власти североевропейских стран видят проблему не столько в самом миграционном потоке, сколько в том, как и кем он контролируется и управляется.

Патрик Джойс в 2017 году провел сравнительное исследование процесса адаптации мигрантов в Швеции, Дании и Норвегии, сопоставив его с аналогичными программами в Нидерландах и Германии [19] и приведя сравнительную таблицу обязательств и возможностей для беженцев и мигрантов. Так, в Германии программа интеграции длится не более 6 месяцев, в Швеции – 2 года, в Дании – от года до 5 лет, в Норвегии – от 2 до 3 лет. В Швеции, Дании и Норвегии, помимо обязательных бесплатных языковых курсов, посещение которых дает право на получение пособия (49%, 33% и 71% от средней зарплаты в Швеции, Дании и Норвегии соответственно; это примерно 710 евро в месяц после вычета налогов в Швеции, в Германии – 404 евро, 815 евро в месяц до вычета налогов в Дании и 1 682 евро в месяц до вычета налогов в Норвегии), в программу включены также бесплатные курсы профессиональной подготовки. В качестве наиболее выгодных отличий Швеции с точки зрения лояльности в принятии мигрантов приводится возможность жить в индивидуальном жилье, «перепрофилироваться» в трудового мигранта, если было отказано в статусе беженца, получить вид на жительство, изучая, но не сдавая экзамен по шведскому языку (достаточно самого факта посещения занятий).

Кроме того, по желанию группы мигрантов им может быть предложено компактное расселение, предоставлены все возможности для отправления обрядов (в том числе и религиозных), для поддержания родного языка и культуры предков. Так, представители узбекской общины в Стрёмсунде рассказывают о том, что на каждую группу из 10 узбекских детей муниципалитет содержит одного учителя, который преподает детям предметы на родном языке, в школьных столовых бесплатно предоставляется халяльная еда. Однако для отправления культа власти выделили подвал старого дома с окном на уровне асфальта, в которое шведские подростки однажды закинули бутылку с зажигательной смесью [6].

Что касается оценки эффективности интеграционных программ, то эксперты сходятся во мнении, что результаты Дании по уровню вовлеченности

в рынок труда и общественные связи выглядят скромно на фоне остальных северных стран, хотя именно Дания проповедует индивидуальный подход к каждому вновь прибывшему. Эффективность определяется процентом устроившихся на работу и уровнем заработной платы в сравнении с коренным населением.

Центральноазиатские общины и диаспоры в Северной Европе

Иные данные, на которые приходится опираться в ходе анализа, – это результаты самооценок и самообследований представителей сообществ и диаспор переселенцев. Но такие оценки имеют приблизительный и субъективный характер, а также во многом зависят от уровня сплоченности и наличия коммуникации внутри указанных сообществ. Так, называющий себя главой Казахского общества Швеции Мурат Ермиш говорит о проживании в шведском королевстве 100 казахских семей (30 – в столице, 10 – в южном Гетеборге, но больше всего, 60 казахских семей, – в 100-тысячном Вестеросе, расположенном к северо-западу от Стокгольма) [11]. Однако сам Ермиш – представитель первой волны этнических казахов, выходцев из Турции, в 1960-х гг. мигрировавших в Швецию, – признается, что связей с казахстанцами, перебравшимися сюда в постсоветский период, не поддерживает, а в интервью заявляет, что не слышал о прогремевшей на всю Швецию истории этнической казашки, бежавшей из китайского Синьцзяня на историческую родину, но получившей политическое убежище только в Швеции [10].

«Семьями» же оценивают и численность узбеков, общиной проживающих в шведском Стрёмсунде – порядка 80 семей. По неподтвержденным данным, узбекские общины есть также в Кальмаре и Хельсинборге. При этом представители общин не поддерживают между собой никаких связей, а сами общины формируются по принципу локусов: у каждой этнотерриториальной группы (у качимкентстких, ошских, бухарских, кашкадарьинских, ташкентских, самаркандских узбеков) в Швеции есть своя община (у двух последних групп их несколько). С внешним миром в новой для

себя реальности они также контактируют неохотно: из 80 семей лишь 10 человек официально трудоустроены на новой родине.

Если не брать в расчет одиночные и семейные пикеты туркменской оппозиции под лозунгами на шведском ‘Güm Bol!’ («Пошел вон!») [16], то следов функционирования туркменских и таджикских диаспор на севере обнаружить не удалось. Знаменитый туркменский поэт-изгнанник Ширали Нурмурадов, который жил в Стокгольме с 1995 года и декламирование стихов которого на его родине может обернуться преследованием, не видел перспектив объединения туркмен в диаспору. Ширали Нурмурадов является автором белого стихотворения, предельно четко и лаконично обозначающего суть исходных пунктов адаптации инородцев в северных широтах: «Ну что ты смотришь на меня с неподдельным ужасом, словно я закурил в приемной поликлиники? Иль будто в автобус без очереди полез. Успокойся, шярэ фрекен, не судьбу свою я приехал устроить, и не покой твой вековой нарушать. Мы разные. Я вижу, я в очках. Мы похожи с тобой как манат и крона, как саксаул и сосна, как полумесяц и крест. Ну что тут поделаешь, если я целых полвека не мог покинуть пределы родины, и вот – покинул. Да вернуться теперь не могу. Если я приехал из страны, где убивают своих, в страну, где спасают чужих, из страны, где взрослые беззащитны, как дети, в страну, где ребенок – святая личность. Из страны, где говорят, что женщина тоже человек, в страну, где думают, что мужчина тоже человек. Не гляди на меня так, снелла, как мои далекие предки глазели на твоих викингов, плывших по моему Каспию. Вся трагедия в том, обрадуюсь ли я, если ты меня оставишь, огорчишься ли ты, коль я и здесь не задержусь» [8].

С 2010 года выходцы из Кыргызстана, осевшие в Швеции, пытаются создать Союз соотечественников Кыргызстана в скандинавских странах. Сами называют себя диаспорой кыргызов в Швеции, создали общество «Ала-Тоо». Руководитель Тилек Маратов утверждает, что только в Стокгольме проживает до 1,5 тысяч кыргызов, и работает над популяризацией их историй успеха.

Республика Казахстан активно взялась за формирование позитивного образа страны и народа в мире, так что в последние годы наблюдается рост числа общественных инициатив. Казахское общество Швеции, которое функционирует с 1987 года, выкупило церковь в центре г. Вестерос и перепрофилировало ее в мечеть, открыло воскресную школу, в которой заработную плату учителю выплачивает мэрия города.

Новые инициативы государственного масштаба в РК финансируются через НАО «Фонд Отандастар», главой которого остается первый президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Один из наиболее крупных проектов – ежегодный бизнес-форум соотечественников, проживающих в Швеции, Дании, Норвегии и Финляндии (шестой форум состоялся осенью 2019 года) [1]. Также в июне 2017 года создана Ассоциация казахстанской молодежи в Швеции, которую возглавила Айдана Бекберген.

Кроме того, Scandinavian Council, казахстанская некоммерческая и неправительственная организация, призванная развивать взаимодействие между скандинавскими странами и Казахстаном в области культуры, искусства и образования, – пример инициативы, основанной на краудфандинге и энергии молодых переселенцев [25]. За пару лет существования они уже создали ресурс <https://welcomenordic.kz/about/>, в Алматы провели выставку «Ингмар Бергман и его наследие в искусстве и моде», посвященную 100-летнему юбилею режиссера, организуют празднование Рождества на скандинавский манер, переводят материалы (например, об установлении имен 65 казахстанцев, погибших в 1944 году в операции «Петсамо–Киркенес», которая положила начало освобождению Норвегии [26]), освещают мероприятия (шведская художница привезла в Казахстан картины о Семипалатинском ядерном полигоне).

В июне 2019 года в Алматы Scandinavian Council провел установочную встречу новой организации Nordic Business Club, которая создается в Казахстане с целью объединения представителей компаний стран

Скандинавии и Северной Европы, работающих и имеющих офисы в Казахстане.

Таким образом, Казахстан, взявшись за работу с соотечественниками на государственном уровне, постепенно способствует не только формированию позитивного имиджа страны, но и создает платформу для более широкого общественного взаимодействия всех центральноазиатских республик с обществами североевропейских стран.

Трудности адаптации

Пока руководители общин продвигают истории успеха своих земляков (казашка Дария Ермиш – глава скандинавского офиса IBM, этническая казашка Гульбаршын Кесер – сотрудник МИД Швеции и т.д.), власти северных стран (особенно Норвегии и Дании) активно высылают нелегалов и нарушителей режима адаптации и правопорядка. Шведские СМИ организуют расследования, выявляя каналы легализации незаконно въехавших в страну (наиболее распространенный вариант – через покупку самого дешевого подержанного авто [5], регистрация прав на который дает возможность получить samordningsnummer – личный номер, присваиваемый иностранцам налоговой службой).

Сразу несколько громких историй произошло в Швеции и Норвегии с выходцами из Узбекистана, которые, вероятнее всего, закрепятся в сознании североевропейцев как негативные клише.

Во-первых, в феврале 2012 года в шведском Стрёмсунде, на севере страны, было совершено покушение на узбекского имама, известного богослова и главу узбекской общины города Обидхона Назарова. Самое серьезное из огнестрельных ранений пришлось в голову, но имаму удалось выжить. Ответственность взяли на себя радикалы из националистического движения «Северное сопротивление», однако до сих пор члены общины продолжают жаловаться на предвзятое отношение жителей городка, с которыми, как оказалось, единовременный приезд 80 семей – членов

узбекской общины, подвергнувшись на родине гонениям по религиозному признаку, был заранее согласован [6].

Во-вторых, в конце 2014 года широко обсуждалось дело так называемых норвежских узбеков, когда на телеканале «Узбекистан» вышел в эфир фильм «Хиёнат» («Измена»), состоявший из записанных на пленку показаний шести ранее депортированных из Норвегии на родину узбеков. Они признавались, что получили статус беженцев по поддельным показаниям. Двое назвали себя гомосексуалистами, за что в Узбекистане грозит преследование по статье «Мужеложество», остальные – наркозависимыми, лудоманами и проч., то есть оговорили и себя, и страну, хотя на самом деле ехали на заработки, да еще и связались с «джихадистами». В итоге, попав после экстрадиции под суд, все шестеро были признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159 («Посягательства на конституционный строй Республики Узбекистан»), 244-1 («Изготовление или распространение материалов, содержащих угрозу общественной безопасности и общественному порядку»), 244-2 («Создание, руководство, участие в религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или иных запрещенных организациях»), 246 («Контрабанда») Уголовного кодекса Узбекистана [14]. Образ «джихадистов-геев», сформированный на основе дела «норвежских узбеков» работает сразу на две аудитории – норвежскую (формируя образ «перебежчика-экстремиста») и узбекскую (поддерживая миф о том, что всякий, съездивший на заработки в Норвегию, – гей, что в традиционном обществе равносильно ярлыку изгоя).

В-третьих, 7 апреля 2017 года 39-летний уроженец Самарканда Рахмат Акилов, получив отказ в убежище и страшась депортации, на центральной пешеходной улице Стокгольма (Дроттнинггатан) направил грузовик в толпу. Врезавшись в витрину через 600 метров, он успел задавить пятерых и ранить еще 15 человек. Следствие, возбудив дело на основе 1 700 показаний на 9 тысячах страниц, идентифицировало его как теракт, выяснило, что в грузовике находилось 5 канистр с бутаном, наполненных шурупами и лезвиями. Были

установлены связи Акилова с таджикской ячейкой ИГИЛ, а сам террорист был приговорен к пожизненному заключению.

И хотя по свежим следам теракта узбекские мигранты провели митинги солидарности у официальных зданий в Стокгольме и в других городах Швеции, осуждая содеянное земляком и призывая шведов не переносить негатив на добропорядочных узбекистанцев, вкупе с предыдущими инцидентами в общественном сознании шведов укрепилось мнение о том, что узбеки так сильно боятся отправки на родину [9], что готовы, совершив преступление, до конца дней остаться в шведской или норвежской тюрьме.

Широкий резонанс получило также дело этнической казашки Сайрагуль Сауытбай из Синьцзяня, 42-летней учительницы, члена КПК, работавшей в Китае в лагере политического перевоспитания для этнических меньшинств (фактически, со слов женщины, в нем недобровольно удерживались 2 500 тыс. казахов и уйгуров) и давшей китайским властям подписку о неразглашении государственной тайны. Мать несовершеннолетних детей, спасаясь от преследования китайских властей, в мае 2018 года незаконно пересекла казахско-китайскую границу.

Несмотря на действующее между Казахстаном и Китаем соглашение о выдаче незаконно пересекающих границу лиц, власти Казахстана перебежчицу не выдали, осудили ее на полгода условно, но статуса беженки не присвоили.

Отправившись за политическим убежищем в Швецию 3 июня 2019 года, уже через 4 дня женщина выложила на YouTube видео, в котором рассказывает, как радушно их приняли в этой стране. Передавая привет всем казахстанцам, этническая казашка выражает надежду, что ее этническая родина когда-нибудь «дойдет до такого уровня»: «в этом государстве очень хорошо работают во благо людей» [12]. Швеция первой из всех государств отреагировала на просьбу о предоставлении политического убежища. Германия с ее многочисленной мюнхенской диаспорой казахов Сауытбай принимать просто отказалась, а США выставили два условия: женщина

должна была приехать одна, без семьи и взять на себя обязательство никогда не возвращаться в Казахстан [23; 24].

Таким образом, среди особенностей адаптации и интеграции представителей центральноазиатских этносов и выходцев из государств Центральной Азии в странах Северной Европы необходимо выделить следующие. Динамика роста числа переселенцев в страны Северной Европы остается невысокой и стабильной (ежегодный прирост составляет не более 500–700 человек в статусе граждан). Последний скачок наблюдался в 2005 году в связи с расстрелом демонстрации в узбекском Андижане. Для получения более точных данных необходимо скорректировать методики приведения статистических показателей, вычленив центральноазиатский компонент из графы «прочие».

В основе своей миграция из стран ЦА в Северную Европу имеет экономическую мотивацию, несмотря на относительно большое (в сравнении с трудовыми мигрантами) число просителей убежища и получивших этот статус. Учитывая существующую, к примеру, в Швеции возможность поменять статус, заявители часто пользуются схемой «беженец» как наиболее верным и быстрым способом легализации на территории принимающего государства. С учетом высокой стоимости товаров первой необходимости, а также уровня налогов, схема, реализуемая трудовыми мигрантами, к примеру, в России (минимум трат на месте, максимум отправки на родину), в североевропейских странах не работает, а значит, ожидать увеличения миграционного потока не приходится.

Особенно хорошо инкорпорироваться в северные общества удается высокообразованным специалистам, приехавшим в страну в молодом возрасте, с редкими и востребованными профессиями, либо представителям второго, третьего поколения мигрантов, имеющим возможность одновременно опереться как на собственный опыт пребывания в стране, так и на диаспоральные связи. Именно у последующих поколений, появившихся на свет уже на новой родине, а также у переселившихся в составе относительно

замкнутых общин или землячеств мигрантов потребность в сплочении значительно выше в сравнении с вновь прибывающими в индивидуальном порядке мигрантами.

Негативный фон адаптации и интеграции выходцев из центральноазиатских государств в общественные уклады стран Северной Европы формируется посредством вспышек как бытового, так и идейно обоснованного организованного насилия и способствует становлению в сознании североевропейцев устойчивой взаимосвязи типа «узбек – мусульманин – джихадист», экстраполирующей на представителей иных этносов Центральной Азии. Успешно противостоять «расползанию» этого стереотипа возможно либо через этносоциальную консолидацию, либо путем выстраивания позитивного образа страны и народа за рубежом (эти способы в рассмотренном кейсе выбрали Кыргызстан и Казахстан).

Список источников и литературы

1. В Стокгольме прошел бизнес-форум с соотечественниками, проживающими в Швеции, Дании, Норвегии и Финляндии // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.bsh.kz/news/13389> (дата обращения: 21.01.2023).
2. Воронов К.В. Северные страны // ЕС перед вызовом миграционного кризиса. Позиции европейских стран. Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. М., ИМЭМО РАН, 2016. С.53-60.
3. Данные Миграционной службы Швеции присвоении гражданства по отчетам 2018 и 2019 гг. // Официальный сайт Миграционной службы Швеции [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.migrationsverket.se/download/18.1ef19f6e163f45d340a2948/1546511372060/Beviljade_medborgarskaps%C3%A4renden_2018.pdf, https://www.migrationsverket.se/download/18.282774cb169446b4d2035/1578410568868/Beviljade_medborgarskaps%C3%A4renden_2019.pdf (дата обращения: 12.03.2020)

4. Данные Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев // [Электронный ресурс] <https://www.un.org/ru/sections/nobel-peace-prize/office-united-nations-high-commissioner-refugees-unhcr/index.html> (дата обращения: 22.03.2020).

5. Как мигранты из Узбекистана попадают в рабские условия труда в Швеции [Электронный ресурс] Режим доступа: www.currenttime.tv/a/uzbek-migrants-sweden/30309728.html (дата обращения: 22.01.2023).

6. *Кислов Д.* Шведские обыватели и узбекские беженцы, или Кто хотел убить Обидхона Назарова? // ИА Фергана, 06.03.2012 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.fergananews.com/articles/7304> (дата обращения: 21.01.2023)

7. Норвегия отказала в убежище каждому второму беженцу // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30976629&pos=52;-48#pos=52;-48 (дата обращения: 30.01.2023)

8. *Нурмурадов Ш.* Разговор с голубоглазой блондинкой // Туркмен в Швеции. Ч.1 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://shirali.ucoz.com/index/0-2> (дата обращения: 21.01.2019).

9. Он просто исчезнет. Почему Али Феруза нельзя отдавать Узбекистану // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/08/03/73331-on-prosto-ischeznet> (дата обращения: 28.01.2023).

10. Сайрагуль Сауытбай, не получив убежища, покинула Казахстан [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-sayragul-sauytbay-rokinula-kazakhstan/29978459.html> (дата обращения: 23.01.2023).

11. Сайрагуль уехала в Швецию. Что известно о казахской диаспоре этой страны? [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rus.azattyq.org/a/sweden-kazakhs-and-sairagul-sauytbay/29980355.html> (дата обращения: 23.01.2023).

12. Сауытбай - о своем отъезде и жизни в Швеции // Материал Радио Азаттык [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=_Lkay8WsfS4 (дата обращения: 22.03.2020)
13. Таблица о присвоении гражданства // Официальный сайт Евростат [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do> (дата обращения: 22.03.2020)
14. Телеканал Узбекистана обвинил узбеков-«джихадистов» в гомосексуализме // Озодлик Радиоси. 15.12.2014 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.ozodlik.org/a/26745163.html> (дата обращения: 21.01.2023).
15. Узбекская диаспора за рубежом // Официальный сайт Комитета по межнациональным отношениям и дружественным связям с зарубежными странами при кабинете министров Республики Узбекистан [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://interkomitet.uz/o-komitete/uzbekskaja-diaspora-zarubezhom/#1519484358830-da27584b-0cf4> (дата обращения: 22.01.2023).
16. Хроники Туркенистана // [Электронный ресурс] Режим доступа: www.hronikatm.com/%2F2019%2F10%2Fstockholm-picket-2%2F (дата обращения: 21.01.2019).
17. Collective responsibility key to addressing refugee crisis, says Swedish PM // Euronews [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?time_continue=14&v=Aa1oyFyuu2s (дата обращения: 13.02.2023).
18. Foreign policy debate in Riksdag, Webb-tv (video) // www.riksdagen.se/en/webb-tv/video/utrikespolitisk-debatt/foreign-policy-debate_H4C120170215ud1en (дата обращения 25.02.2023)
19. *Joyce P.* Inspiration for integration. Labour market policies for refugees in five Northern European countries // cms.ratio.se/app/uploads/2018/04/pj_inspiration_for_integration_308.pdf (дата обращения: 13.02.2023).

20. Migration data portal / Официальный сайт ИОМ - Международной организации по миграции [Электронный ресурс] Режим доступа: https://migrationdataportal.org/data?i=stock_abs_&t=2000&cm49=752 (дата обращения: 21.01.2019)
21. Migrant Integration Policy Index (MIPEX) [Электронный ресурс] Режим доступа <https://gmdac.iom.int/research-database/migrant-integration-policy-index-mipex> (дата обращения: 21.01.2019).
22. Nordic co-operation on integration of refugees and immigrants // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.norden.org/en/integration> (дата обращения: 23.01.2019).
23. Sayragul: Tortyr och hjärntvätt i Kinas lager // Шведский таблоид Expressen 30.09.2019// [Электронный ресурс] Режим доступа:<https://www.expressen.se/nyheter/sayragul-tortyr-och-hjarntvatt-i-kinas-lager/> (дата обращения: 21.10.2022).
24. Sayragul undervisade på kinesiskt läger för muslimska minoriteter 28.08.2019 // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.svt.se/nyheter/utrikes/sayragul-undervisade-pa-kinesiskt-lager-for-muslimska-minoritetsgrupper> (дата обращения: 21.01.2023).
25. Scandinavian Council // Официальный сайт НКО [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://sc.org.kz/> (дата обращения: 21.01.2023).
26. Welcomenordic [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://welcomenordic.kz/kazakhstancy-petsamo-kirkenes/> (дата обращения: 24.02.2023).
27. Шангараев Р.Н., Лобас Е.В. Таможенные платежи в структуре федеральных доходов российской федерации в контексте обеспечения экономической безопасности государства // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 233-236.

Бочков Данил Андреевич,
соискатель МГИМО МИД России, эксперт,
Российский совет по международным делам (РСМД),
bochkov.d.a@my.mgimo.ru

Danil A. Bochkov,
PhD candidate at MGIMO-University, expert,
Russian International Affairs Council (RIAC),
bochkov.d.a@my.mgimo.ru

**РОЛЬ КИТАЙСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В
ФОРМАТИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОРЯДКА
В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ
THE ROLE OF SINO-INDIAN RELATIONS IN THE FORMATTING
OF THE REGIONAL ORDER IN THE INDO-PACIFIC REGION**

Аннотация: в статье предлагается ответ на вопрос, как китайско-индийские отношения влияют на процесс формирования регионального порядка на обширном пространстве Индо-Тихоокеанского региона (ИТР). Индия демонстрирует самостоятельную роль в делах региона, стремится продвигать собственную повестку, выступает независимым центром силы на фоне набирающего обороты американо-китайского противостояния. Китайско-индийские отношения находятся в эпицентре региональных раскладов в ИТР и оказывают значительное влияние на форматирование регионального порядка, представляют собой взаимное позиционирование крупнейших экономических и военно-политических сил Азии с растущим глобальным влиянием.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион (ИТР), Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), китайско-индийские отношения, региональный порядок, Quad, AUKUS, Индо-Тихоокеанская стратегия, Китай, Индия, США.

Abstract: the article aspires to answer to the question of how China-India relations influence the formation of a regional order in the Indo-Pacific region. India demonstrates independence in regional issues and seeks to promote its own regional agenda, acting as a leading power and an independent center of power amid the heightening US-China confrontation. China-India relations occupy one of the central

places in the structure of the regional order in the Indo-Pacific region, since they represent contacts between one of the largest economic and military-political forces in Asia and the world.

Keywords: Indo-Pacific region, Sino-Indian relations, regional order of the Indo-Pacific, Quad, AUKUS, Indo-Pacific strategy, China, India, USA.

Введение

В последние годы, вслед за ростом приграничной напряженности в двусторонних отношениях, все более отчетливо наблюдается тренд на стратегическое соперничество Пекина и Нью-Дели. Существующие механизмы по деэскалации пограничных инцидентов, обоюдная заинтересованность в сохранении стабильности двусторонних отношений и противодействие нетрадиционным угрозам безопасности способствуют укреплению сотрудничества, но полностью не исключают вероятность дальнейшего усиления конкуренции между Пекином и Нью-Дели.

Вслед за ростом экономических и военно-политических амбиций двух стран может произойти изменение текущего баланса сил в регионе, в результате чего Индия может занять более выраженную антикитайскую позицию. Однако на данном этапе Китай и Индия склонны к сохранению стабильности и предсказуемости своих отношений. Это помогает Нью-Дели соблюдать автономию от США в региональных делах и является одним из факторов, способствующих формированию полицентричного порядка в ИТР.

Эволюция представлений об Азиатско-Тихоокеанском и Индо-Тихоокеанском регионах (АТР/ИТР)

Регион Восточной и Южной Азии, а также акватории Индийского океана, или регион Большой Восточной Азии, в последнее десятилетие стал называться Индо-Тихоокеанским регионом [1]. При использовании понятия «Индо-Тихоокеанский регион» (ИТР) речь не идет о региональной секьюритизации или геополитике, что больше характерно для различных национальных стратегий, включая Индо-Тихоокеанскую стратегию США. Под ИТР там понимают географическое пространство Индийского и Тихого

океанов, характеризующееся растущей взаимосвязанностью экономик ведущих региональных держав. ИТР – это «морское пространство от Индии до стран Юго-Восточной Азии, а также от восточной части Индийского океана до Южно-Китайского моря, включая западную часть Тихого океана», что охватывает Северо-Восточную Азию и Океанию [15].

На современном этапе термин приобрел популярность благодаря работам индийского исследователя Гурприта С. Хураны в 2007 году, который отмечал, что, ввиду ограниченности Индии в наземных торговых коммуникациях, она сильно заинтересована в усилении торгового сообщения через Тихий и Индийский океаны [19]. По определению многих экспертов, вскоре ИТР стал данностью региональной политэкономической системы [22]. А концепция ИТР не только вошла в официальный оборот стратегических документов США, Японии, Индии, Австралии, ЕС, Великобритании, стран АСЕАН, но и продолжает активно внедряться до сих пор. В декабре 2022 года о появлении собственной стратегия для Индо-Тихоокеанского региона заявила Южная Корея.

На официальном уровне в России и Китае концепция ИТР не получила одобрения и воспринимается как попытка США подменить инклюзивную идею Азиатско-Тихоокеанского региона, сместив фокус внимания на акватории Индийского и Тихого океанов, где Вашингтон расширяет свое военно-политическое присутствие. Китайские исследователи отмечают, что «Индо-Тихоокеанские стратегии» (иньтай чжаньлюэ) западных государств призваны усилить военное развертывание и вмешательство в вопросы региональной безопасности [7]. Министр иностранных дел КНР Ван И говорил, что Индо-Тихоокеанская стратегия США направлена на «изменение внешней среды вокруг Китая, с целью окружить КНР и сделать страны Азиатско-Тихоокеанского региона лакеями американской гегемонии» [10]. Россия также смотрит на ИТР через призму Quad, считая и то, и другое американскими проектами по сдерживанию Китая [18].

Так или иначе, закрепление термина ИТР де-юре ведущими мировыми игроками подталкивает российских и китайских исследователей также применять данную терминологию де-факто. Ряд китайских исследователей подчеркивает, что Индийский океан стал местом сосредоточения интересов великих держав [7]. Некоторые российские специалисты говорят, что в формировании ИТР существуют объективные причины, которые представляют собой «глубоко взаимосвязанные экономические, международно-политические и военные процессы» [6]. Одновременно с этим концепция ИТР «отражает кардинальные перемены, происходящие в Азии: резкий подъем не только Китая, но и других акторов, прежде всего Индии» [5].

Процесс форматирования регионального порядка в ИТР

Главенствующая роль Китая и Индии в формировании регионального порядка объясняется их статусом ведущих региональных держав в ИТР, к которым по классификации, предложенной Т. Дж. Волджи, Дж. П. Рэйми-младшим, относятся также США и Япония [23]. На данный момент исходя из сложившегося баланса сил в ИТР, региональный порядок представляет собой находящуюся в процессе формирования полицентричную систему, где на первый план выходит конкуренция Китая с США и их союзниками.

Как правило, полицентричная система противопоставляется моноцентричной и/или биполярной. Иногда подобную конфигурацию также называют «многополярной» [2]. Под полицентричностью понимается такой характер межгосударственных отношений, при котором иерархия среди государств не имеет жесткости, количество негосударственных игроков увеличивается, институциональная среда становится фрагментированной и появляются юридически слабо оформленные структуры (G20, Форум АТЭС и т.п.), международные нормы имеют амбивалентный характер и допускают практику двойных стандартов [11].

В ИТР есть ряд игроков, которые напрямую не аффилированы ни с одним из центров силы, что делает их отдельными региональными акторами. Например, самостоятельная позиция Индии (ведущей региональной державы)

и поддержание относительного нейтралитета со стороны АСЕАН (внутри которой важную роль играют державы среднего порядка – Вьетнам, Индонезия) не позволяют говорить о биполярной структуре в ИТР.

США продвигают различного рода инициативы, такие как Индо-Тихоокеанская стратегия и Четырехсторонняя группа по безопасности США, Японии, Индии и Австралии (Quad), в рамках которой регулярно проводятся военно-морские учения Malabar. Они призваны ограничить потенциал Китая и вовлечь Индию в антикитайские проекты. После выхода из Транстихоокеанского экономического партнерства в 2017 году, США при администрации Дж. Байдена стали формировать новое экономическое видение региона, кульминацией которого стала выработка Индо-Тихоокеанской экономической структуры (Indo-Pacific Economic Framework, IPEF), обнародованной в мае 2022 года. Она выступает за создание благоприятных условий экономического обмена и сотрудничества между США и их союзниками в ИТР для сдерживания Пекина.

Характер китайско-индийских отношений

На двустороннем уровне особенностями китайско-индийских отношений являются их внутренняя многогранность и сосуществование тенденций сотрудничества и соперничества. Страны достигли высокого уровня сотрудничества по проблемам региональной безопасности (в том числе противодействия терроризму) и усилению голоса Глобального Юга, включая продвижение идей многополярной системы международных отношений. Китайские СМИ отмечают, что двустороннее сотрудничество обеих стран представляет собой благоприятный фактор для поддержания интересов национальной безопасности, а также помогает избежать проблему «дилеммы безопасности» (аньцюань куньцин) [8]. С другой стороны, наблюдаются и противоположные процессы, такие как столкновение интересов по территориальным вопросам и конкуренция за региональное лидерство в ИТР [14].

На двустороннем уровне Китай и Индия сотрудничают через механизмы консультаций и координации действий по вопросам поддержания безопасности на границе, правовой основой для которых служит двусторонний договор от 23 октября 2013 г., инкорпориовавший основные положения предыдущих соглашений 1993–2012 гг. [12]. Он предполагает проведение периодических встреч между офицерами соответствующих военных округов, представителей министерств обороны и организацию заседаний Рабочего механизма для консультаций и координации по вопросам индийско-китайской границы. Важным нововведением документа 2013 года стал инструмент создания «горячих линий» между военными командованиями обеих стран. По данным на 2021 год, было создано 6 «горячих линий» на спорных участках границы. Еще одним важным шагом к укреплению двусторонней безопасности стало подписание в 2018 году соглашения о сотрудничестве по вопросам внутренней безопасности, основной фокус которого направлен на обмен разведывательными данными и сотрудничество в борьбе со стихийными бедствиями, терроризмом и наркотрафиком.

Вместе с тем, несмотря на активные усилия двух стран «перезагрузить» китайско-индийские отношения, в том числе и в вопросе приграничного сотрудничества, которые были предприняты на двух неформальных саммитах глав государств Си Цзиньпина и Нарендры Моди в 2018 и 2019 годах, преодолеть взаимное недоверие, копившееся на протяжении предыдущих десятилетий, не представляется возможным в силу ряда причин.

Во-первых, сохраняется напряженность по взаимным территориальным претензиям, относящимся к участкам Южного Тибета и Кашмира. Это Аксайчин (Индия относит к части Ладакха, штат Джамму и Кашмир) и Аруначал-Прадеш. Первый не представляет экономической выгоды и является цепью ледников необитаемой соляной пустыни, но имеет стратегическое значение, так как через него проходит трасса Годао 219 (G219), соединяющая Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР с Тибетом. Аруначал-Прадеш,

напротив, является густонаселенным районом (около 1,4 млн человек) и контролируется Индией.

Во-вторых, основной причиной сохранения территориальных претензий служит отсутствие юридического закрепления государственной границы между Индией и Китаем. Аксайчин «отделен» от Джамму и Кашмира так называемой линией фактического контроля (Line of actual control, ЛФК), в то время как Аруначал-Прадеш граничит с Южным Тибетом по линии Мак-Магона (McMahon Line), которую зачастую относят к ЛФК. В июне 2017 года строительство Пекином дороги через плато Доклам (район территории китайского Тибета, индийского штата Сикким и Непала) впервые за многие годы поставило Китай и Индию на грань вооруженного конфликта, предупреждению которого в будущем во многом и были посвящены встречи лидеров стран в 2018 и 2019 годах.

В-третьих, контроль над этими территориями является вопросом защиты национальных интересов как Китая, так и Индии. Аруначал-Прадеш важен для Китая для обеспечения стабильности всего Тибета, так как там находится один из важнейших святых городов для буддистов – Таванг. В этой связи частым поводом для дестабилизации китайско-индийских отношений становятся периодические визиты Далай-ламы в Аруначал-Прадеш и на Тибет.

Важность спорных районов состоит и в их геостратегической роли. В 2022 году было объявлено о планах Китая построить вторую скоростную автомагистраль (G695) через Аксайчин, которая будет прилегать еще ближе к ЛФК, чем G219. Нью-Дели с настороженностью воспринимает объявленные в прошлом году планы Пекина о начале подготовки технико-экономического обоснования для строительства трансгималайской железной дороги, соединяющей китайский уезд Гыронг (южный Тибет) с Катманду в Непале.

Хотя полностью избежать периодических столкновений не представляется возможным, как показал опыт инцидента, произошедшего в долине Галван (район Ладакх) в 2020 году (ставший одним из самых жестких за все последние годы), заложенные механизмы деэскалации подтвердили

эффективность. С начала столкновения в 2020 году в дополнение к переговорам на уровне военного командования стороны также осуществили 1 450 контактов по «горячим линиям».

В декабре 2022 года на границе Индии и Китая в районе города Таванг (Аруначал-Прадеш) произошли боестолкновения между военными обеих стран. Это стало первым приграничным инцидентом с 2020 года. В отличие от предыдущих инцидентов, стороны оперативно отступили и начались консультации по деэскалации. О сильном факторе США в подогревании напряженности между Пекином и Нью-Дели говорит и тот факт, что столкновение на границе произошло спустя несколько дней после проведения совместных американо-индийских учений (Yudhabhyas), с жесткой критикой которых выступил Китай.

В-четвертых, другой причиной роста двусторонней напряженности между Индией и Китаем является расширение связей последнего с Пакистаном. Это касается углубления «всепогодного стратегического партнерства» Китая и Пакистана и усиления их военно-технических связей. Нью-Дели также критикует инициативу «Один пояс – один путь» (ОПОП), так как ее флагманская часть – Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК) – проходит через спорный регион Кашмир, суверенитет над которым оспаривают и Индия, и Пакистан. В индийских СМИ распространяется информация о том, что Пекин оказывает давление на Исламабад для строительства ряда военных объектов под предлогом защиты китайских граждан, задействованных на проектах КПЭК [17].

На многостороннем уровне китайско-индийское сотрудничество осуществляется на площадках Региональной антитеррористической структуры ШОС (РАТС), Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и в рамках функционирования Контртеррористической рабочей группы БРИКС. Они проводят регулярные антитеррористические учения, осуществляют координацию по вопросам совершенствования национальных нормативно-правовых баз и создания единых реестров террористических организаций. В сентябре 2021 года в Оренбургской области прошли

ежегодные антитеррористические учения стран – членов ШОС «Мирная миссия», в которых также участвовали представители вооруженных сил Китая и Индии. В прошлом году Индия вместе с другими членами ШОС поддержала предложение Китая организовать и провести в 2023 году 9-й раунд пограничных учений «Солидарность», которые ежегодно проходят под эгидой Организации.

Несмотря на усиление конкуренции между Китаем и Индией на региональном уровне, обе страны продвигают принцип мультилатерализма. Пекин и Нью-Дели поддерживают координацию по данным вопросам в рамках G20 и БРИКС. Китайские и индийские власти отмечают, что страны БРИКС должны укреплять сотрудничество и способствовать дальнейшему совершенствованию механизма многостороннего взаимодействия [9].

Однако стоит отметить, что после столкновений 2020 года в районе Ладакха Индия стала относиться к действиям Китая в ИТР с еще большей настороженностью. Это выразилось в активизации военного сотрудничества Нью-Дели со странами-партнерами по Quad. В 2020 и 2021 годах в ежегодных военно-морских учениях Malabar впервые принимала участие Австралия. Помимо всего прочего, обеспокоенность Индии усиливается вслед за ростом китайского присутствия в зоне ее непосредственных интересов – в приграничье (попытки Китая улучшить отношения с Непалом, Бутаном, Бангладеш и Шри-Ланкой) и в акватории Индийского океана. Нью-Дели опасается так называемой концепции «нитей жемчуга», которая предполагает создание китайских военно-стратегических объектов по периметру индийских морских границ [20]. Индия опасается роста «проблемных должников» из числа своих соседей, которые попадают в так называемую долговую зависимость от КНР. В 2017 году Шри-Ланка официально передала Китаю в аренду сроком на 99 лет глубоководный порт Хамбантота, с тем чтобы погасить часть внешнего долга страны перед Пекином.

Китай, в свою очередь, обвиняет Нью-Дели в проведении антикитайского внешнеполитического курса, что выражается в ее сотрудничестве с Quad и в

регулярных многосторонних (Malabar и RIMPAC), двусторонних (Индия – Филиппины, Индия – Вьетнам, Индия – Сингапур) военно-морских учениях, проводимых в зоне китайских стратегических интересов, включая акваторию Южно-Китайского моря. В противовес Китаю Нью-Дели также продвигает свои проекты сотрудничества в регионе, как в рамках инициатив «Действуй на Востоке» (Act East), «Дорожной карты для Южной Азии» (Road Map for South Asia), «Инициативы для Индийского и Тихого океанов» (Indo-Pacific Oceans Initiative, IPOI) и «Главное – добрососедство» (Neighbourhood First), так и на многостороннем уровне в сотрудничестве с Японией.

Элемент конфликтности китайско-индийских двусторонних отношений, связанный с существованием территориальных споров, стал фактором появления антикитайской направленности в интерпретации ИТР рядом ученых и политиков в Индии на начальном этапе развития термина. Однако более концептуальное формулирование официальной позиции Индии по ИТР произошло в 2018 году, когда Н. Моди, выступая на «Диалоге Шангри-Ла», связал развитие ИТР с инклюзивным сотрудничеством и исключил какую-либо угрозу двусторонним отношениям с Пекином [3]. Это дает основания предполагать, что заинтересованность обеих сторон в предсказуемости их двусторонних отношений, поддержании региональной стабильности и безопасности, защите торгово-экономических интересов будет способствовать снижению приграничной напряженности.

Влияние китайско-индийских отношений на формирование регионального порядка в АТР/ИТР

Китай и Индия реально оценивают невозможность достижения скорого мира, признавая тот факт, что их отношения осложнены многими факторами. Однако не стоит воспринимать периодические приграничные эскалации как умышленное стремление нарушить и без того хрупкий мир. В большинстве случаев, включая и столкновения на плато Доклам (2017 год), в районе Ладахка (2020 год) и в районе Таванга (2022 год), они были вызваны как

неверной интерпретацией существующей лишь де-факто ЛФК, так и отсутствием соглашений об обмене картами.

Не следует преувеличивать и раздражение Индии относительно активности Китая в регионе ее стратегических интересов, что является адекватной реакцией любой крупной державы на подобное поведение внешних сил. Ощущая себя самостоятельным игроком в международных и региональных делах в ИТР, Нью-Дели исходит из того, что регион Южной Азии – зона ее интересов, в связи с чем попытки других стран, включая Китай, усилить свое влияние здесь вызывают неприятие с ее стороны.

Кроме того, Пекин и Нью-Дели стараются учитывать интересы друг друга и минимизировать приграничные эскалации. В частности, справедливо говорить о том, что индийские элиты не воспринимают отношения Китая и Индии как «игру с нулевой суммой». Напротив, для них это естественное сосуществование великих государств-цивилизаций, тесно связанных культурно и экономически и определяющих границы взаимного влияния [4].

Нью-Дели остается привержен самостоятельной внешней политике, руководствуется собственными национальными интересами и принципом многополярности, не является ничьей «группой поддержки», будь то США или их союзники, а выступает в роли равноправного «партнера» [16]. Одновременно Индия позиционирует себя в качестве независимого центра силы, а ее цели, сформулированные в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии, во многом опираются на ее историческую традицию борьбы за независимость и следование принципам неприсоединения [13]. Нью-Дели продолжает углублять сотрудничество с третьими странами, чтобы добиться большей свободы для внешнеполитического маневрирования между США и Китаем. Именно поэтому, несмотря на тесные контакты с США и их региональными союзниками, Нью-Дели одновременно выступает за развитие равноудаленного сотрудничества со всеми странами региона. Он заинтересован в параллельном присутствии как на площадках, которые направлены на противодействие Китаю (Quad, многосторонние военно-

морские учения, углубление двусторонних отношений с США), так и на тех, в рамках которых (БРИКС, РИК, ШОС, АТЭС, G20) она могла бы продвигать собственные интересы, а также сохранять взаимодействие с Пекином. Китай, в свою очередь, заинтересован в сохранении самостоятельной и неангажированной позиции Индии по ключевым региональным вопросам.

Заключение

С учетом того, что предпосылок для разрешения приграничного спора в обозримом будущем не наблюдается, он останется серьезным препятствием на пути качественного улучшения китайско-индийских отношений. Однако и Китай, и Индия всячески продолжают и впредь избегать перерастания спора в острый вооруженный конфликт. Все это повышает устойчивость региональной системы безопасности к серьезным изменениям, включая негативную динамику американо-китайских отношений, и укрепляет полицентричный характер регионального порядка в ИТР, где Индия является самостоятельным центром силы [21].

Благодаря сохранению Индией внешнеполитической автономии по основным региональным вопросам и заинтересованности Китая в сохранении стабильности двусторонних политических и экономических отношений во избежание переориентации Индии на США, для формирующейся системы регионального порядка не характерна биполярность. Речь идет о многополюсной системе, где Индия играет роль самостоятельного участника региональной системы международных отношений при усиливающейся американо-китайской конфронтации. Однако со временем, вслед за изменением баланса сил либо в пользу Китая, либо в пользу США, Индия может также корректировать внешнеполитические приоритеты в сторону большего тяготения или удаления от Вашингтона. Если и дальше продолжится ухудшение приграничного вопроса с Китаем, Индия может усилить свою ориентацию на США, что уже частично продемонстрировали последствия приграничной эскалации лета 2020 года.

Если Пекин будет и впредь стремиться удерживать Индию от переориентации на США, то он сможет добиться этого за счет создания благоприятных и равноправных условий сотрудничества и минимизации угроз безопасности для Нью-Дели, в первую очередь в приграничном вопросе, а также путем снижения уровня взаимного недоверия с помощью усиления военных обменов в рамках совместных двусторонних и многосторонних (например, под эгидой ШОС) учений.

При этом существует и сценарий дальнейшего ухудшения китайско-индийских отношений с увеличением количества приграничных инцидентов, которые все же обе стороны будут стараться минимизировать после кровопролитных столкновений 2020 года. Это может разогреть взаимное недоверие и способствовать большей враждебности в отношениях. При такой тенденции Индия будет еще сильнее тяготеть к американским военно-политическим инициативам в регионе, с тем чтобы обезопасить свои интересы от расширяющегося влияния Китая. В то же время Нью-Дели будет укреплять контакты со своими соседями в Южной и Юго-Восточной Азии, что также послужит на пользу многополярности регионального порядка. Самостоятельную позицию по региональным вопросам продолжают отстаивать и страны АСЕАН. Поэтому при любом из данных раскладов уход от многополюсности в ИТР представляется маловероятным.

При условии сохранения действующих механизмов деэскалации приграничных эксцессов, удерживающих конфликт от перерастания в острое военное столкновение, и обоюдной заинтересованности в поддержании сложившейся предсказуемости и стабильности двусторонних отношений, в обозримой перспективе тенденция на формирование многополюсной системы регионального порядка в АТР сохранится.

Список источников и литературы

1. Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс (2010) / под общ. ред. А.Д. Воскресенского; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 444 с.

2. *Истомин И.А.* Рефлексия международной системы в официальном дискурсе и научном осмыслении. Вестник МГИМО-Университета. 2016;(5(50)):20-33. URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-5-50-20-33> (дата обращения: 10.01.2023).

3. *Куприянов А.В.* Китайский фактор в формировании индийского подхода к концепции Индо-Тихоокеанского региона. Сравнительная политика. 2020;11(2):68-75. URL: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10020> (дата обращения: 10.01.2023).

4. *Куприянов А.В., Макаревич Г.Г.* Индия в постбиполярную эпоху: тридцатилетие поиска места в мире. Международная аналитика. 2021;12(2):74-92. URL: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-74-92> (дата обращения: 20.12.2022)

5. *Лунев С.И.* Россия и Индия в Индо-Тихоокеанском регионе и фактор США // АПЕ. 2020. №1. URL: https://upe-journal.ru/files/-2020-1_ЛуневСИ.pdf (дата обращения: 10.01.2023).

6. *Стрельцов Д.В.* Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений // Международная жизнь. — 2018. — №9. — С. 65–74.

7. Цзэн Сяньюй. Оучжоу даго цзежу иньдуян: тэдянь, дунзци цзи инсян [Участие европейских держав в Индийском океане: характеристики, мотивы и последствия]. Чжунго гоцзи вэньти яньцзююань // 10.05.2022, URL: <https://www.ciis.org.cn/gjwtyj/dqqk/202206/P020220602432933075588.pdf> (дата обращения: 20.12.2022)

8. Цай Тунцзюань, Дин Цзяян. Чжунбинь чжаньлюэ хэцзо ючжуй шицзе хэпин юй фачжань [Китайско-индийское стратегическое сотрудничество способствует миру и развитию во всем мире]. Чжунгован // 06.04.2022, URL: http://www.china.com.cn/opinion2020/2022-04/06/content_78150078.shtml (дата обращения: 20.12.2022)

9. Чжунхуа жэньминьгунхэго чжунмэнмай цзунлин шигуань. Иньду чжунаньцзя: сянью синши сюйяо цзиньйбу туйдун хэ кода цзиньчжуаниоцзя чжицзяньдэ хэцзо [Индийский эксперт: Сложившаяся ситуация требует дальнейшего продвижения и расширения сотрудничества стран БРИКС] // 22.06.2022, URL: http://mumbai.china-consulate.gov.cn/chn/zxhd/202206/t20220622_10707696.htm (дата обращения: 20.12.2022)

10. Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяобу (2022) Вань И: мэйго иньтай чжаньлюэ бижань ши игэ шибайдэ чжаньлюэ [Ван И: «Индо-Тихоокеанская стратегия США» обречена на провал]. 22.05.2022, https://www.fmprc.gov.cn/wjb_673085/zzjg_673183/xws_674681/xgxw_674683/202205/t20220522_10690865.shtml (дата обращения: 20.12.2022).

11. Шаклеина Т.А. Эволюция глобальной стратегии США (2001–2011). Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3. С. 35–58.

12. Agreement between the Government of the Republic of India and the Government of the People's Republic of China on Border Defence Cooperation, 23 October, 2013

13. Chacko P. The rise of the Indo-Pacific: understanding ideational change and continuity in India's foreign policy. Australian Journal of International Affairs. – 2014. – Т. 68. – №. 4. – С. 433-452., с. 448

14. Denisov I., Safranchuk I., Bochkov D. China–India relations in Eurasia: Historical legacy and the changing global context. Human Affairs. 2020. – Т. 30. – №. 2. – С. 224-238.

15. *Haruko W.* The "Indo-Pacific" concept: geographical adjustments and their implications. RSIS Working Paper, No. 326. Singapore: Nanyang Technological University. URL: <https://hdl.handle.net/10356/143604>, accessed (дата обращения: 22.12.2022)
16. *Happyton J.* The 'India pole' in international politics. The Hindu. November 23, 2022. URL: <https://www.thehindu.com/opinion/lead/the-india-pole-in-international-politics/article66170757.ece> (дата обращения: 18.12.2022)
17. *Krishnasai C.* China looking to construct military outposts in Pakistan: Report. Wion. 20.05.2022, URL: <https://www.wionews.com/south-asia/china-looking-to-construct-military-bases-in-pakistan-report-480699> (дата обращения: 20.12.2022)
18. *Kireeva A., Kupriyanov A.* Russia's attitude to the Quad Plus: Troublesome present, hazy future. Quad Plus and Indo-Pacific. The Changing Profile of International Relations / ed. by Jagannath P. Panda, Ernest Gunasekara-Rockwell. Oxon, N.-Y.: Routledge, 2022. – pp. 211-224.
19. *Khurana G.* Security of sea lines: Prospects for India–Japan cooperation. Strategic analysis. – 2007. – Т. 31. – №. 1. – С. 139-153. с. 1-2
20. *Mohan C.* Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific. – Brookings Institution Press, 2012., с. 330, сс. 2-5
21. *Medcalf R., Mohan C.* Responding to Indo-Pacific rivalry: Australia, India and middle power coalitions. Lowy Institute, August 2014, URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/responding-indo-pacific-rivalry-australia-india-and-middle-power-coalitions> (дата обращения: 20.12.2022)
22. *Medcalf R.* In defence of the Indo-Pacific: Australia's new strategic map. Australian Journal of International Affairs. – 2014. – Т. 68. – №. 4. – С. 470-483., сс. 471
23. *Volgy T., Rhomey, Jr. J.* Regions in International Politics: A Framework for Integrating Systemic, Regional, Dyadic, and Monadic Approaches. Вестник МГИМО-Университета. 2018;(5(62)):7-22.

Карнаухова Елена Андреевна,
аспирант факультета мировой политики
МГУ имени М.В. Ломоносова,
karnauhova.elena96@gmail.com

Elena A. Karnaukhova,
Postgraduate Student of the School of World Politics
of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
karnauhova.elena96@gmail.com

**ДВУЛИКИЙ ЯНУС: О ДВОЙНЫХ СТАНДАРТАХ В
АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ В ОБЛАСТИ ЯДЕРНОГО
НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ
TWO-FACED JANUS: ABOUT DOUBLE STANDARDS IN AMERICAN
NUCLEAR NONPROLIFERATION POLICY**

Аннотация: автор статьи рассматривает проблему использования двойных стандартов в области ядерного нераспространения со стороны США. На примере исторического материала выделяются пять страновых кейсов (Израиль, Иран, Индия, Пакистана, ФРГ – Южная Корея – Япония – Тайвань), которые демонстрируют, что США даже при своей строгой приверженности к ДНЯО и режиму ядерного нераспространения избирательно подходят к применению их норм и принципов в зависимости от своих национальных интересов (военно-политических, геополитических, коммерческих). Автор выделяет пять моделей такого избирательного отношения и приходит к выводу, что в условиях обострения межгосударственных противоречий США могут рассматривать режим ядерного нераспространения больше как инструмент реализации своей внешней политики, чем как один из механизмов обеспечения глобальной безопасности. Также поднимается вопрос о том, насколько избирательный подход к вопросам ядерного нераспространения может стать актуальным для России в условиях специальной военной операции на Украине, ее текущей конфронтации с коллективным Западом, а также ее приверженности концепции многополярного мира.

Ключевые слова: режим ядерного нераспространения, ДНЯО, двойные стандарты, ядерные амбиции, ядерный выбор, избирательное отношение к нормам ядерного нераспространения.

Abstract: the author of the article examines the problem of double standards in the field of nuclear nonproliferation implemented by the United States. Based on historical material, five country cases are highlighted (Israel, Iran, India, Pakistan, Germany-South Korea-Japan-Taiwan), which demonstrate that the USA, even with its strict adherence to the NPT and the nuclear nonproliferation regime, can selectively approach the application of their norms and principles depending on its national interests (military-political, geopolitical, commercial). The author identifies five models of such a selective attitude and concludes that for the United States, the nuclear nonproliferation regime is more an instrument of foreign policy than an ultimate goal in itself. The question is also raised about how selective approach to nuclear nonproliferation issues can become relevant for Russia in the context of the special military operation in Ukraine, current confrontation with “collective West” and Russian commitment to the concept of multipolar world order.

Key words: nuclear nonproliferation regime, NPT, double standards, nuclear ambitions, nuclear choice, selective attitude to nuclear nonproliferation norms.

На фоне специальной военной операции России на Украине (СВО) возрос накал ядерной риторики. Данная тенденция проявляется и в появлении в информационном поле публикаций о том, что западные страны и непосредственно США могут закрыть глаза на ядерные амбиции Киева и выход Украины из ДНЯО, спровоцировать страну на совершение ядерной провокации против России и передать для этого собственные ядерные боезаряды.

Такие утверждения резко контрастируют с тем, что сами США на официальном уровне декларируют приверженность Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и режиму ядерного нераспространения. Однако в историческом материале можно найти примеры,

когда Вашингтон применял двойные стандарты в сфере ядерного нераспространения. В данной обзорной статье рассмотрим несколько кейсов.

Кейс № 1. Израиль

Ссылаясь на П. Пеана, советский и российский дипломат Р.М. Тимербаев писал, что Израиль, скорее всего, принял решение о создании ядерного оружия в 1955 году [13, с. 152]. На первых порах существенную поддержку ему оказывала Франция, которая потерпела поражение в Суэцком кризисе 1956 года и хотела найти противовес Египту. Сотрудничество двух стран в ядерной сфере носило секретный характер. По словам американского специалиста по вопросам нераспространения Дж. Циринционе, США после того, как американская разведка вычислила израильские ядерные объекты в 1960 году, пытались помешать Израилю в развитии ядерной программы и убедить Францию перестать поставлять ему необходимые ядерные технологии и материалы [30].

По мнению специалистов, в 1966 году Израиль якобы создал атомную бомбу. Однако страна приняла решение не объявлять себя первой ядерной страной на Ближнем Востоке (*would not be the first to introduce nuclear weapons into the Middle East*) [25, с. 60]. В американской литературе присутствует свидетельство о том, что еще в конце 1960-х гг. Израиль достиг договоренностей с США, что не будет присоединяться к ДНЯО и продолжит проводить политику ядерной неопределенности (*ambiguity*) [31, с. 121]. По оценкам Р.М. Тимербаева, после прихода к власти в 1969 году администрации президента Р. Никсона, представлявшего Республиканскую партию, США «сквозь пальцы наблюдали за развертыванием израильской ядерной программы, не прекращая оказывать военную помощь» [13, с. 154].

В 1981 году Израиль провел военную операцию «Опера» по уничтожению еще не достроенного ядерного реактора «Осирак» на севере Ирака, который с 1969 года был членом ДНЯО и, как и любая сторона Договора, имел право на развитие мирной ядерной энергетики. Израиль подозревал его в реализации военной ядерной программы, но факт ее

существования на тот момент доказан не был. Действия Израиля вызвали негативную реакцию со стороны ООН и МАГАТЭ. США, в свою очередь, временно прекратили поставку вооружений в Израиль, но введенные ими санкции оценивались американскими специалистами как номинальные [17, с. 174]. После данного события премьер-министр М. Бегин расширил формулу ядерной неопределенности, решив, что Израиль не будет и второй страной, которая провозгласит ядерный статус на Ближнем Востоке (*would also not be the second state to introduce nuclear weapons into the Middle East*) [25, с. 60].

Проблема «ядерного» статуса Израиля остро встала в 1995 году в ходе Конференции по рассмотрению действия и продлению Договора о нераспространении ядерного оружия. Лига арабских государств потребовала от Израиля присоединиться к ДНЯО, а также выступила инициатором резолюции о формировании на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения (ЗСОМУ). Среди прочего ее итоговый текст, составленный при соавторстве США, России и Великобритании как трех депозитариев ДНЯО, призывал страны Ближнего Востока присоединиться к Договору, если они не являлись его стороной, и поставить свою ядерную деятельность под гарантии МАГАТЭ, а также предпринимать практические меры для достижения прогресса в создании ЗСОМУ и средств его доставки и воздерживаться от действий, которые могут воспрепятствовать этому процессу [24].

Большинство стран Ближнего Востока и(или) Лиги арабских государств присоединились к ДНЯО до 1995 года, за исключением Алжира (1995), Коморских островов (1995), Джибути (1996), ОАЭ (1995). В 2015 году в ДНЯО вступила Палестинская национальная автономия.

В 2010 году на Обзорной конференции ДНЯО было принято решение созвать в 2012 году Конференцию по созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке. В обозначенные сроки она не состоялась из-за позиции Израиля, неготового принять в ней участие, такую позицию поддержали и США [2] (впервые конференция прошла только в 2019 году). На Обзорной конференции 2015

года Россия подготовила новые предложения по мандату созыва такой конференции, которые включили в проект заключительного документа ОК ДНЯО 2015 года. Предлагалось провести конференцию о формировании ЗСОМУ на Ближнем Востоке 1 марта 2016 года, но Израиль выступил против. В последний день ОК ДНЯО делегации США, Великобритании и Канады также заявили о своем несогласии с заключительным документом, из-за чего он так и не был принят.

Вопрос о формировании ЗСОМУ на Ближнем Востоке остается нерешенным. Израиль по-прежнему не является членом ДНЯО и до сих пор на официальном уровне не подтверждает, но и не отрицает факт наличия у него ядерного оружия. Замалчивает это и военно-политическое руководство США, которое продолжает оказывать Израилю военно-политическую помощь. По состоянию на 1 марта 2023 года Израиль в большей мере, чем кто-либо со времен Второй мировой войны (1939–1945), получает совокупную помощь США, военную и экономическую.

В 2016 году обе страны подписали третий меморандум о взаимопонимании в рамках военной помощи (Memorandum of Understanding (MOU) on military aid) на период с 2019 по 2028 финансовый год. По его условиям США обязуются предоставить Израилю 38 млрд долл. военной помощи, Израиль закупает в большом количестве американские истребители F-35, в 2023 году Конгресс США выделил 520 млн долл. на совместные с Израилем оборонные программы, включая противоракетную оборону и т.д. [28].

Вместе с тем, по крайней мере, на официальном уровне США воздерживаются от критики израильского руководства, которое заявляет о возможности нанести удар по ядерным объектам Ирана, подозреваемого в разработке ядерного оружия. Например, в июле 2022 года премьер-министр Бени Ганц сказал, что Израиль предусматривает нанесение удара по Ирану для «сдерживания атома» [29].

19 февраля 2023 года в израильской прессе появилось сообщение со ссылкой на слова американского посла в Израиле Тома Найдса, что США не будут продолжать переговоры с Ираном о восстановлении ядерной сделки из-за того, что страна поставляет дроны России, которые используются в «войне на Украине» [27]. Также он добавил, что «Израиль может делать то, что ему нужно, и мы [США] его прикроем» [27]. Такие заявления не являются корректными, поскольку по международному праву Иран, будучи членом ДНЯО, имеет право на развитие мирной ядерной энергетики, а факт наличия у страны военной ядерной программы, несмотря на многолетние дискуссии с начала 1990-х гг., не был доказан со стороны МАГАТЭ. Генеральный директор Агентства Рафаэль Гросси в марте 2023 года, в период своего визита в Тегеран, подчеркнул, что нападение на ядерные объекты не является законным, а доказательства, что Иран занимается производством ядерного оружия, отсутствуют [4].

Тем не менее иранский кейс, в свою очередь, демонстрирует другой аспект отхода от принципов ядерного нераспространения со стороны США.

Кейс № 2. Иран

Иран развивал свою ядерную программу с 1960-х гг. еще при власти шаха Реза Пехлеви. В те годы страна входила в сферу влияния США, при негласной координации которых строился военно-политический блок стран Ближнего Востока – Организация Центрального договора (в 1955 году по инициативе США, Великобритании и Турции был подписан Багдадский пакт, на основе которого образовалась новая военно-политическая группировка, действовавшая до 1979 года). В 1960-е гг. США поставили в Иран, например, исследовательский реактор для ядерного центра Тегеранского университета, работавшего на высокообогащенном уране (материал, пригодный для создания ядерного оружия), т.н. горячие камеры для выделения плутония из облученного топлива. Также в 1970-е гг. Иран договорился с Западной Германией о сооружении двух энергоблоков для Бушерской АЭС [13, с. 151].

Однако в 1979 году в Иране произошла Исламская революция, которая привела к смене режима и радикальному ухудшению отношений между страной и США. Сотрудничество с западными странами в ядерной сфере было полностью свернуто. Впоследствии Исламская Республика Иран была причислена США к т.н. оси зла – странам, которые, по американским оценкам, были поборниками международного терроризма, пытались создать ОМУ и нарушали международное право.

В 1992 году Конгресс США впервые ввел санкции против Ирана под предлогом того, что страна подозревается в разработке ядерного оружия. Также он выступил против сотрудничества между Россией и Ираном в ядерной сфере в 1990-е гг., когда два государства заключили контракт по сооружению российскими специалистами легководяной АЭС в Бушере, хотя она была поставлена под гарантии МАГАТЭ. Россия не была согласна с американскими оценками того, что Иран может создать ядерную бомбу через 8–10 лет, а само давление со стороны США расценивалось как акт «урановой войны» в интересах западных компаний [16]. В то же самое время сами США договорились с КНДР, заявившей в 1993 году на фоне конфликта с МАГАТЭ о возможном выходе из ДНЯО, что США предоставят ей легководяной реактор, если она останется в Договоре и поставит свой тяжеловодный реактор в Йонбене под гарантии МАГАТЭ.

Считается, что с середины 1980-х годов по 2003 год Исламская Республика Иран продолжала развивать ограниченную военную ядерную программу, хотя и была членом ДНЯО [9]. На официальном уровне со стороны МАГАТЭ не было доказано, что Иран обладает ядерным оружием, однако, как отмечают российские специалисты, отсутствует уверенность в том, что у Ирана нет подпольной военной ядерной программы, как и неизвестно, имеется ли политическое решение создать ядерное оружие [9]. По итогам многолетних переговоров по иранской ядерной программе в 2015 году был заключен Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), в соответствии с которым Иран должен был допустить международных инспекторов МАГАТЭ

на свои ядерные объекты, не имел права обогащать уран более чем до 3,67%. Также предусматривалась поэтапная отмена санкций в отношении Ирана. Однако в мае 2018 года американский президент Дональд Трамп принял решение о приостановлении участия США в СВПД и ввел санкции против Ирана под предлогом того, что страна продолжает военные наработки в ядерной сфере [23]. Таким образом, были перечеркнуты многолетние усилия по достижению урегулирования проблемы вокруг иранской ядерной программы. В Соглашении предусматривалось, что Иран, в случае введения против него новых санкций, будет иметь полное право полностью или частично отказаться от своих обязательств по СВПД. Осенью 2019 года по результатам инспекций МАГАТЭ стало известно, что Иран возобновил обогащение урана на своем ядерном объекте в Фордо [1].

В иранском кейсе более точечной проблемой является вопрос о праве на обогащение урана. По оценкам некоторых американских специалистов, США не признают право неядерных стран на обогащение урана, причем такой подход служит поводом для споров между участниками Договора [21, с. 17]. В январе 2020 года спецпредставитель США по Ирану Брайан Хук заявил, что США выступают за то, чтобы Иран отказался в принципе от обогащения урана, потому что в середине 2000-х гг. на уровне Совета Безопасности ООН был принят «ооновский стандарта», запрещающий Исламской Республике Иран заниматься обогащением урана [12] (в июне 2020 года он также сообщил израильским СМИ, что США могут применить военную силу против Ирана, чтобы помешать ему создать ядерное оружие) [11].

Необходимо отметить, что в ДНЯО какие-либо запреты в отношении обогащения урана отсутствуют. В соответствии со статьей IV Договора «никакое положение настоящего Договора не следует трактовать как затрагивающее неотъемлемое право всех участников Договора развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях без дискриминации и в соответствии со статьями I и II настоящего Договора» [3].

Так называемый «ооновский стандарта», запрещающего обогащение урана», который упоминал Бр. Хук, по сути являлся бы нарушением положений ДНЯО. МИД России оценил его заявления как мифотворчество, которое «давно в порядке вещей в американских подходах к ядерному нераспространению» [5]. По оценкам российского внешнеполитического ведомства, если какие-то страны отказываются от обогащения урана, это их собственное решение, но не стандарт, и его не нужно распространять на все неядерные государства, которые имеют «законное право осваивать технологии обогащения урана» [5].

США, действительно, пытались помешать некоторым странам, например Южной Корее, получить технологии обогащения урана. Также от них отказались и ОАЭ в соответствии с договоренностями с США, которые они достигли в 2009 году. По мнению американских политологов, сделка с ОАЭ стала рассматриваться США как золотой стандарт соглашений о сотрудничестве в ядерной области, поэтому из-за иранской ядерной программы они могут столкнуться с ситуацией, когда другие страны не будут соглашаться на коммерческие сделки, предусматривающие отказ от технологий обогащения урана [21, с. 8–9].

В случае же с Индией мирная ядерная энергетика послужила для США средством признания *de facto* ядерного государства вне ДНЯО.

Кейс № 3. Индия

В 1950–1960-е гг. Индия была одной из тех стран, что сотрудничала с США в сфере мирной ядерной энергетике. Она традиционно оценивала ДНЯО как неравноправный, дискриминационный договор. При выработке условий будущего договора о нераспространении ядерного оружия она вместе с Бразилией предлагала допустить производство и испытание ядерных взрывных устройств в мирных целях, но не смогла доказать, что они отличаются от ядерного оружия. В 1968 году Индия отказалась подписать ДНЯО.

В 1974 году Индия провела подземный ядерный взрыв в пустыне Раджастхан, который сама страна позиционировала в качестве «мирного». Некоторые специалисты оценили его как показатель неэффективности Договора [26, с. 90] и уже тогда стали рассматривать Индию как «шестую» ядерную державу [18, с. 186]. Специфика данного ядерного испытания заключалась в том, что произошло оно в результате развития именно мирной ядерной энергетики: ядерная бомба «Улыбающийся Будда» была создана на базе атомного исследовательского центра, а не на военных объектах, предназначенных для производства ядерного оружия [19, с. 196]. США тогда отреагировали приостановлением сотрудничества с Индией в области мирной ядерной энергетики.

В 1998 году Индия осуществила пять ядерных взрывов, включая термоядерный, которые «мирными» объявлены не были. Формально она ничего не нарушила, потому что ДНЯО никогда не подписывала и его условия не принимала. В отношении Индии были введены международные санкции на поставки ядерных материалов и технологий. Спустя 10 лет они были отменены в связи с возобновлением сотрудничества между США и Индией в ядерной сфере.

В июле 2005 года индийский премьер-министр М. Сингх посетил США. В повестку переговоров вошел и вопрос о взаимодействии в ядерной энергетике. В совместном заявлении по итогам встречи американский президент Дж. Буш-мл. заявил, что, как «ответственное государство, имеющее передовые ядерные технологии, Индия должна получать такие же преимущества, как и другие подобные страны» [20]. Необходимо отметить, что еще в начале 2000-х гг. США выступали против сотрудничества между Россией и Индией: российские поставки низкообогащенного урана для индийских АЭС они оценивали как нарушение Россией режима ядерного нераспространения [10, с. 65].

Такой разворот в политике США в отношении Индии был мотивирован двумя первоочередными причинами. Во-первых, Индия, ввиду

стремительного экономического развития и роста спроса на электроэнергию, на тот момент была одним из крупнейших рынков, потребляющих ядерные технологии. Это сулило колоссальные прибыли американским компаниям. Во-вторых, США пытались создать противовес влиянию Китайской Народной Республики, с которой Индию связывали территориальные споры. В 1960-е гг. именно китайское ядерное испытание стало для индийского руководства поводом принять окончательное решение о необходимости создания ядерного оружия.

В 2006 году Буш-мл. посетил Дели, где было подписано американо-индийское соглашение о сотрудничестве в области мирного использования ядерной энергии. По нему предусматривалось, что Индия разделит ядерные объекты на военные и гражданские, последние поставит под гарантии МАГАТЭ, будут сняты запреты на поставку ей ядерных технологий и ядерного топлива. С точки зрения международного права только ядерные государства могли сами разделять ядерную программу на военную и гражданскую. Индия *de-jure* к официальным ядерным державам по ДНЯО не относилась, поскольку провела ядерные испытания после 1 января 1967 года. «Ядерная» сделка с США привела к коллизии в режиме ядерного нераспространения и стала косвенным подключением к нему Индии.

А.В. Фененко оценивает это как частичное признание США ядерного статуса Индии [15]. Во-первых, США признавали, что у Индии, государства вне ДНЯО, есть ядерные объекты военного характера. Во-вторых, Индия могла поставить под международный контроль только свои мирные ядерные объекты, что противоречило практике применения гарантий МАГАТЭ. В-третьих, с Индии были сняты санкции Группы ядерных поставщиков (ГЯП). Это, в свою очередь, подорвало доверие к нормам экспортного контроля, поскольку ГЯП отошла от своих руководящих принципов, а сама сделка демонстрировала, что их можно применять по случаю.

С 2007 года вместе с Австралией, США и Японией Индия стала членом стратегического диалога по проблемам безопасности в Индо-Тихоокеанском

регионе (QUAD), который действует поныне и имеет антикитайскую направленность.

Кейс № 4. Пакистан

Еще одной страной, которая имеет с МАГАТЭ соглашение о гарантиях в отношении конкретных объектов, является Пакистан. Свою ядерную программу это государство развивало преимущественно с 1960-х гг. В 1965 году стал действовать первый исследовательский реактор в Институте ядерных наук и технологии в Исламабаде, в тот же период Пакистан заключил серию соглашений по сотрудничеству в ядерной сфере с одиннадцатью западными странами, включая Великобританию, Францию и США, по которым предполагалось, что пакистанские специалисты будут проходить обучение за рубежом [13, с. 157]. В 1968 году Пакистан отказался подписывать ДНЯО.

В 1970-е гг. США перестали экономически поддерживать Пакистан из-за его подозрительной активности в ядерной сфере. В начале 1970-х гг., после войны с Индией 1971 года, Пакистан принял решение о реализации военной ядерной программы, в 1975 году он стал осваивать технологии обогащения урана и закупил оборудование у Западной Германии. Но после ввода советских войск в Афганистан в 1980-е гг. американская помощь была возобновлена и не прекращалась даже на фоне строительства Пакистаном завода по обогащению урана [17, с. 174]. В 1998 году Пакистан провел ядерные испытания, став, как и Индия, неофициальным ядерным государством.

В начале 2000-х гг. появились сведения, что пакистанский ученый, «отец» ядерной бомбы Пакистана Абдул Кадир Хан якобы организовал нелегальную сеть, которая занималась ядерной контрабандой. В средствах массовой информации в то время и позже публиковались данные о том, что он продавал ядерные секреты Ливии, Ирану и Северной Корее, которые работали над созданием ядерного оружия. В то же время, после трагических событий 11 сентября 2001 года, США стали вести «глобальную войну против терроризма». В частности, в октябре 2001 года началась операция «Несокрушимая свобода»

Международных сил содействия безопасности (МССБ) в Афганистане, в 2003 году – операция «Иракская свобода» в Ираке. В таких условиях значимость Пакистана возрастала с геополитической точки зрения. В 2004 году стране был предоставлен статус союзника вне НАТО, хотя, если следовать американской логике, Пакистан тоже мог быть отнесен к категории стран «оси зла».

Кейс № 5. Германия, Тайвань, Южная Корея и Япония

В разное время ядерные амбиции имели также такие союзники США, как ФРГ, Тайвань, Южная Корея и Япония. Атомное оружие для ФРГ могло стать средством обретения военной и политической мощи [22, с. 11]. В Японии уже в конце 1960-х гг. на официальном уровне существовало мнение, что страна не сможет бесконечно полагаться на американские гарантии безопасности и ей следует иметь возможности для создания собственного ядерного оружия [13, с. 147]. Вопрос о военных ядерных программах поднимался также на Тайване и в Южной Корее.

Тайвань подписал ДНЯО в 1968 году и в 1970 году сдал ратификационную грамоту. Несмотря на то что большинство стран мира, включая Россию, признают Тайвань частью КНР, МАГАТЭ подписало с ним соглашение о гарантиях в отношении ядерных установок, хотя отношения между ними носят неправительственный характер.

И Тайвань, и присоединившиеся к ДНЯО в 1975 году Германия и Республика Корея, и в 1976 году Япония пользовались поддержкой США и других западных стран в развитии мирной ядерной энергетики (закупка материалов и технологий, подготовка специалистов-ядерщиков, проведение научно-исследовательских и конструкторских работ, строительство АЭС). Со времен холодной войны они по-прежнему имеют союзнические отношения с США, находясь под их «ядерным зонтиком» и являясь потребителями американской военной помощи.

В Открытом докладе СВР России 1993 года «Новый вызов после холодной войны: распространение оружия массового уничтожения» Тайвань и Южная Корея фигурировали как возможные обладатели ядерного оружия. В

отношении Тайваня авторы доклада писали: «Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что официально импортируемые ядерные технологии, знания и оборудование не дают возможности Тайваню создать ядерное оружие, однако они обеспечивают ему необходимый опыт проведения работ в ядерной области и могут ускорить проведение собственных ядерных разработок военного характера, если такое решение будет принято» [7]. По мнению специалистов СВР России, «сотрудничество с промышленно развитыми странами объективно повышает возможности Южной Кореи в ядерной области и тем самым усиливает научно-технические предпосылки появления в стране ядерного оружия» [8]. Сейчас обе страны по-прежнему рассматриваются в качестве потенциальных членов ядерного клуба [6].

Что касается Японии и Германии, то и они со времен Второй мировой войны остаются государствами с ограниченным суверенитетом. Как считает А.В. Фененко, они смогли воссоздать свой военно-технологический потенциал, который позволяет им в сжатые сроки обеспечить мощные вооруженные силы и получить доступ к ядерному оружию [14, с. 23]. По мнению российских специалистов, нельзя исключать, что именно союзники США могут выступить в качестве главной угрозы ДНЯО, даже если они позиционируются как его уважаемые стороны [6, с. 12]. Исключать такой сценарий не приходится, если учесть, что руководство ФРГ, Японии, Республики Корея и Тайваня неоднократно возвращалось к идее «ядерного выбора». Вопрос о том, насколько он будет устраивать самих США, пока остается неоднозначным.

Заключение

Рассмотренные выше кейсы позволяют утверждать, что США могут избирательно применять и по-своему трактовать нормы и принципы ядерного нераспространения. Они допускают отход от них, если это соответствует их национальным интересам, включая коммерческие, военно-политические и геополитические. Можно выделить несколько моделей.

Модель № 1. Военно-политическая поддержка *de facto* ядерного государства вне ДНЯО с недружественным окружением, на ядерные амбиции которого приходится закрывать глаза (кейс Израиля).

Модель № 2. Прекращение сотрудничества в ядерной сфере с недружественным государством и порой необоснованное, спекулятивное давление на него с целью ограничения законных прав на развитие мирной ядерной энергетики (кейс Ирана).

Модель № 3. Косвенное подключение *de facto* ядерного государства к режиму ядерного нераспространения и частичное признание его ядерного статуса для сближения в военно-политической сфере в целях поддержки «врага врага» и осуществления давления на оппонента (кейс Индии).

Модель № 4. Военно-политическая помощь «пороговому» государству, ввиду его геополитической близости к оппоненту или его присутствия в других соседствующих странах (Пакистан до ядерных испытаний), или сближение с *de facto* ядерным государством вне ДНЯО для решения конъюнктурных тактических задач (Пакистан после ядерных испытаний).

Модель № 5. Обеспечение «ядерного зонтика», помощь в развитии ядерной энергетики и военно-политическая поддержка союзных государств, для которых ввиду имеющегося военно-технологического потенциала остается открытой возможность «ядерного выбора» (кейс ФРГ, Японии, Южной Кореи и Тайваня).

В условиях обострения межгосударственных противоречий США могут рассматривать режим ядерного нераспространения больше как инструмент реализации своей внешней политики, нежели как один из механизмов обеспечения глобальной безопасности. Это ведет к применению двойных стандартов, которые подрывают режим ядерного нераспространения и становятся одним из факторов его эрозии.

Позволят ли США сделать «ядерный выбор» Украине или обеспечат ее своими тактическими ядерными вооружениями для сдерживания России? Сейчас на этот вопрос не может быть однозначного ответа. Действующий

киевский режим при всей своей значимости для Вашингтона в качестве «анти-России» характеризуется непредсказуемым поведением и не может дать гарантии, что не обернет ядерный шантаж против самих западных стран. Скорее всего, в контексте российской СВО США и Запад в целом продолжают замалчивать нарушение норм физической ядерной безопасности и совершение актов ядерного терроризма со стороны украинских вооруженных сил, как это было в период обстрелов Запорожской АЭС весной–летом 2022 года.

Может ли вопрос об избирательном отношении к режиму ядерного нераспространения стать актуальным и для самой России, особенно в условиях агрессивного политического, экономического и военного давления со стороны Запада? К тому же с 1990-х гг. Российская Федерация, исходя из своих национальных интересов, выступает активным поборником формирования многополярного мирового порядка, который должен стать справедливым миром равноправных государств, самостоятельных, независимых и действующих. Но что, если национальные интересы какой-либо страны диктуют необходимость создать ядерное оружие? Более того, в условиях СВО происходит сближение России с Ираном и КНДР, обе так или иначе поддерживают ее в конфликте с Украиной и занимают антиамериканские позиции. Иран и Северная Корея имеют неоднозначное ядерное досье. КНДР вышла из ДНЯО в 2003 году и в 2006 году испытала ядерный боезаряд. Иран с 1990-х гг. обвиняется в реализации военной ядерной программы, страна неоднократно под разными предлогами делала заявления, что выйдет из ДНЯО. Традиционно Россия координировала свою позицию по иранскому и северокорейскому кейсам с западными государствами, вводила санкции против обеих стран. Сейчас сложно представить себе сближение с теми государствами, которые открыто заявляют о своем намерении добиться стратегического поражения России, оказывают Украине финансовую поддержку и поставляют ей вооружения, против тех, кто, как Иран и КНДР, находятся на российской стороне в борьбе с коллективным Западом. Будет ли сфера ядерного нераспространения иметь подчиненное для российской

внешней политики положение, еще предстоит выяснить с точки зрения ее будущей концептуализации.

Список литературы и источников

1. В МАГАТЭ подтвердили, что Иран возобновил обогащение урана в Фордо // Новости ООН, 11 ноября 2019 г. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/11/1366881> (дата обращения: 13.03.2023).

2. Выступление директора Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России В.И.Ермакова на пресс-конференции МИА «Россия сегодня», посвященной итогам Конференции ООН в поддержку создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения и средств его доставки, Москва, 27 ноября 2019 года // Официальный сайт МИД России, 27 ноября 2019 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/yadernoe_nerasprostranenie/dogovor_o_nerasprostraniii_yadernogo_oruzhiya/1477439/?ysclid=1f3zk6i6wt20605044 (дата обращения: 13.03.2023).

3. Договор о нераспространении ядерного оружия (текст) // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 13.03.2023).

4. Израиль отверг заявление МАГАТЭ о незаконности ударов по объектам Ирана // РБК, 5 марта 2023 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/03/2023/6404a9769a7947078c8de9e6?ysclid=1f3z69aahw174592060> (дата обращения: 13.03.2023).

5. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с американскими спекуляциями на тему «ооновского стандарта», запрещающего обогащение урана // Официальный сайт МИД России, 20 января 2020 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1425143/?ysclid=1f5e2rhqw6171293418 (дата обращения: 13.03.2023).

6. Новая ядерная девятка? Оценка угроз распространения ядерного оружия в мире. Доклад. / Ред. В.А. Орлов, С.Д. Семенов. М.: ПИР-Пресс, 2022. – 224 с. – (ПИР-Библиотека - книжная серия). URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/22-11-29-NINE-Report-Final.pdf?ysclid=lecrwc4e91589112133> (дата обращения: 13.03.2023).

7. Новый вызов после “холодной войны”: распространение оружия массового уничтожения (открытый доклад СВР России за 1993 год). Раздел «Тайвань» / Официальный сайт СВР России. URL: <http://www.svr.gov.ru/material/otkrytye-doklady-svr-rossii/novyuy-vyzov-posle-kholodnoy-voyny-rasprostranenie-oruzhiya-massovogo-unichtozheniya-otkrytyu-doklad-/prilozhenie/taivan.htm> (дата обращения: 13.03.2023).

8. Новый вызов после «холодной войны» распространение оружия массового уничтожения (открытый доклад СВР России за 1993 год) / Официальный сайт СВР России. Раздел «Южная Корея» URL: <http://www.svr.gov.ru/material/otkrytye-doklady-svr-rossii/novyuy-vyzov-posle-kholodnoy-voyny-rasprostranenie-oruzhiya-massovogo-unichtozheniya-otkrytyu-doklad-/prilozhenie/yuzhnaya-koreya.htm> (дата обращения: 13.03.2023).

9. Орлов В., Трушкин И. ДНЯО завтрашнего дня // Россия в глобальной политике, № 2, 2010. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/dnyao-zavtrashnego-dnya/?ysclid=le2c54n55z907531832> (дата обращения: 13.03.2023).

10. Россия в формировании международной системы профилактики распространения ОМП / Отв. ред. А.А. Кокошин, А.Д. Богатуров. – М.: КомКнига, 2008. – 208 с.

11. США могут применить военную силу против Ирана из-за ядерного оружия // Известия, 1 июня 2020 г. URL: <https://iz.ru/1029992/2020-07-01/ssha-mogut-primenit-voennuiu-silu-protiv-irana-iz-iadernogo-oruzhiia> (дата обращения: 13.03.2023).

12. США настаивают на том, чтобы Иран полностью отказался от обогащения урана // ТАСС, 17 января 2020 г. URL:

<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7548635?ysclid=lf49pil2cb403441786>
(дата обращения: 13.03.2023).

13. *Тимербаев Р.М.* Россия и ядерное нераспространение. 1945-1968. – М.: Наука, 1999. – 383 с.

14. *Фененко А.В.* Асимметричная модель ядерного сдерживания. Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2021, № 3. Сс. 13-29.

15. *Фененко А.В.* Конфликтное партнерство // Независимая газета, 2009. URL: https://www.ng.ru/politics/2009-07-29/3_kartblansh.html?ysclid=lf5ev0hu4t337872028 (дата обращения: 13.03.2023).

16. Ядерный контроль, 1994. № 0. URL: <https://pircenter.org/security-index/70-yadernyj-kontrol>

17. *Donnelly W.* Nonproliferation Policy of the United States in the 1980s // SAIS Review, 1987 (Summer-Fall). Vol. 7, No. 2, "European Security Measures". P. 159-179.

18. *Epstein W.* Nuclear Proliferation in the Third World // Journal of International Affairs, 1975. Vol. 29, No. 2. Pp. 185-202.

19. Goheen R. Problems of Proliferation: U.S. Policy and the Third World // World Politics, 1983 (January). Vol. 35. No. 2 (Jan., 1983). Pp. 194-215.

20. Joint Statement by President George W. Bush and Prime Minister Manmohan Singh // US Department of State Archive Official Websire. URL: <https://2001-2009.state.gov/p/sca/rls/pr/2005/49763.htm>

21. Kaplow, J. M., & Gibbons, R. D. (2015). Implications for the nuclear nonproliferation regime // RAND Corporation, 2015 (The Days After. A Deal with Iran Series). Pp. 1-15. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep02420>

22. *Kelleher C.* Germany and the politics of nuclear weapons // Columbia University Press, 1975. Pp. xiv+372.

23. President Donald J. Trump is Ending United States Participation in an Unacceptable Iran Deal / Fact Sheets, US White House official web-site, 8 May 2018. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump->

ending-united-states-participation-unacceptable-iran-deal/(дата обращения: 13.03.2023).

24. Resolution on the Middle East, NPT/CONF. 1995/32/RES/1, 11 May 1995.

URL:https://inis.iaea.org/collection/NCLCollectionStore/_Public/27/026/27026568.pdf (дата обращения: 13.03.2023).

25. *Smith G., Cobban H. A Bind Eye to Nuclear Proliferation // Foreign Affairs, 1989 (Summer). Vol. 68, No. 3, Pp. 53-70.*

26. *Unger B. The Nuclear Non-Proliferation Treaty Review Conference: an Unsuccessful Attempt to Stem the Tide // World Affairs, 1976. Vol. 139, No. 2, Pp. 87-111.*

27. US envoy Nides: Israel 'can do whatever they need' on Iran, 'and we've got their back' // The Times of Israel, February 19, 2023. URL: https://www.timesofisrael.com/liveblog_entry/us-envoy-nides-israel-can-do-whatever-they-need-on-iran-and-weve-got-their-back/

28. U.S. Foreign Aid to Israel // Congressional Research Service, March 1, 2023. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/RL/RL33222> (дата обращения: 13.03.2023).

29. White House Statement on Trump Decision to Withdraw from Iran Nuclear Deal // The White House Official Website. URL: <https://www.whitehouse.senate.gov/news/release/-whitehouse-statement-on-trump-decision-to-withdraw-from-iran-nuclear-deal>

30. Why is the U.S. okay with Israel having nuclear weapons but not Iran? // The Washington Post, December 12, 2013. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2013/12/02/why-is-the-u-s-okay-with-israel-having-nuclear-weapons-but-not-iran/> (дата обращения: 13.03.2023).

31. Yair Evron Y. Israel and the Nuclear Nonproliferation Regime // The Obama Vision and Nuclear Disarmament, 2011 (March). Published by Institute for National Security Studies, P. 121.

Касымбекова Улара Жумашбаевна,
научный сотрудник отдела политологических
исследований и экспертиз Института государства и права
Национальной академии наук Кыргызской Республики,
ulara.kasymbekova@gmail.com

Ulara Z. Kasymbekova,
Researcher at the Department of Political Science Research
and Expertise of the Institute of State and Law of the
National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic,
ulara.kasymbekova@gmail.com

ФАКТОР АФГАНИСТАНА В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ **THE AFGHANISTAN FACTOR IN THE CENTRAL ASIAN REGION**

Аннотация: афганский кризис все еще остается одним из самых известных и непредсказуемых по своей природе политических и военных конфликтов. В современных условиях геополитических перемен Афганистан занимает особое место, как географически, так и политически. В статье рассматривается место и роль Афганистана, а также его влияние на Центрально-Азиатский регион. Важной составляющей данной работы является прогноз развития будущих политических событий в Афганистане в рамках выстраивания новым правительством современных дипломатических отношений по долгосрочному сотрудничеству.

Ключевые слова: Афганистан, Центральная Азия, сотрудничество, кризис, геополитика, дипломатия, социально-экономические факторы, развитие, долгосрочность, перспектива.

Abstract: the Afghan crisis is still one of the most notorious and unpredictable in nature, political and military conflicts in the entire hemisphere of the world. In the current context of geopolitical change, Afghanistan occupies a special place, both geographically and politically, this article examines its place, role, and impact on the Central Asian region. An important part of this paper is to consider future developments as well as opportunities for Afghanistan in the new

government's ability to build a modern diplomatic relationship that can lead to long-term cooperation.

Key words: Afghanistan, Central Asia, cooperation, crisis, geopolitics, diplomacy, socio-economic factors, development, long-term, perspective.

Афганистан за продолжительные годы войн и конфликтов на своей территории превратился из перспективного государства, обладающего территориальной привлекательностью и важными ресурсами для XXI века, в государство, на которое сейчас уже не возлагается каких-либо дипломатических или политических надежд высокого уровня. Более того, ситуацию прихода к власти международно признанного террористического движения «Талибан» многие акторы международных отношений и политики готовы использовать в своих интересах, менее всего заботясь о помощи складывающейся политической системе внутри Афганистана.

В географической плоскости Афганистан находится на перепутье стран Центральной Азии, в том числе и с такими странами, как Пакистан и Иран. Это обуславливает его положение транзитной точки в перемещении различного вида товаров и важной транспортной развязки между Китаем и Ближним Востоком. Кроме того, Афганистан обладает значительным количеством природных ресурсов и полезных ископаемых, что, несомненно, вызывает внешний интерес как с экономической, так и с политической точек зрения.

Несмотря на тщетные попытки мирового сообщества, в частности усилий США и НАТО по стабилизации и установлению порядка в Афганистане, это не привело ни к экономическим, ни к политическим успехам. В условиях военных конфликтов и гражданских притязаний различных политических оппозиционных и провластных группировок с участием внешних сил и террористических организаций, невзирая на статус одной из наиболее бедных стран не только в Азиатском регионе, но и в мире, Афганистан, по данным, размещенным на сайте PopulationPyramid [1],

находится в числе лидирующих стран по приросту населения, что составляет 2,34 %. Это значит, что численность афганистанцев приблизилась к черте 40 млн человек, и, по прогнозам, есть вероятность приближения их к 75 млн человек уже в конце этого столетия. Это, соответственно, вызывает большие опасения у стран, находящихся в приграничной близости с ним.

Вышеописанные демографические возможности Афганистана являются потенциальной угрозой для всей Центральной Азии. С учетом сложившейся ситуации, при которой власть находится в руках у исламистского движения, становится очевидным, что она вместо политических приемов, усилий, учений и знаний реализует свои полномочия, опираясь на исламистский фундаментализм, основывающийся на вере и принципах шариата. Такое положение не всегда совпадает с традиционными течениями исламской религии. Есть веские основания полагать, что все рожденные в будущем, а также молодежь в возрасте от 10 до 30 лет будут подвержены идеологическому воспитанию со стороны властей и общества, которое, несомненно, будет в рамках идей «исламистского фундаментализма». К тому же оно может отразиться и на молодежи, находящейся за пределами Афганистана.

Несмотря на то, что США применялась последовательность действий развития с соблюдением прав и свобод, а также демократических ценностей, официальное правительство Афганистана в итоге было вынуждено бежать из своей страны и оставить госуправление в руках талибов.

Так или иначе, странам Центральной Азии также необходимо консолидироваться и выработать собственный и самостоятельный путь построения отношений с Афганистаном, так как территориально изменить сложившееся местоположение никак не получится. Напротив, в условиях создавшейся ситуации каждой из стран нужно будет менять концепцию вопросов безопасности, как регионального, так и местно-государственного характера.

С конца лета и начала осени 2021 года можно наблюдать, как «Талибан» осуществляет свои политические реформы в Афганистане. Вероятность, при которой планы и политические амбиции будут осуществлены им в полной мере, зависит от поддержки его политической деятельности различными сторонами афганского общества, имеющими разнонациональную и этнорелигиозную специфику.

На пути консолидации общества, помимо межнациональных и межрелигиозных проблем, остро стоит вопрос социально-экономического кризиса, усиливающегося с каждым годом от неудачного политического взаимодействия между властями и обществом, властями и мировым сообществом. Улучшение социально-экономической жизни населения является залогом стабильности для политического режима и власть имущих. В противном случае при обострении ситуации социального напряжения, сопровождаемого низким уровнем жизни, безработицей, отсутствием социальной поддержки со стороны государства, а также истощающими экономику происшествиями в военно-политической сфере, бунт населения и образование новых оппозиционных сил будут неизбежными последствиями. Стоит упомянуть о существовании террористической организации «Исламское государство», которая на протяжении последних десятилетий продвигает нетрадиционные религиозные идеи по экспансии независимых территорий и воссозданию одноименной территориальной местности. К тому же признается, что данная организация является достаточно конкурентоспособной в социально-политической борьбе с террористическим движением «Талибан».

Если для побед в 1996 и 2021 годах талибы выработали и использовали определенные стратегии в борьбе с населением и отдельными военно-политическими силами, то сегодня они применяют их в управлении целым государством, делая упор на периферию и отдельные регионы, а также на национальные меньшинства, роль которых была сильно недооценена американской стороной. И в случае возникновения местных недовольств и

стычек между правящим слоем и остальным населением вопрос приграничной близости снова будет весьма актуален.

Небезызвестно, что члены правления талибов не обладают значительным опытом в проведении политических реформ, а также должным образованием и необходимыми компетенциями, которые могли бы принести быстрые результаты. В ситуации после 2021 года, при формировании новоизбранного состава правительства, отсутствовали политические деятели, представленные национальными и этническими меньшинствами, и видные политические деятели прошлых лет, как, например, бывшие премьер-министр Абдулла Абдулла и президент Хамид Карзай [2].

Подобный абсолютизм, представленный талибами, является надвигающейся угрозой для самого режима правления, так как здесь не учитываются особенности менталитета и культуры образующих афганское общество этносов и национальностей, которым присущ также и трайбализм. В числе этих национальностей и этнических групп есть большое количество узбеков, таджиков, туркменов и хазарейцев, памирских народов, чараймаков, пашай и в меньшей степени киргизов, гуджаров, парачи, брагуи, белуджи, нуристанцев. Но и подобное стечение обстоятельств говорит больше об автократизации населения пуштунскими представителями как основного этноса. Нужно учитывать, что после начала международной операции НАТО и США «Северный альянс» («Объединенный исламский фронт спасения Афганистана») утратил свою силу и практически прекратил существование.

Что касается новых членов правительства Афганистана, то наиболее известный сегодня – это глава правительства Мохаммад Хасан Ахунд, который считается более непредсказуемым и радикальным политиком талибов. Ему принадлежит соавторство в создании адаптированной к современным условиям версии афганского «деобандизма», который в совокупности представляет собой наиболее жесткое течение в исламе. Основная мысль движения деобандистов выражается в том, что целью правительства считается «быть проводником божественной воли, а не

гарантировать индивидуальные права и свободы граждан», что является в большей степени идеологической основой именно представителей движения талибов. После активизации талибов в Центрально-Азиатском регионе подобные течения и их сподвижники стали проникать и в страны Центральной Азии, представляя собой фундаментальные внешние угрозы системам безопасности [3].

Важным кадровым событием было назначение на должность министра внутренних дел Сиражуддина Хаккани, объявленного США и ООН крайне опасным международным террористом, который неоднократно принимал участие в организации крупных терактов в Кабуле, а также возглавлял одно из направлений террористической деятельности талибов. Подобные назначения вызывают обеспокоенность в силу ряда причин. Во-первых, не учитывается тот факт, что при решении вопросов о сотрудничестве или, напротив, при выполнении каких-либо международных обязательств обычным государственным служащим других стран придется иметь дело с профессиональным террористом. Во-вторых, возникает другая проблема: каким образом будут проводиться подобные разговоры и встречи на высоком уровне, не возникнут ли ситуации, где какой-либо представитель государственной власти другой интернациональной страны не будет завербован или подвержен шантажу? Также встает вопрос об уровне доверия подобным лицам и правительству в вопросах внешнего сотрудничества. Эти вопросы пока остаются без ответов, и ближайшие региональные игроки, конечно, воспользуются такой ситуацией.

Таким образом, по мнению китайских и российских экспертов, политический режим в Кабуле склонен сейчас прежде всего к формированию некой стабильности, заключающейся в установлении новых порядков для улучшения социально-общественной среды, и, в свою очередь, они не исключают «переходный» статус данного правительства. В то же время западные и индийские экспертные круги сходятся во мнении, что данное

правительство будет терпеть поражение за поражением, и их прогнозы весьма удручающие [6].

Однако стоит отметить, что в сложившейся актуальной геополитической и региональной ситуации, когда происходят массовые волнения в Иране и протестные настроения лишь растут, когда одновременно происходит эскалация военного конфликта между Россией и Украиной, вопрос о деятельности правительства Афганистана отходит на второй план. Теперь привлекает внимание их опыт ведения террористической деятельности, где встает вопрос распространения конкурентных террористических ячеек ИГИЛ (ИГИЛ-Х или ИГИЛ-Хорасан) и «Аль-Каиды» [5].

В условиях геополитического противостояния в наше время силы противоборствующих сторон равны их экономическим возможностям, так как все необходимые ресурсы для ведения борьбы, как информационной, так и военной, требуют полного материального обеспечения. Этот фактор наблюдается сейчас, например, в Украине, когда коллективный Запад финансирует военную промышленность и доставляет ей все новые вооружения. Подобное осуществлялось Западом и в Афганистане. Последствиями такого рода военных поставок становятся ситуации их наличия и концентрации в стране, когда уже конфликты военного характера урегулированы, а появляется возможность применения накопленных военных запасов против других стран, группировок, людей. Например, такое издание, как Politico, ссылаясь на свои источники, сообщает о возможности передачи правительством талибов авиатехники, которая привозилась в Афганистан коллективным Западом, ближайшим соседям – Узбекистану и Таджикистану – взамен на углубление сотрудничества в противодействии терроризму [7].

Если Таджикистан в дальнейшем будет применять военную технику, полученную от Афганистана, для провокации на кыргызско-таджикской границе, то подобные намерения могут иметь фатальные последствия, так как

за последние несколько лет приграничные инциденты стали более серьезными и выливаются в жесткие конфронтационные конъюнктуры.

Что касается внешнего сотрудничества Афганистана, то для него частично открыты новые возможности, связанные с региональными международными организациями, такими как ШОС, ЕАЭС, ОДКБ, а также с прямым сотрудничеством с Россией, Китаем, Пакистаном и Ираном. Для этих стран вопрос Афганистана и сотрудничества с «Талибаном» остается открытым, так как, с одной стороны, он представляет значительную угрозу в качестве нестабильного политического субъекта, а с другой стороны, притягивает к себе внимание этих стран наличием природных ресурсов, экономической и логистической составляющими ввиду своего удобного географического расположения.

Афганистан, который сегодня переживает очередное политическое переустройство с имеющимся социальным напряжением в обществе, в особенности в части присутствия оппозиционных сил, а также наличия противников движения «Талибан», не может рассчитывать на полноценную поддержку международных или региональных обществ. Более того, требования, которые ставятся перед правлением талибов, весьма глобальны и трудно выполнимы, по крайней мере, сейчас, на начальных этапах.

Ввиду сложившихся обстоятельств Кабул, в лице своего правительства, может начать активное сотрудничество по некоторым направлениям интеграции, например, в таких проектах, как «Большое евразийское партнерство», представляемое Россией, где вполне вероятно ее поддержка в вопросах социально-экономического обеспечения, а также «Экономический пояс Шелкового пути», представленный Китаем, где возможен экономический успех, который сыграет большую роль в установлении правопорядка и законности внутри Афганистана.

Устойчивость и долгосрочность правления будет зависеть и от миграционных потоков. За последние десятилетия большинство афганских мигрантов перебрались в Пакистан, Иран, Турцию. Определенная часть все

же стремится попасть в западные страны с целью получения статуса политических беженцев. Подобный отток работоспособного молодого поколения будет вызывать сильный перекоп в будущем, так как идеологическая составляющая таких афганцев, уезжающих в поисках лучшей жизни в Европу, намного отличается от идеологии, которую транслирует правительство талибов. Для местных афганцев ключевую роль будет играть фактор исламизации общества, что, в свою очередь, является потенциальной угрозой для всех стран, граничащих с Афганистаном.

Афганистан имеет практически все шансы на сотрудничество со всеми региональными игроками и мировыми державами. Самым важным залогом такой перспективы будет отсутствие региональной напряженности, которая может иметь волнообразную форму проявления и которая полностью зависима в первую очередь от внутренней политической жизни Афганистана. В региональном значении Афганистан оказывает подобное влияние на ряд соседних стран, особенно в части усиления тоталитарного режима правления, который в совокупности с религиозным фактором представляет одну из крупнейших потенциальных угроз региональной безопасности стран Центральной Азии.

Список источников и литературы

1. Пирамида численности населения мира с 1950 до 2100 года. Афганистан 2100//PopulationPyramid.- Электронный ресурс: URL:<https://www.populationpyramid.net/ru> (дата обращения – 06.01. 2023).

2. Талибы объявили состав нового правительства Афганистана. .- Электронный ресурс: URL:<https://www.dw.com/ru/taliby-objavili-sostav-novogo-pravitelstva-afganistana/a-59115715> (дата обращения – 06.01. 2023).

3. *Сяньюнь М.* Анализ влияния исламского возрождения в государствах Центральной Азии на безопасность в Синьцзяне Китая. Проблемы постсоветского пространства. .- Электронный ресурс:

URL:<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-1-108-115>. (дата обращения – 06.01. 2023).

4. Южаков С.Н. Афганистан и сопредельные страны. Политико-исторический очерк. М:2015 г. Изд:2-ое Язык: Т: 1 С.208.

5. *Lieven A.* Who are the Islamic State in Afghanistan? //Responsible Statecraft.26.08.2021. - Электронный ресурс: URL: <https://responsiblestatecraft.org/2021/08/26/who-are-the-islamic-state-in-afghanistan/> (дата обращения – 06.01. 2023).

6.China to hold Taliban to honor pledge to cut ties with terrorism after interim govt announcement //Global Times 08.09.2021. - Электронный ресурс: URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202109/1233644.shtml> (дата обращения – 06.01. 2023).

7.U.S. looks to trade former Afghan aircraft for counterterrorism help in Central Asia. - Электронный ресурс: URL: <https://www.politico.com/news/2022/09/19/afghan-aircraft-trade-counterterrorism-al-qaeda-00057564> (дата обращения – 06.01. 2023).

Ивочкина Анна Сергеевна,
соискатель Дипломатической академии МИД России,
e-mail.ru petukhova@mail.ru

Ivochkina Anna,
Candidate of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
e-mail.ru petukhova@mail.ru

**УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ,
ИСХОДЯЩИЕ ОТ АФГАНИСТАНА
SECURITY THREATS IN CENTRAL ASIA,
OUTCOMING FROM AFGHANISTAN**

Аннотация: зарубежные эксперты обращают внимание на крайне негативные последствия поспешного вывода американских войск из Исламской Республики Афганистан (ИРА), в частности на появление условий для усиления позиций различных террористических формирований, которые смогут в дальнейшем использовать территорию страны в качестве плацдарма для расширения своего влияния и активизации подрывной деятельности как в Центральной Азии, так и за ее пределами.

Ключевые слова: Россия, США, Афганистан, Центральная Азия, беженцы, региональная безопасность, ИГИЛ, «Талибан».¹

Abstract: foreign experts draw attention to the extremely negative consequences of the hasty withdrawal of American troops from the Islamic Republic of Afghanistan (IRA), in particular, the emergence of conditions for strengthening the positions of various terrorist groups that will be able to further use the country's territory as a springboard to expand their influence and intensify subversive activities both in Central Asia and beyond.

Keywords: Russia, USA, Afghanistan, Central Asia, refugees, regional security, ISIS, Taliban.²

1 запрещенная в России террористическая организация

2 terrorist organization banned in Russia

Проблема афганских беженцев

По оценкам немецких СМИ, переход территории Афганистана под контроль запрещенного в РФ «Движения талибов» (ДТ) резко обострил проблемы беженцев, спасающихся от талибов за пределами мест проживания и в других государствах. «Взрывное перемещение» огромной массы людей, покинувших свои дома, привело к резкому ухудшению гуманитарной обстановки и возникновению угрозы голода в самом Афганистане, а в Европе породило опасения повторения кризисной ситуации 2015 года с массовым притоком миграции. По данным Управления Верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ) ООН [1], количество внутренне перемещенных лиц (ВПЛ) с января 2021 года увеличилось на 550 тыс. чел., 80% из них составляют женщины и дети [2]. Общая численность ВПЛ достигла 3,5 млн чел. [3]. Недостаток продовольствия грозит примерно 12,2 млн чел. Из-за затянувшейся засухи это число, включая детей, будет возрастать [4].

ВПЛ нуждаются в продуктах питания и питьевой воде, медицинском обслуживании и наличных денежных средствах, что трудно обеспечить в условиях обрушения финансовой системы и закрытия банков. Даже врачи и персонал гуманитарных организаций в Афганистане остались без денег. Цены на муку, масло и рис за несколько дней выросли почти на 20%. Работают лишь отдельные магазины. Рынки, где продавались дешевые продукты, пусты. Эксперты Всемирной продовольственной программы (World Food Program) ООН полагают, что одной трети населения грозит голод. Засуха и необработанные поля приведут к потере урожая и дальнейшему ухудшению обстановки. Не выполнены поставки в страну 500 т гуманитарного груза, который мог бы быть доставлен самолетами, вывозившими беженцев из Кабула в конце августа 2021 года [5].

По данным ООН, к началу 2021 года больше всего официально зарегистрированных беженцев из Афганистана (свыше 1,4 млн чел.) скопилось в Пакистане. Их реальное число значительно превышает цифры официальной

статистики. Исламабад принял меры к ограничению потока афганских мигрантов: сначала закрыл КПП, а после открытия ужесточил контроль и повысил требования к предъявляемым документам. В Иране зарегистрированы 780 тыс. афганцев, а фактически проживает порядка 2,6 млн. В результате принятых Тегераном мер к 5 августа 2021 года почти 702 тыс. афганцев были возвращены на родину. 18 августа 2021 года Иран закрыл восточную границу, мотивируя свои действия необходимостью стабилизации обстановки в Афганистане и защитой от COVID-19. Ухудшение экономической ситуации усложнило прием в Иране шиитов-хазарейцев, преследуемых ДТ [6]. Перекрытие одного из важнейших перевалочных пунктов привело к тому, что традиционный маршрут в Европу через Иран, Турцию и Балканы стал еще более труднопреодолимым. Турция с 4 млн беженцев отгораживается от Ирана пограничной стеной с усиленной охраной. Ранее с иранской территории в страну ежедневно прибывали от 500 до 2 тыс. афганцев. Их общее число, по данным УВКБ ООН, достигло 130 тыс., а по оценкам СМИ, – примерно 500 тыс. человек. До конца 2021 года на границе с Ираном, общая протяженность которой составляет 534 км, Анкара планирует возвести 64 км стены, предназначенной для защиты от нарастающей волны афганских мигрантов. В Турции, где усиливается недовольство присутствием беженцев, не исключается возможность сделки с ЕС, касающейся приема и размещения новых афганских переселенцев [7].

Добравшиеся до Германии граждане Афганистана (181 тыс. чел.) уже составляют третью по численности этническую группу иностранцев на ее территории [8].

Как считают немецкие специалисты, сдержанно относятся к афганским мигрантам северные соседи Афганистана. Туркменистан категорически отказывается принимать беженцев оттуда, в том числе этнических туркмен, и предоставлять им убежище.

Таджикистан, напротив, заявил о подготовке к приему 100 тыс. чел., но пока даже проживавшие на его территории 6 тыс. афганцев не обеспечены

всем необходимым и жалуются на плохой доступ к медицинским и образовательным услугам.

Позиция Узбекистана пока окончательно не прояснилась. Граница в районе погранперехода по мосту Дружбы через р. Амударья перекрыта даже для проживающих в стране афганцев, лишившихся возможности посещать родных в Афганистане. На юге Узбекистана ожидается возведение палаточного городка, вмещающего примерно 150 беженцев [8].

Опыт 2015 года заставляет европейских политиков при решении обострившейся проблемы афганских мигрантов учитывать в первую очередь внутриполитические интересы своих государств и граждан. Страны ЕС теперь активнее контролируют и защищают границы, в том числе из-за пандемии COVID-19, стараясь при этом не повторить ошибок 2015 года. Приоритетом стало «удержание» беженцев на дальних подступах. Это значительно усложняет продвижение мигрантов по традиционным маршрутам. Эксперты не исключают возможности появления в среднесрочной перспективе новых путей миграции, но резкое увеличение притока беженцев в Европу в сложившейся ситуации считается немецкими политологами маловероятным [9].

В Евросоюзе обострились разногласия по вопросу об афганских мигрантах. Председательствующая в ЕС Словения, во избежание повторения стратегической ошибки 2015 года, выступает категорически против гуманитарных коридоров для беженцев из Афганистана и настаивает на жесткой регламентации категорий лиц, которым должна быть оказана помощь. Министры внутренних дел стран ЕС заинтересованы в созыве специального саммита по данному вопросу, но эта инициатива Берлина пока блокируется Любляной [10].

При отсутствии согласованной позиции страны ЕС продолжают действовать, руководствуясь внутриполитическими интересами.

Австрия считает приоритетной работу с соседями Афганистана.

Греция не хочет вновь стать воротами для нерегулируемых потоков

беженцев в Европу.

Франция также против неконтролируемого перемещения граждан из Афганистана.

Италия считает приоритетом помощь тем афганцам, которые помогали Западу и активно выступали за права женщин.

Испания согласна на временное размещение лиц, помогавших западным гуманитарным организациям.

Нидерланды обсуждают возможность приема беженцев, работавших в миссии НАТО и благотворительных организациях.

Дания и Швеция ужесточают свои позиции, уступая давлению правых партий.

ФРГ из «гуманитарных соображений» рассчитывает принять примерно 10 тыс. афганцев, обслуживавших военные базы бундесвера, а также представителей гражданского общества и членов НПО. Бывший канцлер А. Меркель выступает за координацию действий ЕС по оказанию помощи беженцам на территории стран – соседей Афганистана с УВКБ ООН и не исключает в дальнейшем возможности доставлять особо пострадавших лиц альтернативными путями в Европу. Федеральные немецкие земли Северный Рейн-Вестфалия и Бранденбург заявили о готовности принять у себя по несколько тысяч афганцев [11].

Вероятность превращения Афганистана в глобальный террористический центр

Зарубежные эксперты обращают внимание на крайне негативные последствия поспешного вывода американских войск из Исламской Республики Афганистан (ИРА), в частности на появление условий для усиления позиций различных террористических формирований, которые смогут в дальнейшем использовать территорию страны в качестве плацдарма для расширения своего влияния и активизации подрывной деятельности как в Центральной Азии, так и за ее пределами [12]. Американо-натовская оккупация Афганистана, по сути, не являлась препятствием для этого. Даже,

наоборот, всячески этому способствовала.

Аналитики вашингтонского Института Ближнего Востока (Middle East Institute) отмечают тот факт, что официально заявленные цели военной кампании в Афганистане, начатой Соединенными Штатами в 2001 году, – уничтожение стоявшей за атаками 11 сентября группировки «Аль-Каида» и лишение ее представителей «безопасного убежища» в ИРА – так и не были достигнуты [13]. Более того, «торопливый уход» американцев, уже названный первой крупной ошибкой Джозефа Байдена на посту президента [14], преподносится радикалами как победа исламистской идеологии, призванная вдохновить правоверных мусульман по всему миру и придать новый импульс противостоянию Западу. Дополнительным стимулом торжества пропаганды ислама служит относительно быстрый и бескровный захват «Движением талибов» (ДТ) крупных городов Афганистана, включая Кабул.

Несмотря на демонстрацию готовности со стороны руководства талибов сесть за стол переговоров для создания переходного правительства, в первой декаде сентября с. г. было объявлено о его формировании исключительно из членов ДТ. Эксперты выражают опасения относительно договороспособности талибов и указывают на невыполнение ими ранее данных обещаний, что способно привести к образованию «питательной среды» для сохранения на территории Афганистана несогласных с ДТ экстремистских группировок [15].

Так, обращается внимание на тот факт, что, несмотря на подписание 29 февраля 2020 года Дохийского соглашения (Doha agreement), одним из условий которого был запрет любой террористической деятельности на территории Исламской Республики [16], движение «Талибан» по-прежнему сохраняет тесные связи с «Аль-Каидой». При этом отсутствуют какие-либо признаки того, что отношения между ними в перспективе изменятся. В опубликованном в июне 2022 года отчете ООН отмечается пребывание в различных частях Афганистана большого числа боевиков не только «Аль-Каиды», но и других аффилированных с талибами террористических структур [17].

Более того, координатор группы ООН по наблюдению за «Исламским государством», «Аль-Каидой» и «Движением талибов» (U.N. Coordinator for the Islamic State, Al-Qaeda and Taliban Moni) заявлял, что представители радикального движения накануне подписания соглашения в Дохе заверили руководство «Аль-Каиды» в том, что она останется союзником ДТ [18].

Специалисты полагают, что именно реализация выбранного Дж. Байденом курса способствовала возвращению «Движения талибов» к власти в Кабуле. Это вновь превращает Афганистан в «тихую гавань» для террористов всех мастей. При этом новое руководство страны сможет закрывать глаза на перемещения через ее границы иностранных боевиков, формально не нарушая договоренностей в Дохе.

Аналитики считают, что прибывающие в Афганистан как местные, так и иностранные боевики смогут воссоздать некогда существовавшие здесь террористические сети и восстановить ранее утраченный потенциал.

Реализация на практике такого сценария неизбежно приведет к существенному снижению уровня безопасности во всем Центрально-Азиатском регионе. Подобная перспектива, в частности, обсуждалась в Вашингтоне госсекретарем США Энтони Блинкеном (Antony Blinken) и руководителями внешнеполитических ведомств Таджикистана и Узбекистана. Территория двух указанных государств, а также Казахстана, как считали аналитики, могла бы быть использована Соединенными Штатами для контртеррористической деятельности и совместной разведывательной работы.

Единственным государством, которое, по мнению экспертов, открыто поддерживало приход к власти в ИРА ДТ, является Пакистан. Данное обстоятельство объясняется давними связями пакистанских спецслужб с талибами, используемыми в целях сдерживания традиционного соперника Исламабада – Нью-Дели.

Усиление позиций радикалов в Афганистане окажет негативное влияние не только на региональную, но и на международную безопасность. Именно по этой причине, как отмечает старший научный сотрудник Центра новой

американской безопасности (Center for a New American Security) Лиза Кертис (Lisa Curtis), ситуация в ИРА затрагивает интересы России, Китая и Ирана.

Однако ни одна из указанных стран, как считает Л. Кертис, пока не имеет достаточных рычагов воздействия на лидеров «Движения талибов» или на их политическую волю, чтобы стабилизировать обстановку в Афганистане. В результате, по мнению западного эксперта, они действуют разобщенно и вынуждены ограничиваться лишь отдельными тактическими шагами.

Соглашаясь с неизбежностью возрастания в Афганистане террористической активности в целом, зарубежные аналитики, тем не менее, проявляют достаточную осторожность в оценке перспектив местного филиала ИГИЛ, который называется «Вилайет Хорасан» (Wilayat Khorasan). Так, эксперт Университета Джорджа Вашингтона (The George Washington University) Томас Паркер (Thomas Parker) подчеркивает враждебную позицию талибов по отношению к этой группировке, что является причиной вооруженного противостояния между ними.

На фоне последовательного усиления позиций ДТ эксперты прогнозируют попытки натиска с его стороны на игиловцев с целью выдавливания последних из нынешнего Афганистана, что приведет к неизбежному перетоку формирований этой группировки в соседние государства. В пользу данного сценария говорят данные ООН, согласно которым на афганской территории находится около 2,2 тыс. членов «Вилайет Хорасан», дислоцированных преимущественно в труднодоступных горных районах восточной провинции Кунар (Kunar). Вместе с тем при усилении противоречий и углублении политического раскола в лагере «победителей» эксперты не исключают перехода части ДТ под знамена ИГИЛ, что, в свою очередь, пополнит ряды боевиков этой группировки.

В этой связи расширение «Вилайета Хорасан» в дальнейшем не только может привести к эскалации напряженности непосредственно на территории Афганистана, но и к усилению угроз безопасности в соседних странах Центральной Азии, а затем и в других государствах, нанесение ударов по

которым остается в планах радикальных исламистов.

Угрозы безопасности для Центральной Азии

Активизация боевиков «Талибана» и присутствие «Исламского государства» в Афганистане представляет собой большую угрозу и для российских интересов в Средней Азии. Как известно, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан и Киргизия давно находятся в поле зрения афганских религиозных экстремистов. Не следует забывать о том, что север Афганистана населен теми же узбеками, таджиками, туркменами и киргизами, что в разы облегчает проникновение на территорию бывшей советской Средней Азии радикальных организаций, действующих в Афганистане. В Таджикистане и Киргизии сложилась наиболее благоприятная для распространения радикальных идей социально-экономическая и политическая обстановка. В Узбекистане действует более жесткий политический режим, однако экономическая ситуация также нестабильна. После распада Советского Союза, ряда «цветных революций», межнациональных конфликтов экономическое положение среднеазиатских республик значительно ухудшилось, Таджикистан и Киргизия оказались в катастрофическом положении. Массовая безработица, снижение уровня жизни населения вплоть до его реального обнищания, многократное ухудшение качества жизни и бытовых условий на фоне высокой рождаемости создают благоприятную почву для радикализации населения и распространения, особенно в молодежной среде, экстремистских идей и практик. Радикализация среднеазиатских мусульман по сирийскому, иракскому или афганскому сценарию представляет собой серьезную угрозу для политической стабильности государств региона, поскольку угрожает самому существованию действующих в них политических режимов. Кроме того, известно, что значительная часть граждан Узбекистана, Киргизии, Таджикистана работает на территории Российской Федерации. Численность среднеазиатских трудовых мигрантов в России исчисляется миллионами человек, при этом

наибольшая часть мигрантов сконцентрирована в Москве и ряде других крупных городов страны [19].

Известно, что правоохрнительными органами и спецслужбами Российской Федерации в разных городах страны неоднократно раскрывалась деятельность подрывных террористических и экстремистских организаций, существовавших именно в среде среднеазиатских мигрантов и финансируемых зарубежными фондами. Если формированиям «Талибана» и «Исламского государства» удастся прорваться к северным границам Афганистана и поставить под контроль целые районы, соприкасающиеся с республиками Центральной Азии, то опасность распространения деятельности экстремистских организаций не только на Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Киргизию, но и на Казахстан и Россию, возрастет в разы. Серьезные трудности также могут ожидать и Китай, поскольку мусульмане Синьцзян-Уйгурского автономного района (Восточного Туркестана) давно выступают за свою политическую независимость. Среди них, безусловно, находятся и сторонники радикальных направлений, которые представляют собой благоприятный контингент для использования в целях совершения терактов и дестабилизации политической обстановки на западе КНР [19].

Происходящие в регионе события имеют важное геополитическое и, возможно, идеологическое значение для России. Афганистан находится в непосредственной близости от российской сферы влияния и граничит с союзниками в Центральной Азии. Москва всегда была и будет обеспокоена процессами на афганской земле. От этого зависит не только безопасность российских границ, но и общий политический климат в Центрально-Азиатском регионе, представляющем интерес для Кремля. Нужно уже сейчас активно работать с новым поколением афганской элиты. Прагматично было бы укрепить силы на периферии, усилить экономическое и дипломатическое присутствие, со временем это может дать уникальные возможности.

Список литературы

1. Wesel B. Wenig Aufnahmebereitschaft für Afghanistan-Flüchtlinge 11 Deutsche Welle. 2021. August 18. — <https://www.dw.com>.
2. Othmara G. Kein Weg nach Westen // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2021. August 20. — <https://www.faz.net>.
3. Kaum zu vergleichen mit 2015 // Tagesschau. 2021. August 18. — <https://www.tagesschau.de>.
4. Humanitäre Korridore? Streit über Aufnahme von Afghanen in der EU // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2021. August 24. — <https://www.faz.net>.
5. Wesel B. Wenig Aufnahmebereitschaft für Afghanistan-Flüchtlinge // Deutsche Welle. 2021. August 18. — <https://www.dw.com>.
6. Blinken in India for talks dominated by Afghan turmoil, China // France 24. 2021. July 27. — <https://www.france24.com>.
7. Pasricha A. Blinken Visit to new Delhi Expands Indo-US Partnership // The Voice of America. 2021. July 28. — <https://www.voanews.com>.
8. Sakhi N., Pforzheimer A. Missing the bigger implications of US withdrawal from Afghanistan // Middle East Institute. 2021. July 29. — <https://www.mei.edu>.
9. Jennings P. Biden's withdrawal from Afghanistan his first major blunder as president // Australian Strategic Policy Institute. 2021. April 20. — <https://www.aspi.org.au>.
10. Trofimov Y. Taliban Unveil New Afghan Government // The Wall Street Journal. 2021. September 7. — <https://www.wsj.com>.
11. Agreement for bringing peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America // U.S. Department of State. 2020. February 29. — <https://www.state.gov>.
12. Curtis L. Taliban ascendance in Afghanistan risks return of global terrorist hub // Just Security. 2021. July 23. — <https://www.justsecurity.org>.
13. Blinken meets top Tajik, Uzbek diplomats with Afghanistan in sharp

focus // Radio Free Europe. 2021. July 2. — <https://www.rferl.org>.

14. Haqqani H. Pakistan's Pyrrhic Victory in Afghanistan // Foreign Affairs. 2021. July 22. — <https://www.foreignaffairs.com>.

15. 6/ Curtis L. Taliban ascendance in Afghanistan risks return of global terrorist hub // Just Security. 2021. July 23. — <https://www.justsecurity.org>.

16. Parker Th. What Next for Afghan-Based Terrorist Groups? // The Washington Institute for Near East Policy. 2021. June 8. — <https://www.washingtoninstitute.org>

17. Nadimi F. Iran Sets Its Eyes on Afghanistan // The Washington Institute for Near East Policy. 2021. July 19. — <https://www.washingtoninstitute.org>.

18. Haq R. India should be ashamed of meeting Afghan Taliban: Moeed Yusuf // Dawn. 2021. June 28. — <https://www.dawn.com>.

19. Шангараев Р.Н., Валиев А.А. Влияние Афганистана на обеспечение региональной безопасности в Центральной Азии // Дипломатическая служба. 2020. № 6. С. 52-60.

20. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Отношения США и Европы после вывода американских войск из Афганистана // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 3 (79). С. 717-722.

21. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Центральная Азия в контексте современной геополитики на евразийском пространстве // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 6. С. 65-72.

Зиннуров Ирек Хайдарович,
руководитель представительства Россотрудничества в
Азербайджанской Республике,
Российского информационно-культурного центра в Баку (РИКЦ),
Советник Посольства России в Азербайджане

Irek Kh. Zinnurov,
Head of the Representative office of Rossotrudnichestvo
in the Republic of Azerbaijan,
Russian Information and Cultural Center in Baku,
Counselor of the Russian Embassy in Azerbaijan,
izinnur@gmail.com

Фаустова Нина Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского и других славянских языков,
начальник редакционно-издательского отдела,
Дипломатическая академия МИД России

Nina A. Faustova,
PhD (Philology),
Associate Professor,
Department of Russian and other Slavic Languages,
Head of editorial and publishing department,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
n.faustova@dipacademy.ru

РОССИЙСКО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ:

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

RUSSIAN-AZERBAIJANI INTERACTION:

RESULTS AND PROSPECTS

Аннотация: статья посвящена российско-азербайджанскому сотрудничеству в культурно-гуманитарной сфере. Уделяется внимание таким направлениям, как продвижение российского образования, науки и культуры, укрепление позиций русского языка, поддержка соотечественников, проживающих в Азербайджане, осуществление молодежных проектов и историко-мемориальной деятельности. Анализируется работа, проводимая представительством Россотрудничества в Азербайджанской Республике в 2021–2022 гг. Предлагаются возможные шаги по развитию двустороннего культурно-гуманитарного сотрудничества.

Ключевые слова: Российская Федерация, Азербайджанская Республика, Россотрудничество, Русский дом в Баку (РИКЦ), русская культура, русский язык.

Abstract: the article is devoted to Russian-Azerbaijany cooperation in the cultural and humanitarian sphere. Attention is paid to such areas as the promotion of Russian education, science and culture, the strengthening of the position of the Russian language, support for compatriots living in Azerbaijan, the implementation of youth projects, historical and memorial activities. The work carried out by the Representative office of Rossotrudnichestvo in the Republic of Azerbaijan in 2021–2022 is analyzed. Possible steps are proposed to develop bilateral cultural and humanitarian cooperation.

Key words: Russian Federation, Republic of Azerbaijan, Rossotrudnichestvo, Russian house in Baku, Russian culture, Russian language.

Введение

В условиях санкций и изоляции со стороны Запада Россия планомерно выстраивает и развивает отношения с дружественными странами, в первую очередь со странами СНГ, в том числе Азербайджаном.

Российская Федерация и Азербайджанская Республика являются стратегическими партнерами. Двусторонние отношения переходят на союзнический уровень. В основе отношений лежат добрососедство, прагматизм и взаимный учет интересов. Развитие взаимодействия между странами объективно способствует укреплению стабильности и безопасности на Южном Кавказе и в Каспийском регионе. Декларацией о союзническом взаимодействии предусмотрено расширение двустороннего гуманитарного сотрудничества с учетом возможностей информационно-культурного центра (ИКЦ) [1], что позволяет обоснованно определять приоритетные направления деятельности и форматы взаимодействия. Актуальные проекты двустороннего сотрудничества отражены в Программе сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики до 2024 года [2], Плана действий по развитию ключевых

направлений российско-азербайджанского сотрудничества на период до 2024 года (дорожные карты) [3] и Протоколе девятнадцатого заседания Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой [4]; многостороннего сотрудничества – в Плане по развитию СНГ на 2020–2030 годы и Плане по развитию гуманитарного сотрудничества на 2021–2022 годы [5].

Развитию культурных, образовательных, научных, информационных связей между Россией и Азербайджаном способствует Российский информационно-культурный центр в Баку (далее – РИКЦ), учрежденный на основании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики об учреждении и условиях деятельности информационно-культурных центров [6].

Представительство Россотрудничества в Азербайджанской Республике (далее – Представительство) действует под общим руководством Посла Российской Федерации в Азербайджанской Республике, также функционируют Посольство Российской Федерации в Азербайджанской Республике, Торговое представительство Российской Федерации в Азербайджанской Республике, представительство Российского экспортного центра в Азербайджанской Республике, постоянное представительство Республики Дагестан в Азербайджанской Республике и постоянное представительство Республики Татарстан в Азербайджанской Республике. Представительство взаимодействует с российскими загранучреждениями в рамках развития двустороннего гуманитарного сотрудничества. Официальное взаимодействие с азербайджанскими ведомствами осуществляется по дипломатическим каналам.

О реализации задач по основным направлениям деятельности

Представительство реализует общественно-гуманитарные проекты и проекты по линии Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом (ПКДСР), взаимодействует с партнерскими и иными акторами, участвует в исполнении Плана противодействия терроризму [9], проводит

мероприятия в рамках международных, российских, азербайджанских и иных дней, дат и событий.

Уделяется особое внимание работе с целевыми аудиториями: молодежью, представителями медиа, творческой интеллигенцией. Решаются такие задачи, как позиционирование традиционных российских духовно-нравственных ценностей и формирование солидарной среды в Азербайджане, противодействие фальсификации истории в ущерб российским интересам, позиционирование России в качестве приверженца многополярного мироустройства на основе главенства норм международного права и глобальной безопасности. Достигаются ожидаемые результаты: прирост людей в целевых аудиториях, доброжелательно относящихся к России, расширение охвата целевых аудиторий, количественное и качественное освещение деятельности в медиа.

Молодежь

Представительство работает с молодежью. Приоритетными являются мероприятия по планам молодежных объединений. Представители молодежи привлекаются к участию в российских гуманитарных проектах, в том числе в рамках развития волонтерского движения.

По линии Россотрудничества реализуется проект «Новое поколение», по линии ПКДСР – проекты «Всемирные игры юных соотечественников» и «Здравствуй, Россия!», проводятся соревнования по футболу среди молодежи, включая представителей волонтерских организаций, приуроченные ко Всемирному дню футбола и Дню добровольца (волонтера).

В 2021 году дан старт работе таких клубов, как «Алга», «Здравствуй, Россия!», «Новое поколение», «Что? Где? Когда?», а также Клуба дворовых видов спорта, Клуба дружбы народов Азербайджана и России, разговорного клуба «Полилог» и Шахматного клуба. Прорабатывается вопрос организации коворкинг-пространства.

Представительством установлены эффективные связи с Общереспубликанским молодежным движением «DAVAM», Ассоциацией русской молодежи Азербайджана, Центром татарской молодежи

Азербайджана «Яшьлек», молодежными объединениями при Азербайджанской ассоциации выпускников российских (советских) вузов «РАММАА», Землячеством казаков в Азербайджане, лезгинским национальным центром «Самур» и общественным объединением солидарности народов Азербайджана «Содружество».

Образование

В сфере образования реализуется Соглашение о взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях [7]. Представительство содействует развитию двустороннего сотрудничества в этой сфере. Так, организуются презентации российских вузов и их образовательных программ, в том числе в онлайн-формате. Создаются условия для развития межвузовского взаимодействия.

В РИКЦ проходят практику обучающиеся азербайджанских вузов – Азербайджанского государственного экономического университета, Азербайджанского университета языков, Бакинского государственного университета и Бакинского Славянского университета. Проводятся вступительные испытания для приема на обучение за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета в рамках контрольных цифр приема.

В Азербайджане функционируют Бакинский филиал Московского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова и филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в Баку. С декабря 2021 года на базе Астраханского делового центра в Баку функционирует Центр образования, науки и технологий Астраханского государственного университета.

Образовательные программы совместно реализуют: Азербайджанский государственный экономический университет и Высшая школа экономики, Московский государственный гуманитарно-экономический университет; Азербайджанская дипломатическая академия и Московский государственный институт международных отношений.

В развитии двустороннего сотрудничества в сфере образования участвуют Азербайджанская ассоциация выпускников российских (советских)

вузов «РАММАА» и Ассоциация российско-азербайджанских университетов; многостороннего сотрудничества – Ассоциация государственных университетов Прикаспийских государств.

Реализуются Государственная программа по поддержке азербайджанской системы высшего образования [8], Государственная программа по обучению молодежи в престижных зарубежных вузах [9], способствующие развитию многостороннего сотрудничества в сфере образования.

Учитывая, что Азербайджан не является стороной соглашений по Сетевому университету СНГ, Университету ШОС и Университету БРИКС, а реализация академической мобильности требует значительного финансового обеспечения, приоритетной в развитии академической мобильности становится программа Erasmus.

Русский язык

Представительство содействует поддержке и продвижению русского языка за рубежом. Участвует в исполнении Дорожной карты по русскому языку [10]. Реализует масштабный проект «Олимпиада по русскому языку». Осуществляет анализ положения русского языка в стране пребывания. Выявляет потребность проведения государственного тестирования по русскому языку как иностранному, а также экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации. Развивает лучшие практики, способствующие повышению такой потребности.

По линии Россотрудничества обеспечивается поставка учебной, методической и художественной литературы на русском языке для последующей передачи в дар библиотекам азербайджанских школ. По линии ПКДСР реализуется проект «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово...», проводится Фестиваль ко Дню русского языка.

При РИКЦ функционируют филиал Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина, Учебно-методический центр русского языка и литературы, Центр детского творчества и курсы русского языка. В 2021 году дан старт

работе разговорного клуба «Полилог». Поддержку оказывает Ассоциация преподавателей русскоязычных учебных заведений Азербайджана.

Реализуется программа «Стипендия мэра Москвы» – финансовая поддержка соотечественников из числа молодежи и создание дополнительных условий для получения высшего образования на русском языке.

Министерство образования Азербайджанской Республики обеспечивает азербайджанские школы учебной и методической литературой на русском языке. Продолжается реализация проекта «Интенсивное преподавание русского языка» в 50 школах Баку и других районах страны.

Подготовку преподавателей русского языка и литературы осуществляют Бакинский государственный университет, Бакинский Славянский университет и филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в Баку; преподавателей по предметам на русском языке – Азербайджанский государственный педагогический университет. Содействие оказывает Азербайджанский университет языков.

Образовательные и просветительские мероприятия на русском языке проводятся в Центре русской культуры при Русской общине Азербайджана и церковно-приходских школах при Бакинско-Азербайджанской епархии Московского патриархата Русской православной церкви. При филиале Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в Баку действует воскресная школа по русскому языку, литературе, математике, химии, физике и биологии (обучение бесплатное). Функционируют частные курсы русского языка. Широко представлены услуги репетиторов по русскому языку и предметам на русском языке.

В 2022 году Представительство оказало поддержку проектам в рамках Международного десятилетия языков коренных народов (2022–2032), 75-летия журнала «Русский язык и литература в Азербайджане».

Наука

В сфере культуры и науки реализуются Соглашение о сотрудничестве в области аттестации научных кадров [11] и Соглашение о сотрудничестве в

сфере науки и техники [12]. Представительство содействует развитию двустороннего сотрудничества в сфере науки.

2021 год в Российской Федерации был объявлен Годом науки и технологий. Обеспечена поддержка соответствующих проектов.

В 2022 году Представительство оказало поддержку Международному конгрессу математиков (Санкт-Петербург, 06.07.2022–14.07.2022).

Культура

Реализуются: Соглашение о сотрудничестве в сфере культуры и науки [13], План гуманитарного сотрудничества на 2021–2022 годы [14], Стратегии государственной культурной политики до 2030 года [15], План мероприятий к 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского [16], План мероприятий 800-летия со дня рождения князя Александра Невского [17], План мероприятий к 350-летию со дня рождения Петра I [18]. Представительство содействует развитию двустороннего сотрудничества в сфере культуры.

2021 год в Азербайджане был объявлен Годом Низами Гянджеви и приурочен к 880-летию азербайджанского поэта и мыслителя. Была обеспечена поддержка проектов к 200-летию со дня рождения Федора Достоевского и 800-летию со дня рождения князя Александра Невского. Поддержку оказывали лидеры общественного мнения.

По линии ПКДСР реализуется проект «История государства Российского (Культурно-исторический университет)», проводятся международный театральный фестиваль стран СНГ и Балтии «Встречи в России», Фестиваль ко Дню народного единства, международный фестиваль фольклора и традиционной культуры «Горцы», международный фестиваль народного творчества «Золотое кольцо», фестиваль «Культуры народов России» («Мозаика языковых культур»), фестиваль «Есенинская осень» ко дню рождения Сергея Есенина.

В 2022 году Представительство оказало поддержку мероприятиям в рамках Года культурного наследия народов России, Года народного творчества и культурного наследия (в СНГ), 350-летия со дня рождения Петра I.

Укрепление общего гуманитарного пространства СНГ, углубление интеграции в ЕАЭС

Реализованы План мероприятий, посвященных 30-летию СНГ и План гуманитарного сотрудничества на 2021–2022 годы, продолжает реализовываться План-график мероприятий по продвижению имиджа ЕАЭС [19]. Представительство содействует укреплению общего гуманитарного пространства СНГ, углублению интеграции в ЕАЭС в сферах культуры, образования и науки.

Созданы условия для привлечения дипломатических представительств Республики Беларусь, Киргизской Республики, Республики Таджикистан, Республики Казахстан и Республики Узбекистан в Азербайджане к участию в российских гуманитарных проектах.

Представительство оказывает поддержку азербайджанским экспертам, заинтересованным в развитии интеграции в ЕАЭС. Азербайджан рассматривается как потенциальный наблюдатель в союзе.

Содействие международному развитию

Представительство поддерживает российские гуманитарные проекты, в том числе государственные контракты, заказчиком которых выступает Россотрудничество; гранты, предоставляемые Россотрудничеством; проекты, в которых Россотрудничество выступает в качестве главного распорядителя бюджетных средств, в том числе по линии ПКДСР; проекты, которым Россотрудничество оказывает содействие.

Обучение азербайджанских граждан в Российской Федерации за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета в соответствии с установленной Правительством Российской Федерации квотой осуществляется в рамках СМР. Потребность в подготовке национальных кадров определяется Министерством образования Азербайджанской Республики. Учитываются международные договоры Российской Федерации в указанной части.

Представительство участвовало в исполнении Дорожных карт по отбору [20; 21] и, совместно с Министерством образования Азербайджанской

Республики, Страновой дорожной карты по отбору на 2019/20-2021/22 учебные годы [22]. В работе рабочей группы по отбору участвуют Представительство, Посольство Российской Федерации в Азербайджанской Республике, Министерство образования Азербайджанской Республики, Координационный совет общественных организаций российских соотечественников Азербайджана, Азербайджанская ассоциация выпускников российских (советских) вузов «РАММАА» и Ассоциация преподавателей русскоязычных учебных заведений Азербайджана.

Противодействие фальсификации истории в ущерб российским интересам, историко-мемориальная работа

Представительство содействует развитию гражданских инициатив и общественной дипломатии. Участвует в приведении в надлежащее состояние мест погребения воинов, погибших в Великой Отечественной войне. Осуществляется архивная работа по выявлению лиц, чей вклад в науку, культуру, искусство и духовную жизнь России и Азербайджана имеет историческую значимость. При этом погребения таких лиц находятся в надлежащем состоянии благодаря поддержке Азербайджана.

Поддержку оказывают Общереспубликанское молодежное движение «DAVAM», Ассоциация русской молодежи Азербайджана, Центр татарской молодежи Азербайджана «Яшьлек», молодежные объединения при Азербайджанской ассоциации выпускников российских (советских) вузов «РАММАА», лезгинском национальном центре «Самур» и общественном объединении солидарности народов Азербайджана «Содружество». К решению отдельных задач привлекаются участники клубов «Алга», «Здравствуй, Россия!», «Новое поколение», «Что? Где? Когда?», Клуба дворовых видов спорта, Клуба дружбы народов Азербайджана и России, Шахматного клуба.

В 2022 году был дан старт работе международного фотоклуба «Кавказ».

Соотечественники

Реализуется План поддержки соотечественников [23].

Представительство работает с соотечественниками. Работа направлена на

развитие их собственной активности. Приоритетными являются мероприятия по планам объединений соотечественников.

Традиционно к соотечественникам, проживающим в Азербайджане, относят русских и татар. По линии ПКДСР реализуются проекты «Всемирные игры юных соотечественников», «Здравствуй, Россия!», «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово...», «История государства Российского (Культурно-исторический университет)», проводятся международный театральный фестиваль стран СНГ и Балтии «Встречи в России», Фестиваль ко Дню русского языка, Фестиваль ко Дню народного единства, международный фестиваль фольклора и традиционной культуры «Горцы», международный фестиваль народного творчества «Золотое кольцо», фестиваль «Культуры народов России» («Мозаика языковых культур»), фестиваль «Есенинская осень», приуроченный ко дню рождения Сергея Есенина, соревнования по футболу среди молодежи, включая представителей волонтерских организаций, ко Всемирному дню футбола и Дню добровольца (волонтера).

К участию в российских гуманитарных проектах привлекаются Аварское общество Азербайджана имени Имама Шамиля, Ассоциация русской молодежи Азербайджана, Координационный совет общественных организаций российских соотечественников Азербайджана, лезгинский национальный центр «Самур», общественное объединение «Ак калфак», общественное объединение «Татарстан», общественное объединение солидарности народов Азербайджана «Содружество», общественное объединение участников Ленинградской блокады, республиканское общество татарской культуры «Туган тель», Русская община Азербайджана, Союз казаков Азербайджана, Центр русской культуры при Русской общине Азербайджана и Центр татарской молодежи Азербайджана «Яшьлек».

Коммуникация с внешней средой

Представительством установлены эффективные связи с Министерством образования Азербайджанской Республики, Министерством культуры Азербайджанской Республики, Министерством молодежи и спорта

Азербайджанской Республики, Государственным комитетом Азербайджанской Республики по работе с диаспорой.

Министерство образования Азербайджанской Республики выступает одним из организаторов масштабного проекта «Олимпиада по русскому языку». Совместно с Представительством участвовало в исполнении Страновой дорожной карты по отбору на 2019/20-2021/22 учебные годы [6]. Министерство культуры Азербайджанской Республики содействует российским дням культуры и выступлениям российских творческих коллективов. Министерство молодежи и спорта Азербайджанской Республики поддерживает проект «Всемирные игры юных соотечественников». Участие азербайджанских ведомств в международных гуманитарных проектах координируется Министерством иностранных дел Азербайджанской Республики.

Привлечение азербайджанских школ к участию в международных гуманитарных проектах, а также литература, передаваемая в школы, согласовываются с Министерством образования Азербайджанской Республики.

В Бакинском Славянском университете действуют российский культурно-образовательный центр «Московская аудитория» и культурно-образовательный центр «Санкт-Петербург»; в Бакинском государственном университете – Русский центр фонда «Русский мир», в 2020 году обсуждался вопрос об изменении места его размещения; в Азербайджанском государственном экономическом университете – Русская экономическая школа; в Азербайджанском университете языков – Научно-исследовательская лаборатория «Центр россияведения», в 2022 году отметили ее 5-летие.

Поддержку оказывают объединения соотечественников, Ассоциация преподавателей русскоязычных учебных заведений Азербайджана и Азербайджанская ассоциация выпускников российских (советских) вузов «РАММАА». Планируется привлечение Ассоциации русскоязычных журналистов Азербайджана – после завершения ее регистрации. К участию в российских гуманитарных проектах привлекаются Ассоциация культуры

Азербайджана «Симург», Бакинский молодежный клуб любителей поэзии, литературное объединение «Родник» при газете «Вышка», литературное объединение «Содружество» при общественном объединении солидарности народов Азербайджана «Содружество», литературно-творческая ассоциация «Луч» при Союзе писателей Азербайджана, Центр русской культуры при Русской общине Азербайджана.

Заключение

Основываясь на работе Представительства в 2021–2022 гг., можно заключить, что оно достаточно продуктивно и эффективно использует имеющиеся ресурсы, что способствует охвату целевых аудиторий, решению поставленных задач и достижению ожидаемых результатов.

Тем не менее с учетом возможностей развития двустороннего гуманитарного сотрудничества предлагается следующее:

1) В рамках исполнения Протокола девятнадцатого заседания МПК [19] обеспечивается работа совместных рабочих групп и реализация дорожных карт, планов и программ в сферах науки, образования, культуры, молодежной политики, спорта и туризма. Целесообразно включение Россотрудничества в число ответственных лиц.

2) В 338 школах Азербайджанской Республики обучение осуществляется на русском языке, а в иных школах русский язык изучается как иностранный. Считаю необходимым обсудить с азербайджанской стороной вопрос о продвижении Олимпиады по русскому языку и включении ее в Перечень предметных олимпиад, проводимых в рамках системы образования Азербайджанской Республики [10], аналогично Олимпиаде по азербайджанскому языку.

3) В качестве лучшей практики взаимодействия Представительства и Министерства образования Азербайджанской Республики отмечается совместная работа по отбору граждан Азербайджанской Республики на обучение в Российской Федерации за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета в соответствии с установленной Правительством Российской Федерации квотой согласно Страновой дорожной карте по отбору

на 2019/20-2021/22 учебные годы. Представляется целесообразным обсуждение с азербайджанской стороной вопроса о продлении договоренностей на последующие периоды.

Список источников и литературы

1. Декларация о союзническом взаимодействии между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией» от 22.02.2022
2. Программа сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики до 2024 года от 01.09.2018. – URL: mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/53337
3. План действий по развитию ключевых направлений российско-азербайджанского сотрудничества на период до 2024 года от 01.09.2018. – URL: mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/53336
4. Протокол девятнадцатого заседания Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой от 27.04.2021.
5. Решение Совета глав правительств СНГ о Плане приоритетных мероприятий в сфере гуманитарного сотрудничества государств - участников СНГ на 2021–2022 годы» от 06.11.2020. – URL: cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=6299.
6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики об учреждении и условиях деятельности информационно-культурных центров» от 03.07.1997. – URL: mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/47454.
7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях от 23.09.2002. – URL: mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/46345.

8. Государственная программа по повышению международной конкурентоспособности системы высшего образования в Азербайджанской Республике на 2019-2023 годы», утвержденная Распоряжением Президента Азербайджанской Республики от 16.11.2019. – URL: ru.president.az/articles/30750.

9. Государственная программа по обучению молодежи в престижных высших учебных заведениях зарубежных стран в 2022-2026 годах», утвержденная Распоряжением Президента Азербайджанской Республики от 28.02.2022. – URL: president.az/ru/articles/view/55539.

10. Единая дорожная карта по работе в сфере поддержки и продвижения русского языка в Азербайджанской Республике на 2019-2022 годы, согласованная Министерством иностранных дел Российской Федерации, Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Министерством просвещения Российской Федерации и Россотрудничеством.

11. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о сотрудничестве в области аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации от 25.07.1995. – URL: mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/47957.

12. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о научно-техническом сотрудничестве от 07.10.1995. – URL: mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/47999.

13. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о культурном и научном сотрудничестве от 06.06.1995. – URL: mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/47901.

14. Решение Совета глав правительств СНГ о Плане приоритетных мероприятий в сфере гуманитарного сотрудничества государств - участников СНГ на 2021–2022 годы» от 06.11.2020. – URL: cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=6299.

15. План мероприятий по реализации в 2019-2021 годах Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 11.06.2019 № 1259-р. – URL: base.garant.ru/72270426.

16. План основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 200-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.12.2018 № 2989-р. – URL: base.garant.ru/72143126.

17. План основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 800-летия со дня рождения князя Александра Невского, утвержденный протоколом заседания организационного комитета по подготовке и проведению празднования 800-летия со дня рождения князя Александра Невского от 23.03.2021 № 1.

18. План основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 350-летия со дня рождения Петра I, утвержденный протоколом заседания организационного комитета по подготовке и проведению празднования 350-летия со дня рождения Петра I от 15.05.2019 № 1.

19. План-график публичных мероприятий для продвижения позитивного имиджа Евразийского экономического союза, поручение Правительства Российской Федерации от 15.09.2021 № АО-П2-12714.

20. Дорожная карта по совместным мероприятиям, направленным на обеспечение отбора иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе соотечественников, проживающих за рубежом, на обучение в Российской Федерации за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета в соответствии с установленной Правительством Российской Федерации квотой в 2022/23 учебном году, утвержденная Министерством иностранных дел

Российской Федерации, Министерством образования и науки Российской Федерации и Россотрудничеством.

21. Дорожная карта по совместным мероприятиям, направленным на обеспечение отбора граждан Азербайджанской Республики на обучение в Российской Федерации за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета в соответствии с установленной Правительством Российской Федерации квотой в 2019/20-2021/22 учебных годах, утвержденная Министерством образования Азербайджанской Республики и представительством Россотрудничества в Азербайджанской Республике по согласованию с Россотрудничеством.

22. Дорожная карта по совместным мероприятиям, направленным на обеспечение отбора граждан Азербайджанской Республики на обучение в Российской Федерации за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета в соответствии с установленной Правительством Российской Федерации квотой в 2019/20-2021/22 учебных годах, утвержденная Министерством образования Азербайджанской Республики и представительством Россотрудничества в Азербайджанской Республике по согласованию с Россотрудничеством.

23. Комплексный план основных мероприятий по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на 2021-2023 годы, утвержденный Президиумом ПКДСР от 01.2021. – URL: mid.ru/activity/compatriots/commission/-/asset_publisher/ic6G4m61ZGUP/content/id/4518864.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Золотухин Василий Васильевич,
Второй секретарь,
Министерство иностранных дел Российской Федерации

Vasily V. Zolotukhin,
Second Secretary,
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
vvzolotukhin@mid.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН – ЧЛЕНОВ ЕАСТ С РОССИЕЙ НА ФОНЕ COVID-19: РЕЗУЛЬТАТЫ ПОСТКРИЗИСНОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ECONOMIC RELATIONS OF NORDIC EFTA MEMBER STATES WITH RUSSIA AMID COVID-19: RESULTS OF POST-CRISIS RECOVERY

Аннотация: эпидемиологическое бедствие 2020 года оказало пагубное влияние на экономику, двусторонние и многосторонние связи. Распространение COVID-19 вынудило власти временно ограничивать все трансграничные поездки и стало неожиданным обстоятельством непреодолимой силы для поставщиков и неподдельным вызовом устоявшемуся укладу коммерческих отношений, в том числе для североевропейских стран – членов Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) и России. Нескончаемые потрясения нескольких лет становятся поводом перестроить прежний порядок работы и прагматично оценить шансы на постепенное восстановление сотрудничества. Доступные статистические данные по миграции и торговле Исландии и Норвегии с Россией выявляют закономерное снижение деловой активности в начале пандемии, однако планомерная адаптация рынка и смягчение коронавирусных мер к 2022 году однозначно приносят свои плоды. Взаимодействие, согласно ряду экономических индикаторов, неуклонно приближалось к норме.

Ключевые слова: ЕАСТ, экономические связи, COVID-19, внешняя торговля, миграция, экспортный потенциал, Исландия, Норвегия, Россия.

Abstract: the epidemiological calamity of 2020 has had a detrimental effect on trade, bilateral and multilateral relations. The spread of coronavirus has urged the

authorities to temporarily tame all cross-border trips, and has become an unexpected force majeure event for suppliers and a real challenge for the established pattern of trade relations, including for Nordic EFTA member states and Russia. The unceasing upheavals of several years become an occasion to overhaul the previous order of work and pragmatically assess the chances for a progressive cooperation recovery. The available statistical data on migration and trade between Iceland and Norway with Russia reveal the natural dip in business activity at the beginning of the pandemic; whereas systematic market adaptation and easing COVID-19 measures by 2022 do bear fruit—relations according to several economic indicators were to get steadily back to normal.

Key words: EFTA, economic relations, COVID-19, foreign trade, migration, export potential, Iceland, Norway, Russia.

Пандемия коронавируса, обрушившаяся в начале 2020 года на планету, явилась настоящим вызовом и стала катализатором перестройки устоявшихся отношений государств. Под удар COVID-19 попала торговля, производство, сформированные цепочки поставок, вся внешнеэкономическая деятельность. Для сохранения эпидемиологического благополучия власти вынужденно ограничивали поездки людей, «придерживая» заграничный поток на въезд и выезд. Прежнее очное ведение дел в одночасье оказалось рискованным. Негативные последствия в полной мере отразились на странах – членах Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ). Это альтернативный интеграционный проект в Европе, возникший в 1960 году.

Цель статьи – взглянуть на трансформацию экономических связей североевропейских стран – членов ЕАСТ с Российской Федерацией на фоне коронавирусных проявлений. Можно ли было говорить спустя два-три года о зачатках восстановления отношений или, наоборот, их дальнейшей деградации при указанных условиях? Временные рамки исследования – с 2018 по первый квартал 2022 года, что позволит изолированно изучить

непосредственно ковидный фактор влияния и нивелировать иные эффекты, не касающиеся предмета статьи.

Прежде всего, уместно обратиться к подходам теории международных экономических отношений. Так, при анализе связей между государствами в контексте интеграционных процессов пристальное внимание уделяется беспрепятственному движению товаров, услуг, лиц и капиталов. Их также называют «четыре свободы». Они считаются фундаментом при построении как Единого экономического пространства (ЕЭП) между странами – членами ЕС и ЕАСТ, так и других объединений [1с. 104–105].

Рассмотрим тенденции миграционных потоков и перемещения товаров как наиболее ощутимых составляющих «четырех свобод» за пять лет с 2018 по 2022 год. С учетом представительности данных в обозначенный хронологический промежуток и для методологической сопоставимости временных рядов, учитывающей сезонность поездок и торговли, уместно брать идентичный для всех лет период. Указанный выбор, как представляется, позволит также выявить в моменте, наметились ли на фоне COVID-19 какие-либо серьезные экономические сдвиги, в том числе с учетом улучшения эпидемиологической обстановки в начале 2022 года. Разумеется, по большей части ни Исландия и Норвегия для России, ни Россия для Исландии и Норвегии не являются такими партнерами, без которых абсолютно невозможно обойтись, что, впрочем, не отменяет экономических интересов субъектов хозяйствования конкретных государств.

Обратимся к пятилетней динамике движения людей через границу по данным Пограничной службы ФСБ России (см. табл. 1 и табл. 2). Приведенное агрегирование дает две условные категории – путешествия «нерабочие» (но гарантирующие занятость принимающей стороне) и непосредственно для целей бизнеса.

Как в Исландии, так и в Норвегии очевидно почти полное прекращение туристических, учебных туров и по отдельным частным приглашениям в 2021 году. Меры по противодействию пандемии включали ограничения на выдачу

определенного типа виз. Вместе с тем антикоронавирусные послабления каждого из трех государств позволили значительно улучшить ситуацию к началу 2022 года, но до предкризисных величин было еще далеко – в основном «отыграно» около 10% падения. Обстоятельства сложились благоприятнее для деловых поездок: показатель по гражданам России практически достиг доковидного уровня, хотя исландцы и норвежцы, кажется, менее охотно возвращались к нам. Однако почти во всех случаях начало 2022 года по сравнению с 2021 годом оказалось для въезда и выезда более успешным.

Таблица 1. Въезд граждан Исландии в Россию и выезд граждан России в Исландию (чел.). Рассчитано автором [2 3].

Цели	2018 (I кв.)	2019 (I кв.)	2020 (I кв.)	2021 (I кв.)	2022 (I кв.)
<i>Въезд гр. Исландии в Россию</i>					
ВСЕГО	313	328	305	112	69
Деловая + работа + обслужив.персонал трансп.средств	151	213	182	108	56
Туризм + частная + учеба + прочее	162	115	123	4	13
<i>Выезд гр. России в Исландию</i>					
ВСЕГО	242	136	188	67	121
Деловая + работа + обслужив.персонал трансп.средств	225	104	156	66	109
Туризм + частная + учеба + прочее	17	32	32	1	12
	2018 (I кв.)	2019 (I кв.)	2020 (I кв.)	2021 (I кв.)	2022 (I кв.)

Таблица 2. Въезд граждан Норвегии в Россию и выезд граждан России в Норвегию (чел.). Рассчитано автором [2 3].

Цели	2018 I кв.	2019 I кв.	2020 I кв.	2021 I кв.	2022 I кв.
Въезд гр. Норвегии в Россию					
ВСЕГО	9943	9379	7538	276	681
Деловая + работа + обслужив.персонал трансп.средств	2172	2565	1819	245	323
Туризм + частная + учеба	7771	6814	5719	31	358
Выезд гр. России в Норвегию					
ВСЕГО	31997	29952	2621	3552	7174
Деловая + работа + обслужив.персонал трансп.средств	6042	6320	4796	3446	4563
Туризм + частная + учеба	25955	23632	2141	106	2611
	2018	2019	2020	2021	2022
	I кв.	I кв.	I кв.	I кв.	I кв.

Дополнительно рассмотрим операции по товарам из отдельных групп Международной стандартной торговой классификации (МСТК) по методологии национальных статистических институтов двух изучаемых нами североевропейских держав (см. табл. 3 и табл. 4). Для сопоставления аналогично ориентируемся на первые кварталы в Исландии и Норвегии, сезонность здесь также играет роль. Наглядность обеспечивается выделением четырех категорий, ранжирующихся по назначению товаров и степени обработки.

Поскольку нас интересуют лишь первые месяцы, среди них наблюдается ряд статистических флуктуаций, которые сглаживаются на протяжении года, но основные тенденции вполне прослеживаются. В частности, обращает на себя внимание то, что импорт Исландии и Норвегии из России превышает в несколько раз экспорт, или то, что обмен происходит по различным позициям МСТК: из России идет нефть и нефтепродукты или цветные металлы, а из рассматриваемых североевропейских стран – членов ЕАСТ – рыбная

продукция, корма для животных. В целом 2020 и 2021 годы для торговли оказались недостаточно выразительными, но, если судить по результатам последнего периода, в 2022 году импорт из России, а за счет него товарооборот, имел тогда, разумеется, при прочих равных условиях все шансы сохранить свои позиции.

Таблица 3. Товарооборот Исландии и России (млн исландских крон).
Справочно: 1 ISK ≈ 0,5 RUB

Рассчитано автором по данным Национального статистического института Исландии Statistics Iceland [10].

Разделы товарных групп МСТК	2018 (I кв.)	2019 (I кв.)	2020 (I кв.)	2021 (I кв.)	2022 (I кв.)
Экспорт Исландии в Россию					
ВСЕГО	458,4	3079,6	492,4	300,6	231,3
0-1 (пищевые продукты, напитки, табак)	241,2	513,3	18,5	155,1	85,5
2-3 (сырье, смазочные масла, топливо)	133,4	13,2	21,1	4,6	12,4
4-5 (животные и растит.масла, жиры, воски, хим.вещества)	48,2	77,7	48,5	31,0	28,5
6-9 (промтовары, машины и оборудование, готовые изд.)	35,6	2475,4	404,3	109,9	104,9
Импорт Исландии из России					
ВСЕГО	617,3	1757,7	856,3	1017,0	2256,3
0-1 (пищевые продукты, напитки, табак)	13,5	109,5	105,7	17,5	26,5
2-3 (сырье, смазочные масла, топливо)	302,3	147,3	117,0	152,9	265,7
4-5 (животные и растит.масла, жиры, воски, хим.вещества)	5,8	1,1	3,5	14,6	68,0
6-9 (промтовары, машины и оборудование, готовые изд.)	295,7	1499,8	630,1	832,0	1896,1
	2018 I кв.	2019 I кв.	2020 I кв.	2021 I кв.	2022 I кв.

*Таблица 4. Товарооборот Норвегии и России (млн норвежских крон).
Справочно: 1 NOK ≈ 7 RUB*

Рассчитано автором по данным Национального статистического института Норвегии Statistics Norway [4; 5].

Разделы товарных групп МСТК	2018 I кв.	2019 I кв.	2020 I кв.	2021 I кв.	2022 I кв.
Экспорт Норвегии в Россию					
ВСЕГО	507,0	553,0	718,8	604,1	490,1
0-1 (пищевые продукты, напитки, табак)	16,7	38,2	88,8	106,6	116,1
2-3 (сырье, смазочные масла, топливо)	36,0	23,5	24,1	24,9	20,0
4-5 (животные и растит. масла, жиры, воски, хим.вещества)	90,4	59,5	70,6	78,1	73,0
6-9 (промтовары, машины и оборудование, готовые изд.)	364,0	431,9	535,4	394,5	281,1
Импорт Норвегии из России					
ВСЕГО	3817,2	4113,6	3540,8	3773,6	6852,3
0-1 (пищевые продукты, напитки, табак)	279,0	565,0	368,8	317,2	668,7
2-3 (сырье, смазочные масла, топливо)	1331,8	1439,5	1522,6	1150,4	2326,6
4-5 (животные и растит. масла, жиры, воски, хим.вещества)	747,9	883,5	741,1	957,2	1688,6
6-9 (промтовары, машины и оборудование, готовые изд.)	1458,6	1225,6	908,3	1348,7	2168,4
	2018 I кв.	2019 I кв.	2020 I кв.	2021 I кв.	2022 I кв.

В качестве дополнения посмотрим на возможности развития экспорта между Исландией, Норвегией и Россией. Прицельно такими исследованиями занимается Международный торговый центр (МТЦ) – организация, совместно финансируемая ВТО и ООН [11]. Эта структура ведет не только учет по коммерческим операциям и фирмам, но и самостоятельно подсчитывает так называемый «нереализованный потенциал экспорта» на основе спроса, предложения и других индикаторов. Ими выводится специальный процент, агрегированный по всем подотраслям. Здесь стоит оговориться, что

упомянутый сервис действительно позволяет обнаружить скрытые рыночные резервы (на сайте присутствует детализированная статистика для углубленного изучения), но бизнесу, разумеется, необходимо учитывать законодательные рестрикции. Так, казалось бы, экспорт рыбы и рыбопродуктов в Россию – неплохой шанс, который не мог быть реализован прежде всего по этой причине. Общие у Исландии и Норвегии возможности – медицина и инструменты, а для королевства – еще и фармацевтические компоненты. Для наших производителей ввоз в две североευропейские страны мог бы быть успешным по части машин, электроэнергии и химических веществ, но важно принимать решения в зависимости от фактических условий и реалий при поставках продукции (см. подробнее рис. 1, рис. 2, рис. 3 и рис. 4). С целью обособления коронавирусного периода в исследовании обращаемся не к самой последней, а к архивной статистике МТЦ, доступной за май 2022 года.

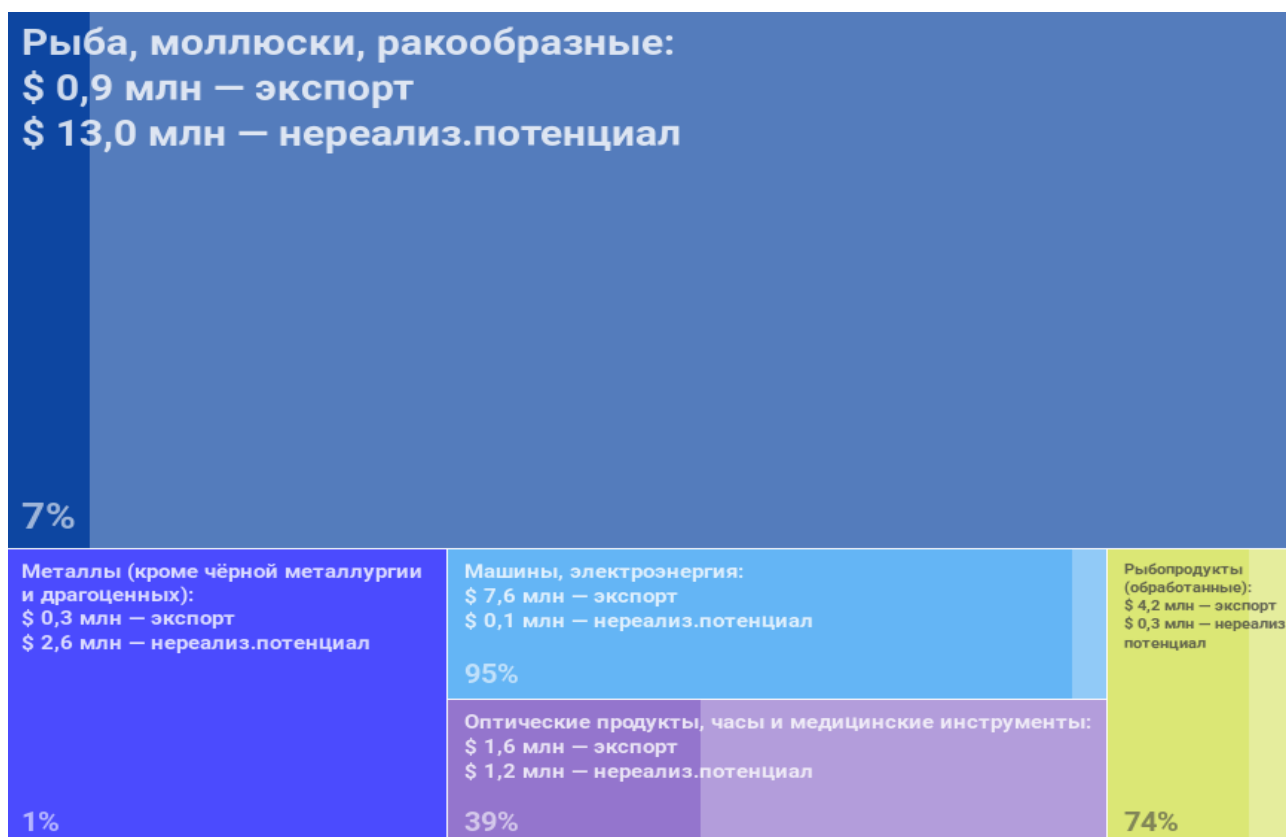

Рис. 1. Экспортный потенциал Исландии на рынке России (на 27.05.2022). Составлено автором по архивным данным Международного торгового центра [6].

Рис. 2. Экспортный потенциал России на рынке Исландии (на 27.05.2022). Составлено автором по архивным данным Международного торгового центра [8].

Рис. 3. Экспортный потенциал Норвегии на рынке России (на 27.05.2022). Составлено автором по архивным данным Международного торгового центра [7].

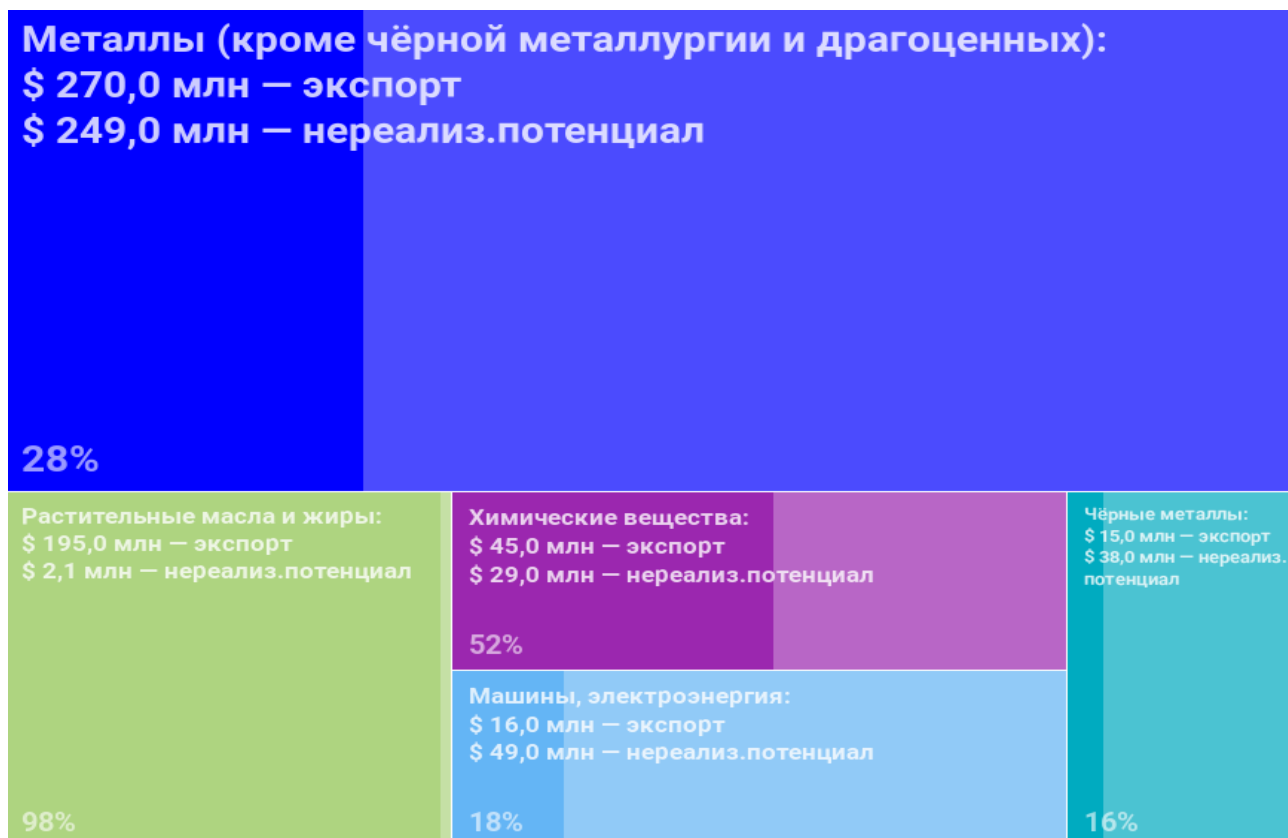

Рис. 4. Экспортный потенциал России на рынках Норвегии (на 27.05.2022). Составлено автором по архивным данным Международного торгового центра [9].

Подытоживая анализ результатов посткоронавирусного восстановления связей Исландии и Норвегии с Россией, констатируем, что COVID-19 серьезно сказался на совместной деловой активности стран. Впрочем, на последнем этапе наблюдался рост по ряду показателей, по-прежнему заметный в начале 2022 года, что благоприятно отражалось, в частности, на валютной выручке России. Сохранялся также экспортный потенциал по различным группам товаров. Исходя из вышесказанного, несмотря на бесспорно протекавшую трансформацию отношений, как представляется, диапазон для маневра и взаимодействия однозначно имелся, поэтому говорить о наметившемся тотальном застое в экономической деятельности в тех непростых условиях было преждевременно. Система в меру имевших место экстраординарных особенностей смогла приспособиться, найти баланс и твердую почву для реализации спектра имевшихся возможностей.

Список источников и литературы

1. Европейская интеграция / под ред. О.В. Буториной. — М.: Издательский Дом «Деловая литература», 2011. — 720 с. Официальный сайт МГИМО (У) МИД России. URL: https://mgimo.ru/files2/y12_2013/244236/european_integration.pdf (дата обращения: 14.03.2023).
2. Въезд иностранных граждан в РФ. Официальный сайт Единой межведомственной информационно-статистической системы. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38479> (дата обращения: 14.03.2023).
3. Выезд граждан России. Официальный сайт Единой межведомственной информационно-статистической системы. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38480> (дата обращения: 14.03.2023).
4. 08806: External trade in goods, by commodity group, country, contents, month and imports/exports. Официальный сайт Statistics Norway. URL: <https://www.ssb.no/en/statbank/sq/10079951> (дата обращения: 14.03.2023).
5. 08806: External trade in goods, by commodity group, country, contents, month and imports/exports. Официальный сайт Statistics Norway. URL: <https://www.ssb.no/en/statbank/sq/10079952> (дата обращения: 14.03.2023).
6. Export Potential for Iceland in Market Russian Federation. Официальный сайт Международного торгового центра. URL: <https://web.archive.org/web/20220527045103/https://exportpotential.intracen.org/en/products/tree-map?toMarker=j&market=643&fromMarker=i&exporter=352&whatMarker=s> (дата обращения: 14.03.2023).
7. Export Potential for Norway in Market Russian Federation. Официальный сайт Международного торгового центра. URL: <https://web.archive.org/web/20220527045310/https://exportpotential.intracen.org/en/products/tree-map?toMarker=j&market=643&fromMarker=i&exporter=579&whatMarker=s> (дата обращения: 14.03.2023).

8. Export Potential for Russian Federation in Market Iceland. Официальный сайт Международного торгового центра. URL: <https://web.archive.org/web/20220527045515/https://exportpotential.intracen.org/en/products/tree-map?toMarker=j&market=352&fromMarker=i&exporter=643&whatMarker=s> (дата обращения: 14.03.2023).
9. Export Potential for Russian Federation in Market Norway. Официальный сайт Международного торгового центра. URL: <https://web.archive.org/web/20220527045616/https://exportpotential.intracen.org/en/products/tree-map?toMarker=j&market=579&fromMarker=i&exporter=643&whatMarker=s> (дата обращения: 14.03.2023).
10. Exports by SITC1 and 2, Rev.4 and countries 2013-2022. Официальный сайт Statistics Iceland. URL: <https://px.hagstofa.is:443/pxen/sq/06d9fe91-aa55-43ea-8f9e-6a17734de1bd> (дата обращения: 14.04.2023).
11. Governance structure of the International Trade Centre | ИТС. Официальный сайт Международного торгового центра. URL: <https://intracen.org/about-us/governance> (дата обращения: 14.03.2022).
12. Imports by SITC1 and 2, Rev.4 and countries 2013-2022. Официальный сайт Statistics Iceland. URL: <https://px.hagstofa.is:443/pxen/sq/f0a2f6a8-ede4-4aee-be00-3df4ef34794c> (дата обращения: 14.03.2022).

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Исмагилова Роза Нургалиевна,

доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
главный научный сотрудник Центра изучения стран Северной Африки
и Африканского Рога Института Африки РАН,
rozaismagilova@gmail.com

Roza N. Ismagilova,

Dr. Sc. (Social Anthropology), Professor, Honored Scientist of the Russian
Federation, Principal, Center for Studies of the Northern Africa and the Horn of
Africa, Institute for African Studies Russian Academy of Sciences,
rozaismagilova@gmail.com

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

В ЭФИОПИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

NATIONAL QUESTION AND NATIONAL POLICY IN ETHIOPIA:

HISTORY AND MODERNITY

Аннотация: в статье впервые дается детальный анализ национальной политики в Эфиопии с последней четверти XIX века, когда в результате завоеваний Менеликом II западных и южных регионов было создано государство в его современных границах, до настоящего времени. В статье четыре раздела: период Менелика II, период Хайле Селассие III, период марксистского Дерга (Военно-революционного совета) и период этнического федерализма. Автор подчеркивает, что политика амхаризации, проводившаяся Хайле Селассие I с целью создания унитарного государства, подавляла культуру и языки многочисленных неамхарских народов. Поэтому и поныне оромо, нуэр, гураге, сидама и другие народы считают амхара «колонизаторами», «угнетателями», что оказывает существенное влияние на современную этнополитическую ситуацию в стране.

Ключевые слова: Эфиопия, Менелик II, Хайле Селассие I, Менгисту Хайле Мариам, Мелес Зенауи, Абий Ахмед, амхара, оромо, тиграй, амхаризация, межэтнические отношения и конфликты.

Abstract: the article for the first time analyses ethno-political situation,

interethnic relations and conflicts and nationalities policy in Ethiopia in the imperial period from 1875 up to 1974 and their impact on the contemporary ethnic problems in Ethiopia. At the last quarter of the XIX century western and southern regions were incorporated by Menelik II in the Abyssinian state. Native peoples were subjugated and assimilated. That is why many ethnic groups among them Oromo, Gurage, Nuer, Sidama, etc. name Amhara who were soldiers of the Menelik's II army "the colonizers" and "oppressors". The policy of the amharization in the period of Haile Selassie I aimed to create a unitary state. Culture and languages of other Ethiopian peoples were put down. There were deep ethnic and religious inequality. The past greatly influences the current ethno-political situation in Ethiopia and is used by some ethnic political elites in their anti-amhara propaganda.

Key words: Ethiopia, Menelik II, Haile Selassie I, Mengistu Haile Mariam, Meles Zenawi, Abiyu Ahmed, Amhara, Oromo, Tigray, amharization, interethnic relations and conflicts,

Итальянский ученый Карло Росси справедливо назвал Эфиопию «музеем народов». Согласно переписи 2007 года в стране насчитывается 85 этнических групп со своими языками, культурой, обычаями и традициями. В 2023 году общая численность населения страны составляла более 108 млн человек. Помимо таких многомиллионных народов, как оромо (39 млн чел.), амхара (30 млн), сомали (6,9 млн), тиграй (6,8 млн) [1] и др., имеется огромное количество меньшинств. Как в любом полиэтническом государстве, этнический фактор всегда играл большую роль во всех сферах жизни и значительно осложнял и осложняет ныне этнополитическую ситуацию в стране. Поэтому национальный вопрос и национальная политика были в центре внимания властей.

История национального вопроса в Эфиопии делится на три периода: имперский (последняя четверть XIX в. – 1974 г.), социалистический (1974–1991 гг.) и современный (с мая 1991 г.). Имперский период, в свою очередь, можно подразделить на период Менелика II (последняя четверть XIX в. – 1916

г.) и Хайле Селассие I (1916–1974 гг.).

Далекое прошлое оказывает существенное влияние на современные этнополитические процессы в стране и требует их изучения.

В Эфиопии важную роль в привлечении внимания к национальному вопросу сыграли студенты университета Хайле Селассие I (ныне Аддис-Абебский университет), открытого в 1961 году. В 1964 году они создали полулегальное «Общество крокодила». Вдохновленные марксистско-ленинской теорией решения национального вопроса [2], в том же году они вышли на улицы с лозунгами «Земля тем, кто ее обрабатывает!» [3].

Многие годы национальный вопрос являлся табу (впрочем, и ныне, в эпоху этнического федерализма, все, что связано с этническими проблемами, – слишком болезненная тема, даже этническую принадлежность членов правительства узнать невозможно). «Эфиопское правительство избегало любого упоминания разделения населения по этническому, языковому или религиозному признаку и <...> также активно препятствовало неофициальным полевым исследованиям в этой области», – писал Дж. Маркакис [4].

Даже в Университете Хайле Селассие было запрещено спрашивать об этнической принадлежности студента [5].

Для эфиопских студентов абиссинская природа эфиопского национализма казалась само собой разумеющейся. В их работах по национализму ничего не говорилось о преобладании амхарского и пренебрежении к другим языкам или идентификации Эфиопии с христианством [6]. В 1960-е годы студенты писали о необходимости воссоединения Эритреи с матерью-родиной и поддерживали войну против Сомали 1964 года.

Проблемы национальностей начали обсуждаться после публикации в 1966–1967 гг. нескольких статей, касающихся эфиопионизма (чувства принадлежности к эфиопскому государству, иными словами, гражданской идентичности). С 1967 года национальный вопрос стал предметом серьезных

дискуссий. Этому способствовало несколько причин: растущий интерес среди студенчества к марксизму-ленинизму; усиливавшаяся критика отсутствия предмета «эфиопская культура» в учебных программах; обсуждение диаспорой национального вопроса; активизация эритрейских националистов после 1960 года [7].

Более того, в конце 1960-х годов этничность стала заметным фактором: студенты одной этнической группы предпочитали селиться в общежитии вместе, чего не было раньше. В кампусах стали говорить на языках тигринья, оромифа и гурагинья [8]. Временами возникали напряженные отношения между тиграй, оромо и амхара, вызывавшие различные стычки. Растущее самосознание оромо привело к созданию ассоциации «Меча-Тулема». В университете формировались группировки оромо, была создана ассоциация тиграй.

Одной из серьезных публикаций по национальному вопросу, оказавшей большое влияние на дальнейшее изучение данной проблематики, была статья Валлелиня Меконена, студента из Уолло, «О вопросе национальностей в Эфиопии», опубликованная в 1969 году в университетском студенческом печатном органе 'Struggle' [9]. Автор писал: «Эфиопия не является одной нацией. В ней до дюжины национальностей со своими собственными языками, манерой одеваться, историей, социальной организацией и территорией. А что еще – нация? Разве она не состоит из людей со своим особым языком, особой манерой одеваться, особой историей, особыми социальной и экономической организациями? Тогда я могу сделать вывод, что в Эфиопии есть нация оромо, нация тиграй, нация амхара, нация гураге, нация сидама, нация уолламо, нация адере, и даже если это вам может не понравиться, – нация сомали» [10]. Чтобы изменить сложившуюся ситуацию (угнетение южных народов амхара – тиграй), «... мы должны построить подлинно национальное государство, в котором все национальности наравне принимают участие в делах государства, ... где всем национальностям даны равные возможности сохранять и развивать свой язык, свою музыку, свою историю... государство, где ни одна нация не

господствует над другой, будь это экономика или культура» [11]. Автор считал, что это должно быть сделано не путем военного переворота, и был не против сепаратистских движений. Через 30 лет его статья станет проектом идеологической программы «Народного фронта освобождения тиграй» (Tigray People's Liberation Front, ТПЛФ) – составной части ныне правящей партии «Революционно-демократический фронт эфиопских народов» (Ethiopian Peoples' Revolutionary Democratic Front, ИПРДФ).

По мнению английской исследовательницы С. Воган, работа Валлелиния Меконена сыграла значительную роль в трансформации отношения студентов к национальным проблемам и способствовала созданию студенческих организаций, выступавших за равенство и автономию национальностей, помогла сформулировать задачу – «что мы должны делать» и «как это мы должны делать» [12].

Эфиопское студенческое движение (The Ethiopian Student Movement) в середине 1960-х годов всерьез занялось изучением национального вопроса, опираясь на марксистскую теорию, в основе которой лежал принцип «право наций на самоопределение вплоть до отделения». Студенты считали, что «национальный вопрос – не что иное, как скрытая форма классового угнетения» [13]. С их точки зрения, в южных районах, некогда покоренных Менеликом, достаточно покончить с эксплуатацией амхара, и национальный вопрос будет решен.

Что же касается права на самоопределение, то одни придерживались мнения, что достаточно региональной автономии, другие допускали отделение от государства, третьи полагали, что данную проблему надо решать в рамках всей Эфиопии. К 1971 году эта доктрина (право наций на самоопределение) была принята движением как в Эфиопии, так и диаспорой, заменив прежнюю панэфиопскую идеологию. Созданная им в 1968 году марксистско-ленинская партия «Всеэфиопское социалистическое движение» (All Ethiopia Socialist Movement, MEISON), а в 1975 году и Революционная партия эфиопского народа (Ethiopian People's Revolutionary Party) приняли эту доктрину.

Марксистский режим Дерга, пришедший к власти в 1974 году после свержения Хайле Селассие, уделявший большое внимание марксистско-ленинской теории национального вопроса, сразу отверг право на отделение.

Возникшие в этот период националистические организации (созданные прежними студентами) – «Фронт освобождения оромо» (Oromo Liberation Front) и «Народный фронт освобождения тиграй» – сделали принцип «право наций на самоопределение вплоть до отделения» главным. Он был принят и пришедшим к власти в 1991 году «Революционно-демократическим фронтом эфиопских народов».

Имперский период. Эпоха Менелика II (1875–1913)

История современной гетерогенной Эфиопии берет свое начало с последней четверти XIX века, когда в результате походов Менелика II к центральной части (Абиссиния) были присоединены западные и юго-западные, южные и юго-восточные периферийные территории (название «Абиссиния» происходит от «хабеша» – одного из племен, переселившихся из Аравии и населявших Эфиопию в дохристианскую эру).

Эфиопский ученый Мохаммед Али считает, что «Эфиопия была искусственно созданной колониальной системой, состоящей из господствующих наций/этнических групп амхара и большой группы покоренных наций/этнических групп, таких как афар, даресса, гураге, хадийя, оромо, сидама, сомали и уолайта» [14].

Абиссинцы подчеркивали свое ближневосточное происхождение, отрицая африканские корни. Менелик II и его ближайшее окружение изображались почетными носителями «бремени белого человека» в Африке [15]. Как христиане и члены социально стратифицированного общества, возглавляемого монархами, население Шоа представлялось более цивилизованным, чем члены «примитивных» демократий и рудиментарных государств оромо.

Основным населением Абиссинии были предки современных амхара и тиграй/тигре. Амхара позже разделились на региональные области Уолло,

Гондэр (Гондар), Годжам и Шоа/Шева. Их правители ведут свое происхождение от царства Аксум. Позже возникли христианские государства Хамасен, Нара, Дамот [16]. В южных районах в XV веке существовали царства/королевства, наиболее значимыми из которых были Каффа (Кэффа), Уолайта и Джанджеро, а на юге и юго-востоке – мусульманские султанаты Йифат, Дауро, Хадийя, Адал и Бали.

Первая попытка объединения регионов и создания единой Абиссинии – унитарного государства – была предпринята Теводросом II в 1855 году. Однако излишняя централизация и стремление покончить с автономией регионов закончилась восстанием населения.

Его наследник Йоханнес IV избрал другую тактику: он признал региональных наследственных правителей при условии принятия ими его верховной власти [18]. Им были даны титулы Рас и даже Negus (царь). Сам он звался Negusa Negast – Царь царей. Однако и ему пришлось смириться с автономией регионов после неудачной войны с правителем Шоа Менеликом II.

Смерть Йоханнеса IV в 1889 году в войне против суданской армии и приход к власти Менелика II в корне изменили ситуацию. Благодаря завоевательным походам он подчинил периферию и с 1875 по 1889 год увеличил свою империю в 4–5 раз. В северных районах после смерти Йоханнеса власть перешла от тиграй к амхара.

При Йоханнесе амхарский язык был официальным языком при дворе императора [18]. Со временем (некоторые авторы считают, что после битвы под Адуа) он стал языком администрации шоанских правителей [19].

Соперничество между двумя такими правителями, как Менелик II из Шоа и Текле Хайманот из Годжама (особенно за контроль над выгодными, приносившими большой доход торговыми путями на юг), было важным фактором, определившим экспансию и затем завоевание южной периферии. Победа Менелика II в сражении в Эмбабо в середине 1882 года и разгром соперника открыли его войскам дорогу на юг.

До этого он занял районы, населенные гураге. Между 1882 и 1886 годами были покорены Гамбелла (Некемпте Келлам), Джимма, Гибе, а также Иллубабор и Арси. В 1887 году подчинен Харар, в 1894 году – королевства уолайта, в 1897 году – каффа, консо, народы бенишангул; на востоке – Бале и Огаден, на юго-западе – маджи, на юге – борана, на северо-востоке – султанат Афар. К 1913 году, когда Менелик II умер, под его властью находилась огромная территория. С тех пор границы Эфиопии остались теми же.

После Йоханнеса IV власть от тиграй на севере перешла к шоа-амхара.

Во времена Менелика II в Эфиопии существовало множество царств («государств»): Ваг, Бегэмдыр, Йеджу (Yeju), Годжам, Шоа, Агаме, Аксум, Тембен, Райя, пять «государств» Гибе, Келем (Qeleem), Уоллега, Борана, Харар, Хадийя, Уолайта, небольшие политические образования оромо в центральной и южной частях страны и др. И хотя они были покорены, часть из них сохранила автономию.

Регионализм играл существенную роль в Эфиопии в имперский период. Это относилось в первую очередь к северным регионам, населенным амхара и тиграй. Годжам, Гондэр, Бегэмдыр, Шоа были по существу мини-государствами. Подобный регионализм сохраняется и в наши дни. Хотя все население и правители были амхара, они не рассматривали себя как единую этническую общность [20], были разделены региональными границами и воевали друг с другом за трон.

Некоторые эфиопские авторы считают, что в XIX веке амхара и тиграй представляли собой скорее политические, а не этнические категории. По мнению эфиопского ученого Алемсегеда Абба, этнический «аромат» они приобрели, когда политическое господство амхара стало сопровождаться культурным [21].

Другой эфиопский исследователь Тешале Тибебу утверждает, что амхара и галла – это не этнонимы. Амхара означает «власть» (это могло относиться и к оромо, и к гураге, и к тиграй), галла – «отсутствие власти» (равнозначно «другие»). Для мусульман слово «амхара» означало «человек с

ружьем» [22]. Как бы то ни было, но корни напряженности между тиграй и амхара находятся в далеком XIX веке и связаны с правлением Менелика II. То же можно сказать об оромо и других народах.

Ядром эфиопского государства является регион Шоа. До XIX века это был периферийный район. Амхара, жившие там, в результате миграций оромо были отрезаны от тогдашних центральных районов Гондэр, Тиграй и Уолло. Император Менелик II разместил свою столицу Аддис-Абебу на землях оромо, что привело к значительным экономическим и политическим изменениям. Возник новый класс чиновников, в большинстве своем шоанцев.

Основное население в Шоа – оромо, большой процент составляют те, кого называют шоанскими амхара. По своему происхождению они полностью или частично оромо [23]. Но любой, кто имеет амхарское имя, говорит по-амхарски, является приверженцем ортодоксального христианства, считается амхара и всецело принимается другими амхара. Для этого не требуется никакой генеалогии, мифической или реальной, что совершенно невозможно во многих африканских странах, где любой видный политический деятель известен не только принадлежностью к определенной этнической группе, но и как член клана или линиджа. Для Эфиопии это не имеет значения [24].

Поскольку в Эфиопии было принято (раньше насильно) давать амхарские имена, этническую принадлежность далеко не всегда можно определить. Многие завоеванные Менеликом II народы охотно называли себя амхара. Это было выгодно во всех смыслах, если учесть, что многие амхара (особенно элита) с предубеждением относились к коренному населению. Если Абиссиния была гомогенным государством, то Эфиопия – сложная мозаика этнических групп. В результате завоеваний Менелика политический юг был инкорпорирован в большое, моноэтническое, исторически влиятельное государство. Для обеих частей началась новая история.

Этническое многообразие населения проявлялось во всем: языке, культуре, экономике. В стране насчитывалось около дюжины семитских языков, 22 кушитских, 18 омотских и 18 нило-сахарских [25]. Многообразие

касалось и религии: помимо традиционных верований и культов, население исповедовало христианство, ислам, иудаизм. Английский ученый Дж. Тримингем назвал это «регионом религиозной неразберихи» [26].

Некоторые южные и западные земли, в том числе и часть оромо, населявшие Уоллега, подчинились Менелику II легко. Их правителям удалось сохранить свои земли и власть, и они сотрудничали с новой администрацией. Однако арси-оромо к югу от Шоа оказали упорное сопротивление, и война здесь продолжалась четыре года (1882–1886 гг.). Потребовались большие усилия, чтобы подчинить Гураге, Харар, царство Уолайта и Кэффа. То же относится и к Огадену.

Отношение к покоренным народам было разным. Тем, кто добровольно подчинился Менелику, было позволено сохранить своих правителей и некоторую долю автономии. Те, кто оказал сопротивление, лишились скота, имущества и заплатились жизнью. Как писал эфиопский ученый и политический деятель Мерера Гудина, они «почувствовали сильные шоанские военные мускулы» [27].

Что касается региональных правителей амхара – в регионах Тиграй, Гондэр, Годжам, Уолло, – они согласились с экспансионистской политикой Менелика. Неамхара также присоединились. Видный генерал в армии Менелика Рас Гобана был оромо по своей этнической принадлежности.

После завоевания основной заботой имперского государства стали сбор доходов и обеспечение безопасности [28]. Была создана специфическая форма поселения – Кетернас (гарнизонные города). В них размещались официальные органы управления, полиция, суды, медицинские пункты, церкви, военные учреждения и др. Они были населены в основном северянами – членами местной администрации или судьями. В них также проживало большое число поселенцев (в основном амхара и амхаризированные оромо) и гражданские служащие с семьями.

Администраторы чаще всего назначались из числа военных командиров и знати (преимущественно из Шоа). Иногда ими становились и представители

местной этнической элиты. Более низкие звенья администрации, как правило, составляли так называемые балаббат (balabbat) – прежние правители, либо представители этнической элиты. Они же превратились в новый класс землевладельцев, донныне неизвестный в этих обществах, где земля традиционно принадлежала общине. Поэтому местное население считало их амхара. Прежние правители никогда не имели абсолютной власти, в основном выполняли духовные функции, проводя ритуалы и разрешая конфликты [29]. В новых условиях балаббат осуществляли контроль на местах и собирали дань для администрации и государства.

Была введена новая иерархическая политическая система, совершенно чуждая эгалитарному обществу покоренных народов. Возникла так называемая система нефтэга (в переводе «человек с ружьем»), с помощью которой северяне-военные осуществляли политический и экономический контроль над южным регионом.

По существовавшей в Абиссинии традиции вся завоеванная земля считалась собственностью государства, а право распоряжаться ею всецело принадлежало императору. В результате завоеваний Менелика II народы южных районов лишились двух третей земель, которые были переданы северянам – шоа=амхара, представителям власти и военачальникам – нефтэнья. Последние распределяли земли в зависимости от ранга среди своих офицеров, солдат и обслуги. Огромные земельные участки были предоставлены императору и членам его семьи. Остальная треть земли была распределена между населением и традиционными властями. Последние за содействие освобождались от налогов или платили их в уменьшенном размере. Местные жители превратились в арендаторов.

В районах, оказавших сопротивление, была введена принятая в Абиссинии система габбар-малканья (gabbar-malkanya). Земли были распределены между генералами, офицерами и солдатами, а местное население превращено в арендаторов. Новые владельцы получили в свое распоряжение рабочую силу (от 5 до 100) и рабов [30]. Малканья (патрон,

представитель) на юге становились солдаты-северяне.

По мнению М. Али, первая волна иммиграции из северных районов и Шоа включала значительное число профессионалов, гражданских служащих и простой народ. По этнической принадлежности это были амхара и частично ассимилированные оромо. Вторую волну составили преимущественно тиграй [31].

Новые лендлорды в завоеванных районах были заинтересованы в развитии экспортных культур, таких как кофе. Местное население поставляло рабочую силу. Со временем северные и центральные районы, где не было товарного производства, становились все более экономически отсталыми, что привело к уменьшению их политического влияния. Экономические и политические факторы усиливали позиции региона Шоа, который все больше становился сердцевинной государства. Южные районы инкорпорировались в него, а северными экономически и политически власти пренебрегали [32].

В экономически важных районах, где можно было развивать товарное земледелие (Арси, Сидамаленд, Бале), земля была отнята у местных жителей, которые стали крепостными и геббар (люди, платившие дань).

Завоеванные народы были обложены высокими налогами, штрафами и т.д. Они испытывали политический, экономический и культурный гнет и рассматривались как граждане второго сорта. Большое число людей из покоренных этнических общностей было продано в рабство [33]. Император Менелик II и его генералы владели большим количеством рабов.

Одновременно на юге возник новый господствующий класс. Его составляла элита этнических групп, принявшая христианство и амхарский язык и полностью зависевшая от новых правителей. Так создавалась опора имперскому режиму. Амхаризация повышала социальный статус местной элиты.

В отличие от южных покоренных народов, у северян – крестьян амхара, тиграй – существовала совершенно другая система наследственного землевладения (рист или рыст). У них землю не отняли, и они должны были

платить налог пропорционально доходам [34].

Другой формой господства было господство культурное и политическое. Амхарский язык стал официальным на юге, где насчитывалось более 70 различных языков [35], которые презирались и всячески очернялись. По словам эфиопского историка Бахру Зевде, «патерналистски настроенные и высокомерные абиссинцы смотрели свысока и относились к коренному населению как к отсталым язычникам, грязным, лживым, ленивым и даже глупым, – стереотипы, обычно применяемые европейскими колонизаторами к своим подданным». Южан презирали. Они стали предметом насмешек [36].

Покоренные народы амхара часто называли шанкелла/шанкала, что значит «рабы». Кроме того, в южных районах издавна процветала работоторговля, и охота за рабами приносила немалый доход. Большинство крестьян, как уже говорилось, превратилось в арендаторов, по сути крепостных новых владельцев.

Завоевания Менелика II и включение в состав моноэтнической или двуэтнической Абиссинии огромной территории со множеством народов, языков, религий создало существенно новую ситуацию, посеяв семена будущих конфликтов. Более того, отчуждение земель у коренного населения и передача их новым владельцам, преимущественно амхара, привели к напряженности в южных районах уже в конце XIX века. Пришлые солдаты, а позже чиновники были не только другой этнической группы и другой культуры, но исповедовали другую религию – христианство, в то время как покоренные народы либо сохраняли свои традиционные верования и культы (их было, по-видимому, большинство), либо исповедовали ислам. Нехристиане не могли занимать официальные должности, а мусульманам отказывали в праве иметь землю. Среди местных народов возникла собственная этническая элита, инкорпорированная в новую систему. Происходили порабощение местного населения, ассимиляция, деэтнизация и создание системы непрямого управления.

Районы (и правители), которые добровольно подчинились Менелику,

получили известную долю автономии, и элита сохранила свою власть в обмен на выплату ежегодной фиксированной дани императору. К ним относились королевства и султанаты Джимма Некемпте Келлам (Гамбелла), Асоса и Бенишангул, Ауса, а также часть Годжама [37].

В восточных районах – в местах расселения афар и сомали – присутствие государства в эпоху Менелика II и позднее было малозаметным. Будучи мусульманами, эти народы были отрезаны от христианского центра. Что же касается мусульман оромо в восточном Уолло и Тиграе, то они в течение двух веков были вовлечены в дела государства. То же относится к адере, живущим в Хараре. В Уоллега распространение протестантства среди оромо способствовало образованию и приобщению к властным структурам.

В административном отношении Эфиопская империя первоначально была разделена на 12 провинций. Их границы разрезали этнические общности. Так, провинция Харарге включала часть этнотерриторий афар, оромо и сомали; провинция Сидамо – уолайта, содо, сидама и часть оромо; провинция Уолло состояла из части территорий афар, амхара и оромо. В результате афар входили в состав трех провинций, а оромо – в десять [38]. Позднее Харарге была разделена на две провинции: Бале и Харар, а большая часть провинции Арси передана Шоа, что расширило этнотерриторию амхара. Перекраивая границы, власти специально дробили этнические общности, опасаясь их сопротивления. Мохаммед Али считает, что это был один из видов территориального манипулирования. Другой вид заключался в изгнании населения с земель своих предков.

Американский эфиопист Э. Келлер подчеркивает существование социальной стратификации в завоеванных районах и выделяет пять категорий: к высшей относились губернаторы/администраторы и крупные землевладельцы, преимущественно знать амхара и тиграй – священнослужители и высшие военные чины; ко второй – в основном крупные землевладельцы из местной элиты и их потомки; к третьей – землевладельцы небольшого ранга – солдаты амхара и тиграй и служащие администрации; к

четвертой – поселенцы амхара и тиграй и небольшая часть местных крестьян, наделенных наследуемыми земельными участками; и, наконец, к пятой, самой низшей, – местные крестьяне-арендаторы [39].

Все это составляло основу для формирования этнического самосознания: все, относящиеся к высшим категориям, а также поселенцы и интегрированная местная элита считались амхара. Маркерами служили социальный статус, язык, религия и культура.

Различия в методах управления покоренными народами вызвали разную реакцию. Больше всего это коснулось многочисленных субэтнотосов оромо. Произошла их дифференциация. Оромо в Уолло и Тиграе, населявшие буферные зоны нагорий между амхара-тиграй и афар, веками были изолированы от населения южных районов. Шоанские оромо, многие из которых являлись ортодоксальными христианами и, благодаря тому что жили в центре эфиопского государства, были более тесно связаны с центральной властью и занимали нередко более высокое положение, чем амхара из северных регионов. Многие шоанские поселенцы на юге были по своей этнической принадлежности оромо, как и местное население. Поскольку они пришли из Шоа с армией Менелика, говорили на амхарском языке и были христианами, местное, покоренное ими население воспринимало их как амхара [40]. С другой стороны, для завоеванных народов, особенно для Харарге – центра ислама в Эфиопии, – религия, эксплуатация и этничность были причинами сопротивления ассимиляции. Исламизированные оромо на юго-востоке, имевшие некогда свои государства, стремились сохранить свою идентичность. То же относится к оромо в Уоллега. Больше всего сохранили традиционные социально-политические, религиозные и культурные институты борана – субэтнос оромо.

По мнению английского ученого Х. Клахэма, именно опыт инкорпорирования оромо в Эфиопию препятствует попыткам мобилизации их идентичности, предпринимаемым «Фронтом освобождения оромо» [41].

Отношение эфиопских ученых к завоевательным походам Менелика II

различно. Одни считают это объединением, поскольку данные территории были частью Аксума, другие – имперским завоеванием, третьи – колонизацией [42]. Сам Менелик видел в них возвращение средневековых границ Абиссинии. С ним согласны некоторые эфиопские историки [42].

Период Хайле Селассие I (1930–1974).

В 1930 году Хайле Селассие короновался как Negusa Negast³ [44]. В 1931 году была принята первая в истории Эфиопии конституция, заложившая основы абсолютизма. Одной из целей ее принятия была ликвидация феодального сепаратизма в виде политической власти и привилегий знати и создание единообразной для всей страны системы управления. Конституция предоставляла императору абсолютную власть назначать и смещать аристократию, вершить суд и наделять землей. Знать лишилась права заниматься международными делами. Ограничение автономии региональной элиты продолжалось и в послевоенные годы. Чтобы уменьшить ее влияние, император постоянно «тасовал» кадры, переводя на новые места.

С принятием конституции впервые в истории страны был введен парламент, создана современная система образования, уничтожено рабство. Хайле Селассие I продолжил курс на амхаризацию, проводившийся его предшественником Менеликом II. Сохранилась политика отчуждения земель у южных народов. В администрации по-прежнему доминировали амхара и аристократия Шоа. Политика централизации привела к ликвидации автономии регионов. Это касалось не только юга, но и северных регионов: традиционные правители Годжама, Гондэра, Уолла и Тиграя были заменены на шоа-амхара.

В период итальянской оккупации (1935–1941 гг.) началась кампания деамхаризации. Основной темой итальянской пропаганды стало угнетение оромо со стороны амхара. Амхарский язык перестал быть официальным, в

³ Хайле Селассие I в переводе с амхарского означает «сила Святой Троицы». Дедушка Хайле Селассие по отцовской линии был оромо, бабушка амхара. Дедушка по материнской линии был оромо, а бабушка гураге. В патрилинейном обществе Хайле Селассие считали бы оромо, в матрилинейном – гураге. А он был амхара. Бабушка была родом из шоанской королевской семьи, что давало ему право претендовать на трон.

школах языками обучения стали арабский, оромифа/ороминья и кэффинья. Запрещалось использование амхарского языка в неамхарских районах, амхара не принимались в административные органы.

Оромо остались достаточно равнодушны к итальянской пропаганде, а мусульманские народы были благодарны новому режиму за возврат религии и традиционных институтов [47]. Строились новые мечети, в прежде недоступные районы были проложены дороги, налаживалось водоснабжение в местах проживания скотоводческих народов, преимущественно сомали-огаден. Сидама получили обратно свои земли, был уменьшен размер дани (итальянцы собирали налоги, но в разумных пределах, и требовали только однодневных принудительных работ). По сравнению с абиссинцами, они считались более дружелюбными [48].

Страна была разделена на шесть административных районов (governorships) – Амхара, Оромо, Сидама, Харар (включая Арси), Сомали и Эритрея (включая Тиграй и Данакаль) – с учетом норм обычного права, традиционных обычаев, религии и языка. На практике создание единых этнических районов оказалось трудновыполнимым: границы разрезали этнические общности. Однако это был опыт альтернативного устройства государства с учетом этнического фактора.

Поститальянская британская военная администрация в Эритрее ведала делами региона Тиграй из Амхары. Вынашивались планы объединения Тиграя с Эритреей и создания региона «Большой Тиграй» [49].

Возвращение к власти Хайле Селассие I в 1941 году, после ухода итальянцев, не было легким: некоторые народы (сидама, тиграй) оказали сопротивление, но с помощью британской администрации оно было подавлено [50].

Хайле Селассие стремился создать современное государство. Была осуществлена широкая модернизация во всех областях: введены система налогообложения вместо дани, экономическая либерализация, современное образование, урбанизация, бюрократизация государства, коммерциализация,

индустриализация, гомогенизация (интеграция) [51]. В то же время основная цель Хайле Селассие I заключалась в формировании единой эфиопской нации из множества населяющих страну этнических общностей под лозунгом: «Одна эфиопская нация, одна судьба».

Для этого необходима была централизация государства. Это касалось не только южных и восточных районов, но и привыкших к региональной автономии этнических элит севера – амхара и тиграй. В соответствии с новой административной системой страна была разделена на 14 провинций, 100 ауреджа и 600 воред. Регионы становились все более зависимыми от центра. Хайле Селассие I удалось уменьшить центробежные тенденции во всех регионах за исключением Тиграя. После возвращения к власти он уничтожил и автономию Тиграй.

Политика модернизации требовала нового подхода и к управлению. Нужны были образованные администраторы. Поэтому большое внимание уделялось системе образования. Открывались новые университет и колледжи. Многие молодые люди уезжали за границу, в том числе в Советский Союз, для получения образования. Формировалась новая образованная элита, занимавшаяся проблемами управления государственными делами.

В южных районах император назначал губернаторов преимущественно из Шоа. Он был нетерпим к оппозиционным движениям и партиям и сопротивлялся нажиму со стороны тех, кто требовал создания демократического общества. Стремясь модернизировать страну, он в то же время поощрял автократию и исключал из этого процесса большинство неамхара и нетиграй. К тому же в 1960-х – начале 1970-х гг. в южных завоеванных районах началось массовое отчуждение земли. Провозгласив политику модернизации сельского хозяйства, правительство насильно сгоняло крестьян с их земель, которые передавало агрохолдингам и частным землевладельцам.

Огромные земельные массивы в долине р. Аваш были отняты у афар и отданы иностранным и местным предпринимателям под сахарные плантации

и строительство плотин. Возникали огромные агрохолдинги, владельцами которых были амхара, особенно пострадали арси, оромо и афар. Большие массивы удобных для земледелия территорий были также отняты у скотоводов афар и части сомали. На них создавались так называемые проекты для поселенцев-амхара под руководством чиновников шоанской администрации. Земли в кофепроизводящих районах (Сидама, Кэффа) были переданы крупным землевладельцам амхара. В районах, пригодных для выращивания зерновых культур, владельцами земель также становились амхара и тиграй [52].

В 1952 году по решению ООН Эритрея была включена в состав Эфиопии на правах автономии в рамках федерации. Вскоре жители Эритреи столкнулись с этноконфессиональной и языковой дискриминацией со стороны центрального правительства. Она сочеталась с постепенным упразднением демократических институтов, а также политических организаций.

В ноябре 1955 года была принята новая конституция, провозгласившая страну конституционной монархией. Она юридически закрепила утверждение абсолютизма в Эфиопии. Конституция признавала равенство всех граждан империи независимо от вероисповедания, этнической и языковой принадлежности. Однако объявление эфиопской церкви и амхарского языка государственными свидетельствовало об узаконении ряда дискриминационных мер в отношении значительной части населения: по официальным данным, почти треть жителей страны не исповедовала христианство, а амхарский язык в те годы был родным предположительно для 5–8 млн чел. из около 22 млн жителей империи [53].

В конституции закреплялся централизованный характер государства. Было определено превращение эфиопской церкви в прочную основу абсолютизма, в придаток государственного механизма. В стране все больше назревало недовольство существовавшим режимом. Засилье в органах власти амхара вызывало возмущение многих народов, в первую очередь тиграй и оромо.

Выше уже отмечалось, что антиамхарские настроения в регионе Тиграй появились еще при правлении Менелика II. При Хайле Селассие I они усилились. Причем это касалось не только правящей элиты и интеллигенции, но и простых общинников. Этому способствовал рост этнического самосознания тиграй. Они считали себя создателями Аксума, свой язык близким к геэз, а культуру истинно эфиопской. Все, что располагалось к югу от Такказе, было ниже их по уровню. Они нередко презрительно называли амхара «полугалла» [54]. Междоусобицы среди элиты тиграй еще более ослабили единство этнической группы. К тому же шоанские правители, неспособные навязать им свою власть, разжигали соперничество [55], проводя политику «разделяй и властвуй». Среди тиграй все более сильным становился протест против господства амхара-шоа. Этому способствовали чувство гордости как этнической группы, партикуляризм, воспоминания о золотом прошлом, величие Йоаннеса IV, ксенофобия и религиозный консерватизм [56].

В 1943 году вспыхнуло массовое восстание всех слоев общества тиграй, однако оно было подавлено. Ныне тиграй очень гордятся этим восстанием, считая его началом этнонационализма.

В последний период правления Хайле Селассие I, по мнению видных деятелей «Народного фронта освобождения тиграй» (ТПДФ), все более усиливалась дискриминация этого народа. Это проявлялось в системе образования, при устройстве на работу, в недоброжелательном отношении со стороны амхара в целом. Все это вызывало недовольство образованной части общества и молодежи и привело в конечном счете к возникновению национального движения [57].

В Аддис-Абебском университете была создана ассоциация студентов-тиграй с целью изучения проблем собственного народа, возрождения и развития экономики, культуры и языка. Все большее недовольство вызывало пренебрежительное отношение к их языку, который презрительно называли «птичий».

Наряду с другими факторами этнополитический курс правительства

Хайле Селассие усиливал недовольство и других неамхарских народов. В 1948 году в Харэрге требовали предоставления региональной автономии провинции, в результате чего произошло несколько вооруженных столкновений с властями [58]. В том же 1948 году (и вновь в 1953 году) произошли волнения в ряде районов, населенных оромо. В 1949 году восстали жители северных районов страны [59]. По мнению эфиопского ученого, профессора Ныгусие Касае Микаэля, в конце 1960-х гг. императору пришлось вести борьбу с движением, целью которого было освобождение оромо от «ига и эксплуатации амхара» [60]. Проводя свою национальную политику, Хайле Селассие I пытался создать межнациональный альянс с политической элитой оромо. Этот альянс сохранялся до 1965 года, когда на основе двух кланов оромо была создана ассоциация «Меча-Тулема». Она сыграла большую роль в развитии самосознания оромо, в сохранении и развитии их языка и культуры. Особой популярностью она пользовалась в южных провинциях, некогда завоеванных Менеликом II.

Достижение многими африканскими странами независимости в 1960-е годы не могло не оказать влияния и на общественное мнение в Эфиопии.

К середине 1970-х годов возросла активность сил, недовольных абсолютной властью императора и требовавших глубоких социально-экономических и политических преобразований. Властям постоянно приходилось иметь дело с крестьянскими восстаниями, волнениями городской бедноты, широкими движениями на этноконфессиональной основе, а также антиправительственными выступлениями армейских кругов, профессоров и студенчества. Брожение охватило все слои общества [61]. Сложные отношения существовали и в окружении императора – в среде традиционной аристократии.

О трудности межэтнических отношений и остроте национального вопроса свидетельствуют следующие данные. В середине XX века страну потрясли выступления разных этнических групп против режима шоа-амхара: в 1943 году – восстание в Восточном Тиграе; в 1963–1970 годах – в Бале; в

1968 году — в Годжаме; в 1948 и 1970 годах – в Уолло; в 1960 году – в Гедео. Их причины были разными: коррупция (Тиграй), отчуждение земли и новые налоги, конфликты мусульман с поселенцами-христианами (Бале); возникновение ирредентизма сомали; сопротивление увеличению налогов (Годжам и Гедео).

Одним из самых продолжительных восстаний было выступление в 1963–1970 гг. крестьян-оромо в провинции Бале, выдвинувших идею независимости. Вначале восстание было направлено против налогов. С каждым годом оно охватывало все новые районы Бале. К нему присоединилась местная администрация-оромо, а также часть сомали, проживавших на юге. С помощью армии властям удалось подавить сопротивление. У крестьян-оромо были изъяты десятки тысяч гектаров плодородной земли и переданы поселенцам-амхара [62].

В это же время произошли крестьянские волнения в Иллубаборе, Уолло, Сидамо и других провинциях. Оромо, сидамо и другие народы протестовали против непомерных налогов, экспроприации земли, этноконфессионального угнетения.

В 1973 году вновь восстали крестьяне оромо. Ими руководил Элемо Култи, который провозгласил создание «Фронта освобождения оромо» (Oromo Liberation Front). В то время Фронт выступал против местных феодалов, администрации и крупных владельцев ферм [63]. В мае 1968 года восстали крестьяне-амхара в провинции Годжам. Они протестовали против закона 1967 года о сельскохозяйственном налоге, значительно усилившем и без того тяжкое налоговое бремя. В начале 1970-х годов против того же закона выступили крестьяне-амхара в провинции Бегэмдыр. Обстановка в стране еще более накалилась в связи с жестокой засухой 1972–1974 годов.

Различные слои населения все больше связывали свое бедственное положение и ситуацию в стране с именем Хайле Селассие I, олицетворявшего абсолютистско-монархическое государство.

Обострилась ситуация в Эритрее. Националисты «Фронта освобождения

народа Эритреи» (Eritrean People's Liberation Front) требовали отделения от Эфиопии, образования самостоятельного государства и объявления его принадлежащим арабскому миру. Широкое возмущение в Эритрее вызывала не только этнорелигиозная дискриминация населения, но и политика Хайле Селассие, направленная на свертывание деятельности автономных институтов (местного правительства, ассамблеи и др.) и их ликвидацию, упразднение конституции Эритреи, введенной еще до воссоединения с Эфиопией. В 1962 году автономия Эритреи была уничтожена, и она стала обычной провинцией. Все это привело к активизации сепаратистских движений в Эритрее. Однако, несмотря на дискриминацию, большинство населения Эритреи не выступало за отделение от Эфиопии, а требовало создания федерации с предоставлением Эритрее широкого самоуправления [64].

Недовольство населения вызывало также культурное и языковое притеснение: правительство запретило использовать все языки, кроме амхарского. Чтобы устроиться на работу, знание амхарского языка было обязательным условием. Он же стал языком обучения в школах, университете и колледжах.

Получить место в органах управления и экономики можно было лишь со знанием амхарского. Все это способствовало естественной амхаризации, прежде всего молодого поколения разных этнических групп и, как результат, развитию интеграционных процессов.

Императора весьма привлекала японская модель модернизации и в прежней (1931 год) конституции была использована японская концепция Мейджи 1885 года [65]. Однако, как пишет американский эфиопист Э. Келлер, «половинчатая модернизационная политика» не была основана на подлинной стратегии развития, так как стремилась сохранить status quo и феодальную элиту [66]. К тому же она испытывала сопротивление в разных провинциях, поскольку модернизация подрывала статус и благосостояние региональных элит. Основное внимание в планах модернизации уделялось центру и Шоа в ущерб другим провинциям [67].

Недовольство в покоренных районах росло, и еще одной его причиной была религиозная дискриминация. Этническая элита, чтобы сохранить свои позиции, вынуждена была принимать эфиопское ортодоксальное христианство. Религиозная дискриминация объясняет причину того, что приверженцы ислама стали бизнесменами (торговцами и ритейлерами). Они не могли получить землю. К концу 1960-х годов усилилось их недовольство тем, что их считали второсортными гражданами, а их религию – более низкого уровня по сравнению с христианством.

В ряде районов население (сидама, оромо=арси, оромо=борана и др.) ассоциировало христианство с угнетателями. Некоторые субэтноты оромо (арси) приняли ислам. Так они проявили свое сопротивление [68].

Эфиопский национализм был тесно связан с ортодоксальным христианством, и только его приверженцы считались «истинными эфиопами». Принятие неортодоксального христианства (католичества и протестантства) и ислама покоренными этническими общностями было формой их сопротивления режиму.

Жесткая централизация и ликвидация автономии региональных элит амхара в Годжаме, Гондэре, Уолло и тиграй в провинции Тиграй вызвали большое недовольство. Причиной была все большая «шоанизация» государственного аппарата.

Массовое отчуждение земель у разных народов, превращение крестьян в арендаторов, двойной гнет (со стороны амхара и местных землевладельцев) все больше накаляли этнополитическую ситуацию.

Те, кто получил образование в 1950–1960-е гг., были против феодальных аспектов императорской власти и влияния на нее традиционной аристократии, которую они считали основной причиной отсталости Эфиопии [69].

Постепенно в стране все более заметными становились политические, этнические, культурные и религиозные разногласия. Недовольство режимом существовало как среди народных масс, особенно на периферии в сельских районах, так и среди аристократии амхара в северных регионах.

В декабре 1960 года была предпринята попытка государственного переворота демократически настроенными высшими офицерами и генералами императорской гвардии, полиции и службы безопасности, а также рядом гражданских чиновников. Впервые выступление значительной части вооруженных сил было предпринято для осуществления радикальных реформ и социально-экономического и политического преобразований страны.

Происходила политизация армии. С середины 1950-х годов в ней начали все больше распространяться демократические идеи. Многие образованные офицеры считали необходимым упразднение власти императора.

К середине 1970-х годов в армии обострились отношения между рядовыми, сержантами и младшими командирами, с одной стороны, и старшими офицерами и генералами – с другой. Армейские низы были недовольны условиями своего существования, жестокостью высших офицеров, коррупцией. Причиной недовольства были и этноконфессиональные противоречия. До 40% армейских низов составляли оромо. Как и другие неамхара они испытывали притеснения и реже продвигались по службе. Так, в 1972 году армейские офицеры-оромо в ранге подполковника составляли 21%, а амхара – 65% [70].

Было немало случаев, когда солдаты-оромо отказывались усмирять крестьянские бунты своих соплеменников против помещиков-амхара. Ситуация в стране все больше накалялась. Власти уже не могли с помощью армии и жесткого подавления, а также частных уступок справиться с ней. В начале 1974 года многочисленные бунты охватили армию. Происходили демонстрации молодежи – студентов и учащихся.

В научных и правительственных изданиях появился термин «Февральское (1974 год) общенациональное восстание». Оно началось 18 февраля с забастовки в Аддис-Абебе учителей, требовавших увеличения заработной платы, отмены политики правительства, касающейся школьного образования, и скорейшего проведения аграрной реформы.

Но главной силой сопротивления стала армия (в лице солдат, сержантов

и младших офицеров), предъявившая ряд экономических, социальных и политических требований (увеличение жалования на 50%, проведение радикальной аграрной реформы, пересмотр конституции, предоставление гражданских свобод) [71].

Все это создавало условия для революции, чему способствовал усиливавшийся с 1960-х годов интерес к национальному вопросу сначала в студенческой среде, а затем и шире. Возникли националистические организации и движения. Образованный класс в этот период можно разделить на три категории: тех, кто поддерживал существующий порядок (в основном получивших образование до 1945 года), левых и модернистов.

Идеологические конфликты, мятежи, противодействие левых сил режиму, недовольство и требование низов уничтожить систему землевладения и эксплуатацию, единодушный призыв к социальным и политическим изменениям, требования модернизации и демократизации страны образованных людей, сложная экономическая ситуация (голод, бедность, безработица и др.), тяжелые условия жизни в армии – все это привело в феврале 1974 года к революции и свержению монархии.

Таким образом, подводя итоги, можно отметить, что в период правления Менелика II произошло завоевание народов периферии (нынешние западные, южные и восточные штаты) и образование Эфиопии в ее нынешних границах.

Основными принципами национальной политики в имперский период являлись отрицание этнического разнообразия и создание единой эфиопской общности. Именно эту задачу преследовала политика амхаризации, предусматривавшая деэтнизацию и ассимиляцию.

Деэтнизация имела разные формы: требование отказа от личных имен и перехода на амхарские; презрительное отношение амхара и тиграй к другим народам, что заставляло их стыдиться своей этнической принадлежности и скрывать ее, называя себя амхара, не говорить на родных языках и использовать амхарский, отказываться от традиционных политических и культурных институтов, считая их архаичными и варварскими.

Экономическое угнетение, отчуждение земли, превращение общинников в арендаторов, этноконфессиональная и этнокультурная дискриминация вызывали недовольство и приводили к крестьянским восстаниям разных этнических групп.

Конечной целью политики Хайле Селассие I было создание унитарного централизованного государства на основе амхарского языка и ортодоксального эфиопского христианства.

Общим для имперского периода является этноконфессиональная дискриминация, хрупкость и ослабление национального единства и стабильности, различные формы культурного, экономического и политического неравенства, а также экспроприация земли в широких масштабах у сельского населения и, как уже ранее упоминалось, жесткая централизация управления, доминирующее положение в госструктурах одной этнической общности. Ряд исследователей усматривает в качестве главной причины сохраняющейся остроты национальной проблемы – соединение этнократии с авторитаризмом.

Период социалистической Эфиопии

12 сентября 1974 года император Хайле Селассие I был свергнут, действие конституции 1955 года приостановлено. К власти пришел Временный военный административный совет – ВВАС (по-амхарски – Дерг). Низложение императора и приход к власти ВВАС стали отправным пунктом глубоких антифеодальных, антимонархических, антиимпериалистических преобразований, положивших начало национально-демократическим переменам. С первых же дней своего правления он заявил о равенстве всех граждан независимо от этнической принадлежности. В 1976 году в результате переворота власть захватил подполковник Менгисту Хайле Мариам. В принятой 21 апреля ВВАС Программе национально-демократической революции была выдвинута задача полного уничтожения в Эфиопии феодализма, империализма и бюрократического капитализма и создания прочных основ для перехода к социализму (Programme of the National

Democratic Revolution of Ethiopia. Addis Ababa, 1976, p. 9).

Статья 5 Программы провозглашает право всех национальностей на самоопределение. Ни одна национальность не будет господствовать над другой, поскольку с духом социализма история, культура, язык и культура каждой национальности будут признаны в равной степени. Основой единства национальностей Эфиопии, отмечается в Программе, будет их совместная борьба против феодализма, империализма, бюрократического капитализма и всех реакционных сил. Эта совместная борьба базируется на желании построить новое общество, основанное на равенстве, братстве и взаимном уважении.

Поскольку в период монархического режима остро стояла проблема этнических меньшинств и многие народы были недовольны господствующим положением амхара, ВВАС счел необходимым особо оговорить их права. Ставилась задача обратить особое внимание на повышение политического, экономического и культурного уровней этих народов.

В Программе говорится, что проблема национальностей в условиях Эфиопии может быть решена в том случае, если каждой национальности будет предоставлено право на самоопределение. Это означает, что каждая национальность будет иметь региональную автономию для решения своих внутренних дел. В ее рамках она имеет право определять содержание политической, экономической и социальной жизни, использовать родной язык и избирать своих собственных руководителей и администраторов, которые возглавили бы органы внутреннего самоуправления.

Согласно Программе национальные интересы Эфиопии – единство и территориальная целостность – полностью зависят от энергии широких масс (Там же, с. 16–19).

В Декрете, изданном 29 декабря 1976 года, специально указывалось, что руководство Эфиопии рассматривает строительство общества, основанного на принципах научного социализма, как единственный путь решения сложных проблем, стоящих перед страной».

Большое внимание уделялось политическому просвещению масс. При этом особый упор делался на воспитание у всего населения, неоднородного по этнической и религиозной принадлежности, чувства нерасторжимости его судеб, национально-политической общности, территориальной целостности и единства Эфиопии.

Список литературы

1. www.joshuaproject.net/ethiopia
2. ABBINK J. The Ethiopian Revolution after 40 Years (1974—2014). — *Journal of Developing Societies*. 2015, vol. 31, № 3, p. 333—357. Doi: 10.1177/0169796X15590321; FENTAHUN TIRUNEH. The Ethiopian Students: Their Struggle to Articulate in Ethiopian Revolution. Chicago. 1990; BAHRU ZEWEDE. The Quest for Socialist Utopia: the Ethiopian Student Movement, 1960—1974. Oxford. 2014.
3. ABBINK J. *Op. cit.*, p. 336.
4. MARKAKIS J. Ethiopia: Anatomy of a Traditional Polity. Oxford. 1974, p. 51.
5. BALSVIK R.R. Haile Selassie's Students: The Intellectual and Social Background to Revolution, 1952—1977. East Lansing. 1985, p. 43.
6. KIFLU TADESSE. The Generation, the Evolution of the Ethiopian People's Revolutionary Party. Part I. From the early beginning to 1975. Trenton. 1993, p. 52. Цит. по: VAUGHAN S. Ethnicity and Power in Ethiopia. Edinburgh. 2003, p. 133. URL: <http://hdl.handle.net/1842/605>.
7. BALSVIK R.R. *Op. cit.*, p. 278.
9. WALLIGNE MEKONEN. On the Question of Nationalities in Ethiopia. — *Struggle*. 17 November 1969.
12. VAUGHAN S. Ethnicity and Power in Ethiopia. Edinburgh. 2003, p. 137. URL: <http://hdl.handle.net/1842/605>.
13. CLAPHAM Ch. Transformation and Continuity in Revolutionary Ethiopia. Cambridge. 1988, p. 198.

14. ALI. M. Ethnicity, Politics and Society in Northeast Africa. Conflict and Social Change. Lanham-N.Y.-L. 1996, p. 98.
15. BAXTER P. The Creation and Constitution of Oromo Nationality. In: Ethnicity and Conflict in the Horn of Africa. James Currey Publishers. 1994, p. 172.
16. FASIL N. Constitution for a Nation of Nations: The Ethiopian Prospect. New York. 1997, p. 7—8.
17. BAHRU ZEWDE. History of Modern Ethiopia 1855—1974. London. 1991, p. 60.
18. ERLICH H. Ras Alula and the Scramble for Africa: a Political Biography, Ethiopia and Eritrea 1875—1897. Lawrenceville-Asmara. 1996, p. 2.
19. YONATAN TESFAYE FESSHA. Institutional Recognition and Accommodation of Ethnic Diversity: Federalism in South Africa and Ethiopia. Cape Town. 2008, p. 335.
20. Ibid., p. 332.
21. ALEMSEGED ABBAY. Identity Jilted or Re-mapping Identity? Lawrenceville-Asmara. 1998, p. 45. Цит. по: VAUGHAN S. Op. cit., p. 109.
22. TESHALE TIBEBU. The Making of Modern Ethiopia, 1896—1974. Lawrenceville. 1995. p. 45.
23. CLAPHAM Ch. Ethnicity and National Question in Ethiopia. In: Conflict and Peace in the Horn of Africa: federalism and its alternatives. Aldershot. 1994, p. 29.
25. BENDER M.L. The Languages of Ethiopia. Nilo-Saharan. In: Languages in Ethiopia. London. 1976, p. 13.
26. TRIMINGHAM J.S. Islam in Ethiopia. London. 1965, p. 15.
27. MERERA GUDINA. Ethiopia: Competing Ethnic Nationalisms and the Quest for Democracy 1960—2000. Addis Ababa. 2003, p. 61.
28. MARKAKIS J. Ethiopia: An Anatomy of a Traditional Polity. New York. 1974, p. 136.
29. KIFLE WANSAMO. Towards Building Stability in a Multinational/ethnic Society. Conflicts in Sidamaland, Ethiopia. Lancaster. 2007, p. 89.

30. BAHRU ZEWEDE. Op. cit., p. 88.
31. ALI M. Op. cit., p. 96.
32. CLAPHAM Ch. Ethnicity and National Question, p. 34.
33. ALI M. Op. cit., p. 98.
34. KIFLE WANSAMO. Op. cit., p. 89.
35. MARKAKIS J. Conflict in prefederal Ethiopia. In: First national conference on federalism, conflict and peace building. Addis Ababa. 2003, p. 12.
36. BAHRU ZEWEDE. Op. cit., p. 5.
37. Ibid., p. 86.
38. ALI M. Op. cit., p. 101.
39. KELLER E.J. Revolutionary Ethiopia: From Empire to a People's Republic. Bloomington. 1988, p. 62.
40. CLAPHAM Ch. Op. cit., p. 32—33; BLACKHURST H. Ethnicity in Southern Ethiopia: the general and the particular. — Africa. 1980, vol. 50, N 1.
41. CLAPHAM Ch. Ethnicity and National Question, p. 33.
42. YONATAN TESFAYE FESSHA. Op. cit., p. 341; KELLER E.J. Revolutionary Ethiopia, p. 36, 45, 59—64; MARKAKIS J. National and Class Conflict in the Horn of Africa. Cambridge. 1987, p. 28.
43. HENZE P. Layers of Time: a History of Ethiopia. London. 2000, p. 152; ANDERGACHEW TIRUNEH. The Ethiopian Revolution 1974—1987. Cambridge. 1993, p. 4.
44. CLAPHAM Ch. Ethnicity and National Question in Ethiopia. In: Conflict and Peace in the Horn of Africa. Aldershot etc. 1994, p. 29.
45. BAHRU ZEWEDE. Op. cit., p. 140.
46. SBACCHI A. Ethiopia under Mussolini: Fascism and the Colonial Experience. London. 1985, p. 159—160. Цит. по: VAUGHAN S. Ethnicity and Power in Ethiopia, p. 119—120.
47. VAUGHAN S. Op. cit., p. 119.
48. KIFLE WANSAMO. Towards Building Stability in a Multinational/ethnic Society, p. 91.

49. VAUGHAN S. *Op. cit.*, p. 121.
50. KIFLE WANSAMO. *Op. cit.*, p. 91.
51. BAHRU ZEWDE. *Op. cit.*, p. 92, 108—110, 207; MARKAKIS J. Ethiopia..., p. 144—323.
52. CLAPHAM Ch-. Ethnicity and National Question in Ethiopia, p. 32.
53. ЦЫПКИН Г.В., ЯГЪЯ В.С. История Эфиопии в новое и новейшее время. М. 1989, с. 212.
54. MARKAKIS J. Ethiopia, Anatomy of a Traditional Polity, p. 48.
55. ERLICH H. Ethiopia and the Challenge of Independence. Boulder, 1986, p. 13.
56. GEBRU TAREKE. Ethiopia: Power and Protest. Peasantry Revolt in the Century. Lawrenceville. 1996, p. 116.
57. Цит. по: VAUGHAN S. *Op. cit.*, p. 161.
58. GREENFIELD R. Ethiopia. A New Political History. New York. 1965, p. 287.
59. ЦЫПКИН Г.В., ЯГЪЯ В.С. Ук. соч., с. 216.
60. НЫГУССИЕ КАСАЕ В. МИКАЭЛЬ. Хайле Селассие-I — император Эфиопии. М. 2016, с. 321.
61. ЦЫПКИН Г.В , ЯГЪЯ В.С. Ук. соч., с. 264—265.
64. OTTAWAY M., OTTAWAY D. Ethiopia. Empire in Revolution. N.Y.-L. 1978, p. 154.
65. BAHRU ZEWDE. *Op. cit.*, p. 110.
66. KELLER E. Revolutionary Ethiopia, p. 132.
67. *Ibid.*, p. 138.
68. KIFLE WANSAMO. *Op. cit.*, p. 93.
69. BAHRU ZEWDE. *Op. cit.*, p. 213; KELLER E. *Op. cit.*, p. 132; MARKAKIS J. *Op. cit.*, 1974. p. 180—191.
70. История Эфиопии в новое и новейшее время. М., 1986. с. 269.

Агуреев Станислав Александрович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры международных
отношений Дипломатической академии МИД РФ,
stas.agureev@mail.ru

Болтаевский Андрей Андреевич,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры гуманитарных дисциплин
Российского университета кооперации
boltaev83@mail.ru

Шангараев Руслан Насимович,
кандидат экономических наук, доцент
кафедры государственного управления
во внешнеполитической деятельности
Дипломатической академии МИД России,
shang143@mail.ru

Stanislav A. Agureev,
PhD (History), Associate Professor of the Department of International
Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation,
stas.agureev@mail.ru

Andrey A. Boltaevskiy,
PhD (History), Associate Professor of the
Department of Humanities
Russian University of Cooperation,
boltaev83@mail.ru

Ruslan N. Shangaraev,
Associate Professor of the
Department of Public Administration
in Foreign Policy Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
shang143@mail.ru

**К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ МУЛЬТИРАСОВОЙ ОБЩИНЫ
СУРИНАМА: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ, СТАНОВЛЕНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ
ON THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT
OF THE MULTI-RACIAL COMMUNITY OF SURINAME: TRADITIONS
AND INNOVATIONS, THE FORMATION OF A POLITICAL MODEL**

Аннотация: взаимное проникновение культур Старого и Нового Света (так называемый «Колумбов обмен») обогатило различные страны, как в культурном, так и в расово-этническом аспектах. Но вместе с тем освоение европейцами Западного полушария привело к появлению новых названий географических

объектов, которые вытеснили прежние туземные. Изучение истории наименования рек, озер, гор, городов, да и целых стран представляет интерес как с познавательной, так и с научной точек зрения. К слову, в Южной Америке есть примеры любопытных наименований. Венесуэла так названа потому, что испанским мореплавателям, впервые увидевшим ее берег, свайные постройки аборигенов напомнили итальянскую Венецию. Географическое расположение оказало большое влияние на политическую историю страны и предопределило формирование многонациональных этносов, населяющих Суринам.

Географические объекты небольших американских государств известны в меньшей степени. В этой связи вызывает интерес изучение ойконимов, гидронимов, этнонимов, антропонимов богатого этническим разнообразием Суринама. Слияние же индейского и африканского этносов предопределило развитие национального самосознания суринамского народа.

Ключевые слова: политическая история Суринама, административное деление, проблема рабства, география Суринама, национальное самосознание.

Abstract: the mutual penetration of the cultures of the Old and New World (the so-called "Columbian Exchange") has enriched various countries, both culturally and racially and ethnically. But at the same time, the development of the Western Hemisphere by Europeans led to the emergence of new names of geographical objects, which displaced the former native ones. The study of the history of naming rivers, lakes, mountains, cities, and entire countries is of interest both from an educational and scientific point of view. By the way, there are examples of curious names in South America: Venezuela is so named because the pile-built aborigines who first saw its coast reminded Spanish navigators of Italian Venice; Rio de Janeiro was named as a result of geographical embarrassment: the Portuguese confused the Guanabara Bay they opened on January 1 for the mouth of the river. The geographical location had a great influence on the political history of the country and predetermined the formation of multinational ethnic groups inhabiting Suriname.

Geographical objects of small American states are much less known: in this regard, the study of oikonyms, hydronyms, ethnonyms, anthroponyms of Suriname,

rich in ethnic diversity, is of interest. The merger of the Indian and African ethnic groups predetermined the development of the national identity of the Surinamese people.

Keywords: political history of Suriname, administrative division, slavery problem, geography of Suriname, national identity.

Наряду с Гайаной и Французской Гвианой Суринам относится к так называемому Гвианскому треугольнику, который традиционно отличается в расовом и культурном плане от других южноамериканских стран. Несмотря на то что первыми этого региона достигли испанцы (экспедиция А. де Охеды и А. Веспуччи 1499 г.), долгое время никто из европейцев не предпринимал попыток его колонизации. Край, получивший вследствие недружелюбия местных индейцев название Дикий берег, привлек внимание авантюристов после начала распространения легенды об Эльдорадо, золотом городе, якобы располагавшемся на берегах озера Парима. Самым известным искателем Эльдорадо стал Уолтер Рэли: «Гвианская империя лежит прямо на восток от Перу по направлению к морю, на экваторе, и изобилует золотом более, нежели любая иная часть Перу, и в ней столько же или еще больше великих городов, чем было даже в Перу, когда страна более всего процветала. Она управляется по тем же законам, и император, и народ придерживаются той же веры и той же формы и вида правления, что в Перу, не отличаясь ни в чем» [7, p. 43].

Из политической истории Суринама

В течение первой половины XVII века европейцами предпринимались попытки основать поселения на территории Суринама. Определенным успехом среди них можно назвать только экспедицию барбадосского губернатора Ф. Уиллоуби, который в условиях противоборства кавалеров и круглоголовых в Англии смог основать в 1650 году колонию на побережье Суринама. Прибывшие колонисты, имевшие опыт плантационного хозяйства, заложили основы последующего процветания суринамской экономики: принудительный труд африканских рабов обеспечивал производство сахара, кофе, какао и т.д.

Вернувшийся в Англию Уиллоуби способствовал переселению мигрантов, которые искали страну, где могли бы мирно существовать без опасения быть подвергнутыми наказанию за политические взгляды.

В Уиллоубиленде основали поселение даже евреи, гонимые португальской инквизицией из Бразилии (Д. Насси, один из потомков этих переселенцев, приводит мнение, что именно евреи сделали Бразилию процветающей [7, р. 43]). Показательными здесь выглядят слова британского исследователя М. Паркера о том, что «нигде больше до девятнадцатого века евреи не пользовались таким большим количеством политических привилегий при столь незначительном вмешательстве в их жизнь» [8, р. 304]. В 1663 году на территории колонии насчитывалось до 50 плантаций с 3 тыс. рабов [10, pp.19–38]. Английское присутствие сформировало не только дальнейшую экономику страны, но и лингвистическую парадигму: лексическую основу суринамского языка, или сранан-тонго, составляют слова именного английского происхождения.

Данное положение обусловлено тем, что в Суринаме, перешедшем по условиям Бредского мира 1667 года к Нидерландам, было установлено фактически двухкастовое общество господ и рабов. Особенностью нидерландского колониального этоса был практически полный запрет на культурную ассимиляцию. Это относилось не только к языку, но и даже к миссионерской деятельности. Так, совет Парамарибо фактически отказал протестантскому священнику проповедовать среди рабов: «проклятые дети Хама созданы для того, чтобы выращивать нам кофе и сахар» [12]. Как отмечает Ф. Джабини, лютеранская и голландская реформатская церкви были «церквями для белых» [4, р. 105]. Проповеди среди рабов вели только моравские братья и позднее, после 1817 года, представители римско-католической церкви [11, р. 25]. Сами же голландцы вынуждены были констатировать: «Основали эту колонию англичане, и на английском в основном все еще говорят рабы» [1, р. 307].

Хотя формально Суринам относился к ведению Нидерландской Вест-Индской компании, среди переселенцев, помимо голландцев и евреев, важное место занимали выходцы из Германии. На карте Суринама можно найти такие

поместья, как Берлин, Брауншвейг, Гамбург, Галле, а многие суринамские фамилии имеют немецкое происхождение: Баумгартнер, Кригер, Телтинг, Фогт и др. После отмены рабства в 1863 году этническая картина Суринама стала еще более разнообразной. На смену освобожденным невольникам на плантации пришли контрактные рабочие из Индии и с Явы, часть из которых осталась на новой родине.

Если мы обратимся к современной лингвистической картине, то увидим, что, хотя официальным языком в стране считается голландский, большинство суринамцев использует его в качестве второго языка. В 2005 году Суринам стал третьей страной Нидерландского языкового союза вместе с Нидерландами и Бельгией. Впрочем, не только политически, но и культурно Нидерланды и Суринам не слишком близки друг другу, а географическая удаленность от Европы не могла не способствовать автохтонизации голландского языка в Южной Америке. Неслучайно в 1994 году президент Суринама Р. Венетиан заметил: «Хотя Суринам и Нидерланды говорят на одном языке, кажется, что они понимают язык по-разному» [3, p.11].

Что касается суринамского, или креольского, языка, то он чаще всего используется в повседневной обстановке. Хинди и яванский используют потомки контрактных рабочих. Языковая палитра дополняется языками маронов (бывшие беглые рабы) и индейцев.

Как уже отмечалось выше, английский язык стал основой суринамского языка, а после обретения независимости в 1975 году именно эти два языка стали активно распространяться в Суринаме в противовес голландскому, ассоциировавшемуся с эпохой колониализма. Вступление в Карибское сообщество позволило рассматривать английский язык и как важный инструмент торговли [2, p. 23].

Происхождение названия страны

Еще в 1788 году Д. Насси сделал попытку дать толкование своей новой родине, связал гидроним 'Суринам' с племенем сурина [7, p. 46]. Фактически именно вдоль реки Суринам, немного поодаль от болотистого побережья, были

основаны первые постоянные поселения англичан и голландцев. Существует и другая версия, согласно которой страна получила название от графа Суррея, но исследователям она представляется неправдоподобной [9, p. 11].

Среди первых европейских поселений в Суринаме наибольшую известность сохранили Торарика и Йоденсаванн, основанные португальскими евреями. Удобное местоположение в излучине реки способствовало превращению Торарики в административный центр. Согласно гипотезе Торарика происходит от слов 'Тора' (Моисеев закон) и *rica* (в переводе с португальского означает «богатый»). Сегодня название Торарика носит эксклюзивный курортный отель в Суринаме.

Йоденсаванн переводится как «еврейская саванна», что объясняется географическим положением поселения среди полей. По некоторым оценкам, в начале XVIII века в Йоденсаванне (на пике его развития) проживало около 500 свободных жителей и до 9 тыс. рабов [13, p. 2].

После перехода Суринама к голландцам его административный центр был перенесен в Парамарибо, сегодня также являющемся столицей страны. «Цветочный город», «город друзей», «город радуги», «жители большой воды» – вот примеры толкований самого крупного города бывшей голландской колонии.

Административное деление Суринама

Колониальные власти впервые упорядочили административное деление страны в 1834 году, когда были образованы 8 дивизионов и 2 округа. Только в 1980 году границы административных единиц были пересмотрены, причем, при первоочередной задаче улучшения функционирования интересы коренных жителей (индейцев и приравненных к ним маронов) не должны были пострадать. В результате на данный момент Суринам разделяется на 10 округов, а внутри округов расположены 62 коммуны.

Таблица 1. Административное деление Суринама [9, pp. 12–13]

Округ	Столица	Дата основания	Топонимы
Парамарибо	Парамарибо	1667	«Цветочный город», «город

			друзей», «город радуги», «жители большой воды»
Маровейне	Альбина	1894	Маровейн – от названия реки Альбина. Названа в честь Альбины Жозефины Лизенмайер, которая была невестой немецкого естествоиспытателя Августа Кеплера, прожившего в Суринаме свыше 40 лет.
Коммевейне	Нъив-Амстердам	1907	Нъив-Амстердам назван в честь голландского Амстердама.
Ваника	Лелидорп	1980	Лелидорп назван в честь голландского инженера Корнелиса Лели.
Сарамакка	Гронинген	1790	Сарамакка – название одного из маронских племен Гронинген (от названия одного из городов Нидерландов).
Корони	Тотнесс	1842	Корони названа в честь одноименной реки
Никкери	Нъив-Никкери	1879	Никкери в переводе с местных языков означает «щедрый».
Пара	Онвервахт	1968	Пара названа в честь одноименной реки.
Брокопондо	Брокопондо	1958	Пондо – название понтона на реке.
Сипаливини	отсутствует	1980	Сипаливини – название одного из индейских поселений.

Говоря об истории Суринама, нельзя не отметить, что на протяжении XVII – XIX вв. в стране сливались самые разные потоки: африканские рабы, завозившиеся для работ на плантациях, европейские переселенцы (англичане, шотландцы, голландцы, немцы, то есть преимущественно относящиеся к германоязычной языковой группе), мароны и индейцы в качестве местных аборигенов. Таким образом, географические названия Суринама обусловлены целым рядом исторических, политических и социально-экономических

факторов. В то же время в этом ряду есть и заметные исключения. Так, практически все гидронимы страны происходят от наименований индейцев.

Таблица 2. Происхождение названий рек Суринама

Название реки	Происхождение названия
Маровейне	Впервые в 1675 году; индейцы часто использовали суффикс <i>-вине</i> при наименовании речных бассейнов.
Коммевейне	Впервые в 1678 году; индейцы первоначально использовали «Коммевине».
Коттика	Впервые в 1671 году; в переводе с местных языков означает «пересечь реку».
Суринам	Впервые в 1775 году; на картах конца XVII века значилась как Рио-Соронама.
Сарамакка	Впервые в 1770 году; так называлось одно из индейских племен.
Корантайн	На карте 1728 г. пишется, как Курантин
Никкери	Впервые в 1779 году; в переводе с местных языков означает «щедрый».

С момента приобретения независимости суринамское общество претерпело серьезные перемены. Длительное время статус креолов был выше, чем индосуринамцев или яванцев, а тем более индейцев и маронов. Еще в 1867 году среди суринамских студентов 65% являлись креолами, 14% – индийцами и лишь 1% – яванцами [5, р. 8]. И хотя в 1970–1980-е гг. многие опасались креольского национализма, но, как справедливо отмечает М. Шалквейк, «многонациональное общество не распалось» [6]. Более того, сегодня можно говорить о становлении суринамского общества в подлинном смысле этого слова. Расширение межкультурных связей и этнических браков способствует консолидации страны, а географические названия выступают в качестве коллективного прошлого.

Список литературы

1. *Alphen van G.* Suriname in een onbekend journal van 1693 // *New West Indian Guide*. 1962. V. 42. № 1. Blz. 303-313.
2. *Bies R. de.* Engels als tweede taal in Suriname // *Academic Journal of Suriname*. 2010. № 1. P. 20-27.

3. *Bies R. de.* Het Nederlands in Suriname // Vlaanderen. Kunsttijdschrift. Jaargang 46. 1997. № 264. P. 9 – 15.
4. *Jabini F.* Christianity and slavery in Suriname // Academic Journal of Suriname. 2010. № 1. P. 104 – 112.
5. *Janssen R.* In search of a path. An analysis of the foreign policy of Suriname from 1975 to 1991 (Caribbean Series 27). Leiden KITLV Press, 2011. 348 p.
6. *Marten Schalkwijk.* (Surinaams hoogleraar) 'Etnische propaganda is de gemakkelijkste propaganda' [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sampol.be/2011/05/etnische-propaganda-is-de-gemakkelijkste-propaganda> (дата обращения: 20.02.2023).
7. *Nassy D.* Geschiedenis der kolonie van Suriname. S. Emmering. Amsterdam 1974. [Электронный ресурс]. URL: https://www.dbnl.org/tekst/nass008gesc01_01/colofon.php (дата обращения: 07.02.2022).
8. *Parker M.* Willoughbyland: England's Lost Colony. New York: St. Martin's Press, 2017. 304 p.
9. *Raghoobar H.* Other Toponymic Issue`s. Historical dimension of place names in Suriname. Etymological relationship place names in Suriname with equivalent place names in other countries . United Nations Group of Experts on Geographical Names. Twenty-ninth session Bangkok, 25 – 29 April 2016 Working Paper No. 15/18. 25 p.
10. *Rens L.* An analysis of Annals: relating to early Jewish settlement in Surinam // Vox Guyanae . 1954, Vol. 1. № 1. P. 19-38.
11. *Vernooij J.* Rooms katholieke kerk Suriname. Paramaribo: Westfort, 1974. 246 p.
12. *Voorhoeve J., Lichtveld U.M.* Creole drum. An Anthology of Creole Literature in Surinam. London: Yale University Press, 1975. P. 4 [Электронный ресурс]. URL: https://www.dbnl.org/tekst/voor007creo01_01/index.php (дата обращения: 07.02.2023).
13. *Vrije Stem:* onafhankelijk weekblad voor Suriname. 1975. 2. VI.

14. Уксуников П.Б., Шангараев Р.Н. Влияние "центров силы" на региональную безопасность на примере консолидации интеграционных группировок атиноамериканского региона // Дипломатическая служба. 2017. № 2. С. 50-57

15. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Перспективы сотрудничества России со странами Латинской Америки // Russian Journal of Management. 2019. Т. 7. № 2. С. 26-30.

16. Compendio Económico, Político Y Jurídico: Una Visión De Rusia Hacia Latinoamérica. Troyanski M., Danelyan A., Karpóvich O., Shangaraev R., Gulyaeva E. Academia Diplomática del MAE de Rusia. Moscú, 2022.

Ногмова Аделина Шафиковна,
кандидат политических наук, доцент
Дипломатическая академия МИД России,
adelinamid@mail.ru
Adelina Sh. Nogmova,
Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation,
adelinamid@mail.ru

Воробьев Сергей Сергеевич,
аспирант, Дипломатическая академия МИД,
4036235@gmail.com
Sergey S. Vorobyov,
postgraduate student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation,
4036235@gmail.com

**ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ НА СОСТОЯНИЕ
СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И АРМЕНИИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТЫ**

**INFLUENCE OF NATIONAL INTERESTS ON THE STATE OF
COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND ARMENIA:
HISTORICAL AND MODERN ASPECTS**

Аннотация: в статье представлено авторское видение эволюции становления и развития российско-армянского сотрудничества в контексте влияния внешних факторов. Предложены авторские оценки противоречивости и нестабильности взаимодействия России и Армении в различных сферах в течение досоветского, советского и постсоветского периодов. Сделаны выводы о влиянии национальных интересов стран на стабильность российско-армянского взаимодействия.

Ключевые слова: российско-армянские отношения, Нагорный Карабах, Южный Кавказ.

Abstract: the article presents the author's vision of the evolution of the formation and development of Russian-Armenian cooperation in the context of the influence of external factors. The author's assessments of the inconsistency and instability of the interaction between Russia and Armenia in various fields during

the pre-Soviet, Soviet and post-Soviet periods are proposed. Conclusions are drawn about the influence of the national interests of countries on the stability of Russian-Armenian interaction.

Key words: Russian-Armenian relations, Nagorno-Karabakh, South Caucasus.

Историческая основа формирования российско-армянских отношений

В международных отношениях традиционным является процесс формирования союзнических отношений, как между отдельными государствами, так и группами государств. На этот процесс, неизменно, накладывает отпечаток целый ряд факторов, среди которых историческая, национальная, духовная, религиозная и культурная близость народов, в большинстве своем населяющих такие страны.

В период современной кризисной трансформации системы международного взаимодействия как никогда значимым является сохранение устойчивого взаимодействия между субъектами международных отношений.

В качестве такого примера следует указать на отношения Российской Федерации и Республики Армения, которые определены как имеющие «привилегированный характер» [2]. Исторической основой этого взаимодействия следует считать контакты между Петром I и Исраэлом Ори – видным деятелем армянского национально-освободительного движения в начале XVIII века.

Субрегион Южного Кавказа всегда был в центре внимания России как по географическому положению, так и по историческим причинам. Начало оформления взаимоотношений России и Армении в историческом плане традиционно датируется самым началом первой половины XIX века, когда в состав Российской империи были включены исконные восточно-армянские области Лори и Ширак – Картли-Кахетинское царство и несколько султанатов,

являвшихся частями Грузинской губернии, где была введена русская военная администрация [16, с.23].

В 1828 году по Туркманчайскому мирному договору, после русско-персидской войны, к Российской империи перешло еще несколько армянских земель, которые и образовали Армянскую область с центром в Эриване. Одним из результатов русско-турецкой войны 1877–1878 гг. было присоединение к России определенной части Западной Армении. С учетом того, что на протяжении многих веков продолжались гонения армянского народа со стороны турок, его притеснение, часто сегрегация, российское царское правительство организовало возвращение армян из Ирана, их переселение из других регионов империи. Были созданы школы, библиотеки, появились армянские газеты.

В результате противостояния с Османской империей, в течение Первой мировой войны российские войска овладели большей частью Западной Армении, взяв под свою защиту армянский народ.

Создание после Революции 1917 года Закавказской Демократической Федеративной Республики и ее дальнейший распад привели к тому, что в конце мая 1918 года была создана Республика Армения [11, с. 349]. 3 февраля 1922 года была принята первая Конституция Армянской ССР. В соответствии с ней высшим органом государственной власти республики стал Съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В последующие 15 лет существования первой Конституции АССР было созвано 8 Всеармянских съездов Советов. ЦИК, будучи подотчетным Съезду, осуществлял свои полномочия между работой съездов. 12 марта того же года между Азербайджаном, Грузией и Арменией был заключен договор, закреплявший образование Федеративного Союза Социалистических Советских Республик Закавказья, который 13 декабря 1922 года был преобразован в Закавказскую СФСР. В этой федерации Армения де-юре сохранила свою независимость. 30 декабря ЗСФСР была включена в состав

Союза ССР. И только с декабря 1936 года Армения стала полноправной союзной республикой – частью СССР.

23 марта 1937 года Всеармянский Чрезвычайный IX съезд Советов утвердил новую Конституцию АССР, приняв постановление о праве вхождения АССР в состав СССР. Это произошло одновременно с упразднением Закавказской Федерации. Новая Конституция привнесла изменения в организацию органов государственной власти республики. Высшим органом государственной власти был провозглашен Верховный Совет. Конституция АССР в основном содержала базовые положения Конституции СССР 1936 года и провозглашала равенство всех граждан, неприкосновенность имущества и жилища и т.д. Очередная (третья) Конституция АССР была принята в 1978 году и содержала основные положения, повторяющие нормы общесоюзного государственного (конституционного) права [1].

Проблемы становления российско-армянского межгосударственного взаимодействия

Современные Россия и Армения прошли сложный путь становления своей самостоятельности, определения места в международной среде. Распад Советского Союза повлиял на новую геополитическую расстановку сил на Кавказе, ставшем одним из тех мест, где столкнулись интересы крупных мировых игроков – конкретных стран, мощных корпораций и значимых военно-политических организаций.

Становление суверенной Армении началось с принятия на первой сессии Верховного Совета Армянской ССР 23 августа 1990 года «Декларации о независимости Армении» [3], переименования в Республику Армения, отказа от выполнения положений Конституции СССР. В определенной степени свое отношение к СССР и России новые власти Армении выразили отказом от проведения в марте 1991 года референдума о позиции Армении в качестве составной части Союза, но в сентябре, после агрессивной информационной кампании, поддержанной западным сообществом стран,

провели референдум о выходе из Советского Союза. После ожидаемого положительного ответа граждан в высшем законодательном органе страны 23 сентября 1991 года была утверждена «Декларация о государственной независимости Армении» [9]. Начался отсчет формирования и развития нового государства.

Российская Федерация, провозгласив себя наследницей Советского Союза, взяла на себя всю ответственность за создание новой системы взаимоотношений с постсоветскими республиками. При этом такие отношения не всегда можно было охарактеризовать как дружественные. Эти отношения, как показало время, отразились в том числе и на российско-армянских отношениях и, как следствие, оказали влияние не только на региональную, но и на всю мировую политику, а также стабильность и безопасность на Южном Кавказе.

Становление новой геополитической реальности в начале 90-х гг. XX века было сопряжено с обострением очагов напряженности, тлевших в последние годы или существовавших на протяжении многих лет, но находившихся в «холодной» стадии. Появились и зоны новых конфликтов, которые во взаимоотношениях Армении и Азербайджана в Нагорном Карабахе приобрели форму открытого противостояния [17, с. 99–103]. Обострились территориальные претензии и в других новых независимых государствах, порожденные имперским российским и советским наследием, что подогревалось волной гражданских и политических выступлений.

Карабахский вопрос в период существования СССР был заморожен, однако он подспудно всегда стоял на повестке дня. Еще до распада СССР постоянно возникали конфликтные ситуации, которые погашались волевым решением партийного руководства страны. Но практически сразу после распада Союза Армения и Азербайджан оказались в эпицентре территориальной войны на уже межгосударственном уровне.

Формирование российско-армянского взаимодействия по проблемам обороны и безопасности

Для Армении важным элементом суверенитета и обеспечения безопасности стало создание собственных вооруженных сил. В 1991 году был учрежден государственный комитет по обороне при Правительстве Республики Армения.

28 января 1992 года было принято постановление «О Министерстве обороны Республики Армения», ставшее основным документом при создании регулярных войск. Параллельно начала функционировать Армия обороны Нагорно-Карабахской Республики, основой которой стали добровольческие формирования обороны. Кадры для армии были подготовлены еще в советских военных вузах, но в 1998 году в Армении был создан военный институт. Военная доктрина Армении нашла отражение в «Основах военной политики Республики Армения: военно-политический аспект национальной безопасности» [6]. При этом предусматривалось формирование армии по советскому образцу, но уже с учетом западноевропейского опыта. Было также обозначено сотрудничество по военно-оборонному аспекту деятельности со многими странами. Усиленное военно-техническое взаимодействие с Россией в начале второго десятилетия XXI века вывело вооруженные силы республики на новый уровень, отразившийся также в миротворческом участии. Приняв за основу политику взаимодополнения, Армения получала от Российской Федерации технику, а деньги на ее покупку – от Соединенных Штатов, топливо для армии – из Ирана, продовольствие – из Турции.

Активным и плодотворным было разноплановое сотрудничество по безопасности России и Армении в рамках СНГ. Организация, задуманная как содружество восточнославянских государств [13], закономерно пополнилась большинством бывших союзных республик, которые понимали, что многие проблемы их стран могут быть решены при условии сохранения и развития взаимодействия молодых постсоветских государств. О причинах создания, становлении СНГ, его современной истории, соответственно, взаимодействии России и Армении в рамках этого объединения много написано [5]. Исследователи отмечают внешне благоприятный, однако наполненный

подводными камнями процесс сотрудничества двух стран, указывая на различия в понимании многих вопросов как внутренней, так и внешней политики.

В процессе формирования и функционирования СНГ лидеры России и Армении часто встречались, с целью координации действий вначале по отделению из прежнего государства, разделу общей собственности, в том числе распределению золотого запаса, централизованному руководству над ядерными силами, возможности сохранения единого военного, экономического, транспортного, финансового, таможенного и др. пространств, нивелированию или сглаживанию противоречий и территориальных, этнических конфликтов, а затем по проблемам интенсификации интеграционных процессов, созданию единой коллективной безопасности, экономическому, таможенному и других союзов.

Россия и Армения прошли нелегкие этапы становления стратегического партнерства. Так, в 1991–1993 гг., в период оформления независимости, страны находились на некотором отдалении друг от друга, осторожно наблюдая за происходящими процессами, порой вступая в конфликты (в основном они касались передела материального наследия бывшего СССР). Следующие два года ознаменовались некоторой стабилизацией отношений, в том числе в связи с декларацией совместных проектов в рамках СНГ. Последние годы XX века для обоих государств стали периодом равных деловых и конструктивных отношений, связанных с построением стабильных дипломатических отношений, межгосударственных встреч, подписанием основополагающих документов о дальнейшем взаимодействии. Смена руководства России, изменение вектора ее внешней политики отразились и на взаимоотношениях с Арменией, часто вызывая непонимание или недопонимание сторон.

Однако провозглашенное в начале 2000-х гг. Министерством иностранных дел России положение о том, что безопасность южных рубежей Федерации зависит от политической направленности руководства

южнокавказских государств, на долгие годы определило взаимоотношения России и Армении. Союзническое сотрудничество подкрепляли многочисленные встречи представителей руководства стран, в том числе на высшем уровне, на различных политических и экономических площадках, подписанные документы, включая программы экономического сотрудничества, декларацию о союзническом взаимодействии и др.

XXI век для России и Армении стал периодом не только формирования, но и действенного построения стратегического партнерства с четко провозглашенными целями, поставленными задачами и определенными планами, что основано на интересах двух стран как в развитии государств, так и в аспектах безопасности.

Сотрудничество между Российской Федерацией и Республикой Армения развивается в различных отраслях экономики, науки, культуры. Исследователи отмечают повышение уровня взаимодействия между двумя странами [7]. Немаловажное значение имеет совместная деятельность в военно-оборонной и военно-технической сферах, как на двусторонней основе, так и рамках ОДКБ [10, с.29–39]. Переговорный процесс по военному сотрудничеству между Россией и Арменией ведется с 1991 года. В рамках двустороннего военного сотрудничества подписано около 30 межгосударственных, межведомственных договоров и соглашений [7].

Главным подтверждением военного сотрудничества двух государств в течение постсоветского периода является нахождение на территории Армении 102-й российской военной базы. Подразделения базы дислоцированы в городах Гюмри и Ереване. 16 марта 1995 года в Москве президентами России и Армении был подписан Договор о российской военной базе на территории Республики Армения, предназначенной обеспечить совместно с Вооруженными Силами Республики Армения безопасность Республики Армения по внешней границе бывшего Союза ССР. С 1 июля 2001 года 102-я военная база вошла в состав Объединенной группировки войск (сил) Вооруженных Сил Российской Федерации и Республики Армения [18]. В

августе 2010 года в ходе визита президента России в Армению был подписан Протокол о внесении изменений в Договор о российской военной базе на территории Армении, сутью которых было продление действия договора с 25 до 49 лет.

С 2017 года российская 102-я ордена Александра Невского военная база комплектуется только контрактниками и продолжает выполнять задачу по защите южных рубежей России во взаимодействии с Вооруженными Силами Республики Армения [18].

К приоритетным направлениям взаимодействия России с Арменией в военной сфере относятся также проведение совместных учений, подготовка военных специалистов в российских военно-учебных заведениях [8]. В рамках военно-технического сотрудничества с РФ для Армении одним из главных направлений является взаимодействие в сфере противовоздушной обороны (ПВО). Это обусловлено наличием потенциально серьезной угрозы со стороны ВВС Турции, противостоять которым система ПВО Армении с сегодняшним количественным и качественным уровнем оснащенности, без российской помощи не в состоянии. Важное значение имеет совмещение автоматизированных систем управления (АСУ) и командных пунктов (КП) войск ПВО и ВВС Армении с аналогичными российскими, в частности Северо-Кавказского военного округа (СКВО). Совместное боевое дежурство сил ПВО, а также авиации России и Армении началось с 15 апреля 1999 года.

При осложнении ситуации в регионе эта группировка может быть усилена за счет войск ПВО России и развертывания дополнительных сил и средств ПВО Армении. 3 октября 2001 года на российской военной базе силы и средства ПВО России и Армении заступили на постоянное боевое дежурство. Они включают войска ПВО Армении, авиационную группу и зенитно-ракетный полк российской военной базы и считаются важным компонентом Объединенной системы ПВО СНГ, созданной в 1995 году. Совместное боевое дежурство носит исключительно оборонительный характер [7]. Исследователи отмечают расширение сотрудничества

Рособоронэкспорта и Министерства обороны Республики Армения. Например, в 2019 году в рамках этого сотрудничества был заключен контракт на покупку автоматов АК-12, истребителей Су-30СМ [19].

Несомненным качественным показателем сформировавшегося стратегического взаимодействия с Республикой Армения являются роль и действия России в урегулировании карабахского конфликта. Оценивая национальный интерес России к вопросу налаживания армяно-азербайджанских отношений относительно Нагорного Карабаха, следует акцентировать внимание на том, что и Россия, и Азербайджан, и Армения заинтересованы в стабильности в Кавказском регионе, где находятся семь республик – субъектов Российской Федерации. И если Армения – единственная страна Закавказья, входящая в ОДКБ, то Азербайджан оценивается Россией как важный субъект в контексте общей евразийской политики, участвуя в которой, формально придерживается позиции дистанцирования от нее. При этом Азербайджан решает двуединую задачу в нагорно-карабахском противоборстве: борьба с сепаратизмом и противостояние с Арменией, поддерживаемой, в том числе, и Западом по вопросам урегулирования ситуации вокруг Нагорного Карабаха. При этом не следует забывать, что Баку оказывает активную поддержку Турции.

Элиты Азербайджана и Армении научились за весь постсоветский период использовать инструментально нагорно-карабахский фактор в интересах укрепления своей власти. России, благодаря усилиям отечественной дипломатии, в этой ситуации удастся сохранить разновекторную кооперацию по проблеме Нагорного Карабаха как с западными государствами, так и с Турцией, и Ираном [14].

Экономическое сотрудничество между Россией и Арменией проходит на уровне двусторонних отношений и в рамках СНГ, ЕАЭС, Таможенного союза. В качестве основных задач многочисленных соглашений между Россией и Арменией декларированы расширение взаимодействия между хозяйствующими субъектами двух стран, достижение сторонами прогресса в

экономической сфере и стремление к увеличению взаимного товарооборота. Особое внимание уделялось развитию армяно-российского сотрудничества в сфере финансов, созданию совместных предприятий, регулированию их ценовой политики, поощрению и защите инвестиций [4, с. 94]. Увеличивается товарооборот: в 2018 году он составил 1,97 млрд долларов, за 6 месяцев 2019 года – 1,14 млрд долларов. Российский кредит дает возможность «Росатому» продлить эксплуатацию Армянской АЭС. В двусторонней экономической деятельности двух стран задействованы почти все административно-территориальные единицы Армении и около 70 субъектов России. В Армении активную работу ведут РУСАЛ, РЖД, Газпром, ведущие банки Российской Федерации и т.д. В туристической области доля российских денег составляет 45% общего дохода от туризма в Армении.

Научная составляющая стратегического партнерства России и Армении включает космическую программу, функционирование российской системы ГЛОНАСС, обмен учеными и студентами, проведение симпозиумов, конференций, круглых столов и др. Значительные успехи в развитии стратегических двусторонних отношений фиксируются в культурно-гуманитарной сфере.

Важные и актуальные вопросы двустороннего сотрудничества и многостороннего взаимодействия в рамках СНГ, ЕАЭС, ОДКБ дают основание говорить об относительно устойчивом развитии отношений и многообещающих союзнических стратегических перспективах.

События «бархатной народной революции», произошедшие в Армении весной 2018 года, в результате которых к власти в Армении пришла молодая команда во главе с Николом Пашиняном, стали серьезным испытанием на прочность для российско-армянских отношений и перспектив дальнейшего развития интеграции между двумя странами. Еще в ходе массовых митингов Н. Пашинян неоднократно заявлял, что процесс смены власти не имеет внешнеполитической окраски и не направлен против какого-либо глобального центра. Новый лидер Армении постоянно повторял, что Ереван продолжит

активно развивать союзнические и стратегические отношения с Москвой, а сам он настроен вывести эти отношения на качественно новый уровень.

И перед Россией, и перед Арменией стояла и стоит задача наиболее полного взаимопонимания и взаимодействия, в том числе в вопросах безопасности.

Заключение

Формирование взаимоотношений между Россией и Арменией прошло долгий, сложный, неоднозначный, порой полный противоречий, недопонимания, иногда двустороннего неприятия период. За века и годы взаимодействия политика России и Армении претерпела заметную эволюцию – от полной или частичной зависимости до взаимовыгодных равноправных отношений двух субъектов мирового процесса. Налаживание устойчивых позитивных взаимоотношений в целях обеспечения приоритетных военно-политических и экономических интересов объявлено в числе главных составляющих содержания российской и армянской внешней политики. Действия, направленные на их подрыв, определены в качестве основных политических угроз и вызовов безопасности государств.

В современных исторической и политической науках все больший исследовательский интерес получают понятия «безопасность», «национальная безопасность», «государственная безопасность», «региональная безопасность», что связано с ускорившимися геополитическими процессами, с каждым годом усложняющимися социальными, экономическими, финансовыми, экологическими, научно-техническими, военными, информационными факторами воздействия на человека, общество и государство. Эти процессы, явления, результаты действий дали толчок к трансформации, модификации, вариативности существующих угроз жизнедеятельности, что непосредственно отразилось на безопасности в различных сферах, регионах и исследуемых государствах.

Исходя из этого, современные подходы, обозначенные в Стратегиях национальной безопасности Российской Федерации и Республики Армения,

демонстрируют общие направления и приоритеты безопасности стран. Но Россия, в отличие от Армении, где на первом месте стоят задачи узконациональные, в процессе укрепления системы национальной безопасности решает вопросы более широкого масштаба с учетом, в том числе, и национальных интересов своего южнокавказского субъекта приоритетного взаимодействия – Армении.

Современный период российско-армянского сотрудничества в области безопасности и обороны характеризуется стабильностью и развитием по нарастающей. Сформированные сотрудничество отношения включают практически все сферы деятельности государства и общества. Несомненным показателем взаимопонимания, взаимодействия и взаимоуважения двух стран является активная посредническая роль Российской Федерации в урегулировании карабахского конфликта.

Конфликт в Нагорном Карабахе, как традиционно принято считать, в первую очередь является следствием межэтнических противоречий, затем переросших в противостояние двух государств. На современном этапе борьба за Карабах, с учетом турецкого влияния, стала приобретать и явную религиозную окраску [12, с. 40–51]. Борьба с мечетями в Армении, призывы радикальных исламистов Азербайджана объявить Армении джихад, декларации с обеих сторон о борьбе с иноверцами могли поставить оба государства в критическую ситуацию межрелигиозной войны. Только взвешенная позиция лидеров церквей, миротворческая миссия Русской православной церкви предотвратили этот процесс. Однако религиозная составляющая конфликта, хотя и находится в замороженном состоянии, может перейти в активную фазу.

Список источников и литературы

1. Конституция АССР 1978 г. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Конституции (Основные Законы)

Союзных Советских Социалистических Республик // М.: Известия. 1985. 31с.

Текст: непосредственный;

2. Совместное заявление премьер-министра Республики Армения Н.В. Пашиняна и президента Российской Федерации В.В. Путина. г. Москва, 19 апреля 2022 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2022/04/19/Announcement/> (дата обращения: 25.12.2022) Текст: электронный;

3. Декларация о независимости Армении [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gov.am/ru/independence/> (дата обращения: 25.12.2022) Текст: электронный;

4. *Аветисян А. О.* Российские прямые инвестиции в Армении // Журнал МИР. 2014. № 5. 3 с. Текст: непосредственный;

5. *Валестани И.* Проблемы интеграции и формирования региональной системы на постсоветском пространстве. М.: Эпикон, 2002. с. 265 Текст: непосредственный;

6. *Далакян Д.* Концептуальные взгляды политики обеспечения военной безопасности (на примере Республики Армения) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://geopolitika.am/dir/wp-content/blogs.dir/1/files/2011_1_20_32.pdf(дата обращения: 02.01.2023) Текст: электронный;

7. *Клымчак А.* Отношения между Республикой Армения и Российской Федерацией: региональные аспекты стратегического партнерства // дисс.... канд. полит. наук, 2004.156 с. Текст: непосредственный;

8. Министры обороны России и Армении подписали в Ереване план сотрудничества // РИА «Новости». 2019. 29 сент. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20191029/1560362174.html> (дата обращения: 21.10.2022) Текст: электронный;

9. *Муханов В.М.* Референдум на фоне войны: как Армения обрела независимость. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://mgimo.ru/about/news/experts/referendum-na-fone-voyny-kak-armeniya-obrela-nezavisimost/> (дата обращения: 25.12.2022) Текст: электронный ;

10. О проведении оперативно-тактического учения «Взаимодействие-2010» Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ // Новости ОДКБ. 2010. 9 авг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dkb.gov.ru/u-cooperation/a.htm> (дата обращения 02.12.2022) Текст: электронный;

11. *Петросян Г. А.* Отношения Республики Армения с Россией (1918—1920 гг.) / Ереван: Издательство ЕГУ, 2012. 423 с. Текст: непосредственный;

12. *Силантьев Р.* Религиозный фактор во внешнеполитических конфликтах на Кавказе. // Россия и мусульманский мир. 2008, № 7, 11 с. Текст: непосредственный;

13. *Султыгов М. И.* К вопросу создания Содружества Независимых Государств. // Юридическая Россия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1126873> (дата обращения 20.11.2022) Текст: электронный;

14. Россия в процессе нагорно-карабахского урегулирования. С. М. Маркедонов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/iblock/ebb/rossiya-v-processe-nagorno-karabahskogo-uregulirovaniya.pdf> (дата обращения 20.11.2022) Текст: электронный;

16. Русские в истории Армении. Семенов И.Я. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vksrs.com/upload/iblock/f35/f3576542d557c3ffe5d350a4337eb503.pdf>. 298 с. (дата обращения 2.01.2023) Текст: электронный;

16. *Bournoutian G. A.* The Politics of Demography: Misuse of Sources on the Armenian Population of Mountainous Karabakh // Journal of the Society for Armenian Studies, 1999. Vol. 9. P. 99—103 Текст: непосредственный;

17. *Laycock J.* Nagorno-Karabakh's Myth of Ancient Hatreds (англ.) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.historytoday.com (дата обращения 06.11.2022) Текст: электронный.

18. 102-ая Ордена Александра Невского Российская военная база: историческая справка // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gyumri.mid.ru/ru/sootechestvenniki/102_aya_rossiyskaya_voennaya_baza/ (дата обращения 2.01.2023) Текст: электронный;

19. Россия и Армения заключили контракт на поставку истребителей Су-30СМ // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c5220639a79470ef8e93d61> (дата обращения 2.01.2023) Текст: электронный.

ЛАБОРАТОРИЯ АНАЛИТИКИ ИАМП ДА МИД РОССИИ

Лаборатория аналитики ИАМП представляет читателям журнала «Вестник ученых-международников» четыре лучшие работы участников проекта по теме «Единая цифровая валюта».

Андрюхин Владислав Юрьевич,
аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова,
vlad.andriukhin@gmail.com
Vladislav Y. Andriukhin,
postgraduate student,
Moscow State University 'M.V. Lomonosov'
vlad.andriukhin@gmail.com

ЕДИНАЯ ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ A SINGLE DIGITAL CURRENCY: OPPORTUNITIES AND RISKS

Аннотация: развитие общества требует удовлетворения растущих потребностей в производстве материальных благ. Сбалансированная экономическая система призвана обеспечить эффективное производство, распределение, обмен и потребление общественного продукта. Деньги же являются основным инструментом при запуске цепочек поставок, преобразующих сырьевые ресурсы, информацию и человеческий труд в конечный продукт. По мере развития общества и технологий инструмент денег менял форму своего воплощения, более результативно решая стоящие перед обществом задачи. Важно определить перспективы текущего тренда по созданию национальных цифровых валют, выявить основные риски и возможности в данной области.

Ключевые слова: цифровая валюта, преимущества, риски, функции денег, домохозяйства, бизнес, государство.

Abstract: the development of society requires the satisfaction of growing needs in the production of material goods. A balanced economic system is designed to ensure efficient production, distribution, exchange and consumption of the public product. Money is the main tool in launching supply chains that transform raw

materials, information and human labor into the end product. With the development of society and technology, the instrument of money changed the form of its embodiment, more effectively solving the problems faced by the society. It is important to determine the prospects for the current trend in the creation of national digital currencies, to identify the main risks and opportunities in this area.

Key words: digital currency, benefits, risks, functions of money, households, business, government.

Проблема денег как элемента экономической системы

Идея создания цифровых валют национальных банков (ЦВНБ), или Central Bank Digital Currency (CBDC), – логический шаг на пути трансформации денег как инструмента обеспечения производственных отношений в обществе [3, с. 2]. Развитие общества ассоциировалось со сменой базовых форм денежного обращения – товарные, обеспеченные и символические деньги [8]. При этом инструмент денег призван исполнять ряд базовых функций: средство платежа, мера стоимости, средство обращения, средство накопления и мировые деньги [3, с. 5]. В современном мире существует две формы национальных валют, исполняющих функции символических денег, – наличные и безналичные деньги [7, с. 1]. При оценке перспектив цифровой валюты как нового инструмента денежного обращения следует понять, насколько эффективно данный инструмент обеспечит выполнение ключевых функций денег в сравнении с текущими альтернативами.

Следует, однако, помнить, что деньги являются лишь инструментом воплощения существующей модели производственных отношений в обществе. При изучении общественных отношений в сфере денежного обращения важно выделить основных акторов общества – заинтересованные стороны, которые могут повлиять на процесс развития новых форм денег и будут зависимы от существующей модели денежного обращения. Учитывая глобальный характер современной экономики, вопрос о создании цифровых

валют следует изучить с позиции интересов ключевых акторов на национальном и наднациональном (региональном и глобальном) уровнях.

Методология исследования и ключевые гипотезы

При исследовании вопроса о перспективах введения цифровых валют автор опирался на теоретический конструкт, описывающий основные функции денег, а также на теорию заинтересованных сторон. Анализ идеи цифровой валюты с позиции основных функций денег должен показать, насколько переход к новой форме денег целесообразен на современном этапе общественного развития. Теория заинтересованных сторон поможет выделить ключевых акторов, вовлеченных в процесс внедрения цифровых валют, а также проанализировать вызовы и возможности для каждого из них [2, с. 10].

Основной метод анализа собранных данных в работе – SWOT-анализ. Этот метод позволил разбить основные характеристики цифровой валюты как возможного инструмента организации денежного обращения по соответствующим категориям. Автор также разделил ключевые характеристики по подгруппам в зависимости от интересов вовлеченных акторов. Такой подход позволил не только оценить перспективы и риски внедрения цифровых валют, но и определить степень готовности отдельных заинтересованных сторон принять предлагаемые изменения.

При решении выбранной проблемы автор опирался на ряд гипотез:

H1: Совокупные преимущества и возможности от внедрения цифровых валют для ключевых акторов превзойдут совокупные недостатки и риски, что будет способствовать внедрению цифровых валют в различных странах и на международном уровне.

H2: Совокупные недостатки и риски от внедрения цифровых валют для ключевых акторов превзойдут совокупные преимущества и возможности, что будет препятствовать внедрению цифровых валют в различных странах и на международном уровне.

SWOT-анализ с позиций заинтересованных сторон

Для целей SWOT-анализа с применением теории заинтересованных сторон важно определить основных акторов, включенных в процесс внедрения цифровых валют на национальном и наднациональном уровнях. Автор опирался на следующий перечень заинтересованных сторон: домохозяйства, национальный бизнес и транснациональные корпорации (далее – Бизнес), коммерческие банки (далее – Банки), государство (включая центральные банки и министерства финансов стран), международные финансовые институты (МФИ) (включая Банк международных расчетов, Международный валютный фонд и Всемирный банк). Указанных акторов традиционно выделяют при анализе международной валютной системы [1, с. 6].

Результаты SWOT-анализа указанной проблемы приведены в Таблице 1. Параметры возможного внедрения цифровых валют на национальном и наднациональном уровнях сгруппированы по разделам. Также для каждого параметра графически указан перечень акторов, заинтересованных в его реализации (в случае преимуществ и возможностей) или предотвращении возникновения (в случае недостатков и рисков).

Показатели SWOT-анализа указывают, что цифровые деньги могут эффективно выполнять ключевые функции денег в будущем. ЦВНБ предоставляют новые возможности для безопасного накопления стоимости, защищая данные пользователей с помощью уникальных методов шифрования [4, с. 32]. Также цифровая валюта может обеспечить снижение транзакционных издержек, повышая производительность труда в большинстве секторов современной экономики [4, с. 32]. Заинтересованность большинства акторов в понижении расходов на транзакции может стать главным средством для активного перехода на ЦВНБ.

Инструмент ЦВНБ также приносит выгоду для развития инноваций и повышения прозрачности инвестиций. Реализация смарт-контрактов посредством цифровой валюты будет способствовать активному внедрению инноваций и реализации инвестиционных проектов [5, с. 265]. Становятся возможными обеление теневых секторов экономики, преодоление

нежелательной анонимности при финансовых операциях, а также снижение зависимости от внешних финансовых потоков и более эффективная валютная интеграция [9]. ЦВНБ обеспечивают более эффективный мониторинг транзакций для исключения нецелевого использования средств.

Применение ЦВНБ может также повысить уровень взаимного доверия между экономическими акторами, снижая временные затраты на согласование условий контрактов. Данное обстоятельство особенно значимо для привлечения консервативной части населения, которое проявляет мало доверия к новым формам денег. В целом проблема недостатка доверия между различными экономическими акторами в России остается крайне актуальной [10, с. 1244]. Устранение существующих противоречий и создание эффективного механизма обмена стоимостями через внедрение в России ЦВНБ – перспективный путь развития национальной экономики.

Следует, однако, адекватно оценить выгоды и угрозы от решения о внедрении в России ЦВНБ. При успешной реализации данной инициативы возникнет дополнительная область ответственности для органов госрегулирования в финансовой сфере. Существует угроза отставания практики госрегулирования в данной сфере от ведущих мировых трендов, что также может влиять на окупаемость проекта [6]. Согласно выводам актуального доклада Банка России по данному вопросу, для успешного внедрения ЦВНБ потребуется пересмотр полномочий Банка в сфере организации денежного обращения на основе цифрового рубля, четкое определение правового статуса цифрового рубля, коррекция налогового и бюджетного законодательства [7, с. 28]. На пути преобразования системы госрегулирования могут возникнуть значимые препятствия, обусловленные правовыми и политическими рисками для отдельных акторов.

Проблемы роста киберугроз, реализации офлайн-формата цифровой валюты, а также децентрализации финансовой системы остаются нерешенными [7, с. 30]. Успех при внедрении в России ЦВНБ будет зависеть

от возможностей по расширенному производству российского аппаратного обеспечения.

Необходимо не только снабдить экономических акторов в России достаточным объемом аппаратных средств для обслуживания ЦВНБ, но и гарантировать достаточный уровень технологического суверенитета в данной сфере. Недостаточный уровень аппаратного обеспечения и зависимость от иностранных поставщиков могут поставить финансовую систему страны в критическое положение, лишая государства суверенитета в области денежно-кредитной политики.

Наконец, государства могут использовать ресурс привлекательной цифровой валюты для навязывания собственных интересов финансовым акторам в других странах [9]. Государства вынуждены создавать собственные цифровые валюты не только как средство повышения эффективности денежного обращения, но и как основу сохранения суверенитета собственной денежно-кредитной политики. В случае успеха при создании ЦВНБ неизбежно активное вовлечение в новый формат осуществления финансовых операций большего числа международных акторов. Вопрос о создании и внедрении ЦВНБ в России становится значимой проблемой национальной и экономической безопасности государства.

Создание столь сложного инструмента обеспечения финансовых операций сопряжено с усилением роли государственного регулирования. Реализация идеи цифровой валюты ведет к концентрации средств регулирования денежного обращения в руках Центрального банка и ряда других государственных институтов. С одной стороны, такое решение способствует повышению эффективности монетарной и макроэкономической политики. Однако такой подход также создает более сложную систему регулирования денежных потоков, которая также более уязвима к внешним рискам в силу высокой централизации функций.

Устранение возможностей для эффективной децентрализации финансовой системы может снизить потенциал развития экономики в целом.

Важно не только включить наибольшее число вовлеченных акторов в процесс выработки концепции цифровой валюты, но и обеспечить технологическую и аппаратную автономность системы, а также выстроить долгосрочную стратегию реформирования денежно-кредитной политики государства на основе инструмента цифровой валюты. Различным экономическим акторам в России предстоит найти эффективный баланс между сохранением свободы экономической деятельности и регулированием финансовых операций. Только в таком случае станут возможными преодоление вызовов и реализация возможностей, подчеркнутых в Таблице 1.

Перспективы цифровой валюты и рекомендации

Для оценки ранее представленных гипотез автор подсчитал общее количество акторов, заинтересованных в реализации или предотвращении возникновения каждого из параметров модели SWOT-анализа. Этот упрощенный подход позволил количественно оценить каждую из гипотез и сделать обоснованный вывод о перспективах внедрения цифровой валюты в современном мире. В случае если большее число акторов заинтересовано в реализации преимуществ и возможностей, создаваемых цифровыми валютами, нежели в предотвращении угроз и рисков, вероятность успешной реализации данной инициативы можно считать возрастающей.

Предлагаемый подход является критическим упрощением, что не позволяет построить надежный прогноз. Для надежного прогноза вероятности успешного внедрения цифровых валют в различных странах следует определить взвешенные оценки значимости каждого из параметров в SWOT-модели, а также взвешенные оценки влияния каждого из приведенных акторов на процесс принятия решений. Основой для составления системы взвешенных оценок может служить анализ экспертных мнений по ключевой проблеме исследования. Сопоставление таких взвешенных оценок позволит с большей надежностью предсказать перспективы внедрения цифровой валюты.

Сопоставив общее число акторов, заинтересованных в реализации или исключении каждого из параметров модели SWOT-анализа, удалось

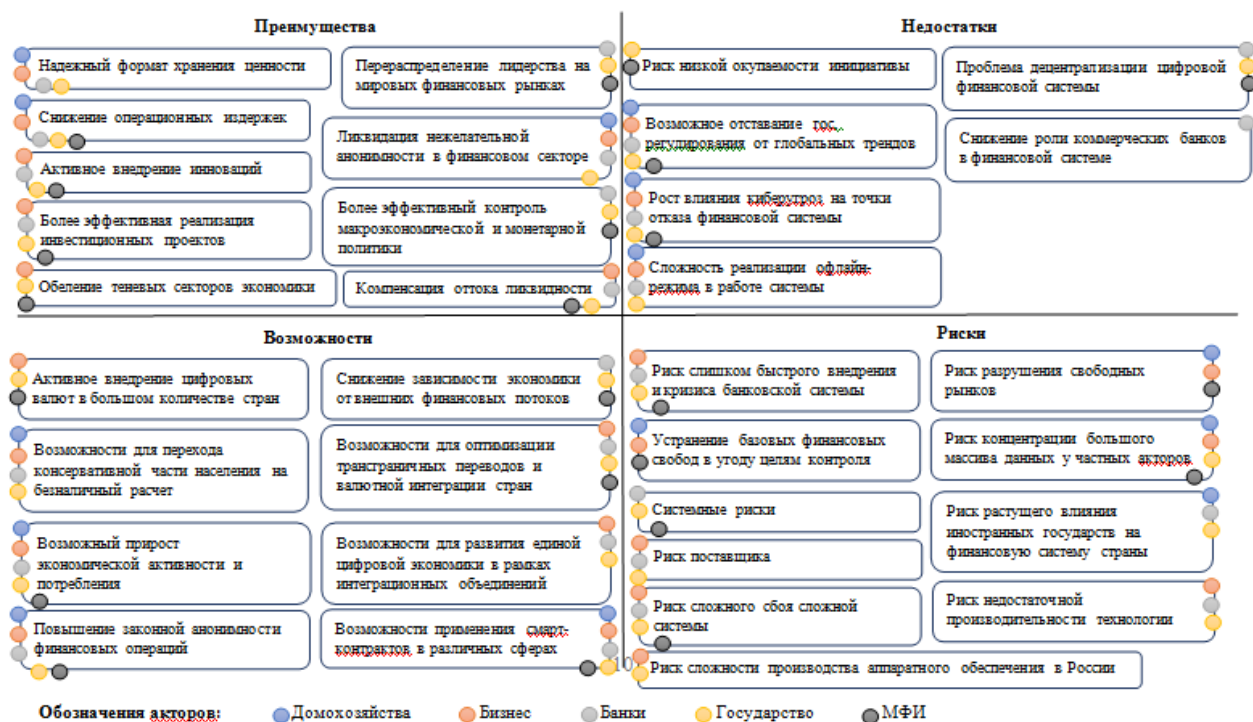
определить следующие показатели удельного веса каждой из групп параметров: преимущества – 34 пункта; недостатки – 20 пунктов; возможности – 32 пункта; риски – 32 пункта. На основе полученных данных можно принять первую гипотезу исследования и отказаться от второй гипотезы. Можно предположить, что совокупные преимущества от внедрения цифровой валюты для ключевых акторов будут намного более значимы в сравнении с недостатками и рисками, что будет способствовать успешной реализации новой технологии в сфере денежного обращения.

Для внедрения цифровой валюты требуется устранение наиболее значимых недостатков и рисков, которые интересуют наибольшее число вовлеченных акторов. Используя результаты SWOT-анализа, автор предлагает ориентироваться на решение следующих вопросов:

- адаптация мер госрегулирования в сфере денежного обращения к наиболее актуальным глобальным трендам;
- выработка эффективных мер предотвращения киберугроз в сфере функционирования цифровой валюты;
- обеспечение постепенного внедрения цифровой валюты во избежание рисков для финансовой системы;
- выработка мер по предотвращению сложных сбоев в системе функционирования цифровой валюты;
- предотвращение риска концентрации избыточных данных в руках частных акторов.

Таблица 1. Swot-анализ концепции цифровой валюты

Таблица 1: SWOT-анализ концепции цифровой валюты

Список источников и литературы

1. *Mohan, R.* The International Monetary System: Where Are We and Where Do We Need to Go? / R. Mohan, M. D. Patra, and M. Kapur // International Monetary Fund. – 2013 – сс.1-48.
2. *Parmar, B. L., Freeman, R. E., Harrison, J. S., Wicks, A. C., de Colle, S., & Purnell, L.* Stakeholder Theory: The State of the Art. / B. L. Parmar, R. E. Freeman, J. S. Harrison // The Academy of Management Annals – 2010 – сс.1-61.
3. *Vaz, J.* The Forms and Functions of Money. / J. Vaz, A. Milne & K. Brown. // University of Loughborough – 2022 – сс.1-37.
4. *Григорьев В. В.* Национальная цифровая валюта как фактор оживления экономики России. / В. В. Григорьев // Экономика и управление – 2019 – сс.30-36.
5. *Дудин М. Н.* Единая электронная валюта ЕАЭС: миф или реальность. / М. Н. Дудин и М. С. Шахова // Экономика и социум: современные модели развития – 2019 – с.260-276.
6. Зачем центральные банки по всему миру создают собственные цифровые валюты. / С. Пенкин. URL: [https://vc.ru/april-capital/268413-zachem-](https://vc.ru/april-capital/268413-zachem)

centralnye-banki-po-vsemu-miru-sozdayut-sobstvennye-cifrovye-valyuty (дата обращения: 30 мая 2022 г.).

7. Концепция цифрового рубля. / Центральный банк Российской Федерации. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 30 мая 2022 г.).
8. Понятная экономика: деньги. / Банк России. URL: https://www.youtube.com/watch?v=qB_vVUatIY0&t=5s (30 мая 2022 г.).
9. Цифровая валюта (CBDC) спасение или очередная утопия? / OSOM Finance. URL: <https://habr.com/ru/company/osom/blog/663140/> (дата обращения: 30 мая 2022 г.).
10. *Юревич А.* Доверие россиян банковской системе. / А. В. Юревич // Вестник Российской академии наук. – 2019. – том 89, № 12. – сс.1240-1247.

Бугаев Федор Николаевич,
аспирант Санкт-Петербургского государственного университета,
эксперт Института актуальных международных проблем,
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России,
fedor.bugayev@gmail.com

Fedor N. Bugaev,
postgraduate student at the Saint-Petersburg State University,
expert of the Institute of Contemporary International Studies,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russia,
fedor.bugayev@gmail.com

**ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА ЦЕНТРОБАНКА КАК ИНСТРУМЕНТ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА
THE CENTRAL BANK'S DIGITAL CURRENCY
AS A TOOL TO ENSURE FINANCIAL SOVEREIGNTY**

Аннотация: разработка и пилотирование все большим числом государств проектов цифровой валюты центрального банка (ЦВЦБ) обусловлены стремлением стран обеспечить свой финансовый суверенитет и создать легальную альтернативу частным финансовым инструментам, таким как криптовалюты и стейблкоины, а также объективной тенденцией к сокращению доли наличных платежей в расчетах. В рамках представленной статьи освещаются ключевые преимущества и недостатки внедрения ЦВЦБ в условиях усиления геополитической конкуренции в финансовом секторе, а также рассматриваются пути минимизации издержек при реализации данного проекта.

Ключевые слова: цифровая валюта центрального банка, криптовалюта, транзакция, финансовый суверенитет, денежно-кредитная политика.

Abstract: the development and piloting the projects of Central Bank Digital Currency (CBDC) by a growing number of countries is driven by their desire to ensure their financial sovereignty and create a legal alternative to private financial instruments, such as cryptocurrencies and stablecoins, as well as an objective trend to reduce the share of cash payments in settlements. This article highlights the key advantages and disadvantages of the introduction of CBDC in the context of

increased geopolitical competition in the financial sector, as well as considers ways to minimize the costs of this project.

Keywords: central bank digital currency, cryptocurrency, transaction, financial sovereignty, monetary policy.

Технический прогресс не стоит на месте. Цифровизация основательно проникла практически во все сферы жизни общества, не обойдя стороной и мировую финансовую систему. Упрощение процесса проведения платежных операций, увеличение скорости переводов, развитие рынка цифровых активов, обеспечение безопасности денежных средств требуют современных инновационных решений. В то же время выход высокотехнологичных компаний на рынок финансовых услуг, активное развитие частных финансовых инструментов, таких как, к примеру, криптовалюты, которые набирают все большую популярность в качестве средств обращения, ставят под угрозу стабильность и эффективность государственной денежно-кредитной политики. В этих условиях требуется переосмыслить роль центральных банков в современной экономике, чье монопольное право на эмиссию денег де-факто нарушается возникновением все новых криптовалют, не обладающих при этом всеми функциями традиционных денег и являющихся крайне волатильными, а также стейблкоинов, более устойчивых в сравнении с другими криптовалютами в силу привязки к менее волатильным и более предсказуемым активам.

Появление цифровых валют центральных банков (ЦВЦБ) было обусловлено потребностью в повышении эффективности функционирования денежной и платежной систем и направлено на сохранение за центральными банками их эксклюзивной функции денежной эмиссии [3, с. 148]. Растущая капитализация рынка криптовалют послужила импульсом для изучения возможности создания и последующего внедрения ЦВЦБ. Пандемия Covid-19 также сыграла в этом процессе немаловажную роль, так как всерьез встал вопрос о необходимости сведения к минимуму наличных транзакций,

которые, несмотря на очевидный тренд к снижению, все же занимают определенную долю в осуществлении платежей. Банк международных расчетов, ежегодно публикующий результаты исследований по введению в оборот ЦВЦБ, отмечает существенное расширение географического охвата этой инициативы. Так, согласно данным на май 2022 года [7, с. 3-4] 90% всех участвовавших в опросе центральных банков (в опросе принял участие 81 центробанк) в той или иной степени вовлечены в работу над ЦВЦБ, из которых 26% (в 2021 году – лишь 14%) находится на стадии пилотирования проекта. Стоит отметить, что развивающиеся страны в целом более активно занимаются соответствующими разработками, в то время как развитые страны склонны более детально оценивать все риски подобного решения, что объяснимо наличием у них относительно стабильных и успешно функционирующих финансовых систем. Согласно распространенной точке зрения интерес к ЦВЦБ со стороны развитых стран обусловлен скорее опасениями относительно гипотетической потери их национальной валютой статуса резервной и, соответственно, поддержанием конкурентной среды в этой области. В то же время существует альтернативная точка зрения, состоящая в том, что работа над ЦВЦБ нецелесообразна в силу того, что достигнуть ее преимуществ, а именно быстроты и прозрачности платежей, снижения транзакционных издержек и безопасности счетов можно путем инновационного совершенствования механизмов денежно-кредитной политики в рамках действующей системы [5, с. 87].

Цифровая валюта центральных банков представляет собой не альтернативу фиатным деньгам, а скорее их цифровую форму. Это значит, что цифровая валюта полностью эквивалентна валюте в традиционном ее выражении (наличном и безналичном), но при этом обладает также рядом очевидных преимуществ перед ней. В частности, значительно увеличится скорость осуществления операций, минимизируются комиссионные издержки, повысится удобство использования таких денег. Доступность электронного кошелька в случае внедрения ЦВЦБ будет повсеместной и постоянной вне

зависимости от платежной системы, что особенно актуально в условиях ограничительных мер, накладываемых на отдельные банки.

Особого внимания заслуживает вопрос безопасности. С одной стороны, ЦВЦБ предполагают хранение денежных средств в едином электронном кошельке, причем гарантом безопасности напрямую выступает центральный банк, а значит – государство гарантирует их сохранность, так как в его арсенале несоизмеримо более широкий набор инструментов для противодействия мошенническим механизмам. С другой стороны, совершенствование системы кибермошенничества в случае получения преступниками доступа к счету может привести к потере всех накопленных средств единомоментно. Тем не менее централизованный, организованный на государственном уровне контроль за совершением транзакций позволяет «окрашивать» подозрительную активность, а ЦБ получает полномочия замораживать подобные нелегальные переводы. ЦВЦБ, таким образом, должны сыграть важную роль в перекрытии каналов финансирования террористических группировок и в борьбе с коррупционными проявлениями [1, с. 61]. Автоматизация сбора налогов и вывод отдельных теневых секторов экономики из «серой зоны» также можно рассматривать в качестве возможностей цифровой валюты. Однако уязвимость перед мошенниками все равно существует, а потенциальная кибератака на центральный банк значительно повышает риски использования такой централизованной системы для обычных пользователей.

Цифровая валюта центральных банков выполняет еще и социальную функцию. Все социальные выплаты и пособия для социально уязвимых слоев населения будут осуществляться автоматически в строго установленные сроки, что значительно экономит время различных ответственных министерств и ведомств на эти цели. ЦВЦБ, таким образом, служат еще и инструментом оказания прямой поддержки экономическим субъектам со стороны правительства, что особенно релевантно в период кризиса.

Введение централизованной цифровой валюты позволит снизить зависимость от мировых валют и перейти на форму оплаты в национальной валюте, что, безусловно, благотворно скажется на состоянии всей финансовой системы. Розничные ЦВЦБ способны обеспечить рост привлекательности национальной валюты в условиях международной валютной конкуренции [4, с. 139]. Лидеры этой геополитической валютной гонки получают возможность распространять ЦВЦБ для обслуживания транзакций в других странах через собственные серверы. В случае наличия альтернативной, более сильной цифровой валюты не исключен и сценарий оттока капитала из страны, поэтому критически важно следовать в авангарде инновационных тенденций, адаптируя их под конкретную страновую специфику, ведь слепое копирование зарубежного опыта – не лучшее решение для такой чувствительной сферы.

Еще одним плюсом цифровой валюты центральных банков станет включение в финансовую систему еще большего количества игроков, которые не задействованы в ней сейчас (например, в силу отсутствия банковского счета). Согласно задумке цифровой кошелек будет доступен просто при наличии телефона, даже офлайн, то есть без постоянного доступа к интернету. Однако не совсем ясен вопрос с тем, все ли телефоны смогут поддерживать работу соответствующего приложения или же для осуществления транзакций обязательно именно наличие смартфона. Розничные ЦВЦБ, таким образом, выступают в качестве равнозначной формы денег, сочетая в себе преимущества безналичных денег (возможность осуществления дистанционных переводов) и наличных денег (проведение расчетов в отсутствие доступа к интернету) [4, с. 147].

Весомым аргументом в поддержку ЦВЦБ может служить также и возможность использования новейших инновационных технологий для создания современной платежной инфраструктуры. Так, смарт-контракты, к примеру, позволяют упростить проведение расчетов по договорным обязательствам и обеспечить автоматизированный контроль за их исполнением в режиме реального времени [6, с. 9]. Такие технологические

решения, как цифровой профиль, биометрическая идентификация, технологии бесконтактных и мгновенных платежей, внедрение криптографических алгоритмов будут способствовать повышению качества и скорости предоставляемых услуг, снижению их стоимости [4, с. 70].

Наконец, ЦВЦБ способны стать средством повышения устойчивости платежных систем, так как переход инициативы в руки крупных транснациональных корпораций (как, например, стейблкоин Diem от запрещенного в России Facebook) является настоящим вызовом для денежно-кредитной политики страны [2, с. 189]. Государственная цифровая валюта должна стать альтернативой частным криптовалютным проектам трансформирующихся в полноценные экосистемы ТНК и перейти от мер запретительного характера в отношении неподконтрольных правительству финансовых активов к конструктивному созиданию, то есть эмиссии конкурентной цифровой валюты центральных банков.

Необходимо осознавать, что имплементация ЦВЦБ создаст и определенные риски для макроэкономической стабильности государства. Так, классическая двухуровневая банковская система (центральный банк и коммерческие банки) станет пережитком прошлого, ведь Центробанк фактически возьмет на себя функции коммерческих банков, а последние, в свою очередь, будут постепенно терять свою посредническую роль в кредитовании населения [5, с. 88]. Действительно, счета в банках на фоне ЦВЦБ, по всей видимости, потеряют свою ликвидность, в то время как электронные кошельки станут для обычных граждан более простым, понятным и надежным способом хранения, что приведет к оттоку капитала из банковского сектора. Для того чтобы этого не произошло, требуется, наряду с розничной цифровой валютой центрального банка, осуществлять эмиссию и оптовых ЦВЦБ, то есть поддерживать развитие гибридной модели цифровой валюты центрального банка.

Нельзя обойти вниманием и риск ущемления денежного суверенитета государства. Феномен «цифровой долларизации», то есть вытеснение

национальной валюты цифровой иностранной, может в перспективе привести к потере центральным банком контроля над кредитно-денежной политикой [2, с. 196]. Систематический риск финансовой нестабильности вырастет особенно явно в развивающихся странах, которые в случае внедрения цифровых валют могут испытать отток капитала в цифровые валюты развитых стран.

Конфиденциальность пользователей, по-видимому, тоже окажется под угрозой, так как необходимость отслеживания всех операций сделает кошельки граждан максимально прозрачными для цифрового контроля со стороны государства. Трудно поверить, что Центробанк или правительство позволят ЦВЦБ достичь высокой степени анонимизации, ведь государственные цифровые валюты как раз и создавались в качестве легальной альтернативы криптовалютам, не подчиняющимся национальному законодательству. Операционные и кибернетические сбои способны привести как к утере данных пользователей, так и к потере средств из-за взломов системы хакерами, однако цифровые валюты центральных банков более безопасны для владельцев, чем частные криптовалюты.

Цифровая валюта – технически сложный финансовый инструмент, использование которого требует определенной подготовки, наличия базовых знаний финансовой грамотности. Следовательно, в восприятии людей на первоначальном этапе может сложиться отторжение самой идеи, особенно если зависимость от наличных платежей не преодолена в полной мере, что характерно и для российского общества. В таком случае проект ЦВЦБ вряд ли окупится, как это произошло в Эквадоре, ставшем первым актором, официально внедрившим цифровую валюту на государственном уровне, но не сумевшим привлечь к реализации идеи пользователей, которые скептически отнеслись к инициативе правительства [5, с. 14–15].

Правовое регулирование ЦВЦБ по-прежнему остается фундаментальной лакуной при оценке целесообразности внедрения цифровой валюты. Для успешного функционирования обновленной системы требуется закрепить за центральным банком эксклюзивное право на эмиссию цифровой валюты и

разработать базу нормативно-правового регулирования операций с цифровыми валютами. Подобного рода правовая неопределенность будет выступать сдерживающим фактором в рамках выпуска ЦВЦБ.

Цифровая валюта центрального банка в среднесрочной и долгосрочной перспективе станет наиболее популярным средством платежа. Снижение доли наличных расчетов и обострение геополитической конкуренции за первенство в разработке функционирующих ЦВЦБ стали триггерами неотвратимого движения по пути цифровизации финансового сектора. Успешных первопроходцев в этой области можно пересчитать по пальцам: среди них, к примеру, Багамские острова (sand dollar) и Нигерия (eNaira). Особняком стоит кейс Китая, успешно завершающего в этом году пилотную апробацию цифровой валюты электронных платежей (DCEP), так называемого цифрового юаня [2, с. 191]. Россия в мае 2022 года тоже запустила тестирование собственной цифровой валюты – цифрового рубля. Идут дискуссии и о внедрении наднациональных цифровых валют. В частности, Европейский центральный банк проводит соответствующие исследования по возможности создания цифрового евро (первый этап продлится с 2021 по 2023 год). Евразийский экономический союз в целях повышения своих макроэкономических показателей также обсуждал возможность введения общей цифровой валюты, однако, пока не завершен до конца переход на расчеты в национальных валютах и не реализована идея обычной наднациональной валюты, говорить о единой цифровой валюте преждевременно и слишком рискованно.

Внедрение цифровой валюты центрального банка – ответственный шаг на пути к цифровизации финансовой системы страны, открывающий широкие горизонты укрепления позиций страны на международном валютном рынке, но сопряженный при этом с целым комплексом рисков. Рост популярности ЦВЦБ был напрямую связан с вызовом для денежно-кредитной политики государств со стороны криптовалют и стейблкоинов, сокращением доли

наличных платежей в общей финансовой структуре и необходимостью распространения инноваций для повышения инклюзивности в данной сфере.

ЦВЦБ, таким образом, должны базироваться на таких принципах, как обеспечение финансовой стабильности, сосуществование с иными формами денег (то есть быть не простым субститутом наличных денег и банковских счетов, а органично дополнять их), поддержание и стимулирование конкуренции на рынке финансовых услуг, обеспечение информационной безопасности, сотрудничество и взаимодействие между регуляторами и экономическими субъектами (иными словами, учет потребностей участников финансового рынка). Централизованные цифровые валюты позволяют расширять финансовую доступность для населения, контролировать инфляцию в разумных рамках, минимизировать транзакционные комиссионные и временные издержки, предлагать альтернативу мировым платежным системам, развивая при этом финансовый суверенитет. В то же время при рассмотрении подобных проектов необходимо принимать во внимание макроэкономические риски: сокращение доступности кредита в силу практически неизбежной трансформации банковской системы из двухуровневой в одноуровневую (с монополией Центробанка), осуществление тотального контроля за кошельками пользователей со стороны государства в связи с необходимостью отслеживания подозрительных транзакций (коррупция, мошенничество, наркоторговля, финансирование терроризма и т.д.) и необходимость правового регулирования цифрового эквивалента национальной валюты. Кроме того, подавляющее большинство центральных банков до сих пор не определилось с моделью ЦВЦБ и сроками перехода к ней, отсутствует единство и в понимании экономической и правовой природы этого явления, нет ясности и в отношении организационного и методического инструментария реализации внедрения государственной цифровой валюты, поэтому, несмотря на возможности обеспечения быстрых, безопасных и дешевых расчетов, следует внимательно проанализировать последствия

имплементации этой идеи и возможные сценарии развития финансового сектора в случае внедрения ЦВЦБ.

Список источников и литературы

1. *Андрюшин С. А.* Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства // Актуальные Проблемы Экономики и Права. – 2021. – № 15 (1). – С. 54-76.

2. *Беленчук С. И.* Новый вид денег – цифровая валюта центрального банка // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2021. – № 3 (Ч. 2). – С. 187-197.

3. *Лебедева Н. Ю., Назаренко Г. В., Седракян Л. К.* Цифровая валюта центрального банка: перспективы и риски эмиссии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2020. – № 2. – С. 147-153.

4. *Сахаров Д. М.* Цифровые валюты центральных банков: ключевые характеристики и влияние на финансовую систему // Финансы: теория и практика. – 2021. – № 25 (5). – С. 133-149.

5. Цифровая валюта центрального банка (ЦВЦБ): Россия в контексте мировой практики / Ассоциация банков России, аналитический доклад, июнь 2021. – URL: https://asros.ru/upload/iblock/441/d812hkh1b1u7grvjnttvghnba23a37by/2022_01_31_-_doklad-TSV-TSB_-_iyun-2021-goda.pdf (дата обращения: 23.06.2022).

6. Central Bank Digital Currencies: Building Block of the Future of Value Transfer / Deloitte, 2022. – URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/au/Documents/financial-services/deloitte-au-fsi-central-bank-digital-currencies-100322.pdf> (дата обращения: 23.06.2022).

7. *Kosse A., Mattei I.* Gaining momentum – Results of the 2021 BIS survey on central bank digital currencies / Bank for International Settlements, Monetary and Economic Department. Paper No 125, May 2022. – URL: <https://www.bis.org/publ/bppdf/bisrap125.pdf> (дата обращения: 23.06.2022).

Гребенкина Елена Владимировна,
старший преподаватель кафедры мировой экономики, международных
отношений и права Новосибирского государственного университета
экономики и управления (НГУЭУ),
эксперт Института актуальных международных проблем
Дипломатической академии Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
grebenkina-2017@list.ru

Elena V. Grebenkina,
Senior Lecturer of the Chairs of World Economy, International Relations
and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM),
Expert of the Institute for Contemporary International Studies, Diplomatic
Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
grebenkina-2017@list.ru

ЗАПУСК ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ LAUNCHING DIGITAL CURRENCIES: NATIONAL EXPERIENCE

Аннотация: данная статья посвящена цифровым валютам. Дается определение цифровой валюты, рассматриваются ее преимущества и недостатки, а также опыт России и других стран по ее разработке и выпуску. Поскольку цифровая валюта используется не только в национальных, но и международных расчетах, существуют возможности для создания общей цифровой валюты, но в то же время присутствуют и различные риски.

Ключевые слова: цифровая валюта, виртуальная валюта, единая цифровая валюта, цифровой рубль, цифровые валюты национальных банков (ЦВНБ), Центральный банк России, международные расчеты.

Abstract: this article considers digital currencies: definition, advantages and disadvantages, experience of development and issuance in Russia and other countries. Because of the fact that digital currency is used in both national and international payments, there are opportunities to release single digital currency, but also there are some risks.

Keywords: e-currency, digital currency, central bank digital currencies (CBDCs), single digital currency, digital ruble, Central Bank of Russia, international payments.

Современные технологии открывают новые возможности в каждой сфере жизни, сфера экономики и финансов не стала исключением. Помимо ставших уже привычными безналичных платежей и переводов, появились новые средства и технологии: оплата с помощью биометрии, криптовалюты и цифровые валюты, блокчейн, анализ больших данных и многие другие. В связи с этим стоит рассмотреть, в чем заключается особое место и уникальность цифровой валюты, каковы ее свойства и перспективы в качестве международного платежного средства.

Цифровая валюта: определение и свойства

Для начала нужно определить, что именно включает в себя понятие «цифровая валюта». Многие эксперты отмечают по меньшей мере две ее отличительные особенности: это «третья форма денег» (после наличных и безналичных); цифровая валюта выпускается центральным банком страны, а не коммерческими банками, но при этом банки могут являться посредниками [6; 1]. Центральный банк России в своем докладе о применении цифрового рубля подчеркивает, что каждая денежная единица будет иметь уникальный цифровой код [4]. Это означает прозрачность переводов и платежей, проводимых с помощью цифровой валюты как во внутренних, так и международных расчетах [3], и одновременно возможности их контроля со стороны государственных органов.

Цифровая валюта не является криптовалютой. Тем не менее аналог криптовалюты также разрабатывается и тестируется в России под названием «Цифровые финансовые активы» (ЦФА): уже создана специальная платформа и проведена первая сделка [2]. На данный момент неизвестно, как именно цифровая валюта и ЦФА будут взаимосвязаны и будет ли возможна конвертация между ними.

Преимущества и недостатки цифровых валют

К преимуществам цифровых валют, как правило, относят более высокую скорость платежей (по сравнению с безналичными переводами), возможность

оплаты онлайн и офлайн, а также удобство использования для граждан и бизнеса. Считается, что в перспективе такую оплату будут использовать более активно [1] как внутри страны, так и в международных расчетах. Кроме того, среди позитивных последствий введения цифрового рубля назывались снижение стоимости финансовых операций, стимулирование инноваций и развитие цифровой экономики, а также сокращение доли наличных денег в обращении внутри страны [6].

Позитивными факторами влияния цифровых денег можно считать развитие инфраструктуры и информационно-коммуникационных технологий, которые обеспечивают более широкий охват платежной системы и ее доступность, а также позволяют государству упростить верификацию пользователей, отслеживать финансовые потоки и облегчить процесс их регулирования, перевести в электронный вид сети платежей и поставок в различных отраслях экономики, сокращая издержки [8, p. 21–22]. Такой подход выгоден государству, однако усиление контроля может вызвать негативную реакцию со стороны бизнес-сообщества и населения.

Недостатков использования цифровых валют может быть несколько. Первый и наиболее существенный из них – это проблема безопасности. Эксперты предупреждают, что киберзащита банковских систем не сможет справиться с такими угрозами, как защита профиля пользователя от взлома и похищения его учетной записи, повторное использование одной и той же цифровой валюты при оплате офлайн, а также доступ к цифровым расчетам компаний, занимающихся финансовыми технологиями [6]. Также стоит отметить актуальность этой проблемы и для рядовых пользователей, которые не всегда осведомлены о новых угрозах и часто пренебрегают правилами безопасности. Еще один недостаток касается деятельности банков: для них использование цифровой валюты может быть не очень выгодным, так как, к примеру, цифровой рубль – это беспроцентные счета, которые конкурируют со счетами «до востребования». Кроме того, переход к цифровому рублю означает отток ликвидности – по оценке специалистов, от 2 до 4 трлн рублей

при общей сумме депозитов около 50 трлн рублей (данные на ноябрь 2021 года), но существуют прогнозы, что банки могут потерять и до 25% своей прибыли [1].

Цифровая валюта имеет и другие недостатки: многие страны до сих пор имеют проблемы с развитием ИКТ и не имеют достаточной инфраструктуры для ее внедрения. Кроме того, появление такой валюты зависит от уровня доверия к ней и спроса населения, а также от «понимания конечных пользователей» [8, р. 26–27]. Это означает, что цифровая валюта, как и обычная, уязвима и подвержена колебаниям спроса и предложения, которые могут не только возникать объективно, но и создаваться целенаправленно (государственными и негосударственными акторами) или стихийно (например, из-за недостоверной информации в СМИ).

Разработка и внедрение цифровых валют в России и других странах мира

Процесс разработки и внедрения цифровых валют в разных странах происходит по-разному. Как правило, сначала создается прототип, который нужно протестировать. В России, например, для этого есть несколько «пространств», в том числе так называемая «регуляторная песочница», когда банки и некоторые юридические организации работают «в рамках защищенного от давления законодательства» [1]. Участвовать в эксперименте могут крупные банки и крупные юридические лица при регулировании Банка России. Прототип платформы цифрового рубля был разработан в конце 2021 года, а 16 февраля 2022 года прошло тестирование: в эксперименте участвовал не только Центральный банк, но и 3 коммерческих банка [5]. Пользователи банков открыли цифровые кошельки, попробовали конвертировать безналичные средства в цифровые и переводить цифровые рубли с одного счета на другой, в том числе с помощью банковских мобильных приложений [5]. Предполагается, что в течение года будут тестироваться более сложные сценарии оплаты товаров и услуг с помощью цифровых рублей.

Эксперты отмечают, что для введения цифровой валюты внутри страны должна существовать собственная инфраструктурная система, не зависящая от международной. В России «предвестниками цифрового рубля» считаются национальная платежная система и система быстрых платежей [1]. Аналогичные системы создаются в Китае, Мексике, Бразилии.

Наиболее удачный опыт страны по запуску цифровой валюты – опыт Китая, где создали электронный кошелек, который можно наполнить цифровыми юанями, и почти повсеместно установлены терминалы для оплаты цифровыми деньгами. Кроме того, участвовать в тестировании цифрового юаня могут пользователи Alipay, используя мобильное приложение [6].

Пример неудачного опыта – Эквадор, где был создан «прототип, рабочий вариант, но в итоге от него отказались» [1]. Как отмечается в докладе Азиатского банка развития, эквадорская платежная система центрального банка была запущена в 2014 году, но в 2018 году проект пришлось свернуть из-за низкого спроса, а также из-за того, что хранение денег на счетах в коммерческих банках считалось менее рискованным, чем в центральном банке [8, p. 27]. Этот пример подтверждает, что влияние указанных выше факторов спроса и доверия населения может быть очень существенным.

В Казахстане, США и Израиле пока идут общественные консультации по вопросу ввода в оборот цифровых валют [6]. В Европе в 2021 году был запущен пилотный проект цифрового евро, рассчитанный на два года. Цифровой евро должен стать «электронной версией европейской валюты», не имеющей ничего общего ни с криптовалютой, ни с наличными, а также не зависящей от платежных систем Visa и Mastercard [7].

В других странах тоже планируется запуск собственных проектов цифровых валют: в Индонезии оцениваются технологии и готовность инфраструктуры, в Норвегии и Корее предполагается ее создание и тестирование. Стоит отметить, что существуют и проекты систем международных расчетов в цифровых валютах. Один из них – проект Stella, разрабатываемый японским и европейским центральными банками [6].

Возникнет ли единая цифровая валюта?

Тем не менее в настоящее время, когда международная ситуация характеризуется высокой турбулентностью, конфликтностью и перераспределением сфер влияния, сценарий появления общемировой цифровой валюты маловероятен. По-видимому, глобальные центры создадут свои цифровые валюты, которые будут конвертироваться между собой.

Появление общей цифровой валюты станет возможным при существенном изменении миропорядка: когда многополярная система будет находиться в равновесии (при сопоставимой силе полюсов, пока нет явного лидерства одного гегемона), а наиболее острые конфликты будут разрешены (полностью или частично) или перейдут в латентную стадию. В такие периоды относительного спокойствия на международной арене возможны развитие разнообразных форм сотрудничества и интеграционных процессов, новый всплеск глобализации, поэтому цифровые валюты определенно имеют свое место и роль в будущем.

Список источников и литературы

1. Зачем нужен цифровой рубль? Продолжение (интервью с Олегом Шибановым, директором финансового центра Сколково-РЭШ). // Подкаст «Радио Спутник», 05.02.2021. – URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20210205/1596252404.html> (дата обращения: 08.09.2022).
2. Кузьмичева А. Сбер анонсировал первую в России сделку с ЦФА на своей платформе. // РБК, 15.06.2021. – URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/62a9bdc99a79473aaab9e28b> (дата обращения: 08.09.2022).
3. Лухминский Н. Почему Россия и Китай делают ставку на цифровые валюты. // РБК, 08.04.2022. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/624ece339a7947bdeb3eef61> (дата обращения: 08.09.2022).

4. Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций. // Банк России. – URL: http://cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/ (дата обращения: 08.09.2022).

5. Цифровой рубль: старт тестирования. / Новости, 15 февраля 2022 г. // Банк России. – URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=12685> (дата обращения: 08.09.2022).

6. Чернышова Е. Цифровой рубль: зачем он запускается и как будет работать. // РБК, 07.07.2021. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/60e4014c9a7947816217cac1> (дата обращения: 08.09.2022).

7. Янушкевич К. ЕЦБ запускает пилотный проект цифрового евро. // РБК, 30.07.2021. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/60f0349b9a7947ad48998e53> (дата обращения: 08.09.2022).

8. *Didenko A.N., Buckley R.P.* Central Bank Digital Currencies. A Potential Response to the Financial Inclusion Challenges of the Pacific. // *Issues of the Pacific Development*. August 2021. N. 3. 40 p. // Asian Development Bank. – URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/720016/central-bank-digital-currencies-pacific.pdf> дата обращения: 08.09.2022).

Куликовский Алексей Владимирович,
декан факультета международных отношений Кыргызско-Российского
Славянского университета имени Б.Н. Ельцина,
кандидат филологических наук,
alexkulikovsky@yandex.com

Alexey V. Kulikovsky,
Dean of the Faculty of International Relations of the Kyrgyz-Russian Slavic
University named after B.N. Yeltsin, Candidate of Philological Sciences,
alexkulikovsky@yandex.com

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ ЕАЭС PROSPECTS OF THE EAEU DIGITAL CURRENCY

Аннотация: цифровая валюта – неотъемлемый элемент экономики будущего, в связи с чем необходим поиск наиболее оптимального ее типа для внедрения в систему. Электронные деньги никогда не были основной валютой, но ситуация может измениться в процессе цифровизации экономики. Электронная валюта с централизованной системой представляет собой наиболее безопасный, прозрачный вариант. Использование криптовалюты, несмотря на ее популярность, предполагает определенный риск из-за невозможности отследить отправителя и получателя перевода, что делает криптовалюту особенно популярной в теневой экономике. С целью обеспечения экономической безопасности ЕАЭС необходимо обеспечить надежную защиту системы.

Ключевые слова: политика, экономика, ЕАЭС, электронные деньги, криптовалюта, цифровизация.

Abstract: digital currency is an integral element of the economy of the future, and therefore it is necessary to find the most optimal type of it for implementation into the system. Electronic money has never been the main currency, but the situation may change in the process of digitalization of the economy. An electronic currency with a centralized system is the most secure, transparent option. The use of cryptocurrency, despite its popularity, involves a certain risk due to the inability to track the sender and recipient of the transfer, which makes cryptocurrency especially

popular in the shadow economy. In order to ensure the economic safety of the NPP, it is necessary to ensure reliable protection of the system.

Keywords: politics, economy, EAEU, electronic money, cryptocurrency, digitalization.

Электронные деньги вошли в оборот уже достаточно давно, и новой технологией их сейчас назвать нельзя. С другой стороны, появляются новые их виды, которые представляют собой инновационный подход в экономике. Если я слышу термин «электронные деньги», то на ум приходят системы Webmoney или Яндекс.деньги (ЮMoney). Если речь заходит о цифровой валюте, то сразу в голове возникает ассоциация с криптовалютой. А это совершенно разные технологии в корне. И если говорить о создании единой цифровой валюты, то необходимо разобраться, о какой именно форме цифровых денег идет речь. Цифровые деньги никогда не были основной валютой, это изначально альтернативный способ хранения средств. Но в условиях цифровизации и перехода к новому укладу (Индустрии 4.0) электронные деньги, безусловно, будут позиционироваться как основная валюта. Большой вопрос заключается в том, насколько вообще мир в экономическом плане готов к подобным преобразованиям.

Стоит отметить, что криптовалюта спровоцировала немало шума в информационном пространстве, в то время как обычные электронные кошельки такого ажиотажа никогда особо не вызывали. Просто так на ровном месте подобная шумиха никогда не возникает, поэтому целесообразно предположить, что данную технологию кто-то активно продвигает. Была придумана легенда о ее японском происхождении, форсировалась мода на майнинг-фермы. Но нужно понимать, что деньги не могут появляться ниоткуда. Да, формально пользователь приобретает электронные блоки, но на бытовом уровне абсолютно непонятно, как в децентрализованной системе некие цифровые коды могут обеспечиваться реальными деньгами. Единственное объяснение – люди сами формируют спрос, сами вкладывают

деньги, запуская процесс постоянной перепродажи, чем и объясняется рост курса криптовалют. Майнинг-фермы – отличный повод для роста спроса на видеокарты. Эсперт М.М. Долгиева отмечает: «Благодаря своим политическим, экономическим, гуманитарным и юридическим преимуществам криптовалюта и блокчейн-технологии превращаются в прорывную инновацию, способную коренным образом изменить большинство аспектов жизни мирового сообщества» [2, с. 127].

Криптовалюта сама по себе является огромным риском для экономики из-за ее децентрализованной системы. Процесс полностью автоматический и анонимный. Именно поэтому криптовалюта используется мошенниками и преступниками. По сути, она вообще нужна именно им. Для государства это не самая оптимальная система. Кроме того, версия о том, что криптовалюта – это очередной «экономический пузырь» наподобие доткомов конца 1990-х гг. не кажется маловероятной. Новые технологии провоцируют бизнесменов «инвестировать в будущее». В оборот попадает большое количество денег, а затем «пузырь лопается». Это всего лишь предположение, но логика в этом есть, и это подтверждают некоторые ведущие бизнесмены и экономисты, такие как Уоррен Баффет и Роберт Шиллер.

Рисковать на государственном уровне, вводя криптовалюту в качестве основной валюты, представляется опасным шагом. Эксперт С.А. Андриюшин подчеркивает, что в ближайшее время возможно возникновение острой дискуссии между сторонниками и противниками криптовалюты: «С одной стороны, появятся публикации в защиту скорейшей легализации частных криптовалют, способных заменить фиатные деньги в мировой экономике. С другой стороны, противники криптовалют в своей активности будут всячески мешать такой легализации» [1, с. 72].

Традиционные электронные кошельки больше подходят для создания единой цифровой валюты. Ключевым словом здесь является «единый», так как все электронные кошельки, как правило, привязаны к национальным валютам. Система централизованная, все пользователи получают так называемые

аттестаты (например, в системе Webmoney) или проходят процедуру регистрации. Есть определенные правила и требования, которым должны подчиняться все участники системы. Возможна также привязка к драгоценным металлам (Webmoney Gold). Опыт работы подобных систем больше подходит для разработки концепции национальной цифровой валюты или единой цифровой валюты. Важными элементами системы являются ее относительная прозрачность и надежная система защиты с интегрированной двухфакторной идентификацией. Принципы работы надежнее и понятнее, механизмы уже отработанные, есть возможность улучшения и внедрения новых функций, значительно меньше рисков.

Единая валюта необходима в рамках функционирования международного объединения. Это укрепляет экономики стран, которые выстраивают взаимоотношения на единых условиях. Единая цифровая валюта также может стать хорошим подспорьем в современное время и в будущем на фоне цифровизации экономики и жизнедеятельности общества. Процесс перехода к новому (цифровому) укладу необратим, он уже идет и требует определенных изменений, особенно в области экономики. Если цифровая экономика будет надежно защищена, то введение единой цифровой валюты позволит осуществлять платежные операции дистанционно, фактически такая система сможет заменить для многих потребителей оплату банковскими картами. Следует отметить, что в последние годы и особенно в период пандемии COVID-19 безналичные платежи стали основным способом оплаты товаров и услуг. Проблема заключается в том, что электронные деньги не имеют всех атрибутов традиционной валюты и не имеют статуса законного средства платежа. Но работу над легализацией необходимо вести на государственном уровне. Насколько мне известно, в разных странах мира этот процесс начался в начале 2010-х гг., но пока ни в одной стране не завершен.

Перед внедрением единой виртуальной валюты целесообразно рассмотреть вопрос об использовании реальных денег в рамках международного альянса. Реальная единая валюта может использоваться для

расчетов внутри каждой из стран либо создаваться в качестве коллективной валюты (как в Евросоюзе), которая будет являться основой экономической независимости альянса. Возможно, этот процесс может быть реализован последовательно: сначала вводится общая валюта в качестве внутренних денег для расчетов в странах (или некоторых странах) альянса на основе особого соглашения, а затем можно осуществить переход к единой валюте для всех операций внутри объединения, то есть создание единой официальной валюты. После этого можно говорить о переходе к цифровой версии данной валюты. Экономическая интеграция, как и любой другой процесс, должна осуществляться поэтапно, по мере готовности каждой страны объединения к подобному переходу. Можно вспомнить о том, что процесс интеграции стран ЕЭАС осуществляется достаточно сложно, потому что у пяти стран разные экономические показатели. Некоторым странам приходится «догонять» остальные. Поскольку экономическая стабильность альянса – залог его дальнейшего успешного развития, экономическое направление интеграции было выбрано первостепенным.

Если рассмотреть возможное введение единой валюты в рамках ЕЭАС, то на фоне политических событий данный шаг поможет минимизировать зависимость от других стран и, соответственно, снизить риски развития экономических проблем внутри альянса. На прошедшем в июне 2022 года Петербургском международном экономическом форуме член коллегии по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии Сергей Глазьев отметил, что «странам – участницам ЕАЭС уже давно нужна собственная международно-финансовая система, которая была бы защищена от санкционного давления, арестов, активов и замораживания счетов» [3]. Очевидно, что подобная система поможет государствам избежать экономического кризиса в случае дальнейшего прогрессирования негативного политического климата в мире. Поэтому постепенная реализация плана по разработке и внедрению подобной системы необходима с целью обеспечения экономической безопасности ЕАЭС. Цифровая валюта может быть одним из

поздних по времени разработки пунктом подобного плана. Она дополнит общую экономическую картину развития ЕЭАС, а граждане стран альянса получат удобный инструмент для оплаты, а также для осуществления денежных переводов между физическими и юридическими лицами. Грамотная сбалансированная политика в этой области приведет к позитивным результатам, поскольку только с единой цифровой валютой можно говорить о полноценной цифровизации экономики. Безусловно, есть риски и возможные проблемы на пути к достижению данной цели, но проявятся и позитивные последствия. Главная задача – обеспечить надежную защиту системы.

Список источников и литературы

1. *Андрюшин С.А.* Цифровая валюта Центрального банка как третья форма денег государства // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15. № 1. С. 54-76.
2. *Долгиева М.М.* Зарубежный опыт правового регулирования отношений в сфере оборота криптовалюты. *Lex russica (Русский закон)*. 2018. № 10 (143). С. 116-129.
3. *Языкова Т.* Зачем ЕАЭС единая валюта, рассказали на ПМЭФ. – *Zakon.kz*. – 16 июня 2022. – URL: <https://www.zakon.kz/6017295-zachem-eaes-edinaia-valiuta-rasskazali-na-pmef.html>

Малик Ольга Владимировна,
эксперт международного центра социально-экономических исследований
SETA Foundation, начальник отдела международных и межрегиональных
связей Уральской торгово-промышленной палаты

Olga V. Malik,
Expert of the center of social and economic studies SETA Foundation,
Head of international and interregional department

**РАЗРАБОТКА ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ
КАК ВЫЗОВ НАЦИОНАЛЬНЫМ ЭКОНОМИКАМ
DEVELOPMENT OF DIGITAL CURRENCIES
AS A CHALLENGE TO NATIONAL ECONOMIES**

Аннотация: стремительный рост цифровых валют нельзя отрицать: сегодня этот рынок оценивается более чем в 2 триллиона долларов и включает более 15 000 разновидностей виртуальных денежных единиц. Некоторые государства постепенно признают цифровые валюты на национальном уровне. Например, в 2021 году Сальвадор признал биткойн в качестве законной валюты. На фоне развития частных цифровых валют, центральные банки догоняют их. Так, в сентябре 2020 года Mastercard запустила платформу тестирования цифровых валют центрального банка (ЦВЦБ), позволяющую оценивать варианты ее использования и проверять стратегии развертывания путем моделирования экосистемы единой цифровой валюты. В октябре 2021 года Нигерия присоединилась к Багамам, восточно-карибским государствам и Камбодже в качестве одной из первых юрисдикций, официально запустивших ЦВЦБ. Согласно Атлантическому совету 14 стран запустили пилотные проекты ЦВЦБ, 16 стран находятся в их разработке, а еще 41 страна проводит исследования в этой области.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптоактивы, цифровизация, центральный банк, платежная система.

Abstract: the rapid growth of digital currencies cannot be denied: today this market is valued at more than \$2 trillion and includes more than 15,000 varieties of virtual currencies. Some states are gradually recognizing digital currencies at the national level. For example, in 2021, El Salvador recognized bitcoin as a legal

currency. Amid the rise of private digital currencies, central banks are catching up. For example, in September 2020, Mastercard launched a central bank digital currency (CBDC) testing platform to evaluate use cases and test deployment strategies by modeling a single digital currency ecosystem. In October 2021, Nigeria joined the Bahamas, the Eastern Caribbean States and Cambodia as one of the first jurisdictions to officially launch the CBDC. According to the Atlantic Council, 14 countries have launched CBDC pilot projects, 16 countries are in the process of developing them, and another 41 countries are conducting research in this area.

Key words: digital currency, crypto assets, digitalization, central bank, payment system.

Введение

Безналичная экономика быстро развивается благодаря новым формам денег и новым цифровым платежным системам. Одним из примеров является цифровой кошелек Facebook Novi, который тестируется в Гватемале и США и позволяет пользователям отправлять и получать деньги «мгновенно, безопасно и без комиссии». Кошелек в настоящее время использует стабильные монеты и в конечном итоге, вероятно, будет включать валюту Diem, поддерживаемую корпорацией Meta, в которую входит социальная сеть Facebook. Если мир перейдет на эти новые формы цифровых денег, существует риск того, что центральные банки могут быть лишены посредников и их власть над денежно-кредитной политикой уменьшится – отсюда и гонка за ЦВЦБ. С другой стороны, если ЦВЦБ взлетят, есть риск того, что частные банки потеряют вкладчиков, что может привести к повышению процентных ставок для привлечения средств. В рамках одной из дискуссий эксперт МВФ сделал вывод [3] о том, что «ЦВЦБ может стать следующей вехой в эволюции денег», хотя в сообщении также отмечается, что «пока нет однозначного основания для принятия ЦВЦБ».

ЦВЦБ открывают новые возможности для социальной устойчивости. Существуют возможности для банковского обслуживания лиц, не охваченных банковскими услугами, с помощью улучшенной идентификации и систем

«Знай своего клиента» (от англ. Know your client, KYC). ЦВЦБ также могут помочь снизить риски мошенничества за счет повышенной прозрачности и, как следствие, повысить доверие к транзакциям и денежной стоимости. ЦВЦБ также предоставляют возможность прямых выплат универсального базового дохода (от англ. Universal base income, UBI), включая программируемые деньги, такие как токены, срок действия которых истечет, если их не потратить. Тем не менее цифровое безналичное общество, зависящее от систем центрального банка для всех транзакций, создает проблемы для конфиденциальности и несет риск злоупотребления со стороны государства, например, в излишнем контроле за гражданами.

Переход к цифровым валютам

Технологический прогресс способствует цифровизации многих наших повседневных действий. Например, использование физических писем и открыток заменяется электронной почтой и цифровыми фотографиями, при этом предполагаемое количество подобных писем, отправляемых по всему миру за один год, примерно равно количеству электронных писем, отправляемых за один день.

Приложения для обмена мгновенными сообщениями, такие как QQ и WhatsApp, позволяют примерно 3 миллиардам пользователей общаться в цифровом формате по всему миру. Процесс цифровизации отражает растущую потребность людей в непосредственности и меняет наше поведение, культуру и структуру экономики.

Цифровизация также заметна и в финансовой системе. Например, дематериализация финансовых активов сыграла важную роль в появлении электронных торговых площадок. Онлайн-банкинг, цифровое представительство традиционных банковских отделений стали приобретать популярность еще в 1990-е гг. Процесс цифровизации особенно заметен в платежных системах.

До недавнего времени розничные платежи можно было производить только наличными или чеками. Но в наши дни практически никто не

выписывает чеки. Цифровые инновации в области платежей пошли еще дальше: платежные инструменты доступны непосредственно через приложение на смартфоне или даже с помощью смарт-часов. Соответственно, выпуск ЦВЦБ – цифровой версии наличных денег – можно рассматривать как естественное следствие более широкого процесса оцифровки финансовой системы. В мире, где ценные бумаги и контракты дематериализованы и заключаются в электронном виде, где платежи осуществляются с помощью смартфонов, а консультации по инвестициям предоставляются с помощью компьютеров, почему наличные деньги должны быть только физическими? Упускает ли центральный банк преимущества инноваций, не выпуская ЦВЦБ?

Криптоактивы (или виртуальные валюты, как их называли до того, как стало понятно, что они не могут выполнять функции денег) иногда ассоциируются с цифровой валютой. Однако стоит прояснить, что ЦВЦБ не имеют ничего общего с криптоактивами, такими как биткойн. На самом деле ЦВЦБ, как и банкноты, станут пассивом центрального банка. При грамотном введении данная инициатива будет поддерживаться доверием к центральному банку и в конечном счете верховенством закона. С другой стороны, криптоактивы – это ответственность, не принадлежащая никому: нет актива, который бы их подкреплял, и нет четкой структуры управления, которая могла бы гарантировать доверие.

Риски и возможности цифровых валют

В качестве инструмента для осуществления платежей ЦВЦБ добавят ценность к доступным цифровым платежным услугам, тем самым повысив степень конкуренции в этом секторе. Но набор инструментов, позволяющих осуществлять почти беспроблемные и мгновенные платежи, уже велик. Сегодня мы можем совершать цифровые платежи по безналичному расчету (через онлайн-банкинг), с кредитными или дебетовыми картами, используя PayPal или Apple pay (и это лишь некоторые из них). Мы можем сделать это через компьютеры, смартфоны или смарт-часы, просто поднеся запястье к точке продажи. Конкуренция в сфере предоставления платежных услуг уже

высока, и эффективность системы повысится с внедрением во многие юрисдикции мгновенных платежей.

Очевидно, что введение ЦВЦБ может улучшить доступ к цифровым платежам для определенных групп потребителей. Фактически у некоторых потребителей нет банковского счета, что является необходимым условием для использования существующих инструментов цифровых платежей. ЦВЦБ могут предложить доступ к этим инструментам по минимальной или нулевой цене. Согласно опросу Банка Италии в западных странах, например США, Соединенном Королевстве, Франции и Испании, доля населения, не имеющего банковского счета, составляет от 4 до 7%.

Однако более внимательное изучение социально-демографических характеристик потребителей, не пользующихся банковскими услугами, показывает, что у них не только низкий доход, но также и низкое образование: 90% домохозяйств, не пользующихся банковскими услугами, находится в нижней половине распределения доходов и не имеет формального образования или не имеет его вовсе. Поскольку потребители не имеют доступа к банковским счетам и, следовательно, к цифровым платежным инструментам, введение ЦВЦБ не улучшит ситуацию.

Внедрение цифровых платежных средств может быть оправдано целью снижения стоимости наличных денег, т.е. затрат на их производство, транспортировку, утилизацию и т.д. Последние оценки показывают, что эти затраты составляют около половины процентного пункта ВВП в ЕС каждый год или примерно до 76 миллиардов евро. Для сравнения: эта цифра составляет почти половину годового бюджета ЕС. Эти оценки являются нижней границей фактических затрат, поскольку они не включают затраты домохозяйств, такие как время, необходимое для получения банкнот (затраты на обувную кожу), которые трудно оценить. Однако и здесь до сих пор есть неопределенность. Будет ли стоимость предоставления ЦВЦБ ниже, чем стоимость наличных денег? Затраты на управление наличными обусловлены их физической природой, и в цифровом мире они исчезнут. Неденежные расходы, такие как

затраты домохозяйств на поиск поставщика наличных денег, также исчезли бы, если бы наличные деньги были доступны через смартфон.

Вместо этого возрастут затраты на аппаратное и программное обеспечение. Однако цифровые технологии уже играют решающую роль в финансовом секторе. Он используется для перевода денег коммерческих банков, покупки и продажи ценных бумаг и обработки информации. Он постоянно тестируется, обновляется и защищается от рисков, в первую очередь киберрисков. Технология, необходимая для перевода цифровых денег, скорее всего, будет сильно дополнять существующие цифровые сети и инфраструктуру.

В то же время для кредитных учреждений стратегические риски были бы огромными, если бы ЦВЦБ были приняты в глобальных масштабах. Если у потребителей был бы доступ к процентным ставкам ЦВЦБ и если бы они могли легко и безопасно перемещать такой инструмент, им бы не был нужен банковский счет. Действительно, в этом случае можно было бы осуществлять платежи напрямую розничным торговцам и другим поставщикам услуг, но и получать кредиты напрямую от других пользователей ЦВЦБ.

Более того, если они будут восприниматься как более безопасные, чем традиционная валюта, ЦВЦБ могут еще больше ослабить экономическую эффективность традиционных финансовых учреждений.

Сегодня государственное страхование вкладов предоставляет потребителям гарантию того, что средства, которые они вкладывают в банки, будут защищены в случае краха финансового учреждения. Но ЦВЦБ можно рассматривать как еще более надежную гарантию, поскольку она исходит непосредственно от центрального банка – без каких-либо ограничений или риска того, что правительство может нарушить свои обещания. В результате коммерческим банкам и кредитным союзам, возможно, придется платить более высокие процентные ставки, чтобы привлечь заемщиков, и они могут столкнуться с массовым изъятием средств в кризисные периоды, поскольку вкладчики будут искать более безопасные альтернативы.

Хотя внедрение ЦВЦБ может представлять собой экзистенциальную угрозу для финансовой отрасли, вероятность того, что это произойдет в ближайшее время, маловероятна, учитывая размер и масштаб текущей системы, а также опасения по поводу конфиденциальности, безопасности и скорости транзакций.

Появление ЦВЦБ можно рассматривать как медаль с двумя сторонами с точки зрения устойчивости бизнеса. С одной стороны, ЦВЦБ способны расширить финансовую доступность, повысить прозрачность и упростить транзакции в финансовой системе, но в то же время представляют серьезную угрозу для конфиденциальности и защиты лиц от государства. Поскольку большинство ЦВЦБ все еще находится на стадии исследовательского проектирования, теперь у предприятий есть возможность выступать за надлежащую реализацию на национальном и международном уровнях для защиты своих сотрудников, работников, цепочек поставок и спроса. Они могут влиять на то, являются ли защита прав человека, простота ведения бизнеса и экономическое процветание ключевыми принципами ЦВЦБ, и направлены на то, чтобы они улучшали способность бизнеса работать с сообществами и создавали новые справедливые экономические возможности.

ЦВЦБ могут расширить инструменты, используемые правительствами для распределения денег, с новыми возможностями для прямых выплат UBI, помощи или социальных пособий, таких как автоматизация в ответ на определенные условия или триггерные события, от экономических спадов до пандемий и стихийных бедствий.

Одним из ключевых преимуществ единой цифровой валюты является потенциал для расширения доступа к финансовым услугам за счет вовлечения в финансовую систему лиц, не охваченных банковским обслуживанием, и расширения доступа к основным товарам, услугам и электронной коммерции, что может увеличить рыночные возможности. Люди, не пользующиеся банковскими услугами, могут сразу перейти к цифровым валютам, наряду с цифровыми системами идентификации и процессами проверки. Цифровые

валюты также могут улучшить возможности трудоустройства и доступность личных кредитов или кредитов для малого бизнеса, обеспечивая более разнообразные пулы сотрудников и поставщиков. В финансовом и страховом секторах можно создавать новые продукты и услуги и адаптировать их для новых банков. Однако финансовая доступность – в конкретной форме цифровых валют – в первую очередь зависит от цифровой интеграции.

Есть несколько проблем и практических шагов, которые предприятия и поставщики финансовых услуг должны рассмотреть, прежде чем они начнут выплачивать заработную плату и/или счета в цифровых валютах. Предприятия могут проектировать равный доступ, учитывая, как и где в настоящее время совершают сделки люди, особенно те, кто находится в маргинальном положении и занят в неформальной экономике. Помимо доступа, согласие также имеет ключевое значение. Обучение и поддержка будут необходимы, чтобы люди могли принимать обоснованные решения о том, стоит ли внедрять цифровую валюту, и обеспечивать доступ для всех сторон на различных этапах продаж.

Непреднамеренные социальные последствия должны быть полностью изучены и смягчены, прежде чем компания примет платежи в цифровой валюте. Например, некоторые пилотные проекты цифровой заработной платы показали, что многим женщинам не нравится, насколько прозрачна их заработная плата для других членов их домохозяйства. В крайних случаях это может привести к увеличению числа случаев насилия в отношении женщин. Поэтому крайне важно, чтобы цифровизация заработной платы учитывала гендерные аспекты. Эти риски можно свести к минимуму за счет гиперлокального подхода, поскольку динамика гендерных норм и финансов домохозяйств сильно различается в регионах.

Наконец, расширенный «бумажный след» цифровой валюты за счет использования цифровых реестров, в которых регистрируются транзакции, обеспечит новый уровень их прозрачности на всех этапах ценообразования. Это может быть использовано для решения некоторых текущих проблем в

процессах борьбы с отмыванием денег для компаний, а также для снижения общего уровня мошенничества и краж. И, наоборот, те же самые механизмы борьбы с отмыванием денег могут также использоваться для исключения преследуемых групп, политических активистов и критиков денежной системы.

Заключение

Риски и преимущества ЦВЦБ – это две стороны одной и той же (цифровой) медали, связанные с ролью денег как средства платежа и средства сбережения. Использование ЦВЦБ в качестве платежного средства вполне может иметь преимущества, но их точная природа неясна, и они все еще могут быть слишком малы, чтобы оправдать введение единой цифровой валюты. Более того, выпуск ЦВЦБ может стать менее положительным, если мы примем во внимание его потенциальное влияние на спрос на депозиты в коммерческих банках. То есть на риски и выгоды будут влиять характеристики ЦВЦБ, но в любом случае риски не исчезнут полностью.

Центральные банки и министерства финансов должны играть активную руководящую роль в установлении стандартов и обеспечении государственной инфраструктуры для платежей, которые нельзя оставлять на откуп только рыночным силам. Новые технологии могут потребовать достаточно длительного периода поэтапного внедрения, чтобы их можно было полностью протестировать. Должны быть введены множественные альтернативы платежам, чтобы цифровая платежная система приобрела определенную устойчивость и была достаточно конкурентной и безопасной. С точки зрения политики внедрение единой цифровой валюты должно учитывать возможную концентрацию риска, отказ от посредничества традиционных кредитных учреждений и чрезмерный государственный контроль над распределением кредитов, что было бы контрпродуктивно в сегодняшних разнообразных современных экономиках.

По мере того как глобальные платежные системы уже становятся все более цифровыми, важно будет найти баланс между защитой личных данных

и конфиденциальности и необходимостью правительства обеспечивать соблюдение законов, правил и налогов. Вопросы платежей следует рассматривать комплексно, наряду с другими проблемами конфиденциальности, возникающими в связи со сбором данных банками, крупными технологическими компаниями и правительствами. Более широкое трансграничное использование цифровых валют требует международной основы для управления использованием и обменом данными.

Список источников и литературы

1. *Ben F., Halaburda H.* Central Bank Digital Currencies: A Framework for Assessing Why and How // <http://www.bankofcanada.ca/2016/11/staff-discussion-paper-2016-22/> (дата обращения: 10.11.2022)
2. *Greenwood J., Hanson S., Rudolph J., Summers L.* Government Debt Management at the Zero Lower Bound || URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/30_government_debt_management_zlb.pdf (дата обращения: 10.11.2022).
3. *Griffoli T. M.б, Peria M. S. M., Agur I.* Casting Light on Central Bank Digital Currencies // Международный валютный фонд <https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2018/11/13/Casting-Light-on-Central-Bank-Digital-Currencies-46233> (дата обращения: 10.11.2022).
4. *Laforte J.-Ph., López-Salido D., Meyer S., Nelson E., Roberts J.* Flow-Based Balance Sheet Policies: Communication Issues and Macroeconomic Effects // URL: <https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/fomc-memos.htm> (дата обращения: 10.11.2022).
5. *Nicolaisen J.* What Should the Future Form of Our Money Be? // URL: <http://www.norges-bank.no/en/published/speeches/2017/2017-04-25-dnva> (дата обращения: 10.11.2022).
6. *Scorer S.* Central Bank Digital Currency: DLT or not DLT? That is the Question // URL: <https://bankunderground.co.uk/2017/06/05/central-bank-digital-currency-dlt-or-not-dlt-that-is-the-question/> (дата обращения: 10.11.2022).

7. The introduction of the General Data Protection Regulation // URL: https://ec.europa.eu/info/law/law-topic/data-protection/reform/rights-citizens/my-rights/can-i-be-subject-automated-individual-decision-making-including-profiling_en (дата обращения: 10.11.2022).

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Козлова Дарья Андреевна,
студентка 4 курса бакалавриата факультета политологии,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
e-mail: daryak.msu@yandex.ru

Darya A. Kozlova,
bachelor's degree students Faculty of Political Science,
Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
e-mail: daryak.msu@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ВОЙНЫ И МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ЮНГЕРА THE PROBLEM OF WAR AND PEACE IN THE E. JUNGER'S WORKS

Аннотация: в условиях международной напряженности становится важным исследовать историософские взгляды на проблему войны и мира – одну из «вечных» проблем истории социально-политической мысли.

Статья посвящена проблеме войны и мира в творческом наследии Э. Юнгера (1895–1998) – идеолога консервативной революции в Германии, участника двух мировых войн, мыслителя и писателя. Для анализа были взяты политические статьи, дневниковая проза, эссе и романы Юнгера 1920-х – 1970-х гг., которые в полной мере позволяют проследить эволюцию концепции войны и мира в социально-политических воззрениях мыслителя.

Ключевые слова: Э. Юнгер, проблема войны и мира, история социально-политических учений, история конфликтологии.

Abstract: in conditions of international tension, it becomes important to study historiosophical views on the problem of war and peace - one of the "eternal" problems of the history of social and political studies.

The article is devoted to the problem of war and peace in works of E. Junger, an ideologist of the conservative revolution in Germany, a participant in two world wars, a thinker and a writer. For the analysis were taken political articles, diary prose, essays and novels by Junger of the 1920s – 1970s, which fully allow us to trace the evolution in the social and political views of the thinker.

Key words: E. Junger, the problem of war and peace, the history of social and political studies.

Проблема войны и мира в истории социально-политических учений и истории конфликтологии

Большинство международных проблем, споров и кризисов связано с вопросом войны и мира. Проблема войны и мира всегда была центральным вопросом во все исторические периоды, на всех уровнях и почти во всех этапах международных отношений. Именно поэтому она остается темой, не теряющей своей актуальности для исследователей широкого спектра общественных наук, включая политологию, историю, конфликтологию и т.д.

На сегодняшний день можно говорить о том, что теоретическая и эмпирическая основа исследований по тематике войны и мира была составлена главным образом из научных трудов в трех областях:

- 1) религии, этике, философии и психологии, анализирующих проблему с помощью нормативно-оценочных категорий добра и зла;
- 2) философии, политологии, социологии и юриспруденции, исследующих проблему сквозь призму истории социально-политической мысли и теории международных отношений;
- 3) исторической, художественной, а также документальной, мемуарной и справочной литературы, посвященной теме войны и мира [17, с. 85].

В рамках данных направлений одной из авторитетных базовых классификаций является предложенная А.А. Любичевым идея о существовании двух линий исследований проблемы: линии Демокрита и Платона [9]. В исследованиях, проводимых по линии Платона (Платон, Плотин, А. Аврелий, Ф. Аквинский, И. Кант, М. Хайдеггер), на первый план выходит разработка определяющих эволюционных теорий, а приоритетом философского постижения мира является изучение фундаментальных принципов бытия. Таким образом, война и мир рассматриваются только как внешние проявления фундаментальных процессов. Считается, что линия

Платона легла в основу либерализма и неолиберализма. В научных трудах, относящихся к линии Демокрита (Демокрит, Фукидид, Цицерон, Н. Макиавелли, Т. Гоббс, К. фон Клаузевиц, В.И. Ленин, Г. Моргентау), которая была в основном представлена в теориях международных отношений, истории и литературе, проблема войны и мира выходит на первый план. Принято полагать, что линия Демокрита нашла свое воплощение в концепциях и теориях баланса сил, баланса угроз и реальной политики.

Ввиду обостряющейся международной напряженности и появления новых видов вооружений проблема войны и мира чаще всего рассматривается в контексте изучения мировой истории. В данном случае пристальное внимание скорее уделяется анализу принимаемых стратегических и тактических решений командования, описанию военно-политического потенциала, экономическим, социально-демографическим, экологическим и другим последствиям военных кампаний, нежели их морально-этическим оценкам.

В современных научных исследованиях, касающихся проблемы войны и мира, приоритет отдается изучению военно-политических и идеологических сторон проблемы, а не ее нравственному, религиозному, философскому и другим не менее важным аспектам, которые могут быть рассмотрены сквозь призму новых областей научного знания, таких как конфликтология, военная психология, военная социология и т.д.

История конфликтологии в своем методологическом аппарате использует подходы истории социально-политических учений и социологии конфликта. В первом случае речь идет о классификации философов, представляющих одну из двух традиций: войны или мира. Данное деление обусловлено наличием в их сочинениях «мирных» проектов. Во втором случае можно говорить о конфликтно-консенсусном подходе, дифференцирующим мыслителей по признаку описания ими положительных или негативных черт конфликта.

Отдельного внимания заслуживает изучение концепций войны и мира, получивших свое развитие в Германии – стране, имеющей непосредственное отношение к заявленной проблеме не только с точки зрения военно-исторического аспекта, но и с позиции ее всестороннего теоретического осмысления [5, с. 127]. Ведь идеи, изложенные в работах многих немецких мыслителей, нашли свое отражение в современной международной политике. В качестве примеров можно привести принцип «демократии не воюют друг с другом», напоминающий идею И. Канта о союзе свободных государств, решивших не воевать друг с другом [6, с. 21], создание международных организаций, которые можно рассматривать как потенциально универсальное объединение держав и космополитизм, порождающий транснациональные отношения.

В работе автор обращается к рассмотрению проблемы войны и мира в творческом наследии Э. Юнгера – идеолога консервативной революции в Германии, участника двух мировых войн, мыслителя и писателя. Для анализа были взяты политические статьи, дневниковая проза, эссе и романы Юнгера 1920-х – 1970-х гг., которые в полной мере позволяют проследить эволюцию концепции войны и мира в социально-политических воззрениях мыслителя.

Э. Юнгер – сейсмограф XX века

XX век был ознаменован расцветом новых философских школ в Германии, Австрии, Франции и Англии. Особое внимание стоит уделить немецкой политической философии, оказавшейся, на первый взгляд, затерянной за декорациями исторических событий. Тем не менее идеология «консервативной революции» стала «уникальным интеллектуальным явлением в истории Германии XX столетия» [10, с. 146] и до сих пор остается актуальной темой для широкого спектра общественных наук, в том числе для политологии и конфликтологии.

Одним из ведущих представителей «консервативной революции» политико-идеологического течения, ставившего своей целью преобразовать бур-

жуазно-демократическую Веймарскую республику в националистическое государство, был Эрнст Юнгер (1895–1998). Несмотря на стремление многих исследователей выделить конкретные этапы в творчестве мыслителя [4; 7], мировоззрение, сформированное под влиянием работ Ф. Ницше и М. Хайдеггера, незаметно для многих позволило рассматривать его идеи в целостности. Через все творчество Юнгера красной нитью проходит реакция на духовный кризис современной ему эпохи. Аналогичная тенденция была присуща идеологу «правого социализма» С.И. Гессену [1, с. 145]. Однако подход Юнгера был уникален тем, что автор, в ответ на духовные кризисы эпохи, создавал образы личности, свободные от плодов цивилизации, но, как это ни парадоксально, носящие в душе черты традиционализма.

Творческое наследие Юнгера разнообразно: наряду с эссе в нем представлены и дневниковая проза, и романы-антиутопии. Актуальность изучения работ Юнгера обусловлена, во-первых, очевидной недостаточностью работ, анализирующих социально-политические взгляды мыслителя, во-вторых, малодоступностью большей части его трудов на русском языке, вследствие чего идеи автора остаются неизвестными широкому кругу исследователей.

Несмотря на то что довольно сложно говорить о разносторонней перцепции творчества немецкого мыслителя, представляется возможным выделить разные области научного знания, с позиции которых его можно анализировать. В западной историографии таковыми принято считать рассмотрение фигуры Юнгера в качестве талантливой публициста, социально-политического мыслителя, философа, предложившего новый взгляд на решение проблемы войны и мира, а также созерцателя, ведущего хронику двух мировых войн в своих дневниках.

На сегодняшний день немецкие специалисты по политической философии и литературоведению выделили два этапа в творчестве мыслителя. Для раннего этапа (до начала 1930-х гг.) характерны импульсивность, политическая предвзятость и появление наиболее резонансных публикаций, направлен-

ных на сопротивление либеральному режиму Веймарской республики. Поздний же этап (с 1930-х гг.) обозначен свободой от влияния идеологических установок [4, с. 14]. Представляется возможным разделить на два этапа и социально-политическое творчество Юнгера: первый этап (до 1930-х гг.), для которого характерно рассмотрение современного мыслителю общества сквозь перцепцию итогов Первой мировой войны, и второй этап (с конца 1940-х гг.), во время которого мыслитель переживает эволюцию во взглядах на проблему войны и мира и формулирует проект послевоенного мироустройства. Важно отметить, что можно также выделить переходный период, начавшийся уже в начале 1930-х гг. («Рабочий. Господство и гештальт», «Африканские игры», «На мраморных утесах»), когда Юнгер описывает свой социально-политический идеал, переживающий затем ряд существенных трансформаций в эссе «Уход в лес», «Мир» и других работах, в том числе художественного жанра.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что на протяжении жизни Юнгера его идеи неоднократно претерпевали значимые изменения. Как верно замечают некоторые исследователи, своей литературной славой мыслитель обязан военной карьере [8, с. 34], открывшей ему «неизвестного солдата» – первый из четырех гештальтов, с помощью которых наиболее удобно проследить эволюцию во взглядах Юнгера.

1920-е гг. отмечены периодом активной публикации политических статей Юнгера, написанных под впечатлением от революционных событий. Несмотря на то что мыслитель признавал ноябрьскую революцию в Германии свершившейся, он указывал, что та была лишь «внешним знаком крушения», представляя собой революцию государственной формы, но не души, и в то же время считал ее «плодоносной почвой, из которой для нас [прим. – немцев] произрастет не отрицание, а новая, более мощная жизнь» [12, с. 263]. По мнению Юнгера, революция души должна была привести к созданию национального государства, которое приведет немецкую нацию к победе над «внешне-политическим унижением и внутреннеполитической слабостью» [2, с. 124].

На фоне развития идеологии «консервативной революции» произошло

сближение интеллигенции, стоявшей у ее истоков, с партией национал-социалистов. Юнгер не был исключением. После того как мыслитель убедился в бессилии Веймарской республики, национал-социалисты стали для него символом радикального антибуржуазного движения, способного привести к обновлению сознания немцев. Сторонники Гитлера олицетворяли для него идеальный тип нового человека, способного подчинить технику своей воле, не обращающего внимания на единичное ради достижения высокой цели. В самом же лидере национал-социалистов Юнгер видел вождя, в будущем задающего тон европейской истории XX столетия.

Тем не менее с каждым годом мыслитель все четче различал противоречия между национализмом в его понимании и национал-социализмом Гитлера. В статье 'Nationalismus und Nationalsozialismus' (1927) Юнгер отмечал, что в идеологии нацистов стремление к реальной власти и руководству массами первостепенно, духу же, как и самой чистой идее национализма, не уделяется должного внимания. Окончательный разрыв отношений Юнгера с нацистами произошел в 1929 году, сентябрь которого был отмечен серией террористических актов голштейнского движения Ландфольк – народного протестного движения, сформированного в ответ на сельскохозяйственный кризис 1920-х гг. На решение Гитлера о выдаче вознаграждения за поимку террористов философ ответил статьей 'Nationalismus und Nationalismus' (1929), в которой объявил будущего фюрера бюргером, пресекая дальнейшее сотрудничество с ним в какой-либо форме [20, с. 509].

В дальнейшем Юнгер отказался от места депутата рейхстага, а также отклонил предложение об избрании в Немецкую академию поэзии. Данный период в творчестве Юнгера сопровождался смещением акцентов от политической публицистики к художественному жанру и получил название «внутренняя эмиграция». Так называли явление, которое было очень популярно в среде немецких интеллектуалов в 1950-х – 1960-х гг.

Тем не менее события в истории Германии продолжили находить отклик

в его работах, пусть и в более метафоричной форме. Период «внутренней эмиграции» важен для исследователей социально-политических идей мыслителя, так как в это время в творчестве Юнгера закрепляется тема конфликта государства и личности, а также проблема войны и мира.

Феномен войны в творчестве Э. Юнгера

Война является одной из центральных тем раннего творчества Э. Юнгера, к которому можно отнести следующие тексты: «В стальных грозах» (1920), «Борьба как внутреннее переживание» (1922), «Лейтенант Штурм» (1923) и т.д. Сам мыслитель принимал непосредственное участие в боевых действиях с ноября по декабрь 1913 года (сбежал в Иностранный легион, откуда был возвращен отцом), с октября 1914 по август 1923 года и с августа 1939 по сентябрь 1944 года. Однако важно отметить, что в годы Второй мировой войны Юнгер чаще всего находился на периферии.

Войну, ставшую неотъемлемой частью его жизни, мыслитель воспринимал как рыцарскую авантюру, особую форму жизни, выражающуюся в высшем сосредоточении внутренней силы и энергии. Целью войны Юнгер считал воплощение высшей воли в движении массы: «Только когда за величайшей задачей стоит сам человек, только когда через него говорит высочайшая воля, он мощно возносится над личным и только тогда в его деяниях распознается глубочайшее значение» [12, с. 262].

Кажется возможным выделить несколько дефиниций войны, встречающихся в работах Юнгера. Во-первых, речь идет о восприятии войны как эксперимента или вызова – внутреннего опыта и опьянения. Юнгер рассматривает войну как своего рода массовый психологический эксперимент, в котором он одновременно является как подопытным, так и исследователем. Важно отметить, что рассмотрение войны в качестве внутреннего опыта можно считать ранним свидетельством саморефлексии с позиции наблюдателя. Возможно, что именно совмещение дистанции и близости в лице солдата и объясняет особый интерес к творчеству автора.

Опьянение войной в ранних работах Юнгера проявляется в основном в

двух формах: в перерывах между боями – опьянение, вызванное алкоголем и возникающее из желания наслаждаться каждым моментом жизни в условиях постоянной угрозы жизни, – и в процессе самого боя, когда чувства могут овладевать людьми, как и сама исключительная ситуация («Их бросают вперед энергия борьбы и опьянение борьбой, вино или эротический импульс. Они испытывают предельное состояние человеческого сознания» [4, с. 44]).

Во-вторых, мы можем говорить об определении войны как метафизической области, особой формы жизни, возвышающей множественное над частным и способствующей формированию коллективной души и братского чувства даже с соперником.

Для раннего периода творчества Юнгера характерно отрицание отдельного существования перед господством массы и стихии. Кто не был готов превращаться из воина в боевую единицу, кончал самоубийством. На войне эти рамки задавали государства, за давлением технических масс друг на друга не замечающие, что до сих пор именно человек воюет против человека. Все же, по Юнгеру, война стихийна и исходит из глубины человеческой души, улавливающей дух истории. Это и положило начало новой проблеме в творчестве автора – конфликту государства и личности.

Таким образом, смысл войны для Юнгера заключался в том числе в преобразовании мощнейшей силы, двигающей историю, в духовном наполнении ее содержания и выплавлении чистого человеческого организма, вновь принявшего принцип достойнейшего за моральный закон.

В-третьих, для Юнгера война являлась необходимым средством для национального преобразования и требованием для проведения политики мира и свободы. Так, наследием Первой мировой войны стало новое чувство силы, вызванное колоссальным количеством разрушительного материала и энергии, высвобожденных на полях сражений в Европе. Поражение Германии, таким образом, воспринималось лишь как повод переосмыслить общественные ценности и отказаться от человека «бюргерского типа».

Отталкиваясь от суждения, что Первая мировая война стала последним

сражением рыцарей, Юнгер пришел к разработке классификации войн, которая затем нашла свое отражение в работах таких мыслителей, как Жорж Батай и Юлиус Эвола, находившихся под впечатлением от ранних работ немецкого мыслителя. В основе классификации лежало противопоставление рыцарских сражений современным войнам, которые в погоне за техническим оснащением потеряли какое-либо духовное содержание.

Первая мировая война как для Юнгера, так и для Батая, стала последней архаичной войной, на место которой пришла война современная – бессмысленная кровавая бойня, грозящая человечеству полным уничтожением. Однако каждый из мыслителей предложил собственный вариант эволюции войны. Если Батай считал, что следующим этапом должна была стать «духовная брань» [3], а Эвола верил в наступление восстановительной войны [11], Юнгер считал, что война приняла форму революции планетарного масштаба. Выходом из ситуации могло стать возрождение рыцарских форм ведения войны или наступление очищающей войны, закончившейся безальтернативным миром.

Современная война превратилась в «войну нервов», стремящуюся превратить порядок противника в хаос бесполезного железа и обезумевших масс. Если во время Первой мировой войны человечеству предстояло решить вопрос, кто сильнее – человек или машина, то надвигающаяся Вторая мировая война поставила новый вопрос: должны ли люди или автоматы властвовать над землей [21, с. 333].

Юнгер был озабочен меняющимся духом войны как в макрополитическом плане, так и в мельчайших деталях, сопровождающих новые отношения между людьми и машинами, которые превращали войну в технологически управляемую работу. Кроме того, он видел растущую опасность войны, истекающую из неустанной погони за технической мощностью, превращающейся в разрушительную силу для самих ее создателей, которые продолжали верить в рациональность массового производства, технического прогресса и соответствующих им управленческих процессов и организационных форм. Вторая

мировая война, таким образом, отличалась от Первой «не только тем, что национальные вопросы здесь открыто переходят в вопросы гражданской войны и подчиняются им, но и тем, что механический прогресс нарастает, в своих крайних пределах приближаясь к автоматизму» [16, с. 30].

Тем не менее, несмотря на критику современной войны, Юнгер воспринимал борьбу как стихийную силу, являющуюся законом природы. Таким образом, его критику нельзя назвать фундаментальной, так как мыслитель все же остался верен идеальному образу войны, ориентированному прежде всего на рыцарство, которое возродится в будущем: «Уход в Лес, как путь, на котором свобода и необходимость постигают друг друга, оказывает воздействие и на армию, а значит, изначальные формы сопротивления, от которых происходит солдатский дух, должны вновь вернуться в историю» [16, с. 98].

Размышления о мире после Второй мировой войны

Переосмысление феномена войны ознаменовало начало второго периода творчества Э. Юнгера. Ему в отечественной историографии несправедливо уделяется крайне мало внимания. Наиболее важными работами второго периода, прямо или косвенно затрагивающими проблему войны и мира, являются «Мир» (1945), «Уход в лес» (1951), «Гордиев узел» (1953), «Мировое государство» (1960), «Верденская речь» (1979) и некоторые другие работы.

Несправедливо полагать, что изменение в воззрениях Юнгера было радикальным. В том же эссе «Мир» немецкий мыслитель до конца не отрекается от Рабочего как идеального типа человека, однако безальтернативным социально-политическим идеалом считает уже не тираническое «Рабочее государство», а союз христианских республик, которые положат начало лечению от мирового насилия в Европе. Вторая мировая война, таким образом, осталась в понимании Юнгера преобразующей силой, трансформирующей народы, утверждающей их коллективное стремление к объединению.

Воззвание «Мир» задумывалось как призыв к молодежи и программа оппозиционеров. Впервые идея написания трактата пришла к мыслителю в 1941

году [13, с. 408], однако опубликована она была лишь в 1945 году и воспринималась как речь побежденного, хотя предыстория его издания «вплетена в парижскую часть записок» [15, с. 16], включенных в секстет дневников, вышедших под заглавием «Излучения» (1949).

Стимулом к написанию воззвания послужило несколько событий в нацистской Германии, которые были приняты Юнгером с отвращением: Хрустальная ночь, «желтые звезды», «приказ Кейтеля» (в Германии он известен как «приказ об искуплении» от 16 сентября 1941 года: о подавлении освободительного движения в оккупированных странах и расстрелах заложников), попадание под жернова власти старшего сына Юнгера – Эрнстеля, который открыто выступал против власти Гитлера. К слову сказать, именно Эрнстелю, убитому на полях Второй мировой войны, и был посвящен «Мир».

Основная идея проекта сводилась к пониманию войны как инструмента трансформации общества, в основе которого изначально заложена тенденция к объединению. Поэтому естественным итогом исторических событий 1940-х гг., по мысли Юнгера, должно было стать сплочение всех народов.

Будучи формой очищения наций от логики насилия, как утверждает мыслитель, Вторая мировая война опытным путем доказала, что высшая воля стремится дать миру новую форму, а геополитическому пространству – новые границы. Главным признаком этого процесса стало развитие технической мощи, которую отныне не способна подчинить ни одна «старорежимная нация». В качестве других его признаков Юнгер выделял рост населения и промышленности, работающей против себя, когда «армии безработных сменяются вооруженными армиями», а также превышающее спрос предложение.

Несмотря на то что в современной войне мыслитель больше не находил никаких отголосков рыцарской эпохи, Юнгер считал, что, именно проходя сквозь новые технологические катастрофы, выковывается гештальт рабочего, который «уже подготовил планы великих работ, кому присущи смелость и кругозор, потребные для планирования устройства всемирного мира» [14, с.

45]. Поэтому, если Вторая мировая война «была первым делом всего человечества, мир, которым она завершится, должен стать вторым таким делом» [14, с. 9]. Юнгер верил в заключение безальтернативного мира, «продиктованного разумом, а не страстями» [14, с. 26], иначе, как и с точки зрения Канта, путь ненависти и возмездия, по которому пойдут народы, приведет лишь к «новой, более жестокой ссоре, которая закончится всеобщим уничтожением» [14, с. 29]. Безальтернативному миру Юнгер противопоставляет Версальский мирный договор, считая, что «еще один мир, заключенный по тому же образцу, просуществовал и того бы меньше, закончившись разрушением Европы» [16, с. 59].

Таким образом, на смену прошлым политическим устройствам должны прийти империи, основанные на принципах эпохи и духовных началах. Однако объединение народов должно было начаться именно в Европе, несущей «в себе множество трещин, оставленных многочисленными испытаниями и невзгодами истории» [14, с. 33]. Под единой Европой Юнгер понимал «придание геополитического единства пространству, расчлененному в ходе исторического развития» [14, с. 46–47]. В основу нового союза мыслитель положил общеевропейскую конституцию, которая должна решить вопросы пространства, права и реализации нового жизненного уклада Рабочего, отстаивая, однако, право народов на культурное разнообразие.

Программа франко-германского примирения Европы, предложенная на страницах «Мира», нашла свое отражение в политике Роберта Шумана, Шарля де Голля, Конрада Аденауэра и Европейского союза, воплотившись в проекте общего европейского пространства. Тем не менее Юнгер остался верен своей конфликтной теории развития общества, считая, что в противоречии кроются зачатки развития.

Дальнейшие события мировой истории лишь подтвердили мысли Юнгера. Холодная война, ознаменовавшая пусть и ненасильственное, но глобальное геополитическое и идеологическое противостояние между странами

капиталистического и социалистического блоков, убедила мыслителя в том, что корни противоречий уходят в глубь европейской истории.

Этический регресс на Восточном фронте во времена Второй мировой войны до уровня варварской бойни привел Юнгера к выводу, что в конечном счете должно быть создано мировое государство, гарантирующее мир: «Мы переходим от национальных государств и даже от крупных территориальных единиц к планетарным порядкам. Этого можно достичь договорами только в том случае, если у партнеров есть к этому воля, что должно быть доказано в первую очередь ограничением своих притязаний на суверенитет» [16, с. 59].

Юнгер считал, что коренное противоречие кроется в оппозиции Востока и Запада. Однако оно сосредоточено не столько в области реальной политики или взаимоотношения географических и геополитических пространств, сколько в области мифологической [18]. Тем не менее, по мнению автора, мировая история вступила в свой завершающий этап в XX веке и в будущем приведет к государству, охватывающему весь земной шар, – мировому государству.

Противостояние СССР и США в рамках холодной войны видится Юнгеру последним шагом к переходу к глобальному порядку. Политические противники рассматриваются мыслителем не как антагонисты, а как партнеры, участвующие в формировании мирового государства [19]. При этом данный процесс меньше зависит от сверхъестественной силы, нежели от доброй воли и практического разума самих гегемонов.

Таким образом, Юнгеру удалось трансформировать свое учение о войне, сохранив при этом стабильный и надежный фундамент. Несмотря на переход от идеалов насилия и постоянной борьбы к идеалу последней очищающей битвы, за которой следует всеобщий мир и братство, страдание так и осталось важной компонентой учения мыслителя. Народы Европы объединены своей общей болью от многовековой борьбы, без которой не был бы возможен новый мир.

Заключение

Военный опыт Эрнста Юнгера позволил ему стать не только одним из идеологов «героизма поражения» и консервативной революции в Германии, но и довольно четко фиксировать вызовы современной ему эпохи, пусть иногда и давая на них неполные ответы.

Переосмысление итогов Первой мировой войны дало возможность Юнгеру сформулировать собственную эволюционную концепцию войн от рыцарского поединка до войны всеобщего уничтожения, в которой нет места чести и духовному содержанию. При этом саму войну Юнгер воспринимает по-разному: как эксперимент, метафизическую область единения крови и духа, а также необходимое средство для трансформации общества.

По мнению мыслителя, новые отношения между государствами, пространством и духом войны, а также развитие технологий глубоко изменили природу военных действий и предрекли историческую фазу, в которой война приняла еще больший размах и жестокость. Рыцари ушли в прошлое, а на их место пришли рабочие и техника, но в конце концов наступил момент, когда техника вышла из-под власти своего создателя и подчинила его себе.

В качестве цели миростроительства после Второй мировой войны Юнгер видел сглаживание межнациональных противоречий. Мыслитель предлагал проект единого европейского пространства, который в будущем и должен был стать аналогом кантианского «вечного мира». Тем не менее Юнгер признавал наличие истоков конфликта, лежащих в человеческой природе, обусловленных духовной (но не территориальной) принадлежностью Западу или Востоку.

Таким образом, для истории социально-политических учений и истории конфликтологии Эрнст Юнгер интересен как мыслитель, относящийся, с одной стороны, к философам традиции мира и представивший в 1945 году собственный «мирный проект», а с другой стороны, к сторонникам традиции войны, считавший противоречия и конфликты основой и стимулом человеческого развития.

Список источников и литературы

1. *Агаев Б.В., Гуторов В.А., Шириняц А.А.* Рождение идеи правового социализма: С.И. Гессен // Диалог со временем. – 2020. – № 71. – С. 141–151.
2. *Артамошин С.В.* Консервативная революция в интеллектуальном пространстве Веймарской республики. – СПб.: Владимир Даль, 2018.
3. *Батай Ж.* Психологическая структура фашизма // Новое литературное обозрение. 1995. № 13. – С. 80-102.
4. *Веннер Д.* Эрнст Юнгер. Иная европейская судьба. – М.: Тотенбург, 2019.
5. *Зоткин А.А.* Проблема войны и мира в немецкой политической мысли XVIII – начала XIX вв. // Диалог со временем. 2020. Вып. 71. С. 127-133.
6. Кант И. К вечному миру. Философский проект // Кант И. Соч. в 8-ми тт. Т.7. М., 1994. С. 5-56.
7. *Кизель Г.* Эрнст Юнгер: вехи творчества. – М.: Тотенбург, 2019.
8. *Ланник Л.В.* Эрнст Юнгер и германская военная элита: к проблеме взаимоотношений // История. Общество. Политика. – 2020. □ № 1. – С. 34-42.
9. *Любищев А.А.* Линии Демокрита и Платона в истории культуры. – СПб.: Алетейя, 2000.
10. *Терехов О.Э.* «Консервативная революция» как феномен правового модерна в Веймарской республике в германской историографии // Вестник Кемеровского государственного университета. □ 2013. □ Т.3. № 2 (54). – С. 146.-152.
11. *Эвола Ю.* Метафизика войны. – Тамбов, 2008.
12. *Юнгер Э.* Избранные статьи. Революция // Юнгер Э. Рискующее сердце. – СПб.: Владимир Даль, 2010. С. 257-264.
13. *Юнгер Э.* Излучения (февраль 1941 – апрель 1945). – СПб.: Владимир Даль, 2002.
14. *Юнгер Э.* Мир. Слово к молодежи Европы и молодежи мира / Эрнст Юнгер; [пер. с нем. А. Климентова]. – М.: Вече, 2018.

15. *Юнгер Э.* Сады и дороги: дневник. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2008.
16. *Юнгер Э.* Уход в лес. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2020.
17. *Bazaluk O.* The Problem of War and Peace: a Historical and Philosophical Analysis // Philosophy and Cosmology. 2017. Vol. 18, pp. 85-103.
18. *Jünger E.* Der Gordische Knoten // Sämtliche Werke. Band. 7: Betrachtungen zur Zeit. Stuttgart: Klett-Cotta, 1978.
19. *Jünger E.* Der Weltstaat // Sämtliche Werke. Band. 7: Betrachtungen zur Zeit. Stuttgart: Klett-Cotta, 1978.
20. *Jünger E.* Politische Publizistik (1919-1933). Klett-Cotta, 2001.
21. *Schöning M.* Ernst Jünger. Handbuch. Leben – Werk – Wirkung. Stuttgart, 2014.

Герасимова Юлия Игоревна,
Дипломатическая академия МИД России,
yigera@yandex.ru

Yulia I. Gerasimova,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
yigera@yandex.ru

БРИКС В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА BRICS IN THE CONTEXT OF THE INFORMATION COOPERATION

Аннотация: в статье рассмотрено объединение БРИКС в качестве платформы для взаимодействия на информационном треке. В результате проведенного краткого анализа тенденций медиасреды были определены точки соприкосновения интересов государств, входящих в БРИКС, в рамках самопозиционирования в мировом информационном пространстве с уклоном в концепцию умеренного традиционализма.

Ключевые слова: БРИКС, ценностные ориентиры, коммуникации, медиапротекционизм, культурные основы, традиционализм.

Abstract: the article considers the BRICS group as a platform for cooperation in the information area. Having briefly analyzed the trends of media environment, we managed to establish the common ground of interests between the BRICS' member states within the framework of their self-positioning in the worldwide information area, considering their inclination towards moderate traditionalism.

Keywords: BRICS, value guidelines, communication, media protectionism, cultural foundations, traditionalism.

Перспективные направления информационного сотрудничества в рамках БРИКС

Новые тенденции на мировой арене обуславливают значительное повышение потенциала развития диалогового формата БРИКС на информационном треке. Обозначенная инициатива была выдвинута еще осенью 2020 года, когда участники впервые высказались в поддержку общего проекта в сфере цифровой дипломатии [3]. Сложности коммуникации,

связанные с политическими аспектами пандемии COVID-19 и последующим украинским кризисом, показали, что потребность в выстраивании независимой от Запада информационной инфраструктуры продолжает нарастать. Необходимость найти решение данной комплексной задачи признается всеми членами группы БРИКС, при том что общая численность населения входящих в нее государств постепенно приближается к половине от общемировой, что говорит о значительных внутренних резервах данной организации [2]. Таким образом, трансляция смыслов, альтернативных евроатлантическим нарративам, на автономной онлайн-платформе под эгидой БРИКС, наряду с печатной продукцией, теле- и радиовещанием, представляется естественным выходом из системы прозападного медиапротекционизма.

Стоит отметить, что существующий коммуникационный проект «ТВ БРИКС», частично инкорпорированный в национальное телевидение стран, входящих в группу, полноформатно функционирует в качестве виртуального новостного портала, посвященного актуальным вопросам сотрудничества в рамках БРИКС. В то же время нельзя отрицать, что назревает необходимость углубления гуманитарного спектра перечня вопросов БРИКС, которую предлагается рассматривать не только под углом зрения происходящих в объединении процессов, но и в качестве площадки для обмена опытом в научной, культурной, политической и других смежных сферах. Расширение гуманитарного содержания среды БРИКС существенно повысит вовлеченность населения стран-участниц в непосредственный внешнеполитический дискурс и станет катализатором для воспроизведения новых дополнительных проектов, способных расширить взаимодействие профессиональных, культурных и деловых кругов не только Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки, но и соседних стран.

В 2022 году прошла юбилейная десятая встреча министров науки, технологий и инноваций стран БРИКС, во время которой российская сторона акцентировала внимание руководителей ИКТ-отраслей на острых

потребностях в достижении технологического суверенитета, а также уделила внимание собственному накопленному опыту разработок суверенных поисковых систем, социальных сетей и программного обеспечения (что должно явиться основой для будущего отраслевого сотрудничества) [5].

Следует отметить, что еще в 2019 году на аналогичной профильной встрече со стороны Бразилии была предложена концепция «Новая архитектура БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций» [6] – модель, призванная упорядочить структуру сотрудничества в рамках объединения по четырем направлениям: научный обмен, партнерство в сфере исследовательских инфраструктур, инновационное взаимодействие и развитие сферы долгосрочной кооперации (проведение Форума молодых ученых).

Тем временем, согласно оценке экспертов РСМД, БРИКС постепенно трансформируется в самую широкую диалоговую платформу развивающегося мира [7], что предполагает проведение большого числа мероприятий (в т.ч. в виртуальном формате). Вследствие этого повышается потребность в разработке концептуальных основ универсальной медиасреды БРИКС, которая в равной степени будет представлять интересы каждого актора и иметь значение как интерактивный межкультурный центр с возможностью проведения онлайн-встреч и семинаров для студентов, деятелей науки и искусства, представителей бизнес-кругов, других заинтересованных групп.

Межгосударственная академическая мобильность между признанными «лидерами мнений», идейный обмен среди юношеских и экспертных сообществ различных континентов являются эффективными инструментами понижения конфликтности в молодежной и профессиональной среде, мониторинга протестных настроений в сетевом пространстве и в целом гармонизации международных отношений, упрочения общего репутационного капитала БРИКС. В связи с нарастающим санкционным давлением со стороны коллективного Запада в ходе кампании по «отмене России» особенно актуальной нам видится проблематика реализации задачи по обеспечению полноформатного доступа аудитории государств, входящих в

БРИКС, к российским информационным ресурсам в качестве мер по восстановлению права на свободу мнений и их свободное выражение, провозглашенного ст. 19 Всеобщей декларации прав человека [1].

Перспектива инкорпорации российского информационного контента в цифровые пространства Бразилии, Индии, Китая и ЮАР через платформу БРИКС и более широкая задача по организации общей медийной среды данного диалогового формата видится нам реализуемой при условии успешного запуска интернет-портала «пятерки». Для выполнения указанной задачи потребуется совершить ряд практических шагов, в частности:

- сформировать уполномоченные по информационному сотрудничеству группы;
- заключить соглашения о коллективном взаимодействии в информационной сфере;
- сконструировать соответствующие функциональные элементы с приоритетной разработкой единого медиахолдинга и мультязычного информационно-просветительского портала с интуитивно понятным интерфейсом;
- создать физическую инфраструктуру БРИКС в виде локальных хранилищ электронной информации и их локальных структурных отделений.

Одним из основных векторов сотрудничества является концептуальное оформление имиджевых кампаний и связей с общественностью, которое должно быть реализовано с учетом региональной и национальной специфики государств – членов БРИКС и общих элементов в культурных кодах их населения. Нами также констатирована важность изучения соответствующих наработок Индии, КНР, региона ЛАКБ и ЮАР в контексте выполнения задач межнациональной культурной политики. Основная мотивация для развития партнерства в медиасфере формата БРИКС представляется в единой для стран-участниц потребности поддерживать государственную устойчивость в обстановке турбулентности международных процессов.

Единым нарративом, обладающим достаточной идейной привлекательностью, который способны принять и в той или иной степени поддерживать члены группы БРИКС, может стать концепция умеренного консерватизма, высказанная Президентом России В.В. Путиным на Валдайском форуме в 2021 году. [4] Поскольку в западном мире происходит смещение основных ценностных ориентиров, связанное с лоббированием интересов различного рода меньшинств (на национальной, расовой и гендерной основах), что находит отражение в агрессивной внешней повестке, государства, не готовые воспринять подобного рода над-идеи, более того, видящие в них глубинное противоречие с собственными культурными основами, вынуждены вырабатывать меры противодействия.

Таким образом, именно на основании подходов традиционализма, имеющего достаточный вес в социумах стран, входящих в БРИКС, должны быть выработаны формы, методы и средства достижения цели создания совместного медиапространства государств – членов данного объединения, что призвано способствовать гармонизации и восстановлению баланса глобального информационного фона.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека, Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. Организация Объединенных Наций. [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 06.08.2022)
2. Межгосударственное объединение БРИКС. Досье, ТАСС, 02 сентября 2017 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/info/1315743> (дата обращения: 28.07.2022)
3. О консультациях официальных представителей МИД стран БРИКС по информационной проблематике, Селдон Новости, 29 сентября 2020 г. // [Электронный ресурс] // URL:

<https://news.myseldon.com/ru/news/index/238213524> (дата обращения: 21.06.2022)

4. Происхождение и вызовы консервативной стратегии, Международный дискуссионный клуб «Валдай», 25 октября 2021 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/proiskhozhdenie-i-vyzovy-konservativnoy-strategii/> (дата обращения: 16.07.2022)

5. Прошла юбилейная 10-я встреча профильных министров науки, технологий и инноваций стран БРИКС, 28 сентября 2022 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/59045/> (дата обращения: 29.09.2022)

6. Седьмая встреча министров науки, технологий и инноваций стран-участниц БРИКС, 21 сентября 2021 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/21845/> (дата обращения: 12.08.2022)

7. Эксперты обсудили роль БРИКС в глобальном управлении, РСМД, 29 июля 2022 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://russiancouncil.ru/news/eksperty-obsudili-rol-briks-v-globalnom-upravlenii/> (дата обращения: 04.08.2022)

РЕЦЕНЗИИ

Феофанов Константин Анатольевич,
доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры международных отношений
Дипломатической академии МИД России,
konstantin.feofanov@gmail.com
Konstantin A. Feofanov,
Doctor of Sciences (Political Science),
Professor of the Department of International Relations
of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
konstantin.feofanov@gmail.com

Рецензия

на монографию доктора юридических наук, профессора П.П. Серкова
«Правоотношение (Теория и практика современной правовой
политики)»

Review

on the monograph of Doctor of Law, Professor P.P. Serkov
«Legal Relationship (Theory and practice of modern legal policy)»

Монографическое исследование д.ю.н., проф. П.П. Серкова «Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики)» написано на актуальную тему и является результатом масштабного, комплексного исследования общественно-значимой, научно-теоретической и практико-ориентированной проблемы. Правоотношение представляет собой сложное правовое явление, одну из форм общественных отношений, участники которых на основе норм права, совокупности норм и правил имеют и реализуют юридические права и обязанности.

Автор отталкивается от известных научному сообществу, сложившихся, классических отечественных и зарубежных подходов и теорий, но во многом по-новому исследует проблематику правоотношений. Природа и механизмы правоотношений рассматриваются автором в широком понимании, с исполь-

зованием всего комплекса социальных контекстов и обстоятельств, мультидисциплинарно и метаюридически. Как справедливо отмечает автор, «в действии права активно участвуют и другие социальные регуляторы – религия, мораль, обычаи, традиции, "лжеправовые регуляторы" типа "право – сила". Это позволяет отметить ряд тенденций, ... которые проявляются все более отчетливо и требуют научного анализа и оценки» (с. 53 монографии). «Речь идет ... о качественно ином восприятии правовой действительности, кардинально меняющем методологию научного и правоприменительного анализа» (с. 57). «В юридической литературе не встретилась насущная системная конкретизация того, каким образом и для чего обозначенные выше идеи разных авторов и различных времен соотносятся между собой в едином "теле" права. Естественно, что в такой атмосфере объективно продуцируется самый настоящий хаос научных представлений» (с. 59). Кроме того, «социальная и правовая действительность одновременно существует вовне – в социуме, как объективная реальность и внутри – в сознании и психике каждого человека как продукт его субъективного восприятия» (с. 63). «Вряд ли можно оспаривать необходимость выявления в идеалах должного и ежедневном сущем юридической системной конкретики, наглядно показывающей ценностное юридическое содержание каждой категории» (с. 64). Для доктринального переосмысления, то есть для создания новой, современной, комплексной, скорректированной и детализированной теории и практики современной правовой политики автор привлекает концепции и подходы из области юриспруденции, политологии, социологии, психологии, культурологии, антропологии, истории и этнографии, выступающие основаниями для комплексного и системного рассмотрения, выявления «юридической системной конкретики» (с. 64), для нового, «синтезированного» «отражения целостности социальной действительности» (с. 62) и понимания значимых детерминант и механизмов правового регулирования.

Структура монографии (две части, каждая из которых включает две главы с множеством параграфов) позволяет автору скрупулезно проанализировать многочисленные теоретические и практические аспекты правоотношений и современной правовой политики. В числе источников и литературы автором привлечены обширные массивы отечественных и зарубежных трудов, посвященных различным аспектам темы – от юридических до философских и политологических, социологических и психологических, культурологических и антропологических, исторических и этнографических. Высокая репрезентативность мультидисциплинарных, полемизирующих между собой, классических и новейших, отечественных и зарубежных теорий, концепций и подходов позволяет сделать вывод о глубокой фундированности и высокой обоснованности выводов автора. Исследование правовой политики как интенсивно развивающегося направления современной юриспруденции, форм и примеров юридического и политического использования права, отечественных и зарубежных концепций и подходов, имеющих и отсутствующих закономерностей правовой действительности, роли идей, слов и дел в теории права и различных аспектах правового регулирования, определенностей и неопределенностей в правовом регулировании, обобщение имеющего большого юридического опыта «восхождения» к человеку, обществу и государству подробно и блестяще рассмотрены в монографии, охватывая всю многообразную палитру мыслимо представимого множества вариаций и контекстов.

Монография д.ю.н., проф. П.П. Серкова «Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики)» является актуальной, своевременной и глубокой научной работой. Несомненно, данный научный труд заслуживает опубликования и широкого распространения в научном сообществе.

Орловский Григорий Павлович,
ученик школы-интерната МИД России
Grigory O.Pavlovich,
Student, Boarding school of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**ВКЛАД КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ЧЕРНЫШЕВА
В ПОБЕДУ НАД НАПОЛЕОНОМ
THE CONTRIBUTION OF PRINCE ALEXANDER IVANOVICH
CHERNYSHEV TO THE VICTORY OVER NAPOLEON**

А.И. Чернышев – участник Отечественной войны 1812 г.

12 июня 1812 года с пересечением французской армией реки Неман, для России началась Отечественная война. Русские войска на тот момент были разбросаны по большой территории. А.И. Чернышев находился в свите Александра I и был поражен этой стратегической ошибкой. Участвуя в походах Наполеона, Александр Иванович хорошо освоил стратегию французского императора и прекрасно понимал, что в планы Наполеона входит разгром отдельных русских армий. Чернышев в письменном докладе изложил Александру I свои мысли, после чего император приказал Багратиону немедленно двинуться вправо, к 1-й армии [1, с. 56]. Это был первый вклад А.И. Чернышева в достижение победы в Отечественной войне 1812 г.

С каждым днем быстрого продвижения Наполеона от границы к центру России было понятно, что соединение русской армии пока невозможно. В этой сложной обстановке Чернышев представил императору письменное мнение, в котором предложил отказаться от прежних планов по соединению армии и предоставить ей возможность отходить. Также в этом послании он говорил о создании резервной армии и строительстве укрепленных лагерей на пути французской армии [1, с. 57–59]. Ознакомившись с предложениями Чернышева, Александр I признал аргументы, изложенные Александром Ивановичем, и приказал разработать Манифест о начале войны с Францией, а сам направился в Москву, чтобы лично оповестить Отечество об опасности и необходимости принятия чрезвычайных мер. Из-за быстрого продвижения

французских войск планы по строительству укрепленных лагерей были отменены, так как на это требовалось много времени.

22 июля Александр I вернулся в Санкт-Петербург и занялся разработкой плана действий русской армии, в этом ему помогал А.И. Чернышев [1, с. 62]. Этот план, по приказу императора, Александр Иванович должен был доставить М.И. Кутузову, но он не знал об отступлении русской армии с Бородинского поля и сдаче Москвы. Александр Иванович думал найти штаб-квартиру на подступах к Москве, но, проехав Клин, увидел зарево московского пожара. От местных жителей он узнал о сдаче Москвы и свернул в сторону Серпухова [3, с. 73]. В Серпухове он узнал, что русские стоят на старой Калужской дороге, куда он и добрался к 8 сентября.

М.И. Кутузов изучил план, который Чернышев доставил из столицы. Александр Иванович подчеркнул, что император дает право главнокомандующему оставить план без исполнения, но после консультаций с Беннигсеном Михаил Илларионович оставил план без изменений.

Падение Москвы произвело огромное впечатление, но никак не улучшило, а даже ухудшило положение Наполеона и его армии. Французский император был уверен, что, взяв Москву, он вынудит Александра I подписать мирный договор, но российский монарх его игнорировал. 19 октября 1812 года началось отступление французской армии [3, с. 74].

Во время отступления Наполеона из России А.И. Чернышев возглавлял крупный отряд партизан, успешно действовавший в тылу противника. К моменту сражения на реке Березине под командованием Александра Ивановича было 2 500 казаков и ополченцев. Этот отряд захватил несколько обозов с продовольствием и фуражом, освободил из плена генерал-лейтенанта Ф.Ф. Винцингероде и Л.А. Нарышкина.

Таким образом, А.И. Чернышев внес немалый вклад в дело победы над Наполеоном в ходе Отечественной войны и 4 декабря 1812 года за свои заслуги был произведен в чин генерала-майора с назначением на должность царского генерал-адъютанта.

Заграничные походы

Отечественная война 1812 года завершилась полным разгромом армии Наполеона. Несмотря на возражения Кутузова и ряда генералов, Александр I распорядился привести русские войска в движение. А.И. Чернышев, зная положение дел во дворах европейских монархов, активно поддерживал императора. Он понимал, что народы Европы желают скорее избавиться от наполеоновской оккупации.

Александр I отправил Чернышева в Ковно, где находился корпус графа Платова. Александр Иванович должен был побудить атамана к более активным действиям. Граф Платов поручил Чернышеву командование авангардом из 12 донских полков, а сам последовал за ним [1, с. 76].

В результате действий А.И. Чернышева в кратчайшие сроки была преодолена Восточная Пруссия, были приобретены орудия и боеприпасы, оставленные неприятелем, в плен было взято более 2 000 человек.

1 января 1813 года Александр Иванович перешел Вислу и занял город Нейенбург. Здесь он встретился с генералом Бюловым, командующим прусскими войсками и состоявшим в союзе с Наполеоном. Переговоры между ними завершились полным успехом Чернышева: прусские войска согласились не мешать продвижению русских сил [1, с. 76]. Александр Иванович продолжил движение на Запад и 20 февраля 1813 года разбил французскую пехоту под Берлином, за что был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени [1, с. 80].

4 марта 1813 года столица Пруссии была взята русскими войсками, главной ударной силой которых были казаки Чернышева. За захват Берлина Александр Иванович получил орден Св. Анны. 2 апреля за разгром генерала Ж. Морана при Люнебурге генерал-майор Чернышев получил от Александра I алмазные знаки к ордену Св. Анны 1-й степени, а от прусского короля – орден Красного орла [4, с. 542].

Летом 1813 года А.И. Чернышев совместно с генералом М.С. Воронцовым разбил французского генерала Пире, а затем корпус генерала

Э. Жерара. По итогам кампании 1813 года русский генерал-майор Чернышев получил еще пять иностранных высоких наград из рук монархов Швеции, Нидерландов, Баварии и Гессена.

В январе 1814 года части, возглавляемые Александром Ивановичем, отличились при взятии городов Авень и Лаон. 14 февраля штурмом была взята крепость Суассон, в плен к русским попали 185 офицеров и более 3 000 нижних чинов. 16 марта А.И. Чернышев за выдающиеся успехи был повышен до генерал-лейтенанта [1, с. 83].

Завершились «заграничные походы» Александра Ивановича успешным захватом городов Реймс и Мелюн. За все выдающиеся действия в ходе борьбы с Наполеоном А.И. Чернышев получил от императора Австрии орден Марии-Терезии 3-й степени, а от французского короля Людовика XVIII – Золотой Крест Почетного Легиона и орден Св. Людовика 2-й степени [1, с. 88].

До лета 1814 года Александр Иванович находился при дворе российского монарха в Париже и сопровождал его во время поездки в Лондон и на Венский конгресс. В июне 1815 года, в ходе «Ста дней», А.И. Чернышев вновь взял в руки оружие и командовал авангардом русских войск при взятии города Шалон-на-Марне.

Таким образом, А.И. Чернышев в ходе «заграничных походов» выступил активным военным деятелем, способствовавшим успешному продвижению русских войск на Запад, а после взятия Парижа служил своему императору как грамотный и талантливый дипломат.

А.И. Чернышев вошел в историю как талантливый военачальник, грамотный дипломат и разведчик. Он участвовал в 3-й и 4-й антифранцузских коалициях, где получил боевой опыт. С 1808 года он представлял интересы императора России при дворе Наполеона, войдя в ближайшее окружение французского императора. Он добыл ценную информацию военно-политического характера о стратегии и тактике французской армии.

С началом Отечественной войны 1812 года Александр Иванович активно занимался разработкой плана боевых действий, а также участвовал в

боевых действиях. Умелые действия подразделений под его командованием причиняли урон противнику не меньше, чем боевые действия основных частей и подразделений.

После окончания Отечественной войны он стал активным участником «заграничных походов».

Таким образом, исследовав жизнь и деятельность А.И. Чернышева, можно сделать вывод о том, что на протяжении Отечественной войны 1812 года и «заграничных походов» он преданно служил Отечеству.

Список источников и литературы

1. *Винокуров В.И.* Светлейший князь А.И. Чернышев: от военного дипломата до военного министра. – М.: «Русская панорама», 2021. – 256 с.
2. *Голубева Н.В.* Уточнение некоторых сведений к биографии А.И. Чернышева//Чернышевские чтения в Лыткаринском историко-краеведческом музее, 2017. – С.76, фонд 330.1, папка 275, д.2
3. *Ицков А.Н.* Разведчик, партизан, военный министр России// Военно-исторический журнал, - 1995. – С. 72-74.
4. *Шеин И.А.* Война 1812 года в отечественной историографии. – М.: «Научно-политическая книга», 2013. – 462 с.

К сведению авторов

Правила предоставления рукописей для публикации в научном электронном журнале «Вестник ученых-международников»

В редакцию журнала предоставляется авторский оригинал статьи (на русском языке) в распечатанном виде (с датой и подписью автора) или в электронной форме по электронной почте, содержащей текст в формате «Word» (версия 1997–2003).

Весь текст набирается шрифтом TimesNewRoman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца — 0,7 см, абзацы четко обозначены.

Поля (в см): слева и сверху — 2, справа и снизу — 1,5. Нумерация — «от центра» с первой страницы. Объем статьи — до 20 тыс. знаков с пробелами (без учета аннотаций, ключевых слов, примечаний, списков источников).

Структура текста:

1. **Сведения об авторе / авторах на русском и английском языках:** имя, отчество, фамилия, должность, место работы, ученое звание, ученая степень, домашний адрес (с индексом), контактные телефоны (раб., дом.), адрес электронной почты, — размещаются перед названием статьи в указанной выше последовательности (с выравниванием по правому краю).

2. **Название статьи на русском и английском языках**

3. **Аннотация статьи на русском и английском языках** (3–10 строк) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах, размещается после названия статьи (курсивом).

4. **Ключевые слова на русском и английском языках** по содержанию статьи (8–10 слов), которые размещаются после аннотации.

5. **Основной текст статьи**, желательна разбитый на подразделы (с подзаголовками).

6. **Список источников и литературы**

Сокращения типа т.е., т.к. и подобные набираются через неразрывный пробел.

В тексте используются кавычки «...», если встречаются внутренние и внешние кавычки, то внешними выступают «елочки», внутренними «лапки».

В тексте используется длинное тире (-), получаемое путем одновременного нажатия клавиш «Ctrl» + «Alt» + «-», а также дефис (-).

Таблицы, схемы, рисунки и формулы в тексте должны нумероваться; схемы и таблицы должны иметь заголовки, размещенные над схемой или полем таблицы, а каждый рисунок — подрисуночную подпись.

Список источников и литературы оформляется в соответствии с принятыми стандартами и выносится в конец статьи. Источники даются в алфавитном порядке (русский, другие языки). Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках [номер источника в списке, страница].

Примечания нумеруются арабскими цифрами (с использованием кнопки меню текстового редактора «надстрочный знак» — x2). При оформлении

библиографических источников, примечаний и ссылок автоматические «сноски» текстового редактора не используются.

Подписуемые подписи оформляются по схеме: название/номер файла иллюстрации — пояснения к ней. Номера файлов в списке должны соответствовать названиям/номерам предоставляемых фотоматериалов.

Иллюстративные материалы — в электронной форме (фотография автора обязательна, иллюстрации) — отдельными файлами в форматах TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Не допускается предоставление иллюстраций, импортированных в «Word», а также их ксерокопий.

Ко всем изображениям автором предоставляются подписуемые подписи (включаются в файл с авторским текстом).

Заполненный в электронной форме Договор авторского заказа (высылается дополнительно).

Рецензия обязательна для всех авторов статей, кроме тех, кто входит в Редакционный совет или Редакционную коллегию Журнала. Рекомендательное письмо научного руководителя обязательно для публикации статей аспирантов и соискателей.

Авторы статей несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

Редакция вправе изъять уже опубликованную статью, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

О факте изъятия статьи редакция сообщает автору, который представил статью, рецензенту и организации, где работа выполнялась.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Статьи и предоставленные тексты, другие материалы не возвращаются.

Статьи, оформленные без учета вышеизложенных Правил, к публикации не принимаются.

Правила составлены с учетом требований, изложенных в приказе Министерства образования и науки РФ от 25.07.2014 № 793.

The rules for submission of manuscripts for publication in the Academic periodic electronic journal «IR SCIENTISTS HERALD»

In the journal is the author's original article (in Russian) in printed form (with date and signature of the author) and in electronic form containing the text in Word (version 1997-2003).

All the text is typed in Times New Roman Cyr, font 14 pt, with single line spacing. The indents at the beginning of the paragraph — 0.7 cm, paragraphs clearly marked. Field (in cm): left and top — 2, right and bottom is 1.5. Numbering — «from the heart» from the first page. The volume of the article — to 20 thousand characters with spaces (excluding abstracts, keywords, notes, list of sources).

The structure of the text:

Information about author / authors: name, patronymic, surname, position, affiliation, academic title, academic degree, address (including zip code), phone numbers (work, home), the email address is placed before the title in the above sequence (right-aligned).

The title of the article

The abstract (lines 3-10) on the relevance and novelty of the topic, the main substantive aspects, is placed after the article title (in italics).

Keywords on the content of the article (8-10 words), which are placed after the abstract.

The main text of the article, preferably split into sub-sections (with headings).

The initials in the text are drawn through a non-breaking space name (by pressing the keys «Ctrl» + «Shift» + «space»). Between the initials no spaces.

Reduction type i.e., as and the like are drawn through a non-breaking space.

In the text, use quotation marks «...», if there are internal and external quotation marks, the external act «Christmas tree», the internal «legs».

The text uses a dash (-), obtained by simultaneously pressing the keys «Ctrl» + «Alt» + «-», and the hyphen (-).

Tables, charts, figures, and formulas in the text should be numbered; diagrams and tables should have captions placed above the diagram or table field, and each picture is a caption.

List of references / sources used (if included in the list of electronic resources) shall be in accordance with accepted standards and shall be made at the end of the article. Sources are given in alphabetical order (Russian, other languages). Reference to the list in the main text are given in square brackets [the number of the source in the list, the page]

Notes are numbered with Arabic numerals (using the menu buttons text editor «Superscript a» — x2). In the design of bibliographic sources, notes and references automatic «footnotes» text editor is not used. «Footnote» is given in the interlinear on the 1st page in case the instructions on the continuation of the article and/or the source of the publication.

Captions are under the scheme: name/file number of illustrations notes thereto (what/who is where; for images of book covers and their contents bibliographic

description; etc.). The file numbers in the list must match the names/numbers of the provided photographs.

Materials in English — about the author/authors, title, abstract, keywords (in hard copy and in electronic form (second separate file on a email) containing the text in Word (version 1997-2003).

Illustrative materials in electronic form (photo by the author, illustrations) — separate files in TIFF/JPG with resolution not less than 300 dpi.

Not permitted to provide illustrations, imported into «Word» and also the copies thereof.

All images by the author include captions (included in file with the author).

Filled in the electronic form of the Contract of author's order (sent separately)

Recommendation letter of the supervisor — required for the publication of articles by graduate students and applicants.

The authors are responsible for the content of the articles and for the fact of their publication.

The editors do not always share the views of the authors and is not responsible for the inaccuracy of published data.

The editorial Board assumes no responsibility to the author and/or third parties and organizations for any possible damage caused by the publication.

The editors have the right to withdraw the published article, if it turns out that in the process of publishing the article were violated someone's rights or generally accepted norms of scientific ethics.

The fact of withdrawal, the editorial Board informs the author who submitted the article, the reviewer and the organization where the work was performed.

Articles and other materials will not be returned.

The articles prepared without taking into account the above Rules, it will not be accepted.

These arrangements meet the requirements set by the letter of Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia 25.07.2014 № 793

Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации осуществляет набор в аспирантуру по следующим научным специальностям:

5.1.5. Международно-правовые науки

5.2.5. Мировая экономика

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Прием документов: I поток – с 22 по 30 мая 2023 г.

Проведение экзаменов: с 02 по 13 июня 2023 г.

Прием документов: II поток – с 07 августа по 01 сентября 2023 г.

Проведение экзаменов: с 06 по 15 сентября 2023 г.

СПОСОБЫ ПОДАЧИ ДОКУМЕНТОВ

1. Дистанционно – через личный кабинет абитуриента, ссылка на который расположена в разделе «Поступление - Аспирантура» официального сайта Академии;

2. Лично, по предварительной записи по тел. 8 499 940-10-05

The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation is recruiting for postgraduate studies in the following scientific specialties:

5.1.5. International Legal Sciences

5.2.5. World Economy

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global
and regional studies

5.6.7. History of international relations and foreign policy

Acceptance of documents: I stream – from May 22 to May 30, 2023

Exams: from 02 to 13 June 2023

Acceptance of documents: II stream – from August 07 to September 01, 2023

Exams: from 06 to 15 September 2023

WAYS TO SUBMIT DOCUMENTS

1. Remotely – through the applicant's personal account, the link to which is located in the section "Admission - Postgraduate Studies" of the official website of the Academy;

2. In person, by appointment by phone. 8 499 940-10-05

Научный электронный периодический журнал
ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
2023. № 1 (23)

ISSN: 2687-0193

Издается Советом молодых ученых Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Адрес Редакции Журнала: 119021, г. Москва, Остоженка 53/2 стр. 1, каб.220

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

Электронный адрес размещения выпуска Журнала:

1. <http://www.dipacademy.ru/periodical/zhurnal-vestnik-molodykh-uchenykh-i-diplomatov/>
2. <http://www.vestnikum.ru/>

Научный редактор выпуска Журнала: Козюлин В.Б. (к.п.н.),
Сидорова Л.Н. (к.п.н.),

Редакционная коллегия выпуска Журнала: Шангараев Р.Н. (к.э.н.),
Тимакова О.А. (к.п.н.), Козюлин В.Б. (к.п.н.), Сидорова Л.Н. (к.п.н.),
Анисимов И.О. (к.ю.н.), Гуляева Е.Е. (к.ю.н.), Фаустова Н.А. (к.ф.н.), Кашина
А.А. (к.п.н.), Мартынова Д.О. (к.п.н.), Исхаков А.С.

Выпускающий и ответственный редактор выпуска Журнала:
Сидорова Л.Н. (к.п.н.)

Верстка: Л.Н. Сидорова

Оформление: Р.Н. Шангараев

Опубликовано: 20.04.2023

